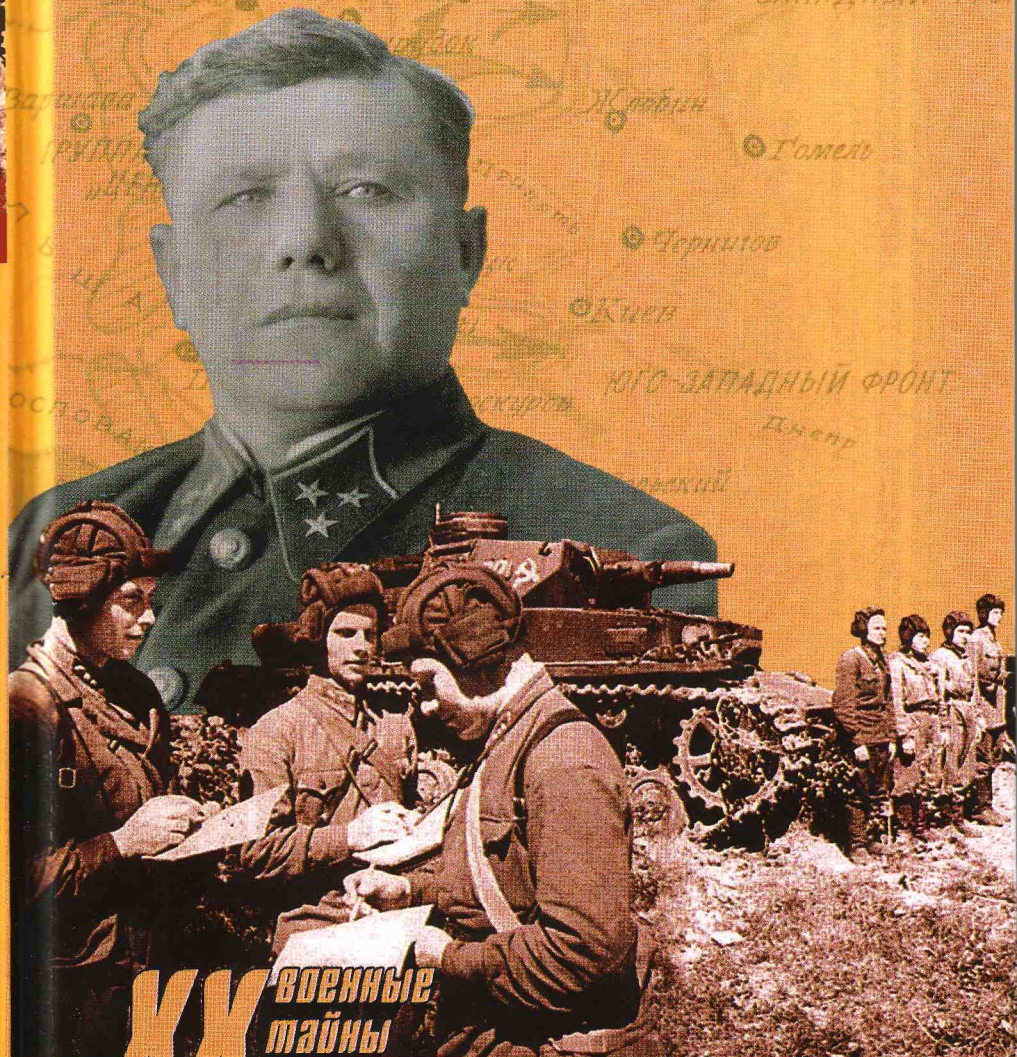

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

XX военные
тайны
века

А.И. ЕРЁМЕНКО

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.11
Е70

Ерёменко, А.И.

Е70 Смоленское сражение / А.И. Ерёменко. — М. : Вече, 2012. — 336 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

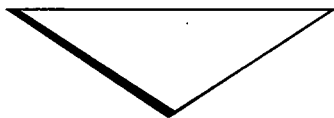
ISBN 978-5-9533-6401-0

Книга Маршала Советского Союза Андрея Ивановича Ерёменко посвящена Смоленскому сражению (10 июля — 10 сентября 1941 г.). В ходе этой битвы советскими войсками были сорваны планы молниеносного наступления группы армий «Центр» на московском направлении. Впервые с начала Второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на этом стратегическом направлении. Воспоминания маршала Ерёменко о Смоленском сражении издаются впервые.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-9533-6401-0

© Ерёменко А.И., наследники, 2012
© Петрушин Н.И., предисловие, 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

О КНИГЕ «СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ» И ЕЕ АВТОРЕ

Книга Маршала Советского Союза Андрея Ивановича Ерёменко посвящена Смоленскому сражению (10 июля — 10 сентября 1941 г.), состоявшемуся на главном — московском направлении немецкого наступления войск группы армий «Центр». Сражение стало решающим в срыве планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала Второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на этом стратегическом направлении. Гитлеровский план «молниеносной» войны — блицкриг провалился. Советское же командование получило возможность для принять меры по совершенствованию стратегической обороны, повышению боеспособности войск и подготовке резервов.

Смоленское сражение в целом представляло собой комплекс операций: оборонительных (Смоленская, Гомельско-Трубчевская) и наступательных (Рогачевско-Жлобинская, Смоленская, Ельнинская, Рославль-Новозыбковская) фронтовых, а также ряда армейских и других операций. По своим масштабам оно являлось одним из крупнейших во Второй мировой войне. С самого начала на огромной территории сошлись в противоборстве войска общей численностью свыше 1,6 млн человек. Из них немецко-фашистских, объединенных в группу армий «Центр», 1 млн 45 тыс. солдат и офицеров и советских — около 600 тысяч в составах шести армий Западного фронта. Эти объединения включали в себя 37 стрелковых (советских), армейских (немецких), механизированных (моторизованных) корпусов и один советский воздушно-десантный корпус. С обеих сторон действовали 92 дивизии — стрелковые и пехотные, 20 танковых, 12 моторизованных, 4 кавалерийские, 2 немецкие охранные и 7 авиационных (с советской стороны), всего — 137 дивизий. А еще были бригады, отдельные полки, батальоны,

эскадрильи, дивизионы. Только на одном Западном фронте Красной Армии по состоянию на 10 июля 1941 г. их было свыше 100. Кроме того — 6 УРОВ (укрепленных районов), Пинская речная флотилия. Немецкие войска с воздуха поддерживал 2-й Воздушный флот Люфтваффе (750 боевых самолетов). Всего в сражении с обеих сторон имелось 16116 орудий и минометов, 2429 танков, включая 100 немецких штурмовых орудий. В ходе сражения только с советской стороны были введены войска еще четырех фронтов, 11-ти общевойсковых армий, 59 дивизий. На их вооружении было 4,5 тыс. орудий, почти 4 тыс. минометов, 436 танков. Общая численность войск только советских фронтов к началу боевых действий достигла почти 1 млн 470 тыс. человек, или увеличилась в 2,5 раза по сравнению с 10 июля 1941 г. — днем начала сражения. Потери личного состава советских и немецких войск за 63 дня Смоленского сражения были огромными. Безвозвратные потери Красной Армии превысили 486 тыс. человек, а общие — почти 760 тыс. человек. В среднем за сутки они превышали 12 тыс. человек. С немецкой стороны безвозвратные потери (с учетом раненых и пропавших без вести, но без учета попавших в плен) — около 100 тыс. офицеров, унтер-офицеров и солдат. И это также свидетельство масштабов и кровопролития сражения. (Подсчитано по: Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001; *Статюк И.* Смоленское сражение 1941. М., 2006).

В течение всего или определенных периодов в сражении участвовали войска Западного фронта: 4-й, 13, 16, 19, 20, 21, 22, 28, 29, 30-й армий; Центрального фронта (с 26.7 по 25.8.41 г.) — 13-й, 21, 3-й (с 1.08.41 г.) армий; Резервного фронта (с 30.7 по 10.09.41 г.) — 24-й, 31, 32, 33, 34, 43-й армий; Брянского фронта (с 16.8 по 10.9.41 г.) — 3-й, 13, 21, 50-й армий. В течение всего периода сражения участвовала Пинская военная флотилия.

Западный фронт был образован 22 июня 1941 г. на базе Западного Особого военного округа в составе 3, 4, 10, 13-й армий. Первоначально фронтом командовал генерал армии Д.Г. Павлов, в июне-июле — ген.-лейтенант А.И. Еременко, июле—сентябре — Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Одновременно он же являлся главнокомандующим войсками западного направления.

Главное командование этого направления существовало с 10.07 по 10.09.41 г.

Резервный фронт был образован 30 июля 1941 г. с целью объединения действий резервных армий на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже. В дальнейшем кроме вышеназванных армий в него вошли 43-я и 49-я армии, Ржевско-Вяземский и Спас-Деменский укрепленные районы. В сентябре-октябре 1941 г. фронтом командовал генерал армии Г.К. Жуков, с сентября по октябрь — Маршал Советского Союза С.М. Буденный. 10 октября 1941 г. Резервный фронт был объединен с Западным фронтом.

Управление Центрального фронта первого формирования было образовано 24 июля 1941 г. на базе управления 4-й армии. В его состав вошли три (3, 13, 21-я) армии. Их задача — прикрыть направление Гомель, Бобруйск, Волковыск. 25 августа 1941 г. в целях объединения управления войсками, действующими на брянском и гомельском направлениях, Центральный фронт был упразднен, а его войска переданы в состав Брянского фронта первого формирования. Центральным фронтом в июле—августе 1941 г. командовал генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, в августе — генерал-лейтенант М.Г. Ефремов.

Брянский фронт был образован 16 августа 1941 г. первоначально в составе 13-й и 50-й армий с целью прикрытия Брянско-Бежицкого промышленного района и недопущения прорыва рославльской группировки противника в тыл Центрального и Юго-Западного фронтов. В последующем во фронт входили 3-я и 21-я армии. В августе—октябре 1941 г. фронтом командовал генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко, в октябре-ноябре того же года последовательно генерал-майоры М.П. Петров, Г.Ф. Захаров. В начале сентября 1941 г. накануне окончания Смоленского сражения войска Брянского фронта по указанию Ставки ВГК нанесли удар во фланг 2-й танковой группы противника, наступающей в направлении Рославль — Конотоп. Однако они не смогли предотвратить выход немецких войск в тыл Юго-Западному фронту и сами оказались в тяжелом положении. Но уже в ходе Московской битвы при проведении Орловско-Брянской оборонительной операции (10.09—23.10.41 г.) войска фронта сорвали планы противника по

глубокому охвату Москвы с юга. На основании директивы Ставки ВГК от 10 ноября 1941 г. фронт был упразднен, а его войска переданы другим фронтам: 50-я армия вошла в состав Западного фронта, 3-я и 13-я — переданы Юго-Западному фронту. Полёвое управление оставалось в распоряжении главнокомандующего войсками Юго-Западного направления.

Во время Смоленского сражения в составах некоторых фронтов и армий в определенные периоды создавались и действовали оперативные группы войск. Так, на Западном фронте из 20 дивизий Фронта резервных армий были созданы четыре группы войск Западного фронта, которые возглавляли генералы С.А.Калинин — командующий 24-й армией, В.Я. Качалов (28-й армией), И.И. Масленников (29-й армией), В.А. Хоменко (30-й армией), а также фронтовая группа войск ярцевского направления К.К. Рокоссовского. Задачи были определены Генеральным штабом Вооруженных Сил Красной Армии и командованием фронта.

Эти группы должны были одновременными ударами с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск окружить и разгромить противника в районе Смоленска и соединиться с окруженными войсками 16-й и 20-й армий. В полосе 21-й армии действовала кавалерийская группа из трех дивизий — 32-й, 43-й, 47-й, осуществившая продолжительный рейд в глубокий тыл могилевско-смоленской группировки противника. Общее руководство наступлениями возлагалось на и.о. командующего Западным фронтом (с 19 июля) генерала А.И. Ерёмко. Важнейшими районами борьбы стали Духовщина, Ярцево, Смоленск и Ельня. На Брянском фронте в период Смоленского сражения и в последующем действовали оперативные группы генералов А.Н. Ермакова и А.З. Акименко.

А.И. Еременко в своей книге подробно рассказал о боевых действиях Западного фронта, его общевойсковых армиях, группах соединений. Некоторым армиям посвящены целые главы. Именно это позволило охватить не только их боевые пути, но и входящие в их составы корпуса и дивизии. И что особенно важно — полки, их подразделения и части. Надо признать, что до сих пор этим звеньям воинских формирований посвящено мало исследований. В отдель-

ные главы выделены рассказы о действиях во время Смоленского сражения 5-го и 7-го механизированных корпусов, кавалерийской группы. Особое внимание уделено проблемам взаимодействия армий и их соединений при проведении боевых операций. Обращают на себя внимание малоизвестные широкому кругу читателей подробности о рождении и практическом использовании за всю историю войн качественно нового вида артиллерии — реактивных систем залпового огня («катюш»). Этому событию также отведена отдельная глава книги. Огромной роли и вкладе в Победу железнодорожных войск и тружеников стальных магистралей в тяжелейших прифронтовых и фронтовых условиях также посвящено довольно много страниц книги в специально отведенной главе. И это тоже одно из ее достоинств. По признанию А.И. Еременко, в подготовке этого раздела воспоминаний ему оказали помощь ветераны железных дорог. Это же можно сказать и о сотрудничестве с бывшими народными мстителями — партизанами и подпольщиками. В целом глава о партизанском движении, его зарождении и развитии, о боевых делах партизанских отрядов вплоть до крупных соединений, о деятельности их штабов до Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) А.И. Еременко рассказывает с восхищением, имея на то полное право, так как в течение всей войны имел самые тесные с ними связи.

Автором книги всесторонне и глубоко исследованы: героическая оборона Могилева и Смоленска, боевые действия группы генерала В.Я. Качалова и обстоятельства его гибели в бою 4 августа 1941 г. в районе Рославля. И надо отдать должное тому, что А.И. Еременко в значительной мере способствовал установлению его подлинной роли в командовании войсками и реабилитации спустя многие годы.

В целом характерной особенностью книги А.И.Еременко является то, что он объективно, в доброжелательном тоне рассказал о боевых и человеческих качествах многих командиров, начальников штабов, членов военных советов, других политработников, о роли коммунистов в борьбе с врагом. Это и И.П. Алексиенко, Ф.А. Бакунин, И.В. Болдин, А.А. Вольхин, Ф.А. Ершаков, М.Г. Ефремов, Г.Ф. Захаров, М.Ф. Лукин, В.А. Мишулин, П.К. Пономаренко,

К.К. Рокоссовский, М.Ф. Романов, В.П. Терешкин, И.А. Флёров, А.А. Филатов, В.А. Хоменко, П.Н. Чернов, М.А. Шалин, А.В. Щеглов и многие, многие другие.

В современной историографии по характеру боевых действий и содержанию выполнявшихся задач Смоленское сражение подразделяется на 4 этапа, и первый из них — с 10 по 20 июля. За этот период немецко-фашистские войска (13 пехотных, 9 танковых и 7 моторизованных дивизий) прорвали оборону Западного фронта на его правом крыле и в центре. Подвижные соединения противника, продвинувшись на 200 км, окружили Могилев, захватили Оршу, Смоленск, Ельню, Кричев. 19-я, 16-я и 20-я армии оказались в оперативном окружении в районе Смоленска. На левом крыле фронта 21-я армия вела наступление на бобруйском направлении силами 63-го стрелкового корпуса генерала Л.Г. Петровского. От противника были освобождены Рогачев и Жлобин. За сутки до начала Смоленского сражения — 9 июля в бой с наступающими соединениями 16-й армии и 3-й танковой группы противника на рубеже Идрица — Дрисса — Витебск вступили 51-й и 62-й стрелковые корпуса 22-й армии генерала А.Ф.Ершакова (с 28.8.41 г. — В.А. Юшкевича). Корпусами командовали генералы: 51-м (98, 112, 170 сд) А.М. Марков, 62-м (174, 179, 186 сд) И.П.Карманов. В Смоленском сражении с 10 по 21 июля эти соединения вели тяжелые бои на великолукском направлении с 16 дивизиями противника, в том числе с тремя танковыми и тремя моторизованными дивизиями. К 16 июля противнику удалось окружить западнее Невеля 51-й стрелковый корпус, а 20 июля — занять Великие Луки. Однако на следующий день — 21 июля войска армии выбили врага из Великих Лук (спустя месяц город был вновь захвачен врагом и освобожден от него 30 сентября 1943 г.).

Решительными контратаками противника в районе Невеля соединения и части 22-й армии обеспечили выход 51-го корпуса из окружения, отведя свои войска восточнее Невеля. В дальнейшем, сковывая в течение целого месяца до 10 дивизий противника и обеспечивая стык между Северо-Западным и Западным фронтами, войска 22-й армий вплоть до окончания Смоленского сражения вели упорные оборонительные бои с превосходящим противником

на торопецком направлении. В ходе их главные силы армии были окружены, однако благодаря высокой организованности и героизму воинов им удалось сохранить боеспособность, прорвать фронт окружения, отойти в район Андреополя и севернее, приостановить вражеское наступление. А.И. Еременко, с первых дней командуя Западным фронтом, неоднократно бывал в войсках 22-й армии, на ее передовых позициях. Он хорошо знал ее солдат и командиров, о чем поведал на страницах книги.

Ко второму этапу Смоленского сражения отнесен период боевых действий войск западного направления с 21 июля по 7 августа, к третьему — с 8 по 21 августа, и к четвертому — завершающему — с 22 августа по 10 сентября. Как видим, продолжительность каждого из этих этапов составила соответственно — 8, 14, 20 суток. первый — самый короткий этап — длился 11 суток.

На втором этапе сражения была предпринята попытка организовать на западном направлении контрнаступление, использовав войска Фронта резервных армий путем создания армейских оперативных групп, переданных в состав Западного фронта, о чем уже было сказано. Удары наносились из районов Белого и южнее его, Ярцева и Рославля по сходящимся направлениям. Оперативные группы во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями должны были разгромить противника севернее и южнее Смоленска. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы: один — в районе Смоленска и Ельни, другой — на р. Сож и в междуречье Днепра и Березины. В связи с этим 24 июля и был образован Центральный фронт. И хотя в ходе контрнаступления смоленскую группировку противника разгромить не удалось, советские войска сорвали наступление группы армий «Центр» на Москву, помогли 20-й и 16-й армиям прорвать кольцо окружения. Противник понес большие потери. 30 июля немецко-фашистские войска вынуждены были перейти к обороне на Московском направлении. Это был важнейший стратегический успех советских войск в Смоленском сражении.

На третьем этапе сражения центр боевых действий переместился на юг. В связи с этим 16 августа был образован Брянский фронт, его и возглавил генерал А.И. Ерёменко. К этому времени в

составе Брянского фронта были 13-я, 50-я и переданные с бывшего Центрального фронта 3-я и 21-я армии. К концу этого этапа — к 21 августа противнику удалось продвинуться на 120—140 км, выйти на рубеж Гомель — Стародуб, создав угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта. 16 августа войска Западного фронта, 24-й и 43-й армий Резервного фронта предприняли наступление против духовщинской и ельнинской группировок противника.

Наступил четвертый — завершающий этап Смоленского сражения (с 22 августа по 10 сентября). Войска Брянского фронта пытались фланговыми ударами сорвать наступление части сил группы армий «Центр» в тыл Юго-Западного фронта. Но эта попытка не удалась. 1-го сентября под Смоленском 30-я, 19-я, 16-я и 20-я армии Западного фронта вновь перешли в наступление, но оно не получило развития. Однако к 8 сентября в районе Ельни 24-я армия Резервного фронта завершила разгром ельнинской группировки противника, а 10 сентября по приказу Ставки ВГК войска Западного, Резервного и Брянского фронтов перешли к обороне.

В результате успешно проведенной фронтовой наступательной операции был ликвидирован т.н. Ельнинский выступ, с которого немецко-фашистское командование планировало возобновление наступления на Москву. Захваченный войсками 2-й танковой группы противника г. Ельня еще 19 июля, войска 24-й армии генерала К.И. Ракутина освободили от оккупантов к утру 6 сентября и, преследуя противника, продвинулись на 25 км, а 8 сентября вышли к рекам Устром и Стряна, где немецкие войска оказали упорное сопротивление на заранее подготовленном оборонительном рубеже. Но до этого от ударов войск 24-й армии тяжелое поражение потерпели 10 дивизий врага — две танковые, одна моторизованная и семь пехотных. Успешному проведению Ельнинской операции — первой наступательной с начала Великой Отечественной войны — содействовали соседние 16-я и 20-я армии Западного фронта, которыми командовали: 16-й — генерал К.К. Рокоссовский (до 10.08.41 г. М.Ф. Лукин), 19-й — М.Ф. Лукин (до 08.08.41 г. П.А. Курочкин) на смоленском направлении, а 43-я армия генерала Д.М. Селезнева (Резервный фронт) — на рославльском направлении. (Городом Ельня враг вновь овладел 6.10.41 г., а освобожден Красной Армией 30.08.43 г.)

Знаменательным итоговым событием Смоленского сражения явилось рождение под Ельней советской гвардии. 18 сентября 1941 г., спустя неделю после окончания сражения, в соответствии с решением Ставки ВГК приказом наркома обороны СССР гвардейских званий удостоились четыре стрелковые дивизии — участницы Ельнинской операции: 100-я с.д. генерала И.Н. Руссиянова, 127-я с.д. полковника А.З. Акименко, 153-я с.д. полковника Н.А. Гагена, 161-я с.д. полковника П.Ф. Москвитина. Они были преобразованы соответственно в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии. 26 сентября 1941 г. еще три стрелковые дивизии, отличившиеся в Смоленском сражении — 107-я полковника П.В. Миронова, 120-я генерала К.И. Петрова, 64-я полковника С.И. Иовлева были преобразованы в гвардейские дивизии соответственно — 5, 6 и 7-ю. В ноябре 1941 г. уже в ходе Московской битвы почетного наименования гвардейских были удостоены легендарные стрелковые дивизии — 316-я генерала И.В. Панфилова и 78-я полковника А.П. Белобородова — соответственно 8-й и 9-й гвардейских.

Столь обширное и в определенной мере детальное, прежде всего в хронологическом отношении, изложение хода Смоленского сражения мне представлялось целесообразным по ряду причин.

Во-первых, после издания первых двух книг Маршала Советского Союза А.И. Ерёменко «На западном направлении» (1959 г.) и «В начале войны» (1964 г.) прошло более 50 лет. К тому же, вторая книга увидела свет в значительно сокращенном виде по сравнению с одноименной рукописью, представленной автором Воениздату Министерства обороны СССР. При этом надо иметь в виду и то, что в обеих из названных книг, кроме событий, развернувшихся в ходе Смоленского сражения, значительное место уделено другим операциям на Западном, Брянском, Северо-Западном фронтах, в которых А.И. Еременко принимал непосредственное участие как командующий войсками фронта и 4-й Ударной армией.

В 2006 г. в московском издательстве «АСТ» книга «В начале войны» была переиздана, но уже без сокращений и купюр, в первоизданном авторском виде. Но и в ней, как и в предыдущем, неполном издании не все аспекты боевых действий фронтов, армий, соединений и частей, принимавших участие в Смоленском

сражении, нашли более или менее полное освещение. Видимо, этим можно объяснить то, что, располагая огромным фактическим материалом о Смоленском сражении, недостаточно отраженном в предыдущих изданиях упомянутых книг А.И. Ерёмченко намеревался дополнительно к ним написать книгу о Смоленском сражении. И это он сделал. Но, к сожалению, рукопись этой книги так и осталась рукописью, бережно хранящейся в семье маршала. Не довелось А.И. Ерёмченко увидеть свой очередной труд в книжном варианте. 19 ноября 1970 г. Маршал Советского Союза Андрей Иванович Ерёмченко в возрасте немногим менее 78 лет скончался.

И вот, спустя почти 45 лет после завершения рукописного варианта книги о Смоленском сражении (1968 г.) она увидела свет. Всё меньше и меньше остается непосредственных участников Великой Отечественной войны. И тем ценнее становятся их свидетельства о ратных свершениях и подвигах советских воинов-победителей. И в этом безусловно тоже ценность книги маршала.

Во-вторых, из оглавлений разделов книги видно, что основное внимание автор сосредоточил на боевых действиях армий Западного фронта, таких как 22, 20, 13, 21, 19, 16-й (номера армий приведены нами в той последовательности, в какой они рассматриваются в соответствующих главах книги (от второй до шестой и в одиннадцатой из всех шестнадцати глав книги). И это при том, что фактически количество армий, принимавших участие в Смоленском сражении и сыгравших существенную роль в его итогах, было значительно большим, что видно из приведенного нами перечня армий в составах фронтов.

Вместе с тем, отведение автором целых глав книги боевым действиям одной армии, а в некоторых, главах как, например, в восьмой (о боях в районе Смоленска) или десятой (о контрударах нескольких армий и их оперативных групп), позволило автору более детально отразить боевые действия и пути не только этих объединений в целом, но и их соединений и частей — дивизий, бригад, полков, батальонов и их подразделений. И это, несомненно, придает книге фактологическую ценность. Она изобилует подробными описаниями боевых действий бойцов и командировок от самых низших рангов до командующих дивизиями, корпусами, армиями, фронтами.

Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко относится к плеяде тех выдающихся военачальников и полководцев, которые оставили их современникам и будущим поколениям богатейшее наследие военно-исторических исследований о Великой Отечественной войне советского народа против немецко-фашистских агрессоров, мечтавших поработить народы всего мира, и Второй мировой войне 1939—1945 гг. Его книги, а их написано много, по существу охватывают все 1418 дней Великой Отечественной войны. Только три из них, переизданные в 2006—2009 гг. — «В начале войны» (1964, 2006), «Сталинград» (1961, 2006), «Годы возмездия. Боевыми дорогами от Керчи до Праги. 1943—1945.» (1969, 2009) составляют 130 печатных листов (2065 с.). А ведь были еще упомянутая «На Западном направлении» (1959), «Против фальсификации истории Второй мировой войны» (1960, 2-е изд.), «Помни войну» (1971), а также публикации в периодической печати, в том числе военно-исторических и иных журналах и газетах.

Автору названных произведений было о чем поведать не только широкому кругу читателей, но и сделать глубокие обобщения и выводы в области военного искусства, ценнейшие рекомендации для его дальнейшего развития и применения на практике в Вооруженных Силах СССР и Российской Федерации. И у А.И. Ерёменко на это были все основания. В годы войны ему после командования Западным фронтом, в том числе и в должности заместителя Главнокомандующего Западным стратегическим направлением, было доверено командовать войсками Брянского, Юго-Восточного, Сталинградского, Южного, Калининского, 1-го Прибалтийского, 2-го Прибалтийского, 4-го Украинского фронтов. По решениям Ставки ВГК он дважды назначался командующим войсками таких крупных объединений, как 4-я Ударная и Отдельная Приморская армии.

После Смоленского сражения войска под командованием А.И. Ерёменко участвовали в Московской и Сталинградской битвах, Торопецко-Холмской (1942 г.), Ростовской (1943 г.), Смоленской (1943 г.), Невельской, Рижской, Крымской (1944 г.), Моравско-Островской, Пражской (1945 г.) операциях. После войны командовал войсками Прикарпатского, Западно-Сибирского,

Северо-Кавказского военных округов. С 1958 г., уже будучи маршалом, он продолжал службу в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Андрею Ивановичу Еременко в 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза, а в 1970 г. — Героя Чехословакии. Его ратные подвиги были отмечены четырнадцатью орденами СССР, в том числе тремя орденами Суворова 1 ст., орденом Кутузова 1 ст., пятью Орденами Ленина и четырьмя боевыми орденами Красного Знамени.

Если говорить о личных качествах полководца, то, пожалуй, наиболее полно и объективно о них сказано на страницах книги генерала армии, Президента Академии военных наук РФ М.А. Гареева: «В целом А.И. Ерёменко, являясь одним из выдающихся наших полководцев... воевал на наиболее трудных направлениях, имея обычно сравнительно ограниченные силы и средства. Но, несмотря на это, как правило, добивался выполнения поставленных перед его войсками задач и внес большой вклад в достижение победы, в развитие оперативного искусства и тактики, методики боевой подготовки войск в боевых условиях. По всем этим вопросам у него можно многому поучиться». И еще некоторые сокращенные выдержки: «Может быть, больше всего отличали от других полководцев особая цепкость в удержании действий подчиненных командиров и войск в рамках намеченных решений и мощная организаторская хватка в проведении их в жизнь... был одним из самых суровых и требовательных военачальников». При характеристике боевых качеств отмечаются твердость его характера, настойчивость, личное мужество и храбрость, непреклонность в достижении цели. «То, что он всегда стремился быть в самом пекле боя и получил несколько тяжелых ранений, характеризует его как полководца с основательной солдатской начинкой». (См.: Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2003. С.250—257, 425—426.)

Конечно, как у каждого военачальника, даже такого масштаба, у А.И. Ерёменко были недостатки, как говорится, издержки человеческого характера: чрезмерная (не всегда необходимая) жесткая требовательность к подчиненным, «выходящая иногда за рациональные пределы...», переоценка возможностей в достижении поставленных целей, с одной стороны, и недооценка сил про-

тивника, с другой. Справедливости ради необходимо отметить, что А.И. Ерёменко сам, будучи высокодисциплинированным исполнителем, требовал того же от своих подчиненных.

О самокритичных оценках своей деятельности, признании своих ошибок, просчетов в командовании войсками можно судить хотя бы по его ответу редакции «Военно-исторического журнала» от 28 июля 1965 г. относительно опубликованной в этом журнале рецензии на книгу «В начале войны». Стремясь всесторонне и объективно изложить свою точку зрения о невыполнении в полном объеме поставленных перед Брянским фронтом задач в ходе Смоленского сражения и Московской битвы и причинах этого А.И. Ерёменко четко заявил: «Я самокритично написал, какие ошибки были допущены мною в оценке обстановки». И далее «...полная ясность в вопросе о временных границах Смоленского сражения будет внесена лишь после того, как все события июля — сентября 1941 года будут исследованы. Нет запрета и на рассмотрение Смоленского сражения в более узких рамках, ограничиваясь боями в районе самого Смоленска». (См.: Приложение в кн. В начале войны: Воспоминания Маршала Советского Союза А.И. Ерёменко. М., 2006. С.593—620.) Как видим, Смоленское сражение было глубоко памятно маршалу А.И. Ерёменко, и свои воспоминания и размышления о нем он, как мог, изложил в своей книге «Смоленское сражение».

Смоленское сражение получило свое название по названию города, вокруг которого шли кровопролитные схватки и который считался с давних пор ключом к российской столице — Москве, а территория, прилегающая к городу на Днепре — «Смоленскими воротами» в Россию. Напомним, что под таким же названием вошло в историю и сражение 1812 г., состоявшееся 4 (16) — 6 (18) августа между русскими и французскими войсками за Смоленск. Тогда русские войска (15—30 тыс. чел., 170 орудий) под командованием генералов Н.И. Раевского и Д.С. Дохтурова упорной обороной Смоленска отразили атаки французской армии (св. 140 тыс. чел., 350 орудий), сорвали план Наполеона навязать русской армии генеральное сражение в невыгодных для нее условиях, но этого не произошло. Русские войска не позволили сделать это. Успех был

достигнут путем ведения активной обороны, широкого маневра резервами и огнем артиллерии. В Смоленском сражении наполеоновские войска потеряли 20 тыс. человек, русские — около 10 тыс. человек.

После отхода русской армии из-под Смоленска 26 августа (7 сентября) у с. Бородино (124 км западнее Москвы) состоялось генеральное сражение русской армии (120 тыс. чел., 640 орудий) с французами (130—135 тыс. чел., 587 орудий), вошедшее в историю как Бородинское сражение 1812 г. Противнику был нанесен большой урон, значительными были потери и русских. Это-то и заставило главнокомандующего русскими войсками М.И. Кутузова 27 августа отдать приказ на отступление. И это было мудрое решение. Бородинское сражение, которому в нынешнем 2012 году исполнится 200 лет, явилось предвестником грядущего разгрома наполеоновской армии в России. А.И. Ерёмченко в своей книге предпринял любопытную попытку — сравнить вторжение войск Наполеона в 1812 г. и немецко-фашистских войск Гитлера в пределы России в 1941 г., спустя почти 130 лет. Чем эти оба вторжения через т.н. Смоленские ворота закончились — общеизвестно. Думается, что проведенные в книге маршала Ерёмченко сравнения этих сражений читатели воспримут как весьма интересные и поучительные.

Вот так, спустя почти полтора века, в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. Смоленск вновь подтвердил то, что он является крепким орешком для врагов России, ее ратным форпостом. И вполне заслуженно, что этот славный, древнейший город Руси удостоен звания Города-героя, которое ему было присвоено 6 мая 1985 г. с вручением медали «Золотая Звезда», а еще раньше он был награжден Орденом Отечественной войны 1-й ст. (1966) и Орденом Ленина (1983). А недавно двум городам Смоленской области — Ельне и Вязьме указами президента от 08.10.2007 г. и 27.04.2009 г. соответственно присвоены почетные наименования городов Воинской славы Российской Федерации. Такие же наименования получили г. Великие Луки, Ржев, подмосковные Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Наро-Фоминск, Дмитров, Ковров, Козельск, а также Брянск и Тверь. Ратные и трудовые подвиги

жителей этих городов, их вклад вместе со всем советским народом в разгром немецко-фашистских войск в Великой Отечественной войне оценен по достоинству.

Смоленское сражение (10.07—10.09.41 г.) как пролог Московской битвы (30.09.41 г. — 20.04.42г.) навечно вошло в анналы российской истории. Несомненно, книга Маршала Советского Союза А.И. Ерёмченко «Смоленское сражение» — хороший подарок ее читателям к приближающемуся 70-летию со дня нашей Великой Победы.

*Н.И. Петрушин
ветеран Великой Отечественной войны и труда, кандидат
экономических наук, профессор Академии военных наук, лауреат
Форума «Общественное признание»*

Москва

13.06.2012 г.

О, древний город Московии,
Ты встал на днепровском берегу
На славу матушке России,
На смерть коварному врагу.

1968 г.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии с самого начала вылилась в ряд ожесточеннейших битв и сражений.

Если первое полугодие война Англии и Франции против Германии вошло в историю под названием т.н. «странной войны», то первые шесть месяцев борьба на советско-германском фронте явилась подлинной эпопеей героизма, когда советский народ в его армия, несмотря на самые неблагоприятные условия, сделала все возможное, чтобы остановить вражеское наступление. Первое полугодие войны слагается из таких выдающихся по своему драматизму и историческим последствиям событий, как приграничные и Смоленское сражения, Московская битва и другие.

Уже в ходе приграничных сражений Советские Вооруженные Силы вписали в свою летопись беспрецедентные по героизму сражения. Я имею в виду встречное танковое сражение в районе Луцк, Броды, Ровно; оборону Лиепай, полуострова Ханко.

Несгибаемым мужеством прославили себя участники Смоленского сражения, завершившегося первым в истории Второй мировой войны стратегическим поражением вермахта.

Мне довелось быть участником и одним из руководителей Смоленского сражения, явившегося прологом Московской битвы. Это было одно из крупнейших сражений начального периода Великой

Отечественной войны, которое сыграло большую роль в стратегической обороне Советских Вооруженных Сил.

Как известно, по плану «Барбаросса» Гитлер намеревался прямым путем от западных границ нашей Родины через т.н. «Смоленские ворота» проложить себе путь в Москву. Немецко-фашистские стратеги рассчитывали, что этот бросок будет совершен молниеносно в течение двух месяцев.

И вот спустя сто с лишним лет после нашествия Наполеона в районе Смоленска вновь разыгрались крупнейшие военные события.

28 июня 1941 г. я прибыл на Западный фронт и вступил в командование фронтом. Это было в те дни, когда начали вырисовываться гитлеровские замыслы. Стало ясно, что главный удар вермахт наносит на западном (центральном) направлении, и его необходимо было усилить. К тем четырем советским армиям (22, 20, 13 и 21-я), которые развертывались во втором эшелоне Западного фронта и спешно занимали оборону на рубеже Себеж, Витебск, Орша, Могилев, Гомель, Ставка дополнительно выдвигала войска еще двух армий с других направлений, несмотря на огромное напряжение, которое испытывал в то время железнодорожный транспорт. В район действий Западного фронта начали прибывать дивизии 19-й и 16-й армий, предназначенные первоначально для южного крыла советско-германского фронта.

Кроме двух указанных армий вскоре на центральном направлении, в тылу Западного фронта, начали развертываться армии Резервного фронта. Ставка бросила на помощь Западному фронту 5-й и 7-й полнокровные механизированные корпуса и 1-ю Московскую мотострелковую дивизию.

Тот факт, что наше командование к началу июля разгадало направление главного удара, обусловило также прибытие на Западный фронт наркома обороны Союза ССР маршала С.К. Тимошенко. С его прибытием я стал заместителем командующего фронтом. 10 июля было создано западное направление, главнокомандующим которого был назначен маршал Тимошенко. Я стал его заместителем. На меня главным образом возлагалось руководство войсками Западного фронта. Но через восемь дней я снова был назначен командующим войсками этого фронта.

Таким образом, Тимошенко и мне довелось нести полную ответственность за руководство войсками Западного фронта, боевые действия которого в тот период включали в себя оборону, контрудары, контратаки и другие меры, вошедшие в историю Великой Отечественной войны под общим названием Смоленского сражения. Это сражение берет свое начало с первых чисел июля 1941 г до вступления в бой передовых частей 22, 20, 13 и 21-й армий, а окончилось в середине сентября 1941 г.

Наиболее характерной чертой Смоленского сражения является невиданная до того активность в действиях наших войск. Это подтверждается тем, что за период сражения было проведено до десятка крупных оперативных контрударов, сотни контратак. Другой особенностью Смоленского сражения является исключительное упорство наших войск в обороне, в т.ч. городов и населенных пунктов.

Прежде чем начать повествование о весьма сложном и очень напряженном Смоленском сражении, я хотел бы коротко изложить ход военных действий в первые дни войны, в дни приграничных сражений на всем советско-германском фронте.

Еще перед началом войны вермахт сосредоточил у наших границ 190 дивизий, в их числе 154 германских, 18 финских, 18 румынских и 2 венгерские. Эту огромную сухопутную армию должен был поддержать воздушный флот в составе 5 тыс. самолетов.

Наши западные приграничные округа — Ленинградский, Прибалтийский, Западный и Киевский — были в начале войны преобразованы в Северный, Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты. Кроме того, был вновь создан Южный фронт¹. Фактически преобразование свелось к переименованию. Ничто не изменилось, так как силы фронтов не были ни полностью укомплектованы, ни сосредоточены, ни развернуты для ведения боевых действий и не могли оказать существенного противодействия стремительно наступающему врагу.

Ударные группировки противника, особенно его подвижные соединения, значительно превосходя на главных направлениях

¹ В состав Южного фронта вошли часть соединений Киевского и Одесского военных округов.

наши войска, рассекали спешно развертывавшиеся в боевые порядки советские части, углублялись на нашу территорию все дальше и дальше.

В беспрестанно меняющейся обстановке часто нарушалась всякая связь между командованием и войсками, что, естественно, крайне затрудняло управление во всех звеньях, а подчас делало его и вовсе невозможным.

Большой ущерб причиняла нам вражеская авиация, нанося мощные удары на большую глубину, она выводила из строя объекты стратегического значения, уничтожала боевую технику и живую силу.

Все это вместе взятое еще более увеличило перевес сил в пользу врага. За первую неделю войны враг захватил значительную территорию в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Наиболее опасными были западное и северо-западное направления, где враг наносил удары на московском и ленинградском направлениях.

Сейчас, спустя много лет, особенно ясно осознается необходимость глубоко изучить и тщательно учесть этот горький опыт и не допустить повторения чего-либо подобного.

Наша армия не имела достаточного опыта, она не была отмотелизована, наши новые западные границы не были достаточно укреплены, а приграничный район, ставший театром военных действий, не был к ним подготовлен. Можно указать и еще на ряд непосредственных причин наших поражений.

Эти просчеты вытекали из переоценки наших сил и были связаны с предположениями, что гитлеровцы не посмеют на нас напасть.

Так, считалось, что заключением пакта о ненападении с Германией нам удалось избежать войны на весьма продолжительный срок. Никто не может оспаривать положительного значения этого шага советского правительства. Война для нашего народа оказалась, таким образом, на некоторое время отодвинутой. Тем не менее неизбежность столкновения в самом ближайшем будущем оставалась несомненной.

Удар агрессора оказался, таким образом, для наших пограничных округов неожиданным, враг сразу же нанес нам большой урон

и захватил огромную территорию. Особенно трагично то, что наши войска, прежде всего те, которые находились близ западных рубежей страны, были укомплектованы отличными воинами, в большинстве хорошо обученными и преданными Родине.

В свое время довольно оживленно дискутировался вопрос о том, насколько внезапным было нападение гитлеровцев на нашу страну. Я считаю, что для нашей армии, в том числе и для командующих войсками округов, это нападение было внезапным, поскольку армия не была своевременно приведена в боевую готовность¹. В результате этого гитлеровская армия захватила инициативу, добилась определенного военного преимущества и вынудила советские войска к отходу.

Рассчитывая закончить войну против Советского Союза в возможно короткий срок, немецко-фашистский Генеральный штаб согласно плану «Барбаросса» намечал одновременно нанести удары на трех основных направлениях.

Первый удар планировалось нанести из Восточной Пруссии на Псков, Ленинград силами группы армий «Север». В группу армий «Север» входили 16-я и 18-я полевые армии и 4-я танковая группа. Их поддерживал 1-й воздушный флот.

Второй удар немецкое командование собиралось нанести из района Варшавы на Минск, Смоленск и далее на Москву силами группы армий «Центр» в составе 4-й и 9-й полевых армий, 3-й и 2-й танковых групп. Группу армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот. Этой группе армий придавалось особое значение.

Третий удар предстояло нанести группой армий «Юг» из района Люблина на Житомир, Киев и далее на Донбасс.

В группу армий «Юг» входили 6, 17 и 11-я полевые армии и 1-я танковая группа. Группу армий «Юг» поддерживал 4-й воздушный флот.

Группе армий «Север» должна была оказать содействие финская армия, а группе армий «Юг» — венгерско-румынские войска.

¹ Утверждения фальсификаторов истории, в частности К. Типпельскирха, о том, что еще в апреле было принято решение о приведении наших войск в боевую готовность, является вымыслом, который опровергается рядом фактов.

На крайнем северном фланге немецкого стратегического фронта развернулась немецкая армия «Норвегия», которая получила приказ овладеть нашими северными портами в Баренцевом море и захватить Кировскую железную дорогу.

Следует сказать, что сравнительно крупные силы нашей армии прикрытия находились вправо и влево от линии Белосток—Лонжа. Этот район, выдававшийся тупым клином далеко на запад, лишал непосредственной связи вражеские группировки, которым предстояло действовать в Прибалтике и на Украине, и угрожал их флангам и тылу. Противник, понимая огромную стратегическую ценность района Белостока для всего дальнейшего наступления, сосредоточил здесь наиболее сильную группировку¹. Он намеревался двумя ударами по сходящимся направлениям окружить наши войска в Белоруссии. Это должно было создать предпосылки для поворота танковых войск на север, уничтожения (совместно с группой армий «Север») советских войск, находящихся в Прибалтике, и овладения Ленинградом.

Лишь после выполнения этой важнейшей задачи гитлеровское командование намеревалось развернуть наступательные операции по овладению Москвой.

Операция по окружению и уничтожению советских войск в Белоруссии была возложена на группу армий «Центр» (под командованием фельдмаршала фон Бока), насчитывавшую до пятидесяти дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных. Группе было придано большое количество артиллерийских, саперных и других специальных частей и соединений. Уже к исходу 21 июня эти войска развернулись вдоль нашей границы между Сувалками и Брестом.

На сосредоточение такой массы потребовалось значительное время, переброска войск к нашим границам производилась поэшелонно с февраля до июня 1941 года.

¹ Впоследствии фельдмаршал фон Бок принял даже решение остановить дальнейшее продвижение танковых групп Гудериана и Гота и следующих за ними армейских корпусов, закрепиться на фронте вокруг Белостока и выждать, пока наша группировка капитулирует. (*Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 154).

Из документов, опубликованных в послевоенное время, известно, что силы группы армий «Центр» были развернуты следующим образом: в так называемом сувалковском выступе, а также на участке от Августова до Остроленки (270 км) — 3-я танковая группа генерала Гота и 9-я армия генерала Штрауса, далее на юго-восток вдоль Западного Буга вплоть до Влодавы (280 км) — 2-я танковая группа генерала Гудериана и 4-я армия фон Клюге. Эта группировка войск была создана для нанесения двух одновременных ударов в направлениях Сувалки — Минск и Брест — Барановичи.

Дальнейшее наступление в Белоруссии планировалось германским Генштабом следующим образом.

3-я танковая группа во взаимодействии с войсками 9-й армии прорывает нашу оборону северо-восточнее Сувалки и, двигаясь через Вильнюс, выходит к Минску. 9-я армия частью своих сил наступает вслед за 3-й танковой группой для очистки и закрепления занятого района, а оставшимися силами двигается в общем направлении Гродно с целью расчленения и уничтожения наших окруженных войск. 2-я танковая группа, также взаимодействуя с пехотой, преодолевает укрепленную линию вдоль границы северо-западнее и южнее Бреста, а в дальнейшем наступает в общем направлении Барановичи, Минск, чтобы в районе Минска соединиться с 3-й танковой группой. Так завершается окружение советских войск в Белоруссии.

Одновременно 3-я танковая группа наносит удар на Белосток с тем, чтобы при поддержке 9-й армии «срезать» белостокский выступ.

От Минска немецко-фашистские войска должны были наступать на Смоленск, с ходу преодолевая водные преграды: Березину, Западную Двину, Днепр. При этом 3-я танковая группа и 9-я армия наступают в северо-восточном направлении и занимают Полоцко-Витебский район, а 2-я танковая группа вместе с 4-й армией действует непосредственно против Смоленска.

После падения Смоленска 3-я танковая группа вливается в группу армий «Север» для действия на ленинградском направлении.

Задача прикрытия мобилизации, подтягивания и развертывания наших войск в районе западных областей Белоруссии, естествен-

но, возлагалась на войска Западного особого военного округа под командованием генерала армии Д.Г. Павлова. Непосредственными исполнителями этой задачи являлись 3, 10 и 4-я армии. В первый эшелон этих армий выделялись стрелковые войска, а во второй — механизированные корпуса. Стрелковые дивизии должны были развернуться вдоль границы от Копцово до Влодавы (450 км), чтобы прикрыть минское и бобруйское направления. Воздушное прикрытие наземных войск возлагалось на авиацию округа.

Война застала войска округа в гарнизонах и лагерях в 50—200 км от границы, а самолеты — на аэродромах в зачехленном состоянии. Граница охранялась лишь пограничниками. Правда, на многих участках саперы вместе с подразделениями, выделенными им в помощь из общевойсковых соединений, вели работы по укреплению новой границы.

Незадолго до войны в войсках округа началось перевооружение и связанное с ним обучение личного состава владению новыми образцами оружия и техники. Особенно большая работа проводилась по созданию механизированных и танковых соединений. Чтобы ускорить создание механизированных корпусов, они формировались на базе танковых бригад, отдельных танковых батальонов, кавалерийских и других частей. На первых порах в механизированных корпусах оставалось то же вооружение, что и в танковых бригадах и батальонах. Но уже с 1940 г. в корпуса стали поступать новые танки КВ и Т-34, правда, этих танков к началу войны было еще немного.

Некоторые части получили новую технику перед самой войной и, естественно, не успели еще ее освоить. К началу войны мы имели значительное количество танков, хотя их не хватало для укомплектования механизированных корпусов. Однако многие типы танков устарели (Т-26, БТ-5, БТ-7 и др.).

Авиация накануне войны также получала новую технику. Авиационные части, имевшие на вооружении истребители И-16, И-15, И-153 («Чайка»), бомбардировщики СБ, ДБ-3, начали перевооружаться истребителями МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, бомбардировщиками Пе-2 и штурмовиками Ил-2.

Войска противника, наступавшие в полосе Западного фронта, превосходили войска фронта в два раза, а на направлениях главных

ударов, в частности на брестско-барановичском, имели четырехкратное превосходство.

В 4 часа утра 22 июня артиллерийским обстрелом нашей границы враг начал военные действия на западном направлении. Артиллерийский обстрел продолжался 1—2 часа. Одновременно были нанесены удары с воздуха по аэродромам и городам Гродно, Лида, Белосток, Волковыск, Барановичи, Бобруйск, Брест, Пинск и др. Глубина авиационного воздействия достигала 300 км.

Войска округа, для которых начало войны явилось полной неожиданностью, вступали в бой разобценными группами и вследствие этого несли огромные потери, особенно в технике. Инициатива сразу же оказалась в руках противника.

Весьма характерное свидетельство мы находим в книге Гудериана «Воспоминания солдата». В частности, он пишет: «...20 и 21 июня находился в передовых частях коих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Брест, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов.

Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом¹».

Об этом же свидетельствуют и наши архивные данные².

Уже в первый день танковые части противника на ряде участков проникли в глубь нашей территории на 50—60 км. Связь между штабами и войсками была парализована, руководство частями и соединениями чрезвычайно затруднялось. В особенно тяжелом положении оказались соединения, находившиеся на флангах Западного фронта.

3-я армия, которой командовал генерал-лейтенант В.И. Кузнецов, была глубоко обойдена с правого фланга соединениями

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 146.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 45317. Д. 1. Л. 2.

3-й танковой группы противника. 56-я стрелковая дивизия 3-й армии, оборонявшаяся на фронте до 40 км, оказалась в полосе наступления трех немецких дивизий. Дивизия оставила Гродно и откатилась на юго-восток. На второй день войны она вела бои уже севернее Немана. Отошли и соседние две дивизии, 87-я и 27-я, создав оборонительный рубеж южнее и юго-западнее Гродно.

В результате отхода 3-й армии между смежными флангами Северо-Западного и Западного фронтов образовалась брешь шириной более 100 км, которую использовал враг, продвинувшийся здесь за двое суток на 120 км.

Не лучше обстояло дело и на левом фланге Западного фронта, где оборонялась 4-я армия под командованием генерал-майора А.А. Коробкова¹. Здесь действовали 2-я танковая группа противника и один из армейских корпусов 4-й армии. В полосе наступления гитлеровцев оказались четыре дивизии армии (6, 42, 43 и 75-я). Под напором численно превосходящего противника, имевшего в первом эшелоне 10 дивизий, в том числе четыре танковые (во втором эшелоне было шесть дивизий), наши части начали отход.

Генерал А.А. Коробков приказал командиру 14-го механизированного корпуса генерал-майору С.И. Оборину нанести контрудар из района Пружаны, Кобрин. Контрудар не удался, так как дивизии корпуса находились на большом расстоянии друг от друга и объединить их в единый мощный кулак не удалось. 4-я армия вынуждена была отойти за р. Ясельде.

Командарм не сумел правильно оценить противника и поэтому не смог принять необходимых мер, чтобы преградить ему путь. Местность же благоприятствовала организации обороны и созданию заграждений; несмотря на превосходство противника, все же можно было замедлить его продвижение.

Отступление наших войск на флангах Западного фронта создало тяжелее условия для соединений, оборонявшихся в центре —

¹ О действиях 4-й армии подробно и ярко повествует генерал-полковник Леонид Михайлович Сандалов, бывший в то время начальником штаба этой армии, в своей книге «Пережитое» (М., 1961). Поэтому я не касаюсь тех тяжелых испытаний, которые выпали на долю этой героической армии, в числе первых принявшей таранный удар бронированной гитлеровской армады.

в белостокском выступе. Здесь оборонялась 10-я армия под командованием генерал-майора К.Д. Голубева. На армию наступали четыре армейских корпуса противника — 7, 9, 13 и 42-й.

Отступление соседей, и особенно 4-й армии, создало для войск 10-й армии критическое положение. Так, 13-й механизированный корпус генерал-майора П.Н. Ахлюстина, дислоцированный в Бельске, попытался было закрепиться на рубеже р. Нужец, но, имея большой некомплект материальной части, уже 23 июня вынужден был начать отступление.

Войска, расположенные на правом фланге и в центре белостокского выступа, оказали врагу яростное сопротивление, однако в связи с катастрофическим положением на флангах фронта вынуждены были отойти за рубеж р. Бобр.

Командование Западного фронта в соответствии с директивой наркома обороны вечером 22 июня решило силами двух механизированных и одного кавалерийского корпусов с рассветом следующего дня нанести удар из района Гродно во фланг группировке противника, наступавшей из сувалковского выступа.

В эту конно-механизированную группу должны были войти: 11-й механизированный корпус 3-й армии (командир генерал-майор Д.К. Мостовенко), 6-й механизированный корпус 10-й армии (командир генерал-майор М.Г. Хацкелевич), 6-й кавалерийский корпус (командир генерал-майор И.С. Никитин). Возглавлял группу заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант И.В. Болдин.

Однако нанести по противнику фланговый удар оказалось весьма трудной задачей. Дело в том, что в исходном районе (южнее Гродно) находился лишь 11-й механизированный корпус, в то время как штаб 6-го кавалерийского корпуса был в районе Белостока, а его дивизии разбросаны на большом удалении друг от друга (36-я — в районе Волковыска, а 6-я — у Ломжи).

В назначенный срок (23 июня) начал действовать лишь 11-й механизированный корпус, остальные войска при попытке занять исходное положение для контрудара подверглись ожесточенным ударам авиации противника и в значительной мере утратили свою боеспособность.

На следующий день, 24 июня, войска 11-го механизированного корпуса и часть сил 6-го механизированного корпуса, которым удалось подойти, нанесли удар по противнику южнее Гродно и добились некоторого успеха, сковав в районе Гродно четыре пехотные дивизии противника и задержав на несколько дней их продвижение на Лиду.

Однако уже 25 июня наш контрудар захлебнулся. Это объяснялось почти полным отсутствием авиации и недостаточным артиллерийским, в первую очередь зенитным, прикрытием. Наши потери в личном составе и материальной части от авиации и артиллерии противника были очень велики. В условиях непрекращающихся ударов противника с воздуха не могло быть налажено и снабжение войск боеприпасами и горючим.

В Москве в этот период очень слабо представляли себе обстановку, сложившуюся на фронте. Задача состояла в том, чтобы быстро вывести из-под удара соединения, находившиеся в приграничных районах, на те рубежи, где можно было организовать жесткую оборону, а не бросать разрозненные соединения в беспечное в тех условиях контрнаступление.

3-я танковая группа противника, захватившая Вильнюс, двинулась на Молодечно и, по существу, не встречая сопротивления, вышла к Минскому укрепленному району.

Такой успех врага был отчасти связан с тем, что командование Западного фронта приняло не соответствующее сложившейся обстановке решение о наступлении в сторону Лиды войск, находившихся к северо-западу от Минска.

Плохо были организованы боевые действия войск и на левом крыле фронта — на барановическом направлении. Войска 4-й армии, в значительной степени уже обескровленные, поспешно отходили на восток.

Для организации рубежа обороны на этом направлении была выгодна р. Шара. Однако находившиеся здесь войска (до трех дивизий) действовали разрозненно. Танковые соединения врага легко преодолели этот рубеж и вышли в район Барановичей.

Таким образом, несмотря на мужество и героизм советских воинов, стойкость многих частей и соединений, приграничное сражение окончилось для нас неудачно.

3-я танковая группа противника за четыре дня наступления продвинулась в глубь нашей территории более чем на 200 км. Заняв Вильнюс и не встретив здесь организованного сопротивления, она повернула основные силы на Молодечно, Минск и охватила соединения Западного фронта с севера и северо-востока. В то же время 2-я танковая группа, взаимодействуя с 4-й армией, охватила войска фронта своей мотопехотой с юга и юго-востока, углубившись на нашу территорию также примерно на 200 км.

В связи с поворотом 3-й танковой группы к Минску количество войск противника в полосе Западного фронта увеличилось еще на 12 дивизий. Продолжало возрастать и превосходство противника в боевой технике, поскольку мы несли большие потери в материальной части от ударов вражеской авиации и артиллерии.

Все это создало крайне неблагоприятную обстановку не только для организации более или менее стабильной обороны (о сколько-нибудь значительных контрударах в этот момент не могло быть и речи), но и для отступления наших войск, приказ о котором наконец был отдан командующим Западным фронтом.

С каждым днем обстановка все более осложнялась. Моторизованные части врага уже к вечеру 25 июня, наступая на север, вышли на дорогу Волковыск — Слоним и перерезали наиболее удобный и прямой путь отступления. Почти одновременно пехота противника (9-я и 4-я армии) создала угрозу расчленения войск, находившихся западнее Слонима.

Войска нашей 10-й армии при отходе с трудом обеспечивали свой левый фланг от непрерывных ударов противника с юго-запада. Нелегко им было удерживать и дорогу, по которой наши части отступали на Белосток — Волковыск.

Кровопролитная борьба шла юго-восточнее Волковыска, где противник пытался отрезать пути дальнейшего отхода на юго-восток через Ружаны и на восток на Слоним и Барановичи скопившимся здесь в большом количестве отступавшим войскам.

3-я армия, отходившая в направлении на Новогрудок, вынуждена была вести непрерывные бои с частями 8-го армейского корпуса, стремившегося выйти через Луны на Мосты для встречи с 47-м танковым корпусом 2-й танковой группы.

26 июня начались активные боевые действия в Минском укрепленном районе. Здесь оборонялись сведенные в 13-ю армию (командующий генерал-лейтенант П.М. Филатов) три корпуса (2-й и 44-й стрелковые и 20-й механизированный). Они и завязали ожесточенные бои с выведшими сюда танковыми силами 39-го танкового корпуса 3-й танковой группы противника.

28 июня, в день моего приезда в Москву, противник добился окружения ряда частей 10-й армии под Белостоком (правда, в последующем большинству из них удалось прорваться на восток).

29—30 июня положение еще более ухудшилось — 47-й корпус противника прорвался к Минску и соединился здесь с 39-м танковым корпусом. Так произошло соединение 2-й и 3-й танковых групп противника. Наша 13-я армия, действовавшая в этом районе, с боями отступила на линию Борисов — Смоленичи — р. Птичь.

В результате соединения 3-й и 2-й немецких танковых групп восточнее Минска наши войска, отступавшие из Гродно и Белостока, оказались в окружении. В частичное окружение попали и соединения, оборонявшиеся в Минском укрепленном районе. Окруженные войска организовали оборону в районе Налибокская Пуца, Новогрудок, Столбцы.

Завершив окружение наших войск восточнее Минска, противник продолжал развивать наступление на восток к Днепру. Сил для отпора врагу, двигавшемуся из района Минска к Днепру, у нас фактически не было. Осуществить важнейшую в тех условиях задачу создания фронта обороны восточнее Минска на имеющихся там природных рубежах, в частности на р. Березине, не было почти никакой возможности. Противник мог беспрепятственно выйти на Березину, а затем и на Днепр, до которого оставалось не более 150 км. И, таким образом, сосредоточившиеся в это время на рубеже Днепра наши свежие силы, подвозимые из тыла, могли, не успев развернуться, попасть под удар.

Вот в такой обстановке, когда требовались самые решительные и неотложные меры, чтобы выиграть время для создания обороны по Западной Двине и Днепру, прибыли мы с генералом Маландиным на фронт.

В конце этого дня 29 июня генерал Гальдер, начальник германского Генерального штаба, сделал следующую запись в дневнике о положении на фронте группы армий «Центр»:

«На фронте группы армий “Центр” события развиваются в соответствии с намеченным планом. В результате беспокойства фюрера по поводу слишком глубокой операции танковых групп, главнокомандующий сухопутными войсками... в своем разговоре с командующим группой армий “Центр” указал Бобруйск лишь как рубеж, на который должно было выдвинуть охранение. Однако на деле Гудериан (и рассматривая это с оперативной точки зрения, надо сказать, что он имеет на это полное право) наступает двумя танковыми дивизиями на Бобруйск и ведет разведку в направлении р. Днепр, явно не для того, чтобы наблюдать за районом Бобруйска, а с целью форсирования р. Днепр, если для этого представится возможность. Если бы он этого не сделал, то допустил бы крупную ошибку. Я надеюсь, что сегодня он овладеет мостами через р. Днепр у Рогачева и Могилева и тем самым откроет дорогу на Смоленск и направление на Москву. Только таким образом удастся сразу обойти укрепленное русскими дефиле между р. Днепр и р. Западная Двина и отрезать расположенным там войскам противника путь на Москву. Следует надеяться, что командование группой армий “Центр” самостоятельно примет правильное решение»¹.

Основной задачей войск фронта в сложившейся обстановке было не дать противнику помешать сосредоточению и развертыванию наших войск, прибывающих из внутренних округов страны. Эти войска должны были подготовить новый оборонительный рубеж, прикрыв мобилизационное развертывание.

Нужно было любой ценой, любыми средствами задержать противника, выиграть время, необходимое для занятия новыми силами рубежа рек Западная Двина и Днепр.

В течение всего первого дня командования войсками фронта я изучал по документам свои войска, изучал противника, отдавал распоряжения, советовался с начальником штаба фронта и други-

¹ Служебный дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдера. ВНУ ГШ. Кн. 7. С. 126.

ми офицерами и генералами штаба фронта. Меня ни на минуту не оставляла мысль о том, что нужно взять в руки нарушенное управление войсками и заставить их драться не разрозненно, а организовано по определенному замыслу, во взаимодействии всех родов войск. Я совершенно ясно понимал, что только войска организованные, связанные единой идеей боя, могут остановить продвижение противника, преградить ему путь к нашей столице, нанести ему поражение.

После изучения еще раз сложной и запутанной обстановки на Западном фронте я отдал первую директиву:

«ДИРЕКТИВА № 14

Штаб Западного фронта

17 часов 45 минут

Могилев 1.7.41 года

Карта 1: 500 000

1. Противник захватил Минск и стремится выйти на Днепр, направил основные усилия на Могилев и Жлобин.

Основная группировка противника отмечена до 1000—1500 танков восточнее Минска и до 100 танков прорвались через Березину в районе Бобруйска.

2. Справа и слева фланги открыты.

Задача армий фронта не допустить противника выйти на рубеж Днепра и до 7.7 удерживать рубеж реки Березина на фронте Борисов, Бобруйск, Паричи, обеспечивая себя от обхода танков справа севернее Борисова.

Прорвавшиеся танки в районе Бобруйска уничтожить.

3. 13-й армии в составе 50, 64, 100, 108 и 161-й стрелковых дивизий, отрядов Борисовского гарнизона, 7-й противотанковой бригады, сводного отряда кавалерии, управлений 2 и 44-го стрелковых корпусов, 31-го кап РГК в ночь на 3.7 отойти и упорно оборонять рубеж реки Березина на фронте Холханица, Борисов, Бродец, имея 50-ю сд в резерве в районе Погодина и 7-ю противотанковую бригаду в районе Погост.

Выход частей на указанный рубеж осуществить с таким расчетом, чтобы до 2.7 удерживать промежуточный рубеж Холханица,

Смаков, Слободки, Черновец. Граница слева — Становичи, Червень, Быхов.

4. 4-й армии в составе 55 и 156-й сд, сводных 42 и 6-й сд, 50-го мк и четырех отрядов заграждения в ночь на 3.7 отойти на рубеж р. Березина и упорно оборонять фронт Бродец, Бобруйск, обратив особое внимание на противотанковую оборону в направлении Свислочь, Могилев, используя отряды заграждения, не пропустить на линию Слобода, н. Городок, Озерцы.

Отход провести с таким расчетом, чтобы до 2.7 удержать промежуточный рубеж Черем, Осиповичи.

5. Командиру 17-го мк к 3.7 вывести корпус в район Колбы, Слобода, Сума, где привести части в порядок. 4.7 быть готовым к действиям в направлении Бобруйска для захвата последнего во взаимодействии с 204-й ВДБ и 34-й сд.

6. Командующему ВВС:

1) Прикрыть отход и сосредоточение войск на рубеж реки Березина. 2) Быть готовым обеспечить атаку 17-го мк и 155-й сд в направлении Бобруйска с воздуха, действуя в непосредственной связи с атакующими по пехоте и танкам противника. 3) Рядом повторных вылетов уничтожить противника на Бобруйском аэродроме и танковые колонны противника восточнее и западнее Бобруйска у Смолевичей и Борисова.

7. Командный пункт 13-й армии 4.7 Герин, 4-й армии Рогачев.

8. КП штаба фронта лес 12 км северо-восточнее Могилева.

Примечание: По изучении и усвоении директивы таковую уничтожить.

Командующий Фронтом Еременко

Член Военного совета Фоминых

Начальник штаба Маландин»¹.

Эта директива положила начало организованного отхода; этой директивой отводились войска как бы на предполье Смоленского сражения. Поэтому и нужно считать ее одним из основных документов, положивших начало Смоленскому сражению.

¹ Журнал боевых действий 13-й армии за июль 1941 года.

Боевые действия, составившие Смоленское сражение, развернулись на рубежах рек Западная Двина и Днепр и в их междуречье и протекали на огромной территории, ограниченной с севера линией Себеж, Идрица, Великие Луки, а с юга Бобруйск, Рогачев. Этот район имел меридиональную протяженность более 350 километров по прямой при глубине от 100 до 200 км.

Это сражение имело стратегическое значение и представляло собой комплекс операций войск Западного фронта по срыву плана «Барбаросса». Известно, что прорыв в смоленские ворота гитлеровцы намеревались использовать для решающего удара на Москву.

Вот что по этому поводу заявил Геббельс, когда наши войска 29 июля 1941 года оставили по приказу Смоленск: «Смоленск — это взломанная дверь. Германия открыла себе путь в глубь России. Исход войны предрешен»¹.

Фашистские заправки просчитались в своих прогнозах.

К началу Смоленского сражения у нас была создана следующая группировка: в первый эшелон были выделены — 22, 20, 13, 21-я армии; во второй эшелон — в районе Кричев, Новозыбков собирались остатки 4-й армии. В район Смоленска начали прибывать с Юго-Западного фронта 13-я и 16-я армии. Нам также было известно, что в нашем тылу шла подготовка к сосредоточению и развертыванию резервов Ставки Верховного Главнокомандования на рубеже. Осташков, Селижарово, р. Днепр, Дорогобуж, Ельня, р. Десна, Жуковка, а также по линии: Калинин, Волоколамск, Малоярославец. По сути дела, это развертывались силы третьего оперативного эшелона войны.

Рассмотрим положение, которое занимали войска фронта. Правofланговая 22-я армия в составе шести дивизий занимала рубеж обороны от г. Себеж до Витебска шириною полосы фронта 200 км, на дивизию приходилось 30 км. Левее 22-й армии занимала оборону 20-я армия на фронте исключительно Витебск, Орша, Шклов. Оперативная плотность в этой армии 10—12 км на дивизию. Юж-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 70438. Д. 1. Л. 33 (приказ войскам Западного направления № 0058).

нее 20-й армии на фронте Шклов, Могилев, Быхов занимала оборону 13-я армия (61-й, 45-й стрелковый, 20-й механизированный корпус) в составе восьми стрелковых, двух танковых и одной мотострелковой дивизий. Общеармейские соединения 13-й армии были в основном укомплектованы. Но в 20-м механизированном корпусе не имелось танков, вследствие чего он использовался как стрелковое соединение.

Оперативное построение армия имела в один эшелон, а плотность составляла 20—25 км на дивизию.

И, наконец, на левом крыле фронта в полосе (иск.) Быхов, Рогачев, Речица занимала оборону 21-я армия в составе трех стрелковых корпусов (63, 66 и 67-го). Командовал армией генерал-полковник Ф.К. Кузнецов. Армия обороняла полосу шириной 140 км, имея оперативное построение в два эшелона. Ее укомплектованность была примерно такой же, как и у 22, 20 и 13-й армий. Оперативная плотность составляла 19,5 км на дивизию.

Гитлеровцы наносили одновременно несколько сильных ударов на широком фронте от Идрицы до Быхова. Это давало врагу широкий простор для маневра и нанесения ударов сильными танковыми кулаками на узких участках фронта при одновременном массировании всех сил и средств, особенно авиации. Так, 2-я танковая группа наступала на фронте 190 км, а удары наносили на двух участках общим протяжением 70 км. В полосе главных ударов плотность танков противника достигала 30 единиц на 1 км, в результате чего на избранных направлениях враг добивался подавляющего превосходства.

Смоленское сражение было сложным сражением, как по характеру наступательных боев и операций, так и по оборонительным боям. В боевых действиях войск этого сражения преобладал маневр. Авиация, танковые и моторизованные войска, оказывали непосредственное влияние на мобильность, на подвижные формы боя. Фашистские войска все время рвались вперед с целью не дать нашим войскам образовать устойчивый фронт обороны и тем самым задержать наступление немецко-фашистской армии.

Инициативу действий враг удерживал в своих руках, он волен был в выборе направлений для ударов. Имея полное господство

авиации в воздухе, враг прорвался в глубину нашей обороны, окружил наши войска, стремился уничтожить их или пленить. На эти действия фашистов наши войска, участвовавшие в Смоленском сражении, ответили могучей силой героизма, показали железную стойкость и невиданное в истории войн сопротивление. Враг с первых дней Смоленского сражения почувствовал, что мы не та армия и не тот народ, с которыми фашисты воевали на западе.

Наши войска с большим мужеством, с высоким патриотизмом и преданностью своей Родине смело вступили в единоборство с превосходящими силами противника.

Наступили дни тяжелого испытания, враг непрерывно атаковал наши войска, но героические советские воины отбивали атаку за атакой и сами переходили в контратаки. Наконец сломлено наступление противника, враг выдохся и перешел к обороне. Фашисты понесли большие потери, правда, и у нас были немалые потери. Но учитывая, что враг имея большое превосходство в силах и средствах, и не добившись решения задачи — уничтожения нашей смоленской группировки и открытия себе дороги на Москву, это безусловно большая наша победа, хотя территориально мы и уступили поле боя врагу.

Следует подчеркнуть, что мы на два месяца задержали наступление главной группировки фашистов. Враг вынужден был снять с ленинградского направления 4-ю танковую группу, чтобы усилить группу войск «Центр», действующую на московском направлении, а это облегчило ленинградцам оборону города. Теперь уже у фон Бока в группе армий «Центр» было три танковых армии (2, 3 и 4-я), а успеха все нет и нет.

Смоленское сражение сорвало планы фашистов, о чем заявил сам враг.

В описании Смоленского сражения я встретился с большими трудностями. Мало, очень мало документов этого периода войны, а само сражение очень запутанное. Обычным явлением были глубокие взаимопроникновения наших и вражеских войск в боевые порядки сторон; эти действия носили широкий размах и по пространству и по времени. Вот пример: бои идут в районе Орши, под Могилевом, на подступах к Бобруйску, и в то же время идут бои с противником, прорвавшимся в нашу глубину в районах Смолен-

ска, Ярцево, Ельня и другие. Все это говорит о том, что бои шли на широком фронте и с большой глубиной.

В такой сложной обстановке, с таким «слоеным пирогом» в боевых действиях трудно описать Смоленское сражение по этапам, да я думаю, что это и не обязательно нужно делать, но о задачах, которые решали войска в тот или иной период Смоленского сражения, сказать надо.

Читателю интересно знать, когда, где, кем и чем мы отражали удары врага, куда мы направляли главные усилия наших войск, с тем чтобы добиться успеха, чтобы добиться того результата, который мы получили в Смоленском сражении.

Вот об этом-то я и хотел бы весьма коротко изложить здесь свои мысли.

Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед нами ближайшую задачу: развернуть армии и занять оборону по рубежу — Себеж, Витебск, Орша, Могилев, Гомель и остановить наступление противника. К этому времени, повторяю, в состав войск Западного фронта входили: 13-я армия, которая отходила под давлением противника; 22, 20 и 21-я армии, прибывшие из глубины страны, развертывались по указанным выше рубежам. Кроме этих армий западнее и юго-западнее Смоленска сосредоточились 5-й и 7-й мехкорпуса, правда, они тоже не были в полном составе (1-я мотострелковая дивизия 7-го мехкорпуса уже была задействована в районе Борисова и понесла большие потери).

Таким образом, задачи Западному фронту поставлены, силы определены, и они известны. По всем признакам и данным разведки, противник упреждал нас, он раньше выходил на рубеж нашего развертывания, чем мы успевали организовать там надежную оборону. Нам нужно было выиграть 5—6 дней времени.

Что делать?

В тяжелых думах родилось решение: выбросить вперед за передний край организуемой обороны 5-й и 7-й мехкорпуса с задачей нанести контрудар по подвижным группам врага, нанести им поражение и не допустить выхода их на рубеж нашего развертывания раньше, чем мы организуем там оборону, — это было первой большой задачей.

Второй, более продолжительный по времени, период Смоленского сражения включал в себя боевые действия на широком фронте с участием всех армий первого эшелона. Наиболее сильные бои развернулись на рубеже: Себеж, Витебск, Орша, Могилев, Гомель. В этих боях участвовали все дивизии 22, 20, 13 и 21-й армий, частично 19-й армии и кавгруппа, которая по решению Ставки Верховного Главнокомандования была брошена на тылы врага, чтобы своими активными действиями способствовать войскам Западного фронта нанести поражение врагу в Смоленском сражении.

Третий период Смоленского сражения (повторяю это грубое определение) включает в себя боевые действия 16-й и других армий за Смоленск. Здесь же рассматриваются и вопросы сосредоточения 16-й армии, как довольно поучительный случай, как не надо делать.

Четвертый, заключительный, период Смоленского сражения значительно насыщен боевыми событиями, контрударами группы с разных направлений. Выход из окружения 16-й и 20-й армий и группы Болдина.

В труде «Смоленское сражение» есть ряд глав, которые относятся ко всему труду, поэтому о них я не упоминаю в периодизации.

Я высказал свои мысли о периодах Смоленского сражения для того, чтобы вам, дорогие читатели, легче было понять и более полно представить Смоленское сражение в целом. Что же касается самого описания сражения, то оно будет рассмотрено по армиям и группам в хронологическом порядке. Это облегчит мне работу, да и для читателя будет легче уяснить существо Смоленского сражения и увидеть героизм и патриотизм наших людей.

Теперь перейдем к рассмотрению Смоленского сражения по главам.

Глава первая

КОНТРУДАРЫ 5-ГО И 7-ГО МЕХКОРПУСОВ

5-й и 7-й механизированные корпуса входили в состав 20-й армии, и, казалось бы, что описание их боевых действий следует давать в той главе, что повествует о боевых делах 20-й армии, за

что выступает сама логика, но, продумав этот вопрос с позиции оперативного развития событий, я пришел к выводу, что читателям легче будет разобраться в сложном Смоленском сражении, если я изложу ход событий последовательно в хронологическом порядке (хотя при этом повторения неизбежны).

Кроме этих соображений были и другие. Контрудары корпусов наносились по приказу командующего Западным фронтом и в интересах всего фронта; они выносились далеко вперед за передний край обороны и, естественно, прерогатива организации таких контрударов принадлежит штабу фронта, а не армии, но так как в штабе фронта кроме генерала А.В. Борзикова — помощника командующего войсками фронта по бронетанковым силам, никого не было из танкистов, то и не с чего было создать хотя бы маленький штаб для управления мехкорпусами, а это дело было возложено на командование и штаб 20-й армии.

Тяжелая ноша легла на плечи армии, она должна была выполнять двойственную задачу: мехкорпуса наносили контрудар далеко впереди от остальных войск армии с задачей разгромить противника и выйти перед передним краем на удаление до 200 километров, в то время как стрелковые войска армии должны обороняться на старом рубеже обороны.

Такое использование войск и боевых средств нельзя признать удачным, оно приводило к распылению сил, а это никогда не приводило к успеху. Кто стремится к победе, тот должен бить врага кулаком, а не растопыренными пальцами. Правда, на войне бывают и исключения.

Но прежде чем говорить о боевых действиях мехкорпусов, нужно все же сказать о их составе и откуда они взялись.

5-й механизированный корпус, командир генерал-майор Алексеев, прибыл из Забайкальского военного округа со станции Борая. В его состав входили: 13-я, 17-я танковые дивизии, 109-я мотострелковая дивизия. Корпус сосредоточился в районе Высокое и в других пунктах 12—15 км севернее и северо-восточнее г. Орша.

7-й механизированный корпус, командир генерал-майор Виноградов В.И., прибыл на Нарофоминска и сосредоточился в районе Вороны (что 12 км восточнее Витебска), Крынки, 22 км юго-

восточнее Витебска, Стасьево. В корпус входили 14-я и 18-я танковые дивизии и 1-я Московская мотострелковая дивизия, она первая из частей мехкорпуса прибыла на Западный фронт и была брошена для усиления действующих наших частей в районе Борисова с задачей задержать продвижение противника, выиграть время для сосредоточения войск и организации обороны.

К этому времени Генеральному штабу и Ставке стало ясно, что основные силы немецко-фашистская армия сосредоточила на центральном участке советско-германского фронта для нанесения удара на Москву.

В начале июля особенно тревожно стало под Борисовом. Здесь развернулись ожесточенные бои. Противник значительно превосходил нас в силах, главным образом в танках, вражеская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Трудное положение защитников Борисова усугублялось почти полным отсутствием противотанковой артиллерии и недостатком других средств борьбы с танками. Город обороняло танковое училище под командованием корпусного комиссара И.З. Сусайкова. Курсанты и офицеры училища во главе со своим начальником проявили героизм и самоотверженность, но удержать город, естественно, не смогли. 2 июля Борисов был захвачен гитлеровцами. Их танки переправились через р. Березина, так как мост взорван не был. Между тем мною было отдано приказание о взрыве моста. Однако те, кому надлежало его выполнить, не сумели это сделать. Мне докладывали потом, что это серьезное упущение объяснялось техническими причинами. При более детальном изучении вопроса оказалось, что речь шла о нерадивости в выполнении приказа. После падения Борисова в этот район была срочно переброшена только что подошедшая своим ходом из Москвы 1-я Московская мотострелковая дивизия. Я немедленно отправился туда. В составе дивизии имелось до 100 танков, в том числе несколько Т-34, остальные Т-26. Командовал дивизией полковник Я.Г. Крейзер. Силами этой дивизии, оставшимися подразделениями Борисовского танкового училища и другими отходившими частями удалось задержать врага, бешено рвавшегося вперед вдоль шоссе Минск — Москва. На одном из рубежей под Борисовом был организован контрудар, задержавший

продвижение врага на двое суток. За умелое проведение контрудара и проявленный при этом личный героизм полковник Крейзер по моему представлению был удостоен звания Героя Советского Союза.

Гудериан писал об этом ударе: «18-я танковая дивизия получила достаточно полное представление о силе русских, ибо они впервые применили свои танки Т-34, против которых наши пушки в то время были слишком слабы»¹.

В дальнейшем, применяя тактику подвижной обороны, мы медленно отходили от рубежа к рубежу, используя каждый удобный случай для коротких контратак. В донесении от 4 июля 1941 г. я сообщал: «13-я армия в течение дня продолжала вести бой за переправы на р. Березина. 50-я стрелковая дивизия переправилась на восточный берег р. Березина, перейдя к обороне на фронте Холхолица, Студянка. 1-я мотострелковая дивизия и сводный отряд Борисовского гарнизона продолжали вести бой с переправившимися в районах Борисов и Чернявка мотомехчастями противника. В этом бою героически сражалась 1-я мотострелковая дивизия, действовавшая на рубеже Крупки. Дивизия при этом несла больше потери. Полк дивизии, занимавший оборону севернее Борисова, понес больше потери от авиации противника...

...Противник же вел огонь только бронебойными снарядами, которые хотя броню КВ не пробивали, но рвали гусеницы. Дивизия перешла к обороне².

Таким образом, мы сдерживали врага вплоть до Орши, на подступах к которой к этому времени развернулась 20-я армия генерал-лейтенанта П.А. Курочкина. Армия сумела создать здесь прочную оборону и героически ее удерживала, пока не была обойдена противником с обоих флангов. После этого армия получила приказ отойти на новый рубеж.

6 июля меня вызвал с борисовского направления маршал Тимошенко. Встретились мы на перекрестке дорог севернее Орши.

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 156.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 70438. Д. 1. Л. 8.

Кроме нас были еще генерал-лейтенант П.А. Курочкин и А.В. Борзиков¹.

Здесь же, за обочиной дороги, в кустах, мы коротко обсудили создавшееся на фронте положение, я информировал присутствовавших о боях на борисовском направлении. Обстановка была тяжелой, но все же ободряющей: мы к тому времени уже образовали фронт. Правда, не плотный, но все-таки фронт. Наши армии к этому времени имели по 30—40 % состава своих войск на рубеже вновь образованного фронта, и даже подошли 5-й и 7-й механизированные корпуса.

Противник все время рвался вперед и стремился помешать образованию нового фронта. С этой целью особенно активно двигались вперед подвижные группы Гудериана и Гота, поддержанные массированными ударами авиации.

К 4 июля 3-я танковая группа Гота вышла в район Лепель, Узда, Полоцк. Одновременно часть сил 2-й танковой группы Гудериана прорвалась в район Быкова. Оба эти обстоятельства, в первую очередь успех 3-й танковой группы, создали серьезную угрозу всему правому крылу фронта, особенно 22-й армии, которая в это время еще не завершила развертывания.

В тот же день, 4 июля, позиции 22-й армии были атакованы 19-й танковой дивизией северо-западнее Полоцка, 18-й моторизованной дивизией — в районе Полоцка и 20-й танковой дивизией — в районе Уллы.

Две танковые дивизии — 20-я и 7-я, заняв Лепель, наступали на Витебск, нацеливаясь в стык наших 22-й и 20-й армий.

В то же время танковая дивизия из 2-й танковой группы Гудериана, прорвавшаяся к Днепру в районе Быкова, вела бой за переправы, стремясь обеспечить развитие наступления танковым

¹ Генерал-майор танковых войск Арсений Васильевич Борзиков родился в 1900 г. Участник Гражданской войны. Перед Великой Отечественной войной командовал танковой бригадой, был командиром танковой дивизии, начальником Управления боевой подготовки автобронетанковых войск, помощником главкома западного направления, начальником Ленинградских Краснознаменных бронетанковых курсов усовершенствования начсостава Красной Армии. Умер 7 июня 1943 г.

корпусам группы: 24-му — на Славгород (Пропойск), 46-му — на Горки, Починок, Ельня, 47-му — на Смоленск.

В этой обстановке командующий фронтом определил, что главной угрозой для войск фронта являлась 3-я танковая группа Гота, наступавшая из района Лепель, Полоцк в направлении Витебска и севернее.

С этим выводом все мы были согласны, но в качестве ответа на эту угрозу мне представлялось наиболее целесообразным нанесение короткого удара при вклинении противника в нашу оборону. Я считал, что нанесение глубокого контрудара механизированными корпусами далеко за пределами нашей обороны, при котором была неизбежна их изоляция от других войск, отсутствие прикрытия с воздуха с помощью авиации и зенитной артиллерии и поддержки со стороны пехоты и артиллерии едва ли приведет в успеху. Это не значит, конечно, что я вообще отрицал правомерность глубоких действий крупных механизированных войск, но в то время необходимо было строго учитывать специфические условия обстановки.

В соответствии с указанием Ставки маршал Тимошенко отдал приказ войскам, с содержанием которого он и познакомил меня. Суть приказа сводилась к следующему: прочно оборонять линию Полоцкого укрепленного района, рубеж р. Западная Двина, Сенно, Орша и далее по р. Днепр, не допустить прорыва противника в северном и восточном направлении¹.

22-я армия получила задачу оборонять Полоцкий укрепленный рубеж и рубеж по р. Западная Двина до Бешенковичей включительно; 20-я армия — оборонять Бешенковичи, Шклов; 21-я армия — Могилев, Быхов, Лоев.

Командующему 20-й армией П.А. Курочкину была поставлена задача уничтожить главную группировку противника, наступающую из района Лепеля. С этой целью 5-му и 7-му механизированным корпусам было приказано нанести контрудар из района севернее Орши в направлении Сенно, а затем развить наступление на Лепель и Кубличи во фланг наступающим на Витебск войскам противника.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 70438. Д. 1. Л. 9.

Окончательное решение командующего фронтом было сформулировано следующим образом: «Прочно удерживая рубежи р. Зап. Двина, Днепр, с утра 6.7.41 г. перейти в решительное наступление для уничтожения лепельской группировки противника»¹.

Глубина ударов была определена для 5-го корпуса до 140 км (из района Высокое, ст. Осиновка на Сенно, Лепель) и для 7-го — до 130 км (из района Рудня, ст. Крынки на Бешенковичи, Лепель). Глубина последующей задачи корпусов достигала 200 км.

В «Истории Великой Отечественной войны», т. II, да и в некоторых трудах и мемуарах этот контрудар затрагивается вскользь и характеризуется как неудачный. Эта характеристика не совсем точная. Кроме того, авторы трудов по Великой Отечественной войне не учитывали многих обстоятельств обстановки и боеспособности самих корпусов. Например, 5 МК из района Борзя (восточнее Читы) в конце мая в эшелонах двинулся в Орловский военный округ. С начала войны корпус находился на железнодорожных колесах. Видимо, распоряжением Генштаба ему изменили район выгрузки и сосредоточения. Например, штаб 13-й танковой дивизии с некоторыми частями были выгружены на ст. Бердичев, а затем, снова проделав 500-километровый марш, погрузились в эшелоны на ст. Хролин и следовали в район Смоленска. А батальон связи и разведбатальон 13-й танковой дивизии так и не прибыли к месту назначения и началу боя. Из состава 109-й мотострелковой дивизии также к началу боя не прибыли несколько боевых подразделений.

Корпус имел на вооружении танки старых образцов и по штатам мирного времени. Положено по штату в каждой танковой дивизии:

	По штату	13 тд	17 тд	109 мсд
Танки КВ	63	7	6	—
Танки Т-34	210	10	10	—
Танки БТ-7	26	238	255	13
Танки Т-26	22	112	112	—
Танки БТ-5	—	—	4	100
Всего	321	367	387	113

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 1-169. Д. 1. Л. 140.

Таким образом, в 5-м мехкорпусе имелось 33 новейших танка и 844 устаревших танка. Кроме того, имелось несколько обслуживающих и вспомогательных танков.

Всего до начала боевых действий в 5-м мехкорпусе имелось 924 танка (но это только на бумаге), а в бой могли вступить только 655 танков.

В 7-м мехкорпусе имелось 715 танков таких же образцов (БТ-7 и Т-26). Причем помню, несколько новейших танков для 7-го мехкорпуса прибыли в район Рудня.

К началу контрудара в обоих корпусах насчитываюсь: в 7-м мехкорпусе — 715 танков, в 5-м мехкорпусе — 655 танков, а всего 1370 танков.

Следует отметить, что количество танков в разных источниках, в том числе и по архивным данным, указывается различным. Более правильным будет считать, что в обоих МК было 1370 танков, так как по отчетным данным числились и те танки, которые не могли вступить в бой.

Например, в 109-й мотострелковой дивизии из 113 танков 45 были неисправны (ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 7874 сс). В 13-й танковой дивизии во втором батальоне 10 танков заводились с буксира. Видимо такое же явление в наблюдалось в других подразделениях. В обоих мехкорпусах многие танки имели малый запас хода. Многие автомашины в мотострелковых дивизиях и в других дивизиях имели износ резины на 50—75 %. Запасных частей к танкам и автомашинам почти не было.

Сравнительные тактико-технические данные наших и немецких данных¹

Наименование	Тактико-технические данные советских танков			Тактико-технические данные немецких танков		
	Т-34	Т-26	БТ-7	Т-IV	Т-III	Т-II
Пушки (штук, калибр)	1—76 мм	1—45 мм	1—45 мм	1—75 мм	1—37 мм	1—20 мм
Скорость движения (максимальная, километров в час)	55	30	32	50	70	45
Запас хода, км	300	200	300	150	120	200

¹ Марасанов. Передовое советское танкостроение. Изд. ВАФ; Поставенко. Танки. Воениздат, МО.

Помимо устного приказа днем 5.7 мехкорпусам был в 0.30 6.7 отдан письменный приказ командованием армии, в нем говорилось:

«Командиру 7-го мехкорпуса в 5.00 6.7 начать наступление в общем направлении Новоселки (20 км юго-восточнее Бешенковичи), Долгое, Камень и нанося контрудар противнику во фланг и тыл, разбить его, к исходу дня выйти в район Ула, Камень, Долгое.

Командиру 5-го мехкорпуса к 4.00 6.7 занять исходное положение для наступления в районе Столяны, Вязьмичи, Русский Седлец вдоль железной дороги в направлении Лепель. Совместно с 7-м мехкорпусом нанести контрудар во фланг и тыл полочкой группировки противника, разгромить ее и к исходу дня выйти в район (иск.) Камень, Лепель, Иконки».

Однако контрудар механизированных корпусов не получил развития. Гитлеровцы бросили сюда крупные силы авиации, и наши корпуса оказались в тяжелом положении, понеся потери. Они вынуждены были начать отход в тяжелых условиях под ударами танков и авиации противника. Вот что говорит об этом периоде бывший начальник штаба 20-й армии генерал-майор Корнев Н.

«В течение 6.7 противник усилил активность. Ввел в бой две мсд и одну тд на лепельском направлении и около четырех дивизий на борисовском направлении». Какие-то танковые соединения он перебросил с правого берега р. Западная Двина на поддержку своей лепельской группировки. Последующие приказы 20-й армии уточняли прежнюю задачу, усиливали мехкорпуса артиллерией 186 и 153 сд и корпусной артиллерией 69 ск.

1-я мсд усиливается мотострелковым полком 57 тд. Дивизии приказывалось в течение 10.7 сдерживать наступление противника, в ночь на 11.7 оторваться от него и отойти через Запрудье и Орша в лес, что 3 км сев. Орша.

2-му ск приказывалось: сдерживая наступление противника, отходить на восточный берег р. Днепр через Шклов. После отхода сосредоточиться в районе Горки.

73 и 18 сд было приказано «всеми средствами обеспечить удержание занимаемых рубежей и ни в коем случае не допустить противника в оборонительную полосу на плечах отходящих частей».

В связи с развитием удара противника на Оршу приказ армии № 18 от 10.7. был отменен в отношении 5 мк.

Вместо овладения Улла корпусу приказывалось «ударить в тыл противника, действующего против 1 мсд, в направлении Обольцы (23 км южнее Сенно), Мартюхово (25 км западнее Орша), Задровье (13 км зап. Орша) и далее вдоль автострады, и второе направление Смоляны, Гребново, Шимберово, ст. Стайки (17 км севернее Орша).

К исходу 10.7 5 мк было приказано сосредоточить в районе Орехи, Селекта, Высокое. КП — Высокое (13 км сев. Орши).

Приказом командования армии № 20, отданным в 21.00 10.7, 7 мк отводился в ночь с 10 на 11.7 в район Королево, ст. Крынки, Лиозно за рубеж обороны 20-й армии и приказом командования фронта передавался в распоряжение командующего 19-й армией» (Архив МО. Ф. 208. Оп. 0338с. Д. 33).

Отходом 7, 5 мк и 1 мсд за рубеж обороны 20-й армии в ночь с 10 на 11.7 и закончился контрудар 6 и 7 к, входивших в состав 20-й армии.

Корпуса не овладели Лепелем, но продвинулись на 40—50 км западнее рубежа обороны армии, однако не выполнив той задачи, которая на них возлагалась.

Пространство от рубежа р. Березина до рубежа Витебск — Орша было насыщено ожесточенными боями танковых и моторизованных соединений и поддержкой (хотя и недостаточной) пехотных и артиллерийских частей общевойсковых дивизий. Правда, было очень мало поддержки со стороны нашей авиации. Бои характеризовались огромным количеством контратак с обеих сторон. Против наших мехкорпусов и 1 мсд противник имел несколько танковых и мотодивизий, впоследствии поддержанных подходящими соединениями 4-й и 9-й общевойсковых армий. Противник в воротах между Зап. Двина и Днепр имел свыше тысячи танков.

Его поддерживающая авиация наносила непрерывные удары группами по 40—50 самолетов по боевым порядкам мехкорпусов и 1 мсд. Причем много наших танков было выведено из строя ударами авиации. В боевом донесении фронту начштаба армии докладывал: «5 мк находится под интенсивными и непрерывными бом-

бардировкам авиации, от которых корпус несет потери...» (Архив МО. Ф. 208. Оп. 7874 сс. Д. 2).

Значительное количество выбывших из строя наших танков происходило от авиации и противотанковой артиллерии противника (ввиду недостаточной артподдержки наших мехкорпусов). Тягачи тянули артиллерию 7 км в час, а танки — 30 км. Наши мехкорпуса вывели из строя: у противника несколько сот танков и 1—2 дивизии. Потеряв сами немалое количество (что-то около 765 танков), некоторые наши танковые дивизии не вели боя около суток, потому что ожидали подвоза горючего и боеприпасов.

Кроме того, впереди направлений контрударов лежала цепь озер: 1-я — оз. Сарро, оз. Ходцы, оз. Липно, оз. Березовское, дальше оз. Богдановское, оз. Сенно и пункт Сенно, на который наносился удар (лежал на зап. берегу оз. Сенно).

2-я цепь озер в 20—25 км за первой оз. Стержень, оз. Жеринское, оз. Ямное, оз. Черейское, оз. Селява. Почему-то ни Ставка (главным образом), ни фронтовое командование, видимо, не придавали этому вопросу должного внимания. А армейское командование имело только несколько часов для того, чтобы организовать контрудар и передать необходимые распоряжения и приказы. Да и рассуждать было некогда: «Солдат — всегда солдат».

Основными причинами невыполнения задачи механизированными корпусами были: отсутствие авиационного и зенитно-артиллерийского прикрытия, массированные удары вражеской авиации, недостаточно налаженное взаимодействие между корпусами, а также между танками, артиллерией и стрелковыми частями; отсутствие необходимой четкости в руководстве войсками. Вот где нужна была механизированная армия со своим штабом и управлением, о которой на предвоенном совещании говорил П.Л. Романенко. Если бы эти корпуса были объединены в армию со своим штабом и командованием, совсем по-другому обстояло бы дело с управлением войсками.

В заключение следует сказать, что идея контрудара, подсказанная Ставкой, шла вразрез с теми мероприятиями, которые намечались до вступления С.К. Тимошенко в командование фронтом. В той обстановке целесообразно было бы сосредоточить 5-й и 7-й корпуса в треугольнике Смоленск — Витебск — Орша, чтобы

использовать их для нанесения контрудара в случае прорыва противником нашей обороны, созданной на линии Витебск — Орша.

В то время нам нужно было особенно экономно расходовать свои силы. При подавляющем господстве авиации противника и отсутствии данных о намерениях и силах врага выдвижение корпусов было связано с риском их окружения и уничтожения. Эффект же от этих действий ни в коей мере не мог окупить их потери.

Утром 6 июля 3-я танковая группа противника форсировала в двух местах р. Западная Двина — в районе Десны частями 19-й танковой и 18-й моторизованной дивизии, в районе Уллы частями 20-й танковой дивизии. В результате этого противником были захвачены плацдармы на северном берегу реки. В полосе, еще не развернувшейся окончательно, 22-й армии сложилась крайне напряженная обстановка.

Нанесенный контрудар 5-го и 7-го механизированных корпусов ослабил нажим противника. Вначале действия мехкорпусов развивались довольно успешно: оба корпуса, преодолевая сопротивление врага, достигли района севернее и южнее Сенно. Противник выдвинул сюда 17-ю и 18-ю танковые дивизии. В течение двух дней наши корпуса отражали натиск этих соединений, чем задержали продвижение всей 3-й танковой группы противника к Днепру. Особую доблесть проявили танкисты 5-го корпуса под командованием генерал-майора танковых войск Ильи Прокофьевича Алексеенко¹.

¹ Илья Прокофьевич Алексеенко родился в 1899 г. в семье крестьянина-бедняка в Гайворонском районе Курской области. В 1913 г. окончил начальное 4-классное училище. В 1915—1917 гг. работал в г. Ростове-на-Дону чернорабочим на макаронной фабрике Чурилина. С наступлением германских и гетманских войск на Украине в марте 1918 г. вступает добровольно в красногвардейский отряд, а затем в 74-й Курский пехотный полк. Участвовал в боях против немецких оккупантов, гайдамаков и белоказаков на южном фронте в районе Белгорода, Синельниково, Таганрога. В апреле 1919 г. был командирован на Курские пехотные командные курсы, а затем на 1-е Московские пулеметные курсы в Кремль. В январе 1920 г. по окончании курсов направлен на Юго-Западный фронт в 12-ю армию командиром пулеметного взвода, участвовал в боях против белополяков, а затем банд Махно и др. В боях был дважды ранен. К началу Великой Отечественной войны командовал 5-м механизированным корпусом.

Нужно иметь в виду также и то, что 2 июня командующим 4-й армии, в которую в это время вошли обе танковые группы Гудериана и Гота, был отдан приказ, по которому на сравнительно нешироком фронте вдоль Западной Двины и Днепра должны были одновременно перейти в наступление пять танковых корпусов группы армий «Центр» при массивированной поддержке авиации¹. Вот такими силами располагал противник во время нашего контрудара.

Глава вторая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 22-Й АРМИИ

По указанию маршала С.К. Тимошенко я прибыл в 22-ю армию с задачей: уточнить армии боевую задачу, помочь ей организовать оборону на участке Себеж и Витебск, разобраться в ее силах и средствах, связанных с развертыванием армии.

К моему появлению в армии там сложилась следующая обстановка.

Ряд соединений армии был хорошо укомплектован, но некоторые соединения уже понесли потери и были малочисленны. Так, например, в 126-й стрелковой дивизии насчитывалось всего 2355 штыков. В армии имелось немногим более сотни танков (из них Т-34 всего 15) и 698 орудий (в том числе 226 пушек калибра 45 мм)².

Командный пункт армии находился в лесу вблизи Невеля. Командовал армией генерал-майор Ф.А. Ершаков³ — волевой и хра-

¹ Гот Г. Танковые операции. С. 179—180.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 6740. Д. 1. Л. 33.

³ Филипп Афанасьевич Ершаков родился в 1893 г. в д. Танки Вяземского уезда Смоленской губернии. В 1907 г. окончил сельскую школу. Служил в царской армии. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Занимал ряд командных должностей. В 1934 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Перед Великой Отечественной войной был заместителем командующего войсками Харьковского военного округа, а затем командующим войсками Уральского военного округа.

брый человек. В проведении принятых решений был требователен и настойчив, характер имел спокойный, ровный. Его удачно дополнял начальник штаба армии — генерал-майор Г.Ф. Захаров¹.

22-я армия к 1 июля 1941 г. развертывалась и занимала оборону по северному берегу р. Западная Двина на фронте Краслава, Полоцк, Витебск, продолжая сосредоточение.

51-й стрелковый корпус армии имел в своем составе 112-ю в 98-ю стрелковые дивизии, вновь прибывающую 174-ю стрелковую дивизию и гарнизон Полоцкого УРа. Дивизии корпуса занимали: 112-я — участок Краслава, Лупанды, станция Богосово, 98-я — участок Дрисса, Николаево, где воздвигались оборонительные сооружения. Части Полоцкого УРа продолжали работы по совершенствованию укрепленного района. Гарнизон УРа был подчинен командиру 174-й стрелковой дивизии комбригу А.И. Зыгину. Из состава 174-й стрелковой дивизии к 30 июля прибыло всего 14 эшелонов.

62-й стрелковый корпус имел в своем составе 126, 186 и 153-ю стрелковые дивизии. В корпус временно включалась 170-я стрелковая дивизия, которая подходила из резерва. 186-я стрелковая дивизия занимала Себежский укрепленный район, но по мере прибытия 170-й дивизии это соединение перебрасывалось в район р. Западная Двина с задачей занять оборону на участке Бешенковичей. Ранее этот участок, в пунктах возможной переправы через р. Западная Двина, занимали несколько батальонов 153-й стрелковой дивизии.

153-я стрелковая дивизия силами войск и местного населения подготавливала круговую оборону города Витебска по линии

¹ Георгий Федорович Захаров родился в 1897 г. в с. Шклово Саратовской губернии. В 1914 г. окончил городское училище. Был призван в царскую армию, где в 1916 г. окончил школу прапорщиков. Член КПСС с 1919 г. В качестве командира 51-го отдельного стрелкового батальона 4-й армии участвовал в Гражданской войне. В 1933 г. окончил Академию им. М.В. Фрунзе, в 1939 г. Академию Генерального штаба. Занимал ряд командных и штабных должностей. Преподавал тактику в Военно-инженерной академии. Перед Великой Отечественной войной — начальник штаба Уральского военного округа. После войны генерал армии Г.Ф. Захаров на руководящей военной работе. Умер в 1957 г.

Мишкура, Терерки, отметка 178, исключительно станция Княжича, Бороники.

К моему приезду 22-я армия занимала, таким образом, оборону на фронте от Себежского укрепленного района до Витебска включительно. Линия фронта проходила дугой, выгибавшейся в сторону противника. Рубеж был выгоден для обороны, но полоса для армии была чересчур широка (200 км), так что на дивизию приходилось более 30 км.

Против войск 22-й армии наступали два армейских корпуса 16-й армии противника и соединения 3-й танковой группы Гота, насчитывавшие восемь пехотных, три танковых и три моторизованных дивизии. Кроме того, к р. Западная Двина в районе Дисны подходили две дивизии 9-й немецкой армии.

7 июля враг вошел в непосредственное соприкосновение с силами 22-й армии по всей ее полосе. Замысел противника заключался в том, чтобы уничтожить армию и выйти на фланг и в тыл всего Западного фронта. Для этого наносились концентрические удары по трем направлениям: на правом фланге через Себеж на Идрицу силами 10-го армейского корпуса, в центре — через Дисну и Ворковичи на Невель силами 57-го моторизованного корпуса и на левом фланге — через Городок на Великие Луки частями 39-го моторизованного корпуса. В центре удар носил вспомогательный характер. Он должен был сковать 22-ю армию с фронта, в то время как она будет окружена фланговыми ударами.

Это был излюбленный маневр немецких войск. Немцы называли его «котлом». Как правило, действия групп начинались или одновременно, или же центральная, сковывающая, группа начала действовать на сутки, на двое раньше, чтобы заставить нас притянуть к центру резервы и ослабить фланги. В данном случае немцы начали действия в центре на сутки раньше.

Отражение атак противника началось неорганизованно. Противник перешел в наступление с утра 7 июля, а штаб армии не знал об этом до вечера, хотя имел связь со штабом корпуса и со штабами дивизий. 7 июля в 24.00 мы получили странную телеграмму от командира 62-го стрелкового корпуса генерал-майора И.П. Карманова: «В 23.00 противник атаковал 166-й полк 126 сд

двумястами самолетов, нанес ему крупные поражения, и полк в беспорядке отходит».

Никто этой телеграмме не поверил, так как в то время немцы ночных воздушных налетов, да еще таким количеством самолетов, не совершали. Сообщение мне показалось неправдоподобным, и я решил лично выяснить все на весте.

Но на командном пункте командира 62-го стрелкового корпуса, куда я немедленно выехал, сделать это было нелегко, так как командный пункт находился в лесу в 50 км от передней линии, и генерал Карманов, к сожалению, очень мало знал о том, что происходит в войсках.

Вместе с Кармановым я выехал в штаб 126-й стрелковой дивизии, который располагался в лесу, на расстоянии 25—30 км от полков. Мне удалось выяснить, что командир 166-го стрелкового полка после небольшого артиллерийского огневого налета противника по боевым порядкам полка оставил свой командный пункт. Сообщение же о 200 самолетах, как я и предполагал, оказалось вымыслом.

Командира пришлось отстранять от должности. Приказано было собрать 166-й стрелковый полк, поддавшийся панике, и силами двух резервных батальонов контратаковать гитлеровцев, уже подходивших к району расположения штаба дивизии. Контратакой руководил командир дивизии. Мы с командиром корпуса находились тут же.

Надо сказать, что наши артиллеристы работали мастерски и батальоны дрались отлично. Несмотря на массированней огонь врага, мы отбросили гитлеровцев на несколько километров. Затем надлежало ввести свежие войска и занять новую линию обороны.

К этому времени был собран 166-й стрелковый полк. Людей набралось немало — более двух батальонов. Явился и сам командир полка. Я побеседовал с офицерами и установил, что потери полка в бою были совсем незначительными. Отход же начался потому, что полк лишился управления, ибо командир проявил малодушие.

Вновь назначенный командир полка уверенно повел часть в наступление. Батальоны устремились в решительную атаку и отлично дрались с врагом. На этом участке в последующие дни оборона была устойчивой.

К концу второго дня нашего пребывания на участке 62-го стрелкового корпуса мне доложили, что на правом фланге армии противник прорвал Себежский укрепленный район и в районе Себежа продвинулся на 30 км. Соседняя 27-я армия отошла. Это и поставило под удар правый фланг 22-й армии. Как стало известно теперь из немецких источников, против семи дивизий 22-й армии наступало 16 дивизий врага.

Мы немедленно выехали на участок 51-го стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор А.М. Марков. Нам предстояло проехать около 200 км, маршрут лежал через Невель. По пути мы заехали в штаб армии, откуда я донес маршалу Тимошенко о мероприятиях, проведенных в районе Дисна — Ворковичи.

Не доезжая Себежа, мы встретили командира и комиссара Себежского укрепленного района. Они оставили укрепленный район, так как считали, что не смогу его удержать. Пулеметные батальоны, составлявшие гарнизон укрепленного района, отступали.

Я приказал командованию укрепленного района приостановить отход и вернуться на оставленные позиции.

Через некоторое время мы уже были в районе боя за город Себеж на участке 717-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии.

Командир полка доложил мне, что ведет бой с превосходящими силами противника и что положение угрожающее. Он передал мне карту, только что захваченную у немецкого офицера, на которой был нанесен план немецкого наступления.

Личным наблюдением и по захваченным документам я определил, что здесь, на себежском направлении, наступает не менее двух немецких дивизий с танками. Их удар принял на себя один 717-й стрелковый полк под командованием майора М.И. Гогигайшвили¹ и героически сражался, сдерживая превосходящие силы врага.

На этом примере исключительной стойкости и героизма личного состава 717-го полка, наблюдая его действия в бою, я еще

¹ Гогигайшвили Малхау Израйлевич, 1905 г. рождения, член партии с 1926 г., командовал этим полком с августа 1939 г. (ЦАМО РФ. Оп. 9522. Д. 95. Л. 96).

раз убедился в высоких достоинствах наших солдат и командиров. Две усиленные ненецкие дивизии вели наступление на один полк. Спокойно и уверенно звучал голос майора Гогигайшвили. Решения принимались им сразу же и учитывали последующее развитие событий. Он экономно и удачно использовал огневые средства, особенно артиллерию, четко решал вопросы взаимодействия, ни на минуту не терял управления подразделениями. Уверенность командира передавалась всем подчиненным, и они мужественно и умело парировали таранные удары превосходящих сил врага.

Это был один из многочисленных примеров героизма и боевого искусства наших воинов, ярко проявившихся и в первые неимоверно тяжелые недели войны. А рядом — поведение командира Себежского укрепленного района, по вине которого были оставлены подготовленные позиции при отсутствии существенного нажима со стороны врага. Сопоставление убедительно показывало огромную важность дела подбора и подготовки командных кадров в мирное время.

Я подчинил командиру полка пулеметные батальоны укрепленного района и заверил его, что скоро подойдут резервы. Резервов же в действительности близко не имелось, кроме одного танкового батальона, который в тот момент находился в 50 км от места боя.

Очень скоро мы были на командном пункте командира 170-й стрелковой дивизии генерал-майора Т.К. Силкина. Он являлся командиром боевого участка, ему подчинялись укрепленный район и все войска, оборонявшие этот район. Я помог Силкину и его заместителям разобраться в обстановке и наладить управление войсками. Люди они были еще необстрелянные, и им было трудно в сложной обстановке.

К вечеру мы вновь побывали на участке 717-го стрелкового полка, чтобы посмотреть, как там развиваются события, подошли ли танки, как действуют пулеметные батальоны укрепленного района.

В 3—4 км от Себежа мне встретила небольшая группа людей, понуро бредущих по обочине дороги. Я остановился, остановились и встречные.

Это были красноармейцы одного из батальонов укрепленного района.

— В чем дело, куда вы идете? — спросил я их, выходя из машины.

Они молчали, еще ниже понутив головы. Я понял, что это были те, кто спасовал в бою. Они стыдились теперь смотреть друг другу в глаза.

— Бойцы, — сказал я, — вы напрасно ушли с передовой, враг страшен лишь тогда, когда его бояться. Есть среди вас сержанты?

Вперед робко вышел человек с двумя треугольниками на петлицах. Я спокойный тоном, но строго приказал:

— Товарищ сержант, постройте людей и немедленно отведите их в свою часть и сдайте командиру батальона, и скажите ему при этом, что заместитель командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Еременко задержал этих людей, когда они уходили в тыл...

В этот момент (я еще не окончил отдавать приказ сержанту) выскочил из группы на обочину дорога здоровенный детина в военной форме и, обращаясь к солдатам, закричал истошно:

— Не слушайте его, братва, не будем воевать, идем по домам, а ты... (гневно обращаясь ко мне) замолчи... — И одновременно, повернувшись ко мне лицом (до этого стоял ко мне боком), вскинул карабин на руку. Мой адъютант Хирных, стоявший рядом со мной, и три солдата, до этого стоявших безучастно, бросились к провокатору, обезоружили его и связали.

— Вот видите, товарищи, кого вы послушались, — сказал я.

— Да, это он мутит воду!

— Все толковал, что нас предали и что война проиграна, — раздалась возмущенные голоса.

— Это ложь, — отозвался я. — Военный трибунал выведет на чистую воду этого изменника Родины.

Найдя глазами тех, кто наиболее решительно двинулся против провокатора, я сказал им:

— Товарищи, ваше место на передовой. Помните, что русских никогда и никто не побеждал, а советских людей тем более никто не победит. Гитлеровская армия будет разбита.

Люди построились, подтянулись и быстро пошли в свои части. Я был уверен, что они больше никогда не спасуют перед опасностью.

В пору наших временных неудач, вместе с высоким патриотизмом и самоотверженной доблестью, подчас проявлялось и малодушие. Этим умело пользовались враги. Нужна была повседневная работа по воспитанию у бойцов бдительности, стойкости, уверенности в победе.

Благодаря принятым мерам наступление противника в районе Себежа на некоторое время было задержано. Мы возвратилась в штаб 22-й армии. Начальник штаба генерал-майор Г.Ф. Захаров доложил, что на левом крыле армии, в районе Витебска, на стыке 22-й в 20-й армий, враг 9 июля перешел в наступление. 98-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся на витебском направлении на широком фронте, отброшена и сосредоточивалась в лесах северо-западнее Городка. Направление Городок — Невель, по сути дела, осталось открытым.

— Какие есть резервы в районе Невеля? — спросил я Захарова.

— Есть четыре танка и четыре противотанковые пушки на быстроходных тракторах «Комсомолец» в составе отряда охраны штаба и один противотанковый полк, только что сосредоточенный севернее Невеля в армейский резерв.

После обмена мнениями и уяснения обстановки было решено подчинить противотанковому полку четыре танка и противотанковые пушки на тракторах «Комсомолец», усилить его ротой пехоты в количестве 40—50 человек и выдвинуть полк в направлении Городка с задачей задержать продвижение противника и не допустить его к Невелю до подхода наших резервов.

Противотанковый полк с приданным ему усилением выступил по тревоге в 16 часов 10 июля из района Невеля по шоссе Невель — Городок. Мы с группой офицеров выехали в этот полк уже в сумерках. Не доходя 20 км до Городка, полк остановился, здесь мы его и нагнали. Командир полка доложил обстановку и свое решение организовать на достигнутом рубеже оборону. Ему было приказано оставить один дивизион на этом рубеже, который очень удачно прикрывался озерами и болотами, недоступными для танков, дефиле же между непроходимыми участками местности могло простреливаться огнем орудий прямой наводки.

Полк и вместе с ним мы двинулись дальше. В 12 км от Городка на очень выгодной позиции была поставлена еще одна батарея. Она могла простреливать огнем дорогу и прилегающую к ней проходимую полосу местности. Таким образом, уже создавалась глубина нашей обороны, правда, пока что только вдоль дороги.

Продвижение оставшихся сил полка и средств усиления продолжалось так: танки двигались впереди, один из танков нес службу дозора (было светло — стояли белые ночи), за танками следовали две наши машины и командир полка. За нашими машинами двигались 45-мм пушки на тракторах «Комсомолец», за которыми шел дивизион 85-мм пушек.

Вдруг дозорный танк передал, что обнаружил противника, и остановился. Три бронемашины противника вышли на северную окраину Городка и, заметив наш танк, открыли огонь. Наши танки ответили. После четвертого выстрела одна бронемашина противника загорелась, а остальные попятились назад и скрылись за домами.

Мы решили организовать на этом рубеже оборону. В соответствии с этим решением артиллерийскому дивизиону, которым командовал капитан Чапаев (сын Василия Ивановича Чапаева), было приказано занять огневые позиции влево от дороги в 2,5 км севернее Городка, а 45-мм пушкам занять позиции вправо от дороги. Промежуток между артиллерийскими позициями на дороге заняли танки. Впереди были поставлены танки БТ-7 и Т-34, а в глубине, на удалении 150—200 м, — танки КВ. Огневые позиции артиллерии прикрывались ротой пехоты.

Враг, обнаружив наше выдвижение к Городку, усилил свои передовые части. Появились 3—4 танка, 5—6 бронемашин и до роты мотопехоты.

Как только мы заметили их появление, наша артиллерия, танки и стрелки открыли сильный огонь. Мы оказались в выгодном положении: наши огневые средства к этому времени были уже изготовлены к бою, а противнику пришлось развертываться под огнем.

В результате непродолжительного боя половина гитлеровских танков и бронемашин были подбиты. Остальные повернули назад и скрылись в городе. Настроение у танкистов, артиллеристов и пе-

хотинцев заметно поднялось, для них это была первая, хотя и небольшая, победа в первом в их жизни бою.

Задача заключалась в том, чтобы выиграть 15—18 часов, пока сюда подойдет 214-я стрелковая дивизия, выгружавшаяся из эшелонов между Невелем и Великими Луками. Я уже отдал ей приказ двигаться комбинированным маршем и выделял в распоряжение дивизии 100 автомашин. Дивизию отделяло от нас около 90 км.

Мы не знали точно, какими силами располагает враг в районе Городка, но решили держаться упорно. Как только мы сбили передовую группу бронемашин противника, я приказал открыть огонь. Огневой налет длился около 20 минут. Создавалось такое впечатление, что стреляет не менее 50 пушек и целый батальон пехоты, усиленный танками. Враг заметался, еще раз попробовал выдвинуться на восточную окраину Городка, но был снова отброшен артиллерийским огнем. Тогда гитлеровцы начали поспешный отход из города на запад. Почти сутки наш отряд держал врага на значительном расстоянии от города. За это время подошли части 214-й стрелковой дивизии.

К моему отъезду из 22-й армии 10 июля на Западном фронте сложилась следующая обстановка.

Все корпуса 22-й армии продолжали упорные бои. 170-я стрелковая дивизия 51-го стрелкового корпуса остановила продвижение противника на рубеже Кременцы, станция Кузнецовка, восточный берег озера Себежское, Селявы, Скоробово, Долгоново, Тепляки. На участке 112-й стрелковой дивизии этого корпуса во второй половине дня 9 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки противник перешел в наступление силами своих 111-й, 121-й пехотных дивизий и штурмовой дивизии. Наши части понесли больше потери, но героически удерживали свой район, и только на участке Плейка, Барсуки гитлеровцам удалось вклиниться в передний край обороны на глубину 1—2 км. Части 98-й стрелковой дивизии под сильным нажимом 14-й моторизованной дивизии отошли на северный берег р. Дрисса на участке Мартыново, Горовцы. 126-я стрелковая дивизия продолжала удерживать свои позиции.

Аналогично складывалась обстановка на участке 62-го стрелкового корпуса. 174-я стрелковая дивизия успешно отражала

атаки 18-й пехотной дивизии гитлеровцев на прежних рубежах. 186-я стрелковая дивизия на участке Улла, Бешенковичи была отброшена ударом превосходящих сил с рубежа р. Западная Двина. Враг форсировал реку и стремился развить успех на рубеже Датановка, Слобода, Плюнилка, Прудины. 170-я стрелковая дивизия по-прежнему вела бои в районе Невеля.

В первых же боях мы почувствовали, насколько назрел вопрос о создании танковых соединений и объединений, предназначенных для решения оперативно-стратегических задач и организации танковых частей для непосредственной поддержки пехоты. Не случайно он так остро обсуждался на декабрьском совещании 1940 г.

Если бы наши стрелковые войска, противостоявшие мощным ударам противника, были усилены танками, то они, конечно, смогли бы оказать захватчикам гораздо более сильное сопротивление.

Внедрение в армию мотора сделало пехоту подвижной, а широкое использование танков дало сухопутным войскам наряду с подвижностью громадную пробивную силу.

В первые же недели войны стрелковые войска на собственном опыте увидели, что успех их действий во многом зависит от наличия танков в боевых порядках. Танками укреплялась оборона, но особенно остро чувствовалась их необходимость при контратаках и контрударах, в ходе наступательных действий. В довольно редких случаях, когда удавалось усилить боевые порядки нашей пехоты танками, она действовала энергично, и наши контрудары и контратака приносили успех. Наоборот, при отсутствии танков наступательные действия протекали по большей части медленно и не приносили решительного успеха.

Убедившись в этом, я 7 июля 1941 г. направил Верховному Главнокомандующему донесение, в котором просил включить организованно в стрелковые войска танки непосредственной поддержки пехоты:

«Москва, Ставка, тов. Сталину.

Я лично, участвуя в боях 2—3 июля 1941 г. на Борисовском направлении и 4, 5, 6 июля 1941 г. в районе Дрисса, Барковичи, установил положительную роль наличия танков в боевых порядках пехоты.

В боях под Борисовом мотострелковая дивизия в сборные отряды, созданные из отходящих частей, усиленные 70 танками, оказывала исключительное по силе сопротивление и наносила короткие контратаки, которые противник не выдерживал.

Иное положение было в районе Барковичи, где я также организовал несколько контратак, но успеха не добился, нечем было “подбодрить” пехоту. Бои носят в данный период подвижную форму, поэтому командир дивизии при наличии у него танков мог бы всегда выбросить часть своих сил на машинах, что он зачастую и делает, но он лишен возможности усилить их подвижными огневыми средствами в виде танков. Появление наших танков на поле боя вместе с пехотой, даже небольшими группами, создавало замешательство в рядах противника.

Поэтому я прошу рассмотреть вопрос о возможности передачи пехоте 1—2 рот танков на дивизию или по крайней мере дать 1 батальон на корпус.

Я считаю, что наши танки Т-26 в механизированных соединениях принесут меньше пользы, чем в пехоте, правда, и механизированные соединения без танков Т-26 оставлять не следует (ибо других марок мало), но какую-то часть танков нужно пехоте дать, нужно укрепить ее стойкость.

Генерал-лейтенант Еременко

№ 346

7 июля 1941 года»¹.

Таким образом, и до войны и во время войны довольно остро ставился вопрос о необходимости как танковых соединений для решения оперативных задач, так и танковых частей непосредственной поддержки пехоты. К этому голосу, однако, по-настоящему не прислушались.

В организационных вопросах при создании танковых формирований были допущены крупные просчеты. Мы еще в 1935 г. создали танковые корпуса и шли в этом отношении впереди всех армий мира, но через два года, поддавшись влиянию тех, кто однобоко

¹ Личный архив А.И. Ерёменко.

воспринял ограниченный опыт испанской войны, расформировали танковые корпуса, допустив самую серьезную ошибку.

После того как были расформированы танковые корпуса, танки были переданы в состав стрелковых войск. По организационной структуре это были батальоны и бригады, на этой основе проходила вся боевая подготовка войск. Ни одно учебное наступление полка, батальона и даже роты не проводилось без танков. Если реально танков почему-либо не было, то делали макеты танков, использовали их для обозначения танков. Таким образом, обучение и воспитание войск проводилось в тесном взаимодействии пехоты, танков и артиллерии, без этого запрещалось проводить тактические занятия. Фактически же, пехота, воспитанная на совместных действиях с танками, в начале войны оказалась без какой-либо поддержки танков.

Так получилось потому, что те, кто отвечал за организацию войск, шарахались из одной крайности в другую. Сначала были ликвидированы начисто оперативные танковые формирования, а затем с такой же категоричностью были уничтожены танковые части непосредственной поддержки пехоты.

В 1939 г., когда начали создаваться механизированные корпуса, в них были включены все танковые бригады и батальоны, так что пехота оказалась оголенной и осталась совершенно без танков.

Для механизированных корпусов при этом были составлены также весьма неразумные штаты. Корпус имел в своем составе две танковые и одну мотострелковую дивизии, всего 1200 танков. Это была явная перегрузка. Мотострелковая дивизия имела до 300 танков, в то время как опыт показал, что для нее было достаточно иметь в каждом мотострелковом полку по одному батальону. Значит — три батальона и один батальон в распоряжении командира дивизии (последнего можно было бы и не иметь). Даже с учетом этого батальона всего на мотострелковую дивизию хватило бы 120—130 танков, и из танковых дивизий легко можно было взять по 30—40 танков, так что за счет механизированного корпуса можно было сэкономить до 250 танков. Это давало возможность создать не менее шести танковых батальонов непосредственной поддержки пехоты.

Если бы это было сделано с каждым механизированным корпусом, то у нас было бы вполне достаточно танков, чтобы сформировать 60—70 танковых батальонов непосредственной поддержки пехоты. 70 стрелковых дивизий, действовавших на главном направлении, могли быть обеспечены танками непосредственной поддержки пехоты, причем такое мероприятие совершенно не уменьшило бы боеспособности механизированных корпусов. Если даже допустить, что механизированные корпуса были бы несколько ущемлены, то и тогда следовало смело идти на это, ибо соответствующее усиление стрелковых войск придало бы им новые качества высокой боеспособности. К этому мы их настойчиво готовили, учили и воспитывали.

10 июля я вернулся в штаб фронта, расположенный в населенном пункте Гнездово под Смоленском. В штабе находились маршалы С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошников. Я ознакомил их с обстановкой на участке 22-й армии и высказал приведенные выше соображения о действиях войск армии, с которыми они согласились. Подробно я доложил о проведенных мною мероприятиях под Себежем и в районе Городка.

Между тем события в полосе 22-й армии продолжали развиваться.

К исходу 10 июля армия вела исключительно ожесточенные бои с превосходящими силами противника, которые охватывали с флангов Себежский и Полоцкий укрепленные районы.

В течение последующих трех дней части 22-й армии, продолжая вести исключительно напряженные бои, под давлением превосходящих сил противника отошли в восточном направлении: 51-й стрелковый корпус на рубеже Сойно, Мищево (западнее и юго-западнее Пустошка), оз. Жадро, оз. Свибло, имея перед собой части 2-й моторизованной дивизии и 290-й пехотной дивизии, 112 и 98-я стрелковые дивизии — на рубеже Воловники, Юхновичи, Клястицы, Головчицы, Грибово, Селявщина. Противник силами армейского корпуса наносил удар на фронте Старый Двор, Боровуха. Во второй половине дня 16 июля пехотная дивизия, посланная на машины и усиленная танками, ворвалась в гор. Невель, а спустя два дня 19-я танковая дивизия противника, развернув из

района Витебск — Велиж свой удар на север, захватила гор. Великие Луки.

174-я стрелковая дивизия вела упорные бои на рубеже плат. Бор, Боровуха, контратаки ее частей с рубежа Замотина, Боровуха в направлении Владычино не имели успеха.

186-я стрелковая дивизия, оказывая упорное сопротивление врагу, вела бои на рубеже Захарово, Машиневичи.

98-я стрелковая дивизия, отброшенная на север за реку Дрисса, приводила себя в порядок в районе Мартыново — Боровцы.

214-я стрелковая дивизия продолжала вести бой севернее г. Городок.

Таким образом, к исходу 19 июля 22-я армия упорно оборонялась на своем правом фланге на рубеже ст. Забелье, оз. Должское. Центр и левый фланг армии оказались в окружении, но войска героически продолжали упорные бои, находясь в окружении; особо сильные бои были в районе Чурилово, Холменец, оз. Езерище и в других районах. Тяжелым ударом для нас был захват противником Великих Лук.

126-я стрелковая дивизия успешно отражала натиск пехоты противника, поддержанной танками на рубеже ст. Забелье.

170-я стрелковая дивизия вела бои двумя группами. Одна, оборонявшаяся в дефиле между озерами Уща и Должское, была потеснена на восток и оставила этот выгодный рубеж. Группу обходили с флангов.

Таким образом, к двадцатым числам июля на участке 22-й армии обстановка складывалась весьма невыгодно для нас.

Под давлением превосходящих сил противника и под угрозой полного окружения войска армии вели тяжелые бои, то и дело пробивались из окружения, отходили с одного рубежа на другой.

Воины армии в этих тяжелых условиях совершили немало героических подвигов. События, связанные с действиями этой армии, ждут, однако, своего исследователя, пока еще нет более или менее подробного описания боевого пути этой армии, особенно в первые недели войны.

Что следует особо подчеркнуть в поведении наших войск, попавших в окружение, так это то, что все их части и соединения

перед превосходящими силами противника не терялись, не падали духом, а принимали все меры к тому, чтобы как можно больше нанести потерь врагу и выйти из окружения. Это была, если можно так выразиться, генеральная линия поведения наших войск, попавших в окружение. Вот и сейчас, когда большинство частей и соединений 22-й армии попали в окружение превосходящих сил противника, командарм принял решение вывести дивизии из окружения и отдал соответствующие этому решению приказания дивизиям. Во исполнение этого приказа дивизии вели бои в следующих районах. 170-я стрелковая дивизия вела бои в двух группах, одной удерживала рубеж Станьково, оз. Удрай, второй группой вела тяжелые бои в окружении в лесу западнее Усть. Дальше она пробивалась к основным силам.

126-я стрелковая дивизия, действовавшая в центре, прорвала кольцо окружения и двумя полками отбивала ожесточенные атаки гитлеровцев, отошла и укрепилась на рубеже Селище, Горы.

112 и 98-я стрелковые дивизии, действуя в тесном взаимодействии между собой, прорвали заслон противника и с боем выходили из окружения, развивая удар в северо-восточном направлении на соединение с частями 170-й стрелковой дивизии и другими дивизиями. Головные части этих дивизий во второй половине дня 20 июля пересекли шоссе Постошка — Невель на участке Бегуново — Барконы.

174 и 186-я стрелковые дивизии, окруженные в районе Новохомск, в тяжелых боях прорвали кольцо окружения и наносили удар в обход Невеля, выходили на новые рубежи обороны.

Таким образом, план гитлеровского командования взять в котел 22-ю армию и уничтожить ее сорвался. Наши войска показали высокие боевые качества, они своими героическими действиями сорвали план врага.

О героических действиях войск 22-й армии свидетельствует и сам противник. Начальник Генерального штаба немецких войск генерал-полковник Гальдер неоднократно возвращается к вопросу боев в районе Невель, и это, конечно, не случайно. Вот что он пишет в своем дневнике 21 июля:

«В районе Невель, где из окружения вышли значительные силы противника, продолжают упорные бои. Нашим войскам пришлось оставить Великие Луки»¹.

А на второй день, 22 июля, пишет вот что:

«После того как нашим войскам не удалось окружить противника в районе Невель и пришлось оставить Великие Луки, шансы на крупный успех операции, которая привела бы к подавляющему превосходству на нашей стороне, значительно уменьшились».

Я хочу привести еще одну выдержку из дневника Гальдера, где он занимается самокритикой.

«На фронте группы армий “Центр” противнику удалось разорвать кольцо окружения в районе Невель. Пока еще нельзя сказать, почему противнику удалось выйти из окружения. Возможно, в этом виновен слишком резкий поворот 19-й танковой дивизии на Великие Луки. Во всяком случае, обстановка складывается печально. Вышедшие из окружения части противника двигаются на Великие Луки, в результате чего положение 19-й танковой дивизии уже сегодня испытывает очень большие затруднения, станет крайне тяжелым. Сегодня вообще обстановка на ряде участков фронта группы армий “Центр” резко обострилась. На южном фланге группы армий противнику удалось вклинуться в наш фронт».

И далее:

«Ожесточенность боев, которые ведут наши подвижные соединения, действующие отдельными группами, а также медленность прибытия на фронт пехотных дивизий, подтягивающихся с запада, и медлительность вообще всех продвижений по плохим дорогам и, кроме того, большое утомление войск, с самого начала войны непрерывно совершающих длительные марши и ведущих упорные кровопролитные бои — все это вызывало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно это ярко выразилось в совершенно подавленном настроении главнокомандующего сухопутными войсками»².

¹ Дневник Гальдера. С. 154—155.

² Там же. С. 155—156.

Гальдер, чтобы успокоить себя, пытается объяснить провал своих планов разными причинами. Сами же планировали, чтобы подвижные соединения поглубже вторгались в нашу страну, не оглядываясь на отставание пехоты, а теперь выставляют глубокие удары подвижных войск как причину своих неудач. Фашисты знали и о наших плохих дорогах, а теперь и их выставляют как причину своего поражения. А ведь дороги были одни и те же что для нас, что и для противника. Все эти причины надуманы для того, чтобы спрятать за ними свой провал, спрятать свои просчеты. Господин Гальдер и другие запутались в своих расчетах и начинают блудить в трех соснах. Ну, блудите, вам делать больше нечего.

Глава третья

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 20-Й АРМИИ

Перед Смоленским сражением 20-я армия, которой командовал генерал-лейтенант Курочкин Павел Алексеевич, получила задачу не допустить прорыва противника на восток на фронте Витебск — Орша.

20-я армия занимала оборону от Витебска до Орши и далее по левому берегу Днепра до Шклова. Полоса обороны армии достигала 110 км.

Справа оборонялись войска 88-й армии, через фронт которой продолжали отходить войска 11-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.И. Морозова, понесшие значительные потери в предыдущих боях.

Слева оборонялась 13-я армия, через фронт этой армии отводились остатки 20-го механизированного корпуса и остатки 4-й армии.

Таким образом, 20-я армия, находясь в первом оперативном эшелоне вновь образованного Западного фронта, имела задачу прикрывать наиболее важное оперативное направление Орша— Смоленск и во взаимодействии с войсками 22-й армии — витебское направление.

Для выполнения этой задачи в армии имелось девять стрелковых дивизий, два механизированных корпуса. Правда, эти механизированные корпуса понесли большие потери при контрударах, были значительно ослаблены. И все же после этого в армии еще имелось около 700 танков (главным образом БТ-7 и Т-26, 93 орудия, из них 45-мм — 417 и 41 миномет).

Положение войск армии характеризовалось тем, что часть сил армии занимала оборону, подготавливая оборонительные полосы, а часть вела боевые действия или находилась в стадии сосредоточения. Так, 69-й стрелковый корпус занимал оборону в полосе 60 км, имея все три дивизии в первом эшелоне: 153-я стрелковая дивизия (командир дивизии полковник Н.А. Гаген). Дивизия, сформированная в Уральском военном округе, прибывшая на фронт, выгрузилась в районе Витебска, получила задачу занять оборону на участке по фронту 50 км от Витебска до Гогушевска и приступить к оборудованию оборонительной полосы

233-я дивизия (командир полковник Г.Ф. Котов). Она заняла оборону на фронте 17 км от оз. Девинское, Ключовка, и также приступила к укреплению своих позиций.

229-я дивизия (командир генерал-майор М.И. Козлов), прибывшая из Московского военного округа, выгрузилась на ст. Орша, заняла оборону на фронте 13 км: Верх. Александровка, вост. берег озера Кричино, зап. окраина Гогушевск, оз. Серокорытка и приступила к укреплению своих позиций.

73-я дивизия (командир полковник Акимов) занимала оборону на фронте: Запрудье, Пустынки (что 2 км южнее Орши).

18-я дивизия (командир К.В. Свиридов) занимала оборону: Пустынки, Копысь.

137-я дивизия полковника И.Т. Гришина сосредоточилась в районе Стайки, что в 17 км севернее Орши, Соловьи, Кобыляки. Она находилась в резерве армии.

2-й стрелковый корпус (командир генерал-майор А.Н. Ермаков), включенный в состав 20-й армии двумя стрелковыми дивизиями — 100-й и 161-й — отходил в полосу армии, находясь в 50 км западнее реки Днепр, а 144-я стрелковая дивизия генерал-майора

М.А. Пронина этого же корпуса заканчивала сосредоточение в тыловом районе армии в 40 км от переднего края.

5-й и 7-й механизированные корпуса, как я уже указал в первой главе, отошли за фронт обороны 20-й армии.

Таким образом, оперативное построение армии было в два эшелона. В первом эшелоне — восемь стрелковых дивизий, но только пять из них занимали рубеж обороны, три дивизии еще вели боевые действия далеко перед передним краем обороны и имели большой (до 50 %) некомплект в личном составе и вооружении (некоторые стрелковые дивизии первого оперативного заслона армии получили для обороны широкие полосы (153 сд, 69 ск — 46 км).

Во втором эшелоне армии были два мехкорпуса, значительно ослабленные, и одна стрелковая дивизия.

В инженерном отношении оборона была подготовлена крайне недостаточно, не было времени, чтобы ее укрепить, особенно слабо применялись заграждения — мало, почти не было колючей проволоки и других средств заграждения. Из-за недостатка противотанковой артиллерии командующий армией не имел подвижного противотанкового резерва, не имели его и корпуса.

Так было в наиболее организованной 20-й армии, а в других армиях дело обстояло хуже.

Таким образом, Смоленское сражение началось в условиях незавершенности развертывания войск Западного фронта на новом оборонительном рубеже, незаконченного инженерного оборудования района оборона и значительного превосходства противника в пехоте, танках и полного превосходства в авиации.

Активные оборонительные бои развернулись одновременно на Невельско-Великолукском, Орша-Смоленском и Могилевско-Рославльском направлениях. На Смоленском направлении противник наносил удары силами 3-й танковой группы из района Витебск и силами 2-й танковой группы из района Могилев с целью окружить и уничтожить смоленскую группировку советских войск (20, 19 и 16-й армии), открыв, таким образом, путь на Москву.

Гальдер, начальник Генерального штаба немецко-фашистской армии, так формулировал эту задачу:

«Группа армий “Центр” должна была двухсторонним охватом окружить и ликвидировать действующую перед ее фронтом группировку противника и, сломив таким образом последнее организованное сопротивление противника на его растянутом фронте, открыть себе путь на Москву» (Дневник Гальдера. С. 51).

Против 20-й армии наступали 47-й моторизованный корпус и одна дивизия 46-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы, а также одна дивизия 39-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы (всего три танковые и две моторизованные дивизии).

Вслед за 2-й и 3-й танковыми группами противника подходили 9-я и 4-я общевойсковые армии, а после ликвидации под Минском нашей группировки эта армия быстро подошла на фронт — Себеж, Витебск, Орша, Шклов, Могилев и южнее.

Главный удар противник наносил на флангах 20-й армии: Витебск, Рудня, Духовщина — Ярцево, Шклов, Горки, Смоленск, Ельня.

Противник пытался нанести удар и через Оршу на Смоленск и даже южнее Орши, форсировав Днепр. Но контратаки соединений 20-й армии — 1 мсд и 73 сд, 229 сд не пропустили его с ходу прорваться по автострате на Смоленск.

В этих боях сыграли большую роль инженерные войска 20-й армии и особенно полковник Стариков Илья Григорьевич, представитель инженерного управления Западного фронта, на котором было возложено руководство службой минирования и заграждения на фронте 20-й армии. Стариков, будучи высококвалифицированным специалистом — инженером-минером, с помощью армейских саперов быстро заминировал и создал другие виды заграждения на автострате Минск — Москва и в полосах, к ней прилегающих. Наиболее сильные заграждения были возведены в полосе предполья обороны и на подходах к главной оборонительной полосе. Особое внимание было уделено укреплению самого города Орша. Противник не мог пробраться через эти заграждения, и это отчасти, конечно, повлияло на то, что враг не мог развивать свой удар на главной магистрали — через Оршу на Смоленск и далее на Москву, а должен был искать решение на флангах армии.

На участке южнее Орша, Пустынки, Копысь, Копысь — Шклов противник 10.7 пытался с ходу форсировать р. Днепр и кое-где переправиться на восточный берег, но контратаками частей 20-й армии (1, 7, 18 сд и другими) был отброшен на западный берег Днепра.

9—10 июля противник сильными танковыми отрядами и моторизованной пехотой разведывал боем нашу оборону, нащупывал слабые места в нашей обороне, а они, к сожалению, были, хотя в этом и неповинны войска и командиры.

Надо сказать, что ввиду растянутости участков обороны стрелковых дивизий оборона армии не была сплошной. Состояла она из опорных пунктов, батальонных узлов сопротивления, главным образом созданных в важных населенных пунктах, узлах дорог, в районах переправ через реки и т.д. Промежутки между узлами сопротивления перекрывались пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. В этих промежутках не было сплошной линии окопов и траншей. Траншей вообще не было, они были заменены групповой тактикой. Это была крупная ошибка, в ходе войны пришлось исправлять ее. Были отдельные ячейковые окопы и щели. Промежутки между узлами сопротивления занимались мелкими подразделениями в виде боевого прикрытия. Это были слабые места нашей обороны.

Некоторые дивизии не имели вторых эшелонов и в резерв выделяли батальон, максимум два. Так выглядела оборона 20-й армии южнее Орши к началу форсирования противником Днепра.

14 июля, когда главные силы немецкой танковой группы (47-й и 46-й моторизованные корпуса) выдвинулись на р. Днепр южнее Орши и севернее Могилева, противник приступил к форсированию реки на всем протяжении от Орши до Нов. Быхов и далее на юг. С подходом пехотных дивизий 9-й и 4-й полевых армий к участку форсирования противник имел почти четырехкратное превосходство в силах и средствах, а в отношении авиации, то здесь противник имел полное господство в воздухе.

39-й моторизованный корпус врага еще 9 июля нанес удар на Витебск, вклинился в нашу оборону в полосе 22-й армии и, обходя правый фланг 20-й армии, овладел Витебском.

Войскам 20-й и 13-й армий, оборонявшим рубеж р. Днепр, не удалось при всей боевой напряженности воспрепятствовать превосходящим силам противника форсировать реку.

К вечеру 11 июля враг захватил плацдармы южнее Орши и севернее Быхова, а с утра 12 июля перешел с этих плацдармов в наступление в восточном направлении.

В сложившейся обстановке командующий 20-й армией выдвинул на фланги часть своих сил, а в район развилки дорог Витебск — Смоленск, Орша — Смоленск выдвинул 57-ю танковую дивизию полковника М.С. Мишулина с задачей обеспечения флангов в тылу 20-й армии в глубине и быть готовой к нанесению контрудара на юг от станции Гусино на Красный и на севере на Каспля.

После того как противник ворвался в Витебск и контрудар 19-й армии по освобождению Витебска не имел успеха, командующий 20-й армией решил: 153 сд оттянуть на реку Лучеса и занять на реке рубеж обороны. В это время командующий Западного фронта, видя тяжелое положение 19-й армии, переподчинил ей из 20-й армии 163 сд и 7 мк. Но это усиление не придало устойчивости 19-й армии, ибо вскоре 147 и 153 сд ввиду отхода других соединений 19-й армии и вклинение 13.7 в стык 153 и 229 сд противника, оказалась в окружении, а что касается 7 мк, то он после контрудара был значительно ослаблен и конечно не мог оказать существенного влияния на устойчивость 19-й армии.

Здесь следует упомянуть и о таком случае, который сыграл в управлении войсками 13-й армии отрицательную роль.

В самый тяжелый и ответственный период командующий 19-й армии генерал-лейтенант И.С. Конев отстранил от должности начальника штаба 19-й армии генерал-майора Рубцова Петра Николаевича. Я не имел тогда времени, чтобы разобраться с этим вопросом, но знаю, что от этого волевого жеста армия ничего не выиграла, а наоборот, управление войсками ухудшилось и рассеянная 13-я армия начала откатываться на северо-восток и юго-восток, обнажая правый фланг 20-й армии.

Таким образом, правый сосед 20-й армии — 19-я армия — в период с 12 по 15 июля под ударами танковых и моторизованных дивизий 3-й танковой группы перешла частью сил на северо-

восток, а частью сил — на юго-восток. Противник устремился в образовавшийся разрыв фронта и к вечеру 15 июля выдвинулся двумя танковыми дивизиями в район Духовщина севернее Ярцево, а частями моторизованной дивизии занял Демидов. Тремя днями раньше противник овладел г. Велиж и теснил наши части в северо-восточном направлении.

Сопrotивление войск 19-й армии, пытавшихся овладеть Витебском, ослаблялось и тем, что войска 22-й армии уже отходили в северо-восточном направлении.

Правофланговые дивизии 20-й армии, будучи глубоко охвачены с севера подвижными соединениями противника, наступавшими на восток от Витебска и атакованы 12-й танковой дивизией с фронта, начали отходить. Начала отход из района южнее Орши и левофланговая дивизия армии под ударами двух танковых дивизий противника. В образовавшийся в глосе армии прорыв противник ввел новые войска, развивая удар в общем направлении на Смоленск. Над армией нависла угроза окружения.

В сложившейся обстановке командующий армией привлек все возможные силы для отражения натиска врага. Войска армии проявили высокую стойкость и упорство. Так, в районе Богушевск 13 июля наши соединения нанесли ряд контратак, в результате которых усилиями 69-го стрелкового корпуса совместно с частями 5-го механизированного корпуса удалось остановить врага и даже отбросить его части на несколько километров на запад.

Для прикрытия флангов 20-й армии были выдвинуты армейские и фронтовые резервы. События продолжали осложняться на правом фланге армии, противник прорвался к Рудне, но там он встретил отпор. Занявшая оборону 144 сд на втором рубеже преградила врагу путь на Смоленск. 153 сд, оборонявшаяся по р. Лучеса (возвращенная в состав армии), не оставляя занятого рубежа обороны, продержалась в окружении около 5 суток, с 14.7 по 19.7, затем, действуя организованно, решительно и смело прорвалась из окружения и вышла в район западнее Любавичей.

В это же время 21-я армия, действуя на левом крыле фронта, переправилась через Днепр (о чем было сказано выше), наносила

контрудар на Бобруйск с юго-востока (это было ободряющим моментом для всех войск фронта).

14 июля командующий Западным фронтом отдал приказ, в котором требовал от всех войск фронта самых активных и решительных действий по уничтожению прорвавшегося противника, восстановлению фронта обороны.

22-й армии приказывалось нанести удар в направлении города Витебск, 19-я армия должна была овладеть к исходу 16 июля городом Витебск.

20-я армия получила задачу к исходу 16 июля ликвидировать прорыв на фронте Орша, Шклов, а в ночь 15 июля нанести удар на Горки и отрезать прорвавшиеся туда танковые части противника.

Удар в направлении Горки должны были нанести и некоторые соединения 13-й армии и войска ослабленной 4-й армии, но взаимодействия этих войск не были увязаны во времени и местности, одни части опоздали из-за большого расстояния, другие были задержаны на марше непрерывным воздействием авиации врага и т.д.

Противник понимал наше намерение отбросить его силы за Днепр и поэтому быстро развивал успех своими подвижными войсками и опережал наш маневр по сосредоточению войск для контрудара.

С утра 15 июля некоторые из соединений левого фланга 20-й армии контратаковали противника, однако серьезного успеха не имели. Только 57 тд имела небольшой успех: ударила по флангу одной мотоколонны, двигавшейся в направлении Горки, и затем отошла в свой район, откуда прибыла. 1-я мотострелковая дивизия решительной контратакой потеснила 18-ю танковую дивизию врага, уничтожила до батальона мотопехоты, захватила 150 пленных (из них 6 офицеров), автомашины и штабные документы. Упорные и ожесточенные контратаки довели дивизии 69-го стрелкового корпуса в направлении Копысь, но они не принесли успеха; 5-й механизированный корпус, вышедший для нанесения контрудара в район севернее Красное, попал под удары авиации противника и перейти в наступление не смог.

Таким образом, войскам 20-й армии, как и другим армиям левого крыла Западного фронта, не удалось путем нанесения контру-

даров отбросить противника и восстановить положение обороны по Днепру.

Стрелковые соединения 20-й армии и ее соседей обладали меньшей подвижностью, чем вражеские моторизованные и танковые войска, и, имея недостаточное количество артиллерии, не смогли сдержать наступление превосходящих сил пехоты и моторизованных войск противника.

Неустойчивость нашей обороны на рубеже р. Днепр была обусловлена отсутствием у наших войск вторых эшелонов, не было ни тактических, ни оперативных резервов.

И, несмотря на слабость нашей обороны, все же наши войска сорвали план врага на окружение и уничтожение нашей Смоленской группировки войск. В срыве этого плана принимали участие части нескольких армий, но главную роль в этом сыграла сама 20-я армия, которая вела бои в полуокружении, а под конец сражения в полном окружении в районах: Орша, Рудня, Северное, Красный, южнее Демидова и в других пунктах, оказывая врагу чрезвычайно упорное сопротивление. В этот период больше всего я находился на своем КП в районе Смоленска, где уже какой день идут весьма напряженные бои за город Смоленск. С утра 20 июля я наблюдал за боем 129 и 152 сд, 16-й армии, которые контратаковали противника в городе Смоленск. В этот момент ко мне подошел офицер, поддерживавший связь с 20-й армией, и доложил: «Товарищ генерал-лейтенант, мне сейчас передали из 20-й армии для доклада вам, что 57-я танковая дивизия 20-й армии из района Тужино — Архиповка, что в 12—15 км западнее Смоленска, повела контратаку на немецко-фашистскую дивизию в направлении Каспля. Удар для противника был неожиданным, 57-я стрелковая дивизия имеет успех. Подробности боя еще неизвестны».

— Передайте командующему-20, — сказал я офицеру, — что через два часа я буду у него на КП армии.

Командный пункт 20-й армии находился в лесу, примерно в 15 км севернее Гусино (я и без этого сообщения собирался к вечеру этого дня побывать на КП 20-й армии, а этот случай как бы подтолкнул меня).

В точно назначенный срок я прибыл на КП армии. Меня встречали командующий 20-й армией генерал-лейтенант Курочкин Павел Алексеевич, член Военного совета корпусной комиссар Ф.А. Семеновский, начальник штаба армии генерал-майор П.В. Корнеев.

После обычных приветствий и короткого оперативного доклада командарма о боевых действиях армии был предложен чай. Я принял это приглашение, это меня устраивало. Я хотел за чашкой чая поближе познакомиться с руководящим составом армии в разговорах на свободную тему.

К 20—21 июля обстановка на Западном фронте все более накалялась, борьба ожесточилась и тот страх и некоторая растерянность, которая, к сожалению, хотя и частично, была в войсках армии в начале войны, навеянная внезапностью нападения противника, теперь уже прошли. Сейчас отлично дрались соединения и части 20, 16, 13-й и других армий.

Большинство командиров руководило боем самоотверженно и умело.

Учитывая все эти обстоятельства, я решил провести короткое совещание с руководящим составом 20-й армии, на котором заслушать обстановку, сложившуюся на фронте 20-й армии к данному числу.

Предложение армии о плане дальнейших боевых действий, заслушать короткое сообщение о политико-моральном состоянии войск, и третий, главный вопрос, который я должен осветить на совещании — это моя информация о состоянии войск фронта (в пределах возможного) и их боевых делах, о ближайшей задаче 20-й армии.

На совещании присутствовали: командарм, член Военного совета, начальник штаба армии, начальники оперативного и разведывательного отделов штаба, командующие родов войск и служб, представители начальника тыла.

Первое слово получил начальник штаба генерал-майор Корнеев, который довольно грамотно, ясно и четко изложил обстановку и сделал следующие выводы: армия вполне боеспособна, войска дерутся храбро и упорно, стойко обороняются и смело контратакуют.

Противник стремится с флангов подрезать армию, особо большой нажим идет на правый фланг армии с направления Витебск — Рудня; учитывая это, армия хорошо прикрывает это направление. План дальнейших действий армии штаб подработал, и он находится сейчас на рассмотрении командарма.

Вторым выступил член Военного совета корпусной комиссар Семеновский.

Он сказал, что политико-моральное состояние войск армии высокое, офицерский состав 20-й армии в подавляющем большинстве обладал теми качествами, которые необходимы для ведения упорной борьбы с сильным врагом: преданность Родине, воля к победе, самоотверженность, умение организовать бой и вести за собой подчиненных.

В подтверждение этому он приводил много примеров, привел и последний пример героических действий 57-й танковой дивизии на Каспле.

Тов. Семеновский также остановился на большой работе партийных организаций, направленной на укрепление боеспособности войск.

Затем выступил командующий армией генерал-лейтенант Курочкин Павел Алексеевич. Он говорил очень коротко, но ясно излагая свои мысли. Он был согласен с выступлениями т.т. Корнеева и Семеновского.

В заключение он доложил на мое утверждение план выхода из окружения 20-й армии, нанесенный на карте, в нем были показаны полосы, проложены маршруты, изменены рубежи для отхода каждой дивизии.

В легенде, приложенной к карте, давались указания дивизиям об обеспечении стыков прикрытия флангов и т.д.

20-я армия отходила сложными маршрутами, но цель ясна: сохранить армию, прорваться из окружения и выйти в район Соловьевских переправ, действуя правее 16-й армии, и тем самым обеспечить действия 16-й армии с запада.

После некоторых корректив 22 июля утвердил этот план. Последний на совещании выступал я. В своем выступлении сказал: упорные бои развернулась на всем протяжении Западного фрон-

га, особого ожесточения они достигли в городе Могилеве, где в окружении героически дерется 172-я стрелковая дивизия, которой командует храбрый генерал-майор тов. Романов, в районе Ярцево 19—20 июля город несколько раз переходил из рук в руки. 19 июля противник занял Ельню. 19-я стрелковая дивизия 24-й армии, оборонявшая Ельню, не сумела защитить город.

Выход противника на линию Великие Луки, Духовщина, Ярцево, Ельня сделал еще более тяжелым положение Западного фронта, но в связи с тем, что Ставка Верховного Главнокомандования передает Западному фронту из своего резерва 29, 30, 24, 28-й армии, которые заканчивают сосредоточение на рубеже: Осташков, Ржев, Ельня, Брянск. Эта забота Ставки о Западном фронте окрыляет нас, и мы как следует используем эти армии для того, чтобы не только остановить развитие удара врага на Москву, но и нанести ему большое поражение и безусловно обеспечить выход из окружения героических 20-й и 16-й армий.

Вашим соседом по окружению осталась только одна 16-я армия, а штаб и управление 19-й армии, передав свои довольно потрепанные две стрелковые дивизии (127 и 156 сд), выведены из окружения через Соловьевскую переправу.

16-я армия имеет сейчас пять стрелковых дивизий, хотя уже и потрепанных значительно, но дерется в бою героически, уже несколько дней она ведет бои за Смоленск. Задача 20-й армии, как армии более сильной, состоит в том, чтобы вывести армию из окружения, придерживаясь намеченного плана, тесно взаимодействовать с 16-й армией, помогать ей, всегда действовать организовано, смело, решительно. Цель — сохранить армию и вывести ее из окружения, елико возможно сохранить технику и все орудие. Стараться нанести врагу наибольшие потери.

Командирам и политработникам в особенности всегда находиться среди войск и непрерывно укреплять в сознании наших бойцов волю в нашей победе над врагом. Мы, руководители, глубоко в этом убеждены, но надо донести это убеждение и до глубокого сознания всех воинов 20-й армии.

После совещания мне подробно доложили результаты контракта 57-й танковой дивизии, они были просто блестящими — раз-

громлено два полка, взяты большие военные трофеи, в том числе двадцать тяжелых орудий.

Я здесь же, с КП армии, послал телеграмму Верховному Главнокомандующему с ходатайством о присвоении тов. Мишулину звания Героя Советского Союза, а многие воины, офицеры и солдаты были представлены к правительственным наградам. И как известно, на второй день был опубликован Указ о присвоении тов. Мишулину Героя Советского Союза и генерал-лейтенанта.

После этого я поехал в район Соловьевской переправы, которая была под непрерывным воздействием авиации противника, враг пытался закрыть эту «воронку», через которую шел весь поток грузов по снабжению армии и продовольствием, и горючим, и снарядами, и другими видами боевого питания. Поток грузов шел только здесь, других путей не было, поэтому я уже несколько раз бывал в этом районе с единственной целью, чтобы обеспечить бесперебойную работу переправы. Здесь мы держали инженерно-саперные части, которые немедленно исправляли переправы, разрушенные авиацией противника.

Часто приходилось подбрасывать на переправу зенитную артиллерию, которая становилась на место выбывших из строя зенитных орудий, а убыль зенитной артиллерии была большая, так как противник применял такую тактику: прежде чем разрушать переправы, он расправлялся с зенитной артиллерией; пикирующие бомбардировщики Ю-87, как правило, становились в круг и бомбили до тех пор, пока не выводили из строя артиллерию, а затем уже второй серией разрушали переправы. Так было почти каждый день, а в иной день таких налетов было несколько.

Кроме этого нужно было обеспечивать Соловьевскую переправу наземными войсками, чтобы не допустить ее захвата противником.

На этом я и закончу описание боевых действий 20-й армии, имея при этом в виду, что в последующих главах нам еще не придется говорить о боевых действиях 20-й армии, — да иначе и нельзя, ведь все взаимосвязано. Нужно заметить, что очень мало, почти ничего нет в архивах о действиях 20-й армии в Смоленском сражении. Да это и понятно, 20-я армия, находясь в окружении,

уничтожила все оперативные документы. Поэтому пришлось по крупинкам собирать материал о боевых действиях 20-й армии, главным образом через опрос участников боев и походов, отыскивать разрозненные сведения по разным источникам, в том числе и документам врага. Это, конечно, тяжелая работа, но что делать, без труда ничего не дается.

Большую помощь по восстановлению истинного хода боевых событий 20-й армии в Смоленском сражении оказал мне бывший начальник штаба 20-й армии генерал-майор в отставке Корнеев, за что я выразил ему благодарность.

Здесь следует сказать справедливости ради, что т. Корнеев, как истинный патриот нашей Родины, оказал громадное влияние на успешное действие 20-й армии. Боевые действия 20-й армии в Смоленском сражении — это большой подвиг; армия действовала в исключительно трудных условиях, будучи в центре событий Смоленского сражения, и она привлекала на себя крупные силы врага; враг пытался уничтожить ее, но каждый раз получал отпор.

В этих условиях работа начальника штаба армии имела исключительное значение. Следует подчеркнуть, что организация маневра силами и средствами армии при действиях в окружении имеет первостепенное значение, поэтому, сказал мне тов. Корнеев, мы обращаем особое внимание на мобильность и четкость управления войсками, организацию взаимодействия между соединениями и родами войск, непрерывную и четкую работу связи, разведку и на боевое обеспечение.

Все эти сложные вопросы лежали на штабе и прежде всего на начальнике штаба, тов. Корнееве, который блестяще справился со своей обязанностью как начальник штаба и как первый заместитель командарма. Он обладает большими организаторскими способностями, большой командирской волей и требовательностью. Всегда проявлял большую заботу о подчиненных ему войсках.

Я также выражаю исключительную признательность начальнику кафедры истории Военной академии им. Фрунзе, генерал-лейтенанту Лотоцкому за помощь, которую оказал он мне в освещении боевых действий 20-й армии в дни Смоленского сражения в июле—августе 1941 года.

Глава четвертая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 13-Й АРМИИ

В Смоленском сражении боевые действия 13-й армии в обороне Могилева занимают особое место как по своему упорству и организованности, так и по смелости действий и активности, поэтому я уделил больше внимания боевым действиям войск этой армии и частям ее, оборонявшим город Могилев¹.

По объему поданного материала пятая глава несколько великовата, ее можно было смело разбить на две главы — выделить оборону города Могилева в отдельную главу. Но, детально разобравшись с этим вопросом, я пришел к выводу, что по оперативным соображениям, по тактическому и оперативному взаимодействию нельзя выделять оборону Могилева в отдельную главу, так как нельзя оторвать действия частей и соединений, оборонявших Могилев, от действий многих частей и соединений 13-й армии, которые взаимодействовали с войсками Могилевского боевого участка.

Таким образом, освещая боевые действия обороны Могилева в главе, посвященной 13-й армии, мы значительно поднимаем роль Могилева. Он сейчас поставлен в фокус главных действий 13-й армии и приобрел большое оперативное значение не только для армии, но и для Западного фронта.

В начале Смоленского сражения важные события развернулись на южном крыле Западного фронта, на могилевском направлении, где действовала 13-я армия. Она приняла на себя удар 2-й танковой группы Гудериана.

Без подробного описания обстановки в полосе 13-й армии не может быть полностью осмыслено Смоленское сражение, явившееся кульминационным пунктом начального периода войны. Благодаря длительной и кропотливой работе, изучению оперативных

¹ В Могилеве я был в последних числах июня 1941 г., прибыв на командный пункт Западного фронта в качестве командующего. Тогда же я объехал город и его ближайшие окрестности, дал ряд указаний и советов по организации круговой обороны города, который, как я тогда полагал, должен был стать на более или длительное время местом нахождения управления и штаба фронта.

документов того времени, на основании бесед со многими участниками обороны — генералами, офицерами и рядовыми воинами, их воспоминаний, привлекая свидетельства противника, мне удалось в большей или меньшей степени восстановить перипетии ожесточенных боев 13-й армии в районе Могилева, незаслуженно забытых нашими историками, а эти бои представляют собой поистине нетленную страницу истории минувшей войны, запечатлевшую подлинный героизм и самоотверженность советских людей. Пока сделан лишь первоначальный абрис событий, которые, несомненно, привлекут к себе в дальнейшем широкое внимание исследователей.

Началом героической обороны Могилева следует считать 3 июля 1941 г., когда авангардные части 2-й танковой группы врага вышли на дальние подступы к городу и навязали бои с охранением дивизий 61-го корпуса. Это было в первые дни Смоленского сражения.

Однако, прежде чем начать рассказ об этом, я позволю себе дать краткую историю боевого пути 13-й армии с начала войны, ибо он весьма поучителен.

Характерно, что местом формирования штаба этой армии был город Могилев, который впоследствии соединения армии обороняли с такой самоотверженностью.

Начало формирования армии относится к первой половине мая 1941 г. Первоначально в ее состав вошли 44-й и 2-й стрелковые и 20-й механизированный корпуса. К началу войны формирование далеко еще не было закончено. Штаб армии к 21 июня был укомплектован людьми лишь на 40 %, машинами — на 20 %, не имел средств связи и управления. Командующим армией являлся генерал-лейтенант П.М. Филатов, членом Военного совета — бригадный комиссар П.С. Фуртенко (Фурт), начальником штаба — полковник А.В. Петрушевский.

20 июня штаб 13-й армии получил распоряжение от командования Западного военного округа передислоцироваться из Могилева в Новогрудок. Уже в дороге, 22 июня, было принято новое распоряжение: обосноваться в Молодечно. Сюда штаб армии прибыл к 18 часам 23 июня 1941 г. Характерно, что офицеры штаба не рас-

полагали не только средствами связи и управления, но не имели даже личного оружия. Лишь по прибытии в Молодечно на каждый отдел было выдано по две-три винтовки и 19 револьверов на всех офицеров.

23 июня управлению 13-й армии не была подчинена ни одна часть, не было даже подразделения охраны. Разместились в лесу, в районе фольварка Заблоце, офицеры начали собирать в сводные отряды разрозненные остатки частей 6-й, 148-й стрелковых дивизий и Виленского пехотного училища, отошедших на восток под ударами немецко-фашистских войск.

В 21 час 24 июня с офицером связи был получен первый боевой приказ Западного фронта, подчинявший управлению 13-й армии 21-й стрелковый корпус в составе 37, 17 и 24-й стрелковых дивизий (месторасположение его штаба ориентировочно указывалось в г. Лида), а также 50-ю стрелковую дивизию и 8-ю противотанковую бригаду. Армии ставилась задача держать оборону на рубеже Гольшаны, Беняконцы двумя дивизиями (24-й и 37-й) и левым флангом 17-й наступать в направлении Радунь, Ораны, содействуя ударной группе генерал-лейтенанта И.В. Болдина, имевшей задачу нанести удар в направлении Гродно, Меречь. Время начала наступления указано не было.

Кроме перечисленных соединений командующий армией генерал-лейтенант П.М. Филатов подчинил себе остатки 5-й танковой дивизии и бронепоезд № 5, стоявший на ст. Молодечно, и принял решение сводными отрядами оборонять участок Датошево, Сморгонь, прикрывая молодечненское направление, 24-й и 37-й дивизиями 21-го стрелкового корпуса оборонять участок Гольшаны, ст. Беняконцы, наступая 17-й дивизией в направлении Радунь, Оравы. Этот боевой приказ командующего 13-й армией офицеры связи доставили в части.

В ночь на 25 июня штаб армии, находившийся в движении, был атакован гитлеровскими танками и рассеян, так как не имел никаких средств защиты. Часть офицеров штаба во главе с генералом П.М. Филатовым вышла в район Ждановичи, 15 км северо-западнее Минска. До 50 % личного состава штаба, как видно, было уничтожено гитлеровцами на месте.

По прибытии в Ждановичи штаб 13-й армии, не имея никаких указаний из штаба фронта, подчинил себе части 44-го и 2-го стрелковых корпусов, которые к этому времени (26 июня) обороняли рубеж Стайки, Заславль, Красное, Дзержинск, Станьково с задачей не допустить прорыва противника со стороны Молодечно. При этом неоднократные попытки танков противника пробить фронт корпусов оставались безуспешными. В состав 44-го корпуса входили 64-я и 108-я стрелковые дивизии, во 2-й корпус — 100-я и 161-я стрелковые дивизии.

О подчинении себе этих, до этого времени никем не управляемых, корпусов штаб армии донес в штаб фронта.

В течение трех дней — 26, 27 и 28 июня — эти дивизии героически сражались, обороняя подступы к Минску, нанося немалый урон противнику.

К утру 28 июня нарушилась связь с 64-й дивизией, в ночь на 29-е была потеряна связь со 108-й дивизией. Посланные в дивизии офицеры связи обратно не вернулись. В подчинении армии осталось всего две дивизии — 161-я и 100-я, объединенные управлением 2-го стрелкового корпуса. В течение 28—30 июня они отражали натиск противника на рубеже р. Волма на участке Смольница, Смилловичи, а также на участке Клинки, Дрехча, Дыя, Червень. В ходе этих ожесточенных боев обе дивизии потеряли до 30 % личного состава и матчасти, ими было уничтожено несколько десятков танков противника.

Командование Западного фронта в это время (28 июня) еще не отказалось от попыток удержать Минский укрепленный район. В этот день с офицером связи штаб 13-й армии получил распоряжение начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В.Е. Климовских, в котором указывалось:

«13-й армии наркомом и Военным советом Западного фронта подтверждено, что Минский укрепрайон должен быть во что бы то ни стало удержан, хотя бы пришлось драться в окружении. Но этого (т.е. сражения в окружении. — А.Е.) случиться не должно, так как части 3-й армии собираются в районе Столбцы и будут выведены в район Минска, Ратомка; 6-й механизированный корпус

выводится через Столбы, Пуховичи для последующего удара по тылам противника»¹.

Это распоряжение свидетельствует о том, что тогдашний штаб Западного фронта не разобрался в обстановке, ибо задача по удержанию Минска была невыполнимой. Командарм 13-й, вынужденный действовать сообразно с данным указанием, принял решение: 2-м стрелковым корпусом к исходу 30 июня выйти на рубеж Городок, Паперня, Заречье, а 44-м корпусом (имелись в виду 64-я и 108-я дивизии, уже находившиеся в окружении) занять оборону на рубеже Кочин, Ярцево, Новый Двор, Вилковичи, Самохваловичи. Решение это носило чисто формальный характер, ибо для его выполнения не было никаких реальных предпосылок.

30 июня мы с генералом Г.К. Маландиным, как новое командование, разобравшись в обстановке, поняли, что 13-й армии грозит окружение и уничтожение, и, чтобы спасти ее, решили отвести армию и поставить ей ссудущую задачу: занять промежуточный рубеж на участке Слободка (8 км южнее Борисова), Червень и подготовить жесткий оборонительный рубеж по восточному берегу реки Березина на фронте Бытча, Свислочь, а штабам 13-й армии и 44-го корпуса прибыть к исходу этого дня в район села Тетерин на р. Друть. Части армии уже по приказу стали отходить на указанный рубеж. Управление 44-го корпуса, оставшееся без войск, было решено оставить на восточном берегу реки Березина на участке Чернявка (при слиянии рек Березина и Бобр), Борисов с целью возглавить все находившиеся там и отходившие туда части. В обороне Могилева, на мой взгляд, выделяются три этапа. Первый этап, продолжавшийся с 3 по 9 июля 1941 г., включал в себя бои разведывательных и передовых отрядов на дальних подступах к городу. Соединения, получившие задачу оборонять днепровский рубеж, выслали разведывательные группы в отряды с задачей проникнуть на рубежи, которых достигли авангарды вражеских войск, и собрать необходимые данные о противнике. Вслед за разведгруппами выдвигались передовые отряды в составе усиленного батальона каждый с задачей разведки боем. Эти отряды должны

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 6079. Д. 39. Л. 6.

были на выгодных рубежах в 20—25 км впереди основной линии обороны встретить противника, дерзкими ударами заставив развернуться в боевой порядок и тем самым замедлить продвижение гитлеровцев, выиграть драгоценное время, необходимое для создания оборонительного рубежа по Днепру и сосредоточения войск, подтягивавшихся из тыла.

Второй этап, продолжавшийся с 9 по 16 июля, включал в себя упорные оборонительные бои в предполье, на основной полосе обороны перед Могилевом и многочисленные контратаки с целью ликвидации плацдармов, захваченных противником на восточном берегу Днепра на обоих флангах 61-го корпуса. Важнейшим результатом боев этого этапа было изматывание и перемалывание живой силы врага и его техники.

Третий этап продолжался с 16 по 27 июля, когда войска, оборонявшие Могилев, оказались в окружении. Соединения корпуса были окружены и расчленены врагом. 172-я стрелковая дивизия и один полк 110-й стрелковой дивизии оказались отрезанными от остальных сил корпуса.

На этом этапе с особой силой проявились самоотверженность и героизм защитников днепровского рубежа, вставших насмерть на своих позициях и сражавшихся до последней капли крови с врагом, который обладал по меньшей мере пятикратным превосходством. К этому же этапу относятся и попытки вырваться из кольца. Несмотря на громадные жертвы, сражение в замкнутом кольце оказало немалую услугу нашим основным войскам, ибо малочисленные части непокоренного Могилевского гарнизона приковали к себе целый армейский корпус врага, что нарушило на определенный срок взаимодействие механизированных и общевойсковых соединений вермахта на этом участке.

Основная тяжесть обороны днепровских рубежей в районе Могилева легла на 61-й стрелковый корпус в составе 172, 110 и 53-й стрелковых дивизий. Командовал корпусом генерал-майор Ф.А. Бакунин¹. Корпус перед войной дислоцировался в районе

¹ Федор Алексеевич Бакунин родился в 1896 г. До военной службы работал на шахте забойщиком. В царскую армию был призван в 1915 г., в лейб-

г. Тула, здесь же прошла его мобилизация, когда началась война. Из Тулы штаб корпуса был направлен в Кричев.

Утром 23 июня генерал Бакунин с начальником штаба корпуса и начальником артиллерии корпуса побывал в штабе Западного фронта, находившемся в районе Могилева, и представился мне. Бакунин коротко доложил график прибытия частей корпуса в район Могилева и состояние войск корпуса. Я остался доволен его докладом.

«61-й стрелковый корпус, — сказал я ему, — включен в состав 13-й армии, предназначается для занятия обороны на рубеже Шклов, Могилев, Быхов. Ваша задача быстро организовать оборону и не дать противнику переправиться через Днепр. Конкретную задачу получите от командарма 13. Желаю успеха».

В тот же день начали прибывать войска корпуса. Первым прибыл 388-й стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии — командир полка полковник С.Ф. Кутепов, который командовал этим полком около трех лет. Полк был вполне подготовлен, сам Кутепов хорошо знал свое дело, был дисциплинированным, всегда подтянутым, требовательным к себе и подчиненным командиром. 388-й полк был лучшим в дивизии. Полку было приказано занять участок для обороны западнее Могилева, оседлав шоссе Могилев — Бельнич.

В тот же день прибыл 514-й стрелковый полк 172-й стрелковой дивизии (командир полка подполковник Сергей Александрович Бонич). Бонич был назначен командиром полка после окончания с отличием в 1940 г. Военной академии им. М.В. Фрунзе.

514-му полку командир корпуса назначил рубеж для обороны на участке Затишье, Тишовка, на шоссе Могилев — Бобруйск. На этом рубеже по решению командующего фронтом силами местно-

гвардии Семеновский полк. После окончания учебной команды до февраля 1917 г. находился на фронте. Участвовал в Февральской и в Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде. В Красной Армии с февраля 1918 г. Сражался на фронтах Гражданской войны, затем командовал полком, был начальником военного училища, командовал 11-й стрелковой дивизией в Ленинграде, 61-м стрелковым корпусом командовал около трех лет. В Великую Отечественную войну получил тяжелую контузию и тяжелое ранение. Сейчас в отставке.

го населения уже проводились оборонительные работы. Тотчас в эту работу включились и войска. Так как штаб 172-й дивизии еще не прибыл, связь с полками была установлена через штаб корпуса. На месте КП 172-й стрелковой дивизии была создана опергруппа под руководством начальника оперативного отдела штаба корпуса полковника Фурина. Командующим артиллерией дивизии временно был назначен командир 493-го гаубичного артиллерийского полка полковник Мазалов, хороший артиллерист, инициативный, энергичный и требовательный командир.

Командир корпуса Бакунин говорил мне, что организованнее всех прибыла на фронт 110-я стрелковая дивизия (командир дивизии полковник Василий Андреевич Хлебцев). Старый воин-кавалерист, участник Первой империалистической и Гражданской войн, В.А. Хлебцев хорошо знал, что такое война.

110-й дивизии был указан рубеж обороны Шклов, Мосток, с передним краем по восточному берегу реки Днепр. Командный пункт — в Дубровке.

3 июля начала прибывать 53-я дивизия (командир дивизии полковник Филипп Петрович Коновалов). Этой дивизии пришлось походным порядком преодолеть большое расстояние. На шоссе Смоленск — Минск она подверглась бомбардировке, в результате сильно растянулась и только к исходу 5 июля сосредоточилась в указанной ей полосе обороны, на рубеже Копысь, (иск.) Шклов. Ее командный пункт располагался в Славенках.

На 6 июля корпус имел в составе 137-ю стрелковую дивизию (прибыла еще не полностью), 53, 110, 172-ю стрелковые дивизии (некоторые подразделения и даже штабы этих соединений находились в пути), а также корпусной артиллерийский полк, два приданных ему отдельных противотанковых дивизиона.

Войскам корпуса приказывалось занять и прочно оборонять рубеж (иск.) Орша, Копысь, Шклов, Могилев, Дашковка (15 км южнее Могилева) по восточному берегу Днепра с задачей не допустить противника за Днепр. Соединениям предписывалось оборонять рубежи: 137-й дивизии — Понизовье, Левки, КП в Черном, 53-й дивизии — Копысь, Шклов, КП в Словенках, 110-й дивизии — (иск.) Шклов, Кострицы, Мосток, КП в Черехах, 172-й дивизии с

отдельным противотанковым дивизионом — Пашково, Тишковка, Буйниччи, КП на западной окраине Могилева.

5 июля 1941 г. сильным ударом танков и пехоты был смят в отброшен передовой отряд 137-й дивизии в районе Коханово (20 км западнее Орши). Передовые отряды 172-й дивизии встретили противника на рубеже р. Друть, в районе Бельниччи, Запоточье, Олень. Но переправу противника через р. Друть удалось предотвратить. Его авиация бомбила район Орши, Могилева, особенно сильные налеты были по району Орши и шоссе Минск — Смоленск. Наша авиация несколько активизировалась, но так как она не прикрывалась истребителями, то несла большие потери.

В течение 6 июля передовые отряды 173-й дивизии сдерживали противника на р. Друть. Перед ее фронтом на правом фланге враг танками и пехотой овладел селом Барань, юго-западнее Орши. На следующий день в полосе обороны этой дивизии гитлеровцы пытались организовать переправу через Днепр в нескольких местах, но успеха не имели.

На участке 187-й дивизии наши передовые отряды были отброшены крупными силами танков и пехоты неприятеля на р. Лохва. В течение всего дня противник наносил бомбовые удары по районам 137-й и 172-й дивизий, впервые имели место налеты вражеской авиации по командным и наблюдательным пунктам. Выбыл из строя начальник штаба корпуса генерал-майор Иван Иванович Бирычев, на его место спустя несколько дней был назначен полковник Асафов.

7 июля командующий 13-й армией генерал-лейтенант Филатов выехал по вызову начальника штаба фронта на КП фронта. На обратном пути его машина попала под обстрел вражеской авиации. П.М. Филатов был тяжело ранен, его удалось вывезти в безопасное место и направить в госпиталь, затем он был эвакуирован в Москву, в Боткинскую клинику. Усилия врачей оказались напрасными, и Филатов вскоре умер. Это был талантливый и волевой военачальник. В упорной обороне Могилева были немалые заслуги первого командарма 13-й генерал-лейтенанта П.М. Филатова.

Во второй половине дня 8 июля в командование 13-й армией вступил генерал-лейтенант Ф.Н. Ремизов¹. Это был боевой генерал, с которым мне не раз приходилось встречаться еще до войны. Замечательный человек, храбрый воин, требовательный и знающий дело командир.

Новый командующий на основании указаний штаба фронта в тот же день отдал боевой приказ. Противник частями 3-й и 4-й танковых дивизий с одним мотополком свои главные усилия направляет на шоссе Березино — Могилев и на Быхов. 13-я армия продолжает сосредоточение своих частей и активными действиями в предполье до р. Березина уничтожает мелкие части противника, готовя основную оборонительную полосу по р. Днепр с предместными укреплениями в районе Шклова и Могилева.

61-й стрелковый корпус в составе 53, 110 и 172-й стрелковых дивизий имеет задачей оборонять рубеж р. Днепр на фронте Шклов, Могилев, Буйничи с полосой предполья по восточному берегу р. Друть. Особое внимание корпуса обращается в направлениях Шклов, Головчин, Могилев, Березино.

45-й стрелковый корпус в составе 187-й и 148-й стрелковых дивизий имеет задачей оборонять рубеж по р. Днепр на фронте (иск.) Селен, Новый Быхов с полосой предполья на рубеже р. Лохва, Слоневщина.

20-му механизированному корпусу прочно удерживать рубеж по восточному берегу р. Юреть на фронте Красная Слобода, Семукачи, Броды.

137-я стрелковая дивизия — резерв командующего 13-й армией — к утру 10 июля сосредоточивается в районе Большое Бушково, Сухари, Киркоры, подготавливая рубеж обороны по восточному берегу р. Реста, на фронте Тиньковщина, Сухари, Гладково, готовит контратаки в направлениях Залесье — Маковки — Заходы — Шклов, Сухари — Могилев, Сухари — Гладкая — Латышская роща».

13-й армии предстояло оборонять фронт протяженностью около 100 км. Исключая Могилевский плацдарм, оборона на участке

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 65. Л. 20—25.

армии заранее подготовлена не была, силами войск и населения создать ее в короткий срок было невозможно. Многие соединения армии были неполноценны по боевому составу.

К этому времени перегруппировка войск армии не была еще закончена. Так, например, 187-я дивизия была растянута на 70-километровом участке, один полк ее находился в полосе 21-й армии, а два других занимали свой участок в полосе 13-й армии.

К исходу 8 июля части 13-й армии продолжали укрепление занимаемых рубежей и отражали атаки противника. Так, 53-я дивизия в районе Копысь, Плецницы была атакована несколькими десятками танков противника, часть их была окружена в районе Бельниччи.

172-я дивизия отразила попытки противника прорваться передовыми частями в район Могилева. На фронте 187-й стрелковой дивизии ее разведотрядом была захвачена северная окраина Старого Быхова (Быхов).

Чтобы картина событий на участке 13-й армии стала ясней, приведем несколько свидетельств Гудериана, который со своей 2-й танковой группой был основным противником наших войск в этом районе.

В танковую группу входили 24, 46 и 47-й танковые корпуса. 13-я армия оказалась в полосе наступления 24-го, 46-го корпусов и части сил 47-го корпуса.

В свидетельстве, датированном 1 июля, Гудериан пишет: «В 9 час. 30 мин. с предмостного укрепления на р. Березина, восточнее Бобруйска, на Могилев выступил усиленный разведывательный батальон. За ним на восток продвигались главные силы 5-й танковой дивизии (24-го танкового корпуса. — *А.Е.*) генерал барон фон Гейер оставил за собой право выбрать направление главного удара или на Рогачев, или на Могилев, в зависимости от обстановки...

В этот день (1 июля. — *А.Е.*) воздушная разведка установила, что русские в районе Смоленска, Орши и Могилева накапливают свежие силы. Надо было спешить с выходом на линию Днепра и форсировать эту реку, не ожидая прибытия пехоты, что могло привести к потере нескольких недель»¹.

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 154.

Далее командующий 2-й танковой группой отмечает, что 4 июля 4-я танковая дивизия вышла уже к Старому Быхову (Быхов). 7 июля 3-я танковая дивизия достигла Нового Быхова. 10-я танковая дивизия — Бельничей¹. Гудериан рассказывает: «7 июля я должен был принять решение: либо продолжать быстрое продвижение, форсировать своими танковыми силами Днепр и достичь своих верных оперативных целей наступления в сроки, предусмотренные первоначальным планом кампании, либо, учитывая мероприятия, предпринимаемые русскими с целью организации обороны на этом водном рубеже, приостановить продвижение и не начинать сражения до подхода полевых армий.

За немедленное наступление говорила слабость в данный момент обороны русских, которая только еще создавалась. Русские занимали сильные предмостные укрепления под Рогачевом, Могилевом и Оршей, поэтому нам не удалось взять Рогачев и Могилев. Правда, у нас имелись сведения о подходе к противнику подкреплений... Но наша пехота могла подойти не раньше, чем через две недели². За это время русские могли в значительной степени усилить свою оборону. Кроме того, сомнительно было, удастся ли пехоте опрокинуть хорошо организованную оборону на участке реки и снова продолжать маневренную войну. Еще в большей степени вызывает сомнение возможность достижения наших первых оперативных целей и окончание кампании уже осенью 1941 г. Это-то и было как раз главным.

Я полностью сознавал всю трудность решения. Я считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам, которые будут иметь три моих танковых корпуса после форсирования Днепра. Несмотря на это, я был настолько проникнут важностью стоявшей передо мной задачи и верой в ее разрешимость... что немедленно отдал приказ форсировать Днепр и продолжать продвижение на Смоленск»³.

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 157—158.

² Гудериан явно преувеличивает отставание общевойсковых сил, ибо фактически их передовые отряды появились в этом районе через 5—6 дней.

³ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 164.

Далее Гудериан пишет о спорах с командующим группой армий «Центр» фельдмаршалом фон Клюге, который требовал приостановить наступление до подхода пехоты. Верх взял Гудериан.

Ретроспективная оценка событий показывает, что соображения Гудериана с точки зрения фашистского командования более соответствовали обстановке, чем предложения фон Клюге. Действительно, если бы гитлеровцы приостановили наступление на две недели, нам удалось бы создать на Днестре более прочную оборону, примерно такую, какая была уже создана в районе Рогачева и особенно Могилева.

Опыт обороны Могилева со всей силой подтверждает это. Замыслы Гудериана тем не менее носят отпечатки авантюризма, ибо он считал возможным выполнение наступления в сроки, назначенные планом «Барбаросса». Кроме того, если бы наше командование в то время более точно знало замыслы противника и его истинное положение и верно бы оценило обстановку, то могли бы нанести большой урон его танковой армаде. Для этого, продолжая упорную оборону на тех участках, где это было возможно, следовало сосредоточить наши подходящие из тыла силы в районах, где оказались бы фланги 2-й танковой группы после форсирования ею Днестра, и нанести сильные контрудары до того, как подойдут пехотные соединения немцев. Но, к сожалению, у нас не было достоверных данных о том, что гитлеровская пехота так далеко отстала. К тому же наше Верховное командование в тех условиях по ряду объективных и субъективных причин не могло правильно и глубоко оценить обстановку, оно оказывалось всякий раз перед совершившимся фактом и, как только где-либо обозначался прорыв, требовало восстановить положение, на что растрачивались силы прибывающих резервов.

Нельзя не учитывать, что танковые объединения Гудериана и Гота имели в своем составе мотопехоту, поддерживались авиацией, а наши части фактически были лишены поддержки танков и авиационного прикрытия, к тому же не имели опыта ведения современной войны. Оперативные планы врага и данные о его силах не были известны нашему командованию. Стратегическая и оперативная инициатива целиком находилась в руках гитлеровцев, сла-

бо была изучена и их тактика. В этих условиях решение Гудериана стнюдь не было сопряжено с таким риском, как он пытается это представить. На первом этапе борьбы за гитлеровцами было еще очень много военных преимуществ.

Говоря об этом, я ни в коем случае не хочу сказать, что в начальном период войны планы гитлеровцев и их действия не были авантюристичны. В силу широко известных ныне обстоятельств наша страна и ее армия не смогли тогда действовать в полную меру своих сил и возможностей.

О конкретных планах форсирования Днепра Гудериан пишет следующее: «Участки форсирования Днепра были ограничены предмостными укреплениями, занятыми крупными силами русских. Для 24-го танкового корпуса по договоренности с генералом бароном фон Гейером в качестве пункта форсирования был назначен Старый Быхов (Быхов), а днем начала действия 10 июля. 11 июля 46-й танковый корпус должен был форсировать Днепр у Шклова, а 47-й у Копысь между городами Могилевом и Оршей. Все передвижения войск и выход их на исходное положение тщательно маскировались: марши совершались только ночью. Прикрытие с воздуха осуществлялось истребителями полковника Мельдерса, который развернул передовые аэродромы непосредственно за первым эшелонем»¹.

9 июля части 13-й армии приступили в выполнении боевого приказа командарма.

В течение дня 187-я дивизия успешно контратаковала на западном берегу Днепра и к исходу дня выбила гитлеровцев из Дашковки, со станции Барсуки и из Нового Быхова.

Бои в районе Старого Быхова (Быхов) прошли неудачно, наша контратака была организована двумя колоннами, но вследствие опоздания левой колонны на несколько часов продвижение было приостановлено пулеметным огнем противника, подразделения залегли и к исходу дня вновь отошли на восточный берег реки Днепр. В районе Старого Быхова противник применил противотанковые мины, которые разбрасывались прямо в траве. Следует

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 159—160.

иметь в виду, что в районе Старого Быхова был основной участок форсирования Днепра, определенный Гудерианом для 24-го танкового корпуса. Контратаки нашей пехоты, направленные в лоб выходящего на исходный рубеж танкового тарана, были отбиты превосходящими силами противника. Во второй половине дня в районе Цирковичи, Барсуки, Бошляки было замечено скопление пехоты на 10 автомашинах и до 50 мотоциклистов. Командир 61-го стрелкового корпуса приказал командиру 53-й дивизии ударом одного стрелкового батальона в направлении Барсуки, Бошляки и при поддержке 110-й стрелковой дивизии окружить и уничтожить противника в этом районе.

В 10 час. 30 мин. 10 июля 24-й танковый корпус гитлеровцев силами 10-й моторизованной и 4-й танковой дивизий после сильной авиационной и артиллерийской обработки нашей обороны на участке Дашковка, Старый Быхов начал форсирование Днепра в районе ст. Барсуки, Борколабово и южнее Старого Быхова. К 13.00 отдельные группы танков и бронемашин сумели прорваться через наш передний край. В 14.00 до батальона пехоты с танками и бронемашинами овладели селом Следюки, распространяя свои действия на юг и северо-восток. Южнее Старого Быхова, где противнику также удалось форсировать реку, гитлеровцы заняли Сидоровичи. Одновременно в районе Костинка, Махово были высажены десанты противника. Основной удар пришелся по 187-й дивизии 45-го стрелкового корпуса, которая была растянута на широком фронте.

К вечеру выдвинутыми сюда частями 45-го корпуса и подразделениями, взятыми из выгружавшихся на ст. Чаусы эшелонов, была организована новая контратака с целью ликвидации прорыва. Тогда же было установлено, что противник подтягивает новые силы. Командующий армией резервами не располагал, поэтому вынужден был брать батальоны с других боевых участков и направлять их в район прорыва; сюда была направлена также 137-я дивизия, прибывшая походным порядком и сильно измотанная в дороге.

Но наши контратаки успеха не имели. Противник прочно удерживал захваченные населенные пункты. В последующие дни армия продолжала направлять усилия на ликвидацию этого прорыва,

используя прибывающие части 20-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора С.И. Еремина (144, 132 и 160-я дивизия). Бросаемые в бой прямо из эшелонов разрозненными подразделениями, они не в состоянии были изменить положения.

На следующий день, 11 июля, части армии продолжали вести упорные бои с противником, форсировали Днепр и пытались укрепиться на его восточном берегу.

На фронте 61-го корпуса с утра враг направлял основные усилия на участок обороны 53-й дивизии.

Еще в 7.00 утра была совершена попытка двумя батальонами форсировать Днепр севернее Шклова, но огнем нашей артиллерии она была отбита. После длительной артиллерийской и авиационной подготовки неприятелю удалось навести понтонный мост в районе Яново и переправить на восточный берег несколько подразделений пехоты с танками. 53-я дивизия понесла значительные потери и с трудом удерживала берег Днепра на участке Шклов, Заречье.

Южнее Городка на участке 223-го стрелкового полка и районе Августова в тот же день прорвалось до двух рот противника с танками; смелыми контратаками они были уничтожены, но к исходу дня противнику все же удалось укрепиться на восточном берегу Днепра. В течение ночи и к утру 12 июля бои еще продолжались. В районе Плещины противник силою до батальона также форсировал Днепр, но контратакой положение было восстановлено.

На участке 110-й дивизии в этот день гитлеровцы активности не проявляли. Против 172-й дивизии продолжили действовать разведывательные группы противника. Батальон 388-го полка, направленный по западному берегу реки Днепр и ст. Барсуки с целью отрезать пути отхода противника, во второй половине дня 11 июля достиг леса южнее Салтановки, где был остановлен организованным огнем противника из района Межисятка. Батальон 747-го полка, направленный в район Сидоровичи с целью уничтожить противника, завязал ожесточенный бой в этом районе.

Части 45-го корпуса в течение дня 11 июля продолжали вести ожесточенные бои с переправившимися на восточный берег Днепра частями гитлеровцев. Попытка командира этого корпуса

комдива Магона уничтожить прорвавшегося противника успеха не имела. Враг продолжал удерживать Сидоровичи и Следюки, пытаясь все время развить успех в северном, восточном и юго-восточном направлениях. Дивизии корпуса продолжали удерживать ранее занимаемые рубежи и готовились совместно со 137-й дивизией к контратаке, которая намечалась на следующее утро.

В этот день активизировались боевые действия нашей авиации: армия получила в свое распоряжение 11-ю авиадивизию, которой командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко. Дивизия в течение дня разрушила переправу у ст. Барсуки. Кроме того, были атакованы скопления артиллерии в районе Борколабово, по сведениям летчиков, имелись попадания, были замечены пожары; в воздушном бою наши авиаторы сбили один «Хейнкель-111».

Ночью на 12 июля части 148-й и 187-й дивизий проводили активные ночные поиски с тем, чтобы изнурить противника, а затем утром нанести главный удар силами 45-го корпуса в направлении Сидоровичи, Борколабово с задачей уничтожить противника, прорвавшегося на восточный берег Днепра. Авиации была поставлена задача не допустить подходящие резервы противника и разрушить переправу у ст. Барсуки, Борколабово и Старый Быхов.

Штаб армии планировал начать контрудар в 4.00 12 июля. Командир же 45-го корпуса перенес время атаки на 7.00 из-за неполной готовности войск.

В связи с этим командующий армией генерал-лейтенант Ремизов выехал в 6.00 на КП командира корпуса для личного руководства боем. Его сопровождали адъютант и два офицера из опергруппы. В 7.00 в районе Давыдовичей машины были обстреляны прорвавшейся группой гитлеровцев. Генерал-лейтенант получил пять ранений, но его удалось спасти. 14 июля в командование армией вступил генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко.

Вот как иногда складывается на войне обстановка. Через час войска переходят в наступление, а главный руководитель операции, командарм, тяжело ранен и выбыл из строя. Несмотря на это, в 7.00, как было запланировано, войска перешли в наступление.

В этот день и на следующий, 13 июля, части 45-го корпуса продолжали вести бои с противником, прорвавшимся в старо-быховском направлении, удерживали восточный берег р. Днепр на участке Гребенево, до Боровки, далее линия фронта поворачивала на Слободки, Сидоровичи, Перекладовичи. Южнее Перекладовичей до р. Ухлясть наших частей не было. Здесь образовалась брешь. Северный участок до Перекладовичей продолжала удерживать 148-я дивизия с некоторыми подразделениями 187-й и 160-й дивизии. Южнее 187-я дивизия, оборонявшаяся на фронте в 70 км, в итоге непрерывных 10-дневных боев понесла большие потери и уже не представляла собой полноценного соединения. Ее разрозненные отряды, однако, продолжали удерживать гитлеровцев на рубеже Слободка, Сидоровичи, Грудиновка, Прибрежье, Поддубье.

Части 20-го стрелкового корпуса в составе двух полков 132-й и одного полка 137-й дивизий с 5.30 13 июля сделали попытку наступать с рубежа Махово, Дубровка, Волковичи, Усушек и к 13 часам вышли на рубеж Рыжковка, Давидовичи, Комарки, но контратакой противника были отброшены назад. К исходу дня части корпуса занимали западную опушку леса южнее Малого Осовца, Рыжковки, Червонного Осовца, Сутоки.

Таким образом, попытки 13-й армии восстановить положение по всему фронту на восточном берегу реки Днепр к успеху не привели.

В эти дни на участке 61-го корпуса обстановка тоже крайне усложнилась. На шкловском направлении противник ввел в прорыв мотопехоту, которая двумя колоннами двинулась от Горок на Ленино и Горы. 53-я дивизия фактически оказалась в окружении, и связь с ней была прервана. 110-я и 172-я дивизии продолжали удерживать занимаемые рубежи. В связи с прорывом гитлеровцев в районе Шклова были сделаны попытки локализовать этот успех врага силами 1-й мотострелковой дивизии из района Степанова и 20-го механизированного корпуса из района Сухари с тем, чтобы отрезать прорвавшиеся колонны неприятеля от главных сил и уничтожить их.

Вот как характеризует обстановку в эти дни командир 61-го корпуса генерал-майор Бакунин:

«С утра 11 июля крупными силами авиации, артиллерии и минометов противник обрушился на участок южнее населенных пунктов Орша, Копысь, Шклов и к исходу дня, сломив сопротивление правого фланга 53-й дивизии, организовал переправу в районе Копысь, продвинувшись на 3—5 км в глубину обороны этой дивизии. С утра 12 июля повторились сильные налеты авиации, удары артиллерии и минометов. Танки противника устремились в направлении Яковлевичи, Черное, но были остановлены на р. Лохва частями 137-й дивизии. На этом рубеже противник был задержан до исхода дня 12 июля.

Удары авиации гитлеровцев на участке 53-й дивизии в течение всего дня были настолько сильны, что командир дивизии в одном из телефонных разговоров со мной сказал, что противник, видно, хочет вбить дивизию в землю. “Но мы все равно не отступим”», — заверил он в заключение.

Корпусная артиллерия, вся артиллерия 110-й и 137-й дивизий вели непрерывный губительный огонь по противнику; особенно хорошо работала корпусная артиллерия, наносившая сильные удары по скоплениям войск противника в районах переправ.

Вечером 12 июля командующий 13-й армией сообщил, что в мое распоряжение в район Городища прибывает 20-й мехкорпус, и обязал меня поставить корпусу задачу ударом в направлении Копысь, Орша смять противника, восстановить положение 53-й и 137-й дивизий, не допуская впредь гитлеровцев на восточный берег Днепра. Тем временем в течение 13 июля противник крупными силами танков при мощной поддержке авиации, артиллерии и минометов смял правый фланг 53-й и левый фланг 137-й дивизий и устремился в направлении Дубровно.

Вечером 13 июля ко мне на КП явился командир 20-го механизированного корпуса генерал-майор Николай Денисович Веденев, который доложил, что его войска сосредоточиваются в районе Городище, Дубровка, Ордачь в будут готовы к выполнению задачи с утра 15 июля, добавил, что мехкорпус не имеет танков.

В течение последующих трех дней противник отбросил 137-ю дивизию на рубеж Бояры, Барздовка, Ярмоловка. С ее правофланговым полком была утрачена связь. Командир дивизии до-

ложил, что дивизия понесла большие потери. К исходу 16 июля после упорных боев 137-я дивизия отошла на рубеж р. Бася, Маслаки, Варково. 53-я дивизия под воздействием противника понесла большие потери, отошла на рубеж Окуяевка, Городец. Мой резерв был использован для создания исходной позиции для наступления 20-го мехкорпуса на рубеже Городище, Княжицы.

К этому времени связь со штабом 13-й армии была потеряна, с соседом слева связи тоже не было, станция снабжения — Темный лес — находилась в руках гитлеровцев. С утра 17 июля с рубежа Городище, Княжицы перешли в наступление 20-й механизированный корпус и два полка 110-й дивизии в общем направлении на Копысь, Оршу. Сначала наступление развивалось успешно, войска вышли на рубеж Яковлевичи, Принцевка, но были встречены крупными силами танков и пехоты противника, остановлены и к исходу дня 20 июля вынуждены были отойти на рубеж Первомай, Окуневка, Княжицы. В течение этих боев под воздействием крупных сил авиации и танков неприятеля наши войска понесли большие потери.

Противнику удалось прорваться танками на Городище. Гитлеровцы устремились на юг, угрожая командным пунктам 20-го механизированного и нашего корпусов. Хорошо, что на этом направлении оказались огневые позиции корпусной артиллерии, с которых прямой наводкой бронебойными снарядами мы уничтожили несколько танков; часть танков повернула на север и была также уничтожена огнем нашей артиллерии и истребителями танков, умело использовавшими бутылки с горючей смесью и связи ручных гранат. Нашим войскам удалось сдержать противника на рубеже Городище, Княжицы.

В течение этих тяжелых трехдневных боев противнику был нанесен большой урон в живой силе и технике. По докладам командиров соединений было подбито и уничтожено около 200 танков, много автомашин, мотоциклов и живой силы противника, взяты пленные.

К утру 21 июля войска 60-го корпуса заняли оборону: 20-й мехкорпус — Чернявка, Рудицы, Ордать, Городище; 110-я стрелковая дивизия — Городище, Княжицы, Плешицы, Мосток, остатки 137-й стрелковой дивизии — Сухари.

Таким образом, главные силы, с помощью которых предполагалось парировать удар противника, 20-й механизированный корпус и 1-я мотострелковая дивизия, обескровленные в предыдущих боях, были не в состоянии полностью выполнить поставленную им задачу.

План нашего командования, идея которого состояла в том, чтобы отрезать мотопехоту гитлеровцев от их танков, прорвавшихся вперед, осуществить не удалось ни на шкловском, ни на быховском направлениях по уже изложенным мною ранее причинам.

Тем не менее активные действия наших войск позволили накопить опыт борьбы с врагом. Гитлеровцы получили немало сильных ударов.

Так, Гудериан свидетельствует: «В 18 час.15 мин. (11 июля. — А.Е.) я направился в 46-й танковый корпус в Шклов... В корпус я прибыл в 21 час. 30 мин. Сильный артиллерийский огонь и неоднократные бомбовые налеты авиации противника на район наведения моста 10-й танковой дивизии делали форсирование реки значительно более трудным, чем на фронте 47-го танкового корпуса (между Оршей и Шкловом. — А.Е.). У дивизии СС “Рейх” мост также был поврежден авиацией противника»¹.

Далее в записи, относящейся к 13 июля, он пишет: «С юга был слышен интенсивный огонь, и можно было сделать вывод, что пехотный полк “Великая Германия” ведет тяжелые бои. Этот полк имел задачу прикрывать наш фланг от атак противника со стороны Могилева.

Ночью раздался крик о помощи: пехотный полк “Великая Германия” расстрелял все патроны. Полк, еще не привыкший к боям в России, требовал дополнительные боеприпасы.

13 июля начались ожесточенные контратаки русских в направлениях Гомель... в то же время русские производили вылазки из своих предмостных укреплений из Могилева в южном и юго-восточном направлении и из Орши в южном направлении... с явной целью отбросить немецкие войска снова за Днепр...

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 164.

13 июля я приказал 46-му корпусу вместе с дивизией СС «Рейх» наступать на Горки и затем сам поехал также в этом направлении. 10-я танковая дивизия достигла населенных пунктов Горки и Мстиславль, понеся в тяжелых боях большие потери, особенно в артиллерии»¹.

К 16 июля войска 13-й армии оказались охваченными с обоих флангов, возникла реальная угроза их полного окружения. Внутри этих громадных клещей фронт армии был также прорван на нескольких направлениях.

К этому времени 4-я армия оставила Пропойск (Славгород), в результате фланг 13-й армии оказался совершенно открытым. Генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко принял решение отвести войска. Однако довести это решение до подчинения штабов не удалось. Приказ на отход был отменен и подтверждены прежние распоряжения об удержании занимаемых рубежей. Штаб армии перешел в Кричев. В штаб фронта был вызван представитель штаба армии, доложивший командующему обстановку. Здесь было принято решение оборонять Могилев, а остальные части отвести за рубеж р. Проня.

Обратимся к действиям 172-й стрелковой дивизии, на которую была возложена задача непосредственной обороны Могилева. Эта героическая дивизия заслуживает не меньшей признательности советского народа, чем доблестные защитники Брестской крепости, ибо воины дивизии выстояли на полевых укреплениях, созданных ими с помощью местного населения, двадцать три дня, сдерживая напор танковой армады Гудериана. Они оставили город по приказу своего командира лишь тогда, когда фронт откатился на добрую сотню километров от белорусского Мадрида, как называли Могилев его доблестные защитники.

Об истории дивизии и ее славном подвиге на берегах Днепра рассказали мне участники обороны, встреча которых произошла в Могилеве в апреле 1963 г.

172-я стрелковая дивизия была сформирована в 1939 г. на базе 84-й дивизии и дислоцировалась недалеко от Тулы в горо-

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 159—160.

де Новомосковске. Здесь находились штаб 172-й дивизии, 747-й стрелковый полк, 341-й отдельный зенитный дивизион, 222-й батальон связи, 340-й легкий артиллерийский полк. В Богородицке стоял 493-й гаубичный артиллерийский полк, в Ефремове — 388-й стрелковый полк, в Белеве — 514-й стрелковый полк. Комплектование частей дивизии проводилось из жителей Тульской области и частично Московской, прибыла также группа военнослужащих из Белоруссии и Горьковской области. Но основной костяк 172-й дивизии составляли туляки. Тульский областной комитет партии очень много помог в устройстве частей дивизии. Вскоре после этого 172-я дивизия была направлена на финский фронт. Здесь воины дивизии получили первое боевое крещение. После финской компании дивизия возвратилась в прежние пункты дислокации и приступила к планомерной боевой учебе.

В дни, непосредственно предшествовавшие Великой Отечественной войне, дивизия выехала в Тесницкие лагеря под Тулой для прохождения летней учебы.

Сообщение о начале войны дивизией было получено, когда личный состав готовился провести празднование открытия лагеря. Части были выстроены для парада. В сомкнутых шеренгах парадного строя выслушали воины суровые слова правительственного сообщения о вероломном нападении гитлеровцев. Тут же был отдан приказ о возвращении на зимние квартиры, чтобы приступить к доукомплектованию и непосредственной подготовке к отправке на фронт. Уже 26 июня первый эшелон дивизии отбыл на запад. В период с 28 июня по 3 июля, как мы уже указывали, части дивизии сосредотачивались в районе Могилева и совершенствовали оборонительные сооружения. В земляных работах активное участие принимали жители Могилева. Были созданы полевые сооружения, окопы, ходы сообщения и т.д.

Командир дивизии генерал-майор Романов М.Т. со своим штабом в район Могилева прибыл к исходу 31 июня.

Как велась подготовка Могилева к обороне, рассказывает Андрей Ильич Морозов, тогда второй секретарь Могилевского горкома партии, начальник штаба народного ополчения Могилева:

«Партийная организация в первые дни Отечественной войны получила соответствующие директивы от Центрального Комитета партии. Могилевский областной и городской комитеты партии сосредоточили свои усилия на реализации этих директив. В первые дни войны прошла мобилизация военнообязанных на пополнение Красной Армии, начали разворачиваться госпитали. В Могилеве состоялось собрание партийно-комсомольского актива. Здесь же, на собрании, из коммунистов, комсомольцев, работников милиции и НКВД были созданы истребительные батальоны (700 человек). Эти отряды содействовали наведению военного порядка в городе, вылавливали вражеских лазутчиков, шпионов, диверсантов.

Примерно 3 июля было получено указание ЦК партии о создании отрядов народного ополчения. Движущей силой этих отрядов стали коммунисты и комсомольцы.

Отряды народного ополчения формировались на авторемонтном заводе, шелковой фабрике, труболитейном заводе, кожзаводе, овощесушильном заводе, пивзаводе, кирпичном заводе и из студентов пединститута. В народном ополчении насчитывалось около 5 тыс. человек; в дальнейшем общее число участников народного ополчения достигло примерно 10 тыс. Кроме этого, партийная организация организовала людей на создание оборонительных сооружений — инженерно-технических работников, студентов, комсомольцев и др., до 15 тыс. человек, и направила на сооружение вокруг города Могилева прочных оборонительных укреплений.

Руководство этим делом осуществляли областной и городской комитеты партии. Был штаб народного ополчения, который направлял добровольцев в военкомат, а он распределял их по участкам.

Вооружены мы были вначале недостаточно и собирали оружие у раненых, которые прибывали в госпитали. Мы считали также, что оружие нужно брать у гитлеровцев и бить врага его же собственным оружием, но сделать это было нелегко.

Очень активное участие в подготовке города к обороне принимали комсомольцы и пионеры старшего возраста. Был брошен лозунг: «Сделать Могилев вторым Мадридом!» Из комсомольцев и пионеров старшего возраста были созданы так называемые ударные группы бронебойщиков, которые должны были сжигать танки,

забрасывать их бутылками с горючей смесью. Комсомольцы и пионеры проводили разлив жидкости в бутылки.

Хорошо дрались многие отряды народного ополчения; особенно выделялся отряд, который держал оборону в парке (политруком там был тов. Эстеркин), и отряд груболитейного завода. Лучшим отрядом был, пожалуй, все же отряд шелковой фабрики. Командиром его являлся т. Щербаков. Этот отряд упорно защищал позиции, когда гитлеровцы пытались переправиться через р. Днепр; в отряде погибло около 70 человек. В районе Мешковки отличился отряд пединститута¹.

Рассказ Морозова уточняет и дополняет Василий Иванович Сыромолотов, бывший начальник Могилевского областного управления милиции.

«Мне помнится, — говорил он, — что 25 июня я был вызван в штаб и мне было предложено как начальнику областного управления милиции мобилизовать население на оборону города Могилева. Причем, надо прямо сказать, что население было хорошо подготовлено партийными и советскими органами и на призыв выйти на сооружение оборонительной линии вокруг города откликнулись тысячи добровольцев. Ежедневно работало 10—15 тыс. человек. Я сейчас не помню фамилии, но руководил этим делом кто-то из военных, инженер-специалист. Люди, строившие оборону, нередко подвергались налетам вражеской авиации, но не прекращали работу. Линия обороны была сооружена в радиусе 25 км. Эта работа была закончена в 7-дневный срок. Она была проведена очень организованно.

3—4 июля при обкоме и горкоме партии было создано собрание коммунистов. Оно было очень кратким. Многие коммунисты прямо с собрания шли на предприятия и в учреждения, где, проведя митинги, мобилизовали рабочих и служащих на организацию обороны родного города. Под руководством обкома партии 3 или 4 июля были организованы отряды народного ополчения, в которые вступили коммунисты, комсомольцы, передовые рабочие и

¹ Стенограмма выступления А.И. Морозова на встрече участников обороны Могилева. Хранится в личном архиве А.И. Ерёмко.

служащие. Отряды эти насчитывали около 5 тыс. человек. Активную роль в их организации и в во всей обороне города принимали И.Е. Терентьев, командир ополченцев, и Д.И. Морозов — комиссар народного ополчения.

Вместе с войсками 172-й дивизии так же героически защищали Могилев подразделения милиции, народные ополченцы. Был сформирован, например, отряд для обороны территории в районе 7-го кирпичного завода. Командовал этим отрядом начальник школы НКВД майор Калугин, а комиссаром был секретарь парторганизации НКВД. Они стойко держали оборону на своем участке.

Где брали оружие народные ополченцы? Часть оружия — до 3 тыс. винтовок народному ополчению дали работники милиции, НКВД и школа милиции. На наших складах был запас винтовок, и это оружие начальник гарнизона выдал народным ополченцам»¹.

Некоторые данные, уточняющие сведения об организации обороны Могилева содержатся в воспоминаниях начальника штаба 172-й дивизии полковника А.И. Карпинского. Из них, как, впрочем, и из свидетельств других участников событий, явствует, что вокруг Могилева в радиусе до 25 км был создан оборонительный обвод с более или менее широкой полосой предполья. Оборона была, таким образом, круговой и имела целью не дать врагу ворваться в город ни с ходу ударом в лоб, ни обходным маневром с флангов или тыла.

Генерал-майор Романов, в соответствии с указаниями командарма и командира 61-го корпуса, принял решение занять оборону на западном берегу Днепра. Полкам были назначены участки. От Затишья до Тишовки занял оборону 514-й стрелковый полк под командованием подполковника С.А. Бонича (начальник штаба полка майор Муравьев). Этот полк поддерживал 493-й гаубичный полк. От Титовки до Буйничей расположился 388-й полк под командованием полковника С.Ф. Кутепова. Полк поддерживался 340-м легким артиллерийским полком. По восточному берегу Днепра во втором эшелоне занял оборону 747-й полк под командованием

¹ Стенограмма выступления В.И. Сыромолотова на встрече участников обороны Могилева. Хранится в личном архиве А.И. Ерёмко.

подполковника А.В. Щеглова. 747-й полк поддерживался 601-м гаубичным корпусным артиллерийским полком. 341-й отдельный зенитный дивизион располагался в районе 388-го полка, прикрытая аэродром и мост через р. Днепр.

Для разведки противника командир дивизии выделил подвижный моторизированный батальон под командованием старшего лейтенанта Волчка из 514-го полка и поставил ему задачу вести разведку противника на подступах к линии обороны. Такую же задачу имел и отдельный разведывательный батальон под командованием капитана Метельского. Они начали действовать 3 июля. С 13 июля гитлеровцы, форсировав Днепр южнее Быхова, стали расширять плацдарм в районе Сидоровичей. Особенно ответственная задача легла на 747-й полк. Враг понял, что наша оборона ослаблена, и решил отрезать части, находившиеся в самом Могилеве, от частей, оборонявшихся на станции Луполово. Полк встретил наступление танковых войск на шоссе Орша — Гомель на восточном берегу Днепра.

Мне довелось беседовать с бывшим комиссаром полка Кузнецовым и бывшим секретарем партбюро Монаховым.

4 июля на командный пункт 172-й стрелковой дивизии прибыл командир 61-го стрелкового корпуса. Ознакомившись с обстановкой, он одобрил действия командира дивизии.

Полковник Карпинский вспоминает: «4—5 июля наши передовые отряды вступили в бой с передовыми разведывательными частями противника, появившимися в полосе предполья, они были высланы от 24-го и 46-го танковых корпусов танковой группы Гудериана, форсировавших реку Березина и занявших города Борисов и Бобруйск.

5—8 июля бои стали еще более ожесточенными. Попытки танковых частей гитлеровцев с ходу захватить Могилев были сорваны стойким отпором наших войск. Противник понес большие потери в живой силе, подбитыми и сожженными танками.

Наглость немецко-фашистских захватчиков не имела предела. Так, например, при первом наступлении вражеские танки двигались на нашу оборону с открытыми люками, танкисты стояли в люках, как на параде. Но после того как мы противотанковыми

орудиями, гранатами и бутылками с горючей смесью уничтожили десятки гитлеровских танков, враг в последующие дни более не осмеливался проводить “парадных танковых атак”. Каждый день горели подбитые вражеские танки. Насколько ожесточенными были эти оборонительные бои, говорит тот факт, что в один из дней было подбито и сожжено 39 танков противника, образовавших целое кладбище почерневших машин»¹.

747-й полк имел уже некоторый боевой опыт, так как принял участие в боях на финском фронте в районе Кандалакши. В районе Могилева этот полк первоначально оказался в лучшем положении, чем 388-й и 514-й полки, которые оборонялись на западном берегу Днепра и первыми приняли таранный удар врага. Кроме того, 747-й полк, занимавший оборону на 10-километровом участке, поддерживался 601-м гаубичным артиллерийским корпусным полком. На участке полка располагался армейский зенитный артиллерийский полк, что также укрепляло оборону левобережного предместья Могилева. По господствующим высотам, густо заросшим лесом, личный состав полка и население Луполово отрыли траншеи и окопы, построили несколько дзотов, вырыли противотанковый ров, устроили ловушки, установили надолбы и минные поля. Создавались узлы сопротивления, укреплялась полоса предполья. Где позволяли условия, были сделаны лесные завалы, на высоких деревьях оборудованы наблюдательные пункты. На особенно угрожаемых участках установлены проволочные заграждения. В самом Луполово были возведены баррикады и укреплены каменные постройки. В глубине обороны полка тщательно готовились огневые позиции артиллерии.

«Мы с самого начала, — пишет В.Ф. Кузнецов, — включились в разведывательные действия, выделив по указанию заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта Еременко подвижную диверсионную группу, направившуюся в тыл врага. Ее действия были довольно успешными, она захватила в плен двух гитлеровских офицеров, которые дали ценные сведения о составе

¹ Воспоминания полковника А.И. Карпинского. Хранятся в личном архиве А.И. Ерёменко.

сил врага и его намерениях. Они, в частности, сообщили, что на могилевском направлении действует 24-й танковый корпус, а их собственные передовые подразделения имели задачей разведать нашу оборону на этом участке»¹.

У нас было тогда крайне мало фактических сведений о противнике, и то, что сообщили офицеры, захваченные разведотрядом 747-го полка, имело действительно большую ценность. Мы, в частности, едва ли не впервые узнали о составе группы Гудериана и о ее 24-м танковом корпусе. В дальнейшем оказалось, что дивизии пришлось иметь дело с этим корпусом, а именно с его 3-й танковой и 10-й механизированной дивизиями.

Большое внимание обращалось в 747-м полку, как и во всей дивизии, по свидетельству участников обороны, подготовке к отражению танковых атак противника. Основным средством для этого наряду с артиллерией были бутылки с горючей жидкостью. Воины усиленно тренировались в применении этого оружия — «карманной артиллерии», как его тогда называли. Кузнецов рассказывал, что генерал Романов, проверявший полк перед боями, похвалил командование полка за большую работу, проведенную по подготовке истребителей танков. И в ходе боев это простое, но грозное в умелых руках средство сыграло немалую роль в отражении бронированных клиньев врага.

На участке полка положение с вооружением и техникой оставляло желать лучшего: отечественный автомат был один на весь полк, правда, было захвачено уже несколько десятков трофейных автоматов, в полку было всего пять бронемашин и ни одного танка.

Активные боевые действия на участке 747-го полка, которому довелось сыграть важную роль в обороне Могилева, начались 10 июля ураганным артиллерийским огнем врага. Вскоре передовые подразделения пулеметами атаковали боевое охранение полка (командир — лейтенант Королев), находившееся в 10 км впереди основных сил в небольшом леске, у д. Ненашево. Наши воины стойко выдержали их удар, огнем и контратаками нанесли боль-

¹ Воспоминания полковника В.Ф. Кузнецова хранятся в личном архиве А.И. Ерёмко.

ной урон и обратили в бегство хваленых мотоциклистов. Вслед за ними двигалась пехота, ей тоже был нанесен урон: до двух десятков человек было убито. В плен был захвачен унтер-офицер¹, показавший, что мотоциклисты двигаются на Чаусы, а основные силы дивизии строят переправу через Днепр и частично начали переправляться. Наступление велось двумя колоннами: одна из них и натолкнулась на передовое охранение полка.

Как уже указывалось, ожесточенные бои развернулись в районе Сидоровичей. На этом участке наступало до двух полков противника с бронемашинами и танками. Гитлеровцы заняли деревню.

По решению командующего 13-й армией в направлении Сидоровичей и Слободки была организована контратака, в которой принял участие и отряд 747-го полка. В его состав подполковник Щеглов выделял стрелковый батальон из курсантов полковой школы, две полковых артиллерийских батареи, дивизион 493-го артиллерийского полка; в отряд вошел также разведбатальон дивизии.

Командиром отряда был назначен начальник штаба 747-го полка майор Г.И. Златоустовский. Хорошо знавшие его товарищи Кузнецов и Монахов характеризуют его как типичного кадрового офицера Красной Армии, впитавшего лучшие традиции советского офицерского корпуса. Это был человек, выросший и сложившийся как командир в предвоенные годы. По словам товарищей, он проявил себя как вдумчивый и необычайно работоспособный штабной работник, могущий но несколько суток без сна и отдыха четко выполнять свои нелегкие обязанности. Это был во всех отношениях подготовленный командир, заслуживший большой авторитет как среди подчиненных, так и среди старших командиров.

В ночь на 13 июля двумя колоннами по двум дорогам отряд двинулся на южную опушку леса — исходный район для контратаки. Небольшое охранение гитлеровских войск было отброшено. Наша артиллерия и минометы открыли сильный сосредоточенный огонь по скоплениям мотопехоты врага в д. Сидоровичи. Роты вышли из леса, развернулись и повели наступление. Гитлеровцы, не ожидав-

¹ В штаб полка его привез на трофейном мотоцикле боец Сизиков, доставивший также карты неприятеля.

шие здесь такого удара, растерялись. Наши снаряды и мины рвались в гуще скопления войск и техники врага. Горели вражеские автомашины и бензоцистерны, броневики и танки, облитые горящим бензином взорванных бензозаправщиков. Наш наступающая пехота и разведчики ворвались в д. Сидоровичи и Слободка, беспощадно истребляя фашистов. Враг отошел назад к Днепру, оставив на поле боя десяткиtrupов своих солдат и офицеров, свыше 30 автомашин и бензозаправщиков, много изуродованных орудий, сгоревших броневиков и танков.

По рассказам очевидцев и участников событий удалось частично восстановить картину этих боев. Перед контратакой наши артиллеристы прямой наводкой нанесла удар по танкам и пехоте противника. Сразу загорелись три танка, подбитие батареей капитана Трофимова. К окопам курсантов полковой школы развернутым строем двигалось до десяти танков. Первые три машины проползли прямо над узкими щелями. Их пропустили, но тут вслед танкам полетели из окопов бутылки с горючей жидкостью. Танки загорелись. Гитлеровцы, пытавшиеся спастись бегством из горящих танков, были убиты. Остальные танки повернули назад. К сожалению, в горячке боя не удалось установить фамилии героев, которые открыли счет сожженным гитлеровским танкам, многие из этого боя не вернулись живыми.

Враг медленно начал отступать, не выдержав шквала нашего огня и дерзкого удара курсантов и разведчиков. Первыми подняли свою роту лейтенант Знаков и политрук Складенко. Оба они бежали в первых рядах контратакующих, увлекая за собой всю роту. Их примеру последовали соседние роты. Все чаще разрывались вражеские снаряды и мины, усилилась автоматнo-пулевая стрельба. Враг любой ценой пытался сорвать нашу контратаку, но это ему не удалось. Наш наступательный порыв все возрастал, и враг, не выдержав штыковой атаки, побежал назад. Прямым попаданием мины был убит политрук Складенко, потомственный шахтер. Наши воины жестоко отомстили за смерть героя.

В этом бою особенно отличилась пулеметная рота 1-го батальона полка под командованием старшего лейтенанта Бордуна, которого контузило и ранило. Когда он пришел в себя, то услышал

чей-то возглас: «Наводчика насмерть!» Бордун, преодолевая боль, пополз вперед и припал к пулемету, с пригорка с криком бежали гитлеровцы. В каких-нибудь четырех шагах Бордун подрезал вражескую цепь длинной и меткой очередью, но сам снова был ранен осколком гранаты.

К нему приближались враги. Напрягая последние силы, мужественный командир одну за другой бросил три гранаты; последняя взорвалась почти рядом.

Несколько вражеских солдат заплатили жизнью за попытку взять его живым. Так оборвалась жизнь героя.

Много других, не менее героических, подвигов совершили воины 747-го полка в этом первом серьезном сражении, продолжавшемся без перерыва 10 часов. Лишенные поддержки танков, воины самоотверженно боролись с танками врага связками гранат и бутылками с зажигательной смесью. Они подбили и сожгли вместе с артиллеристами до 20 танков, уничтожили до 30 автомашин и бензозаправщиков, много орудий и минометов противника, на поле боя остались сотни трупов вражеских солдат и офицеров. Отряд Златоустовского понес значительные потери и вынужден был под покровом ночи отойти в полосу предполя, оставив на дорогах боевое охранение. Многих командиров и политработников, артиллеристов и стрелков не досчитались однополчане после этого боя.

Полк нанес серьезный урон врагу и в боях за Дашковку, где он взаимодействовал с другими частями дивизии.

Воспоминаниями о партийно-политической работе в 747-м полку поделился со мной бывший секретарь партийного бюро этого полка Сергей Петрович Монахов. Он рассказал, в частности:

«Полку был отведен участок обороны протяженностью более 10 км. В таких условиях, конечно, нельзя было собрать общего собрания коммунистов полка, разговаривать же с ними было необходимо, и мы раскрепили членов партбюро по партгруппам для проведения бесед и собраний. На собраниях коммунисты высказывались за то, чтобы построить в 2—3 дня оборонительную линию на участке полка и насмерть встать на ней в борьбе с фашистскими захватчиками.

Когда противник навалился на 388-й полк, командир дивизии Романов приказал выделить группу из нашего полка на помощь соседу, наносившему контратаку под Дашковкой. Этой группой командовали коммунисты младший лейтенант Фуфаев, его заместителем был лейтенант Пугачев. Они хорошо выполнили свою задачу. Рядовые воины и командиры, идя в бой, подавали заявления о приеме в партию и просили: "Если я погибну, считайте меня коммунистом". Использовались любые паузы в боях, чтобы рассмотреть заявления и наиболее достойных принять в партию. Среди них были Златоустовский, Сибиряков, Елистратов в многие другие. Молодые коммунисты стремились оправдать доверие партии. Так, майор Златоустовский, назначенный командиром разведотряда, в ночь на 13 июля 1941 г. в районе д. Сидоровичи на деле оправдал высокое звание коммуниста.

Политорганы и партийные организации делали все, чтобы о подвигах героев знали все воины полка. Например, о героизме, проявленном Бордуном, который пал смертью храбрых, воины полка были оповещены в боевых листках и листовках. Фашисты жестоко поплатились за смерть героя. После боя они оставили подбитыми 20 танков и свыше 30 автомашин, сотни трупов.

Бои шли упорные, но партийно-политическая работа не прерывалась. Во время затишья на партсобраниях мы подводили итоги боев. Гитлеровцы иногда мешали нам проводить такие собрания своим артиллерийским обстрелом.

Помню, когда в 1-м батальоне проходило партийное собрание, фашисты атаковали нас. Пришлось прервать собрание и контратакой успокоить врага. В этом бою был ранен инструктор пропаганды полка Иван Берук, но в госпиталь не ушел, остался в строю.

Героически вели себя комсомольцы. Они, следуя примеру коммунистов, доблестно сражались с фашистскими захватчиками. В одном из боев я находился во 2-м батальоне, которым командовал старший лейтенант В.В. Сибиряков. Батальон нес больше потери, враг упорно наступал, хотя нес вдвое большие потери. Силы наши иссякали. Надо было быстрее связаться со штабом полка. Командир батальона Сибиряков на своей лошади послал с донесением комсомольца Амракумова. Гитлеровцы, заметив гонца, от-

крыли огонь. Лошадь была убита, а раненый комсомолец ползком добрался до штаба и все же вручил донесение. Рана была смертельной. Узнав, что батальону послано подкрепление, Амракумов успел сказать: “Я выполнил приказ”, — и навеки закрыл глаза.

Комсомолец Возной за несколько часов до боя подал заявление о приеме в партию и был принят; сразу же после этого он отправился выполнять боевое задание. Вскоре он погиб. Это был любимец молодежи нашего полка, активный депутат Новомосковского городского совета.

Отважными воинами показали себя комсомольцы Альзоба, Гетманский, Мехалишин, Ракитин, Осинин.

Помнится и такой случай. Был воскресный день. Враг всегда по воскресеньям завязывал бои несколько позднее обычного. Но вот послышался гул моторов. Часть самолетов шла на Могилев, часть на Луполово. Зенитчики открыли по фашистским стервятникам интенсивный огонь. Вместе с зенитчиками по самолетам противника били из обычных пулеметов и винтовок. Семь самолетов в этот воскресный день рухнули на землю, объятые пламенем. Это было для нас такой радостью, какой мы не переживали, кажется, за все дни обороны Могилева.

Героями этого радостного дня были наши славные зенитчики, коммунист командир взвода Федотов, политрук Жужжалов, комсорг Барановский, командир взвода коммунист Старцев, отважные наводчики комсомольцы Чепелев, Тананаев, Аксенов, Корсокин.

Политрук Акимушкин находился у зенитчиков, оборонявших мост через Днепр. Гитлеровцы с особой яростью обрушились в этот день на мост, связывавший нас с двумя другими полками дивизии. Фашистские стервятники буквально засыпали зенитчиков градом зажигательных бомб. Акимушкин сумел, однако, так сплотить людей, что они не дрогнули и продолжали вести огонь, несмотря на то, что позиции их буквально пылали от массы “зажигалок”. Акимушкин появлялся в самых трудных местах. Молодой еще человек, он посидел за несколько часов боя, но внешне оставался хладнокровным и бодрым, даже шутил в этой адовой обстановке. После этого боя в числе сбитых зенитчиками самолетов было три бомбардировщика. В одном из них были бомбы, которые фашисты

не успели сбросить. Они взорвались на земле в горящем самолете, ранив полковника Якушева.

Одним из сбитых самолетов была зловещая “рама”, которая доставляла нам много беспокойства. В этом самолете было обнаружено два мешка листовок с призывом к нашим войскам прекратить сопротивление.

Летчик одного из сбитых фашистских бомбардировщиков спустился с парашютом. Это была женщина. Когда ее спросили, почему она бомбила город, мирное население, она ответила: “А какая разница между вами и ими? Все вы советские, а Советы нам фюрер приказал уничтожить!”

Силы наши, однако, иссякли. Враг все усиливал нажим на наш полк. Особо угрожающее положение создалось, когда он вышел в район станции Луполово. На этом участке оборону держал 2-й батальон под командованием старшего лейтенанта В.В. Сибирякова.

Завязался ожесточенный бой. Враг, бросив на это направление две дивизии, потеснил 2-й батальон с занятых позиций. Гитлеровцы захватили станцию. Командир полка приказал контратаковать врага и выбить его из Луполово. Вся артиллерия полка поддерживала контратаку. Впереди, как всегда, были коммунисты, они повели за собой остальных воинов. С криками “Ура! За Родину!” устремились роты батальона вперед. Контратака была стремительной и кровопролитной и закончилась рукопашной схваткой. Не выдержав яростного штыкового удара, подавленные нашей артиллерией, гитлеровцы дрогнули и поспешно отошли со станции. Но, перегруппировавшись, части врага вновь двинулись на позиции батальона. Бой разгорался с новой силой. Станция несколько раз переходила из рук в руки. Обе стороны несли большие потери. Командир полка приказал ввести в бой все силы. Именно тогда особенно ярко проявился патриотизм наших людей. Воины хозяйственных и санитарных подразделений заменяли убитых, легко раненные воины из медсанбата вернулись на позиции, вместе с ними и весь медицинский персонал. Медсестра Нина Потапова, будучи ранена, шла вместе в контратаку. Командир полка подполковник Щеглов энергично и умело руководил боем, он всегда оказывался там, где положение принимало критический

оборот. Коммунисты и политработники словом и делом воодушевляли воинов¹».

25 июля противник еще более сжал кольцо окружения, и 147-й полк был частично отрезан от других частей дивизии, некоторые его подразделения переправились в Могилев и приняли участие в заключительных боях за город, а остальные отошли дальше, в лесные массивы в направлении Сухарей. Штаб дивизии потерял проводную связь с полком. Враг занял предместье Луполово.

Говоря о боевых действиях 747-го полка, нельзя не подчеркнуть, что эта часть выделялась своим упорством в обороне. 747-й полк, руководимый такими мужественными командирами и политработниками, как подполковник А.В. Щеглов, батальонный комиссар В.Ф. Кузнецов, майор Г.И. Златоустовский (начальник штаба полка) и С.Л. Монахов (секретарь партбюро полка), заслужили признательность нашего народа.

На участке 388-го стрелкового полка в эти дни обстановка также крайне обострилась. В районе Буйничи противник ежедневно по нескольку раз яростно атаковал позиции оборонявшегося здесь батальона капитана Абрамова. Батальон был почти полностью уничтожен, пал смертью храбрых и его командир. С 17 июля бои развернулись на второй позиции. Здесь враг был остановлен и не смог прорваться к городу.

Положение дивизии все более осложнялось. По свидетельству многих участников обороны, особенно большим вопросом стало обеспечение. Потеряв надежду захватить Могилев с ходу и понеся большие потери, части 24-го и 46-го танковых корпусов Гудериана, обойдя Могилев с двух сторон (46-й корпус — севернее, 24-й корпус — южнее Могилева), соединились в населенном пункте Чаусы, замыкая окружение. Части дивизии оказались в тесном кольце, но продолжали ожесточенные, неравные бои в течение 15—19 июля. В это время враг ворвался уже в Смоленск. Характерно, что противник после своих неудачных танковых атак применил иную тактику и стал наступать пехотой, усиленной двумя-тремя танками,

¹ Стенограмма выступления С.П. Монахова на встрече участников обороны Могилева. Хранится в личном архиве А.И. Ерёмко.

стремясь небольшими группами автоматчиков просачиваться в нашу оборону, особенно по ночам. Эти группы своим внезапным автоматным огнем в ночное время пытались вызвать панику в наших рядах.

Когда противник отрезал наши дивизионные тылы, войдя в Чаусы, в частях стал все сильнее ощущаться недостаток боеприпасов и продуктов. По распоряжению командования Западного фронта наша авиация сбрасывала с самолетов необходимые грузы, но часть парашютов относил в расположение врага, а иногда снаряды, доставленные с таким трудом, оказывались не тех калибров.

22 июля начальник Генерального штаба через штаб Западного фронта запросил конкретные сведения о частях, оборонявших Могилев. Генерал-майор Романов доложил о наличных силах дивизии и настоятельно просил помочь боеприпасами. Из штаба фронта было приказано выложить костры на аэродроме в районе Луполово для принятия боеприпасов. В ту же ночь группа транспортных самолетов сбросила боеприпасы и продовольствие. Часть из них попала на участок, занимаемый 747-м полком, а несколько контейнеров — в расположение врага. На рассвете следующего дня завязался ожесточенный бой за эти боеприпасы, и они были отбиты у врага. 24-го снова были сброшены боеприпасы, на этот раз на участке 388-го полка в районе Тишовки и в районе шелковой фабрики.

Это была не только большая материальная, но и моральная поддержка. Воины дивизии чувствовали неразрывную связь со всем народом, воочию убеждались, что командование фронта и Верховное Главнокомандование, несмотря на сложность общей обстановки, не забывали о защитниках Могилева.

Приведу свидетельства генерала Бакунина о событиях этих недель с точки зрения командира, руководившего ходом боевых действий на более широком участке. Оговоримся, что в них частично повторяются факты, уже известные читателю из предыдущего изложения.

«В течение 9 и 10 июля противник проявлял особенную активность. Войска корпуса подвергались сильным и неоднократным

налетам гитлеровской авиации. Авиаудар пришелся по районам Копысь, Шклов, эти же районы были подвергнуты воздействию массированного артиллерийского и минометного огня противника, где проходил передний край обороны 53-й стрелковой дивизии. Однако неоднократные попытки врага навести переправы через Днепр в районах Копысь, Быхов, Добрейка в эти дни наши войска успешно срывали. В полосе обороны 172-й дивизии противник крупными силами танков и пехоты пытался смять передовые отряды на р. Лохва и прорвать оборону дивизии в направлении Княжицы, Ямница, но, понеся большие потери в танках и пехоте, вынужден был отойти в леса южнее этих населенных пунктов. По докладу командира 172-й дивизии Романова в ходе боев было подбито не менее 39 танков. Были взяты пленные, которые показали, что основная задача их частей — наступать на Москву.

На наши просьбы о нанесении ударов с воздуха командующий 13-й армией ответил, что в его распоряжении, как, впрочем, и в распоряжении фронта, бомбардировочной авиации почти нет.

С утра 11 июля противник перенес основные усилия в полосу обороны 172-й дивизии. Примерно после двухчасовой обработки переднего края и глубины обороны двинулась танковая армада по всему фронту этого соединения. Но организованным артиллерийским огнем наших войск, минными полями перед передним краем и многочисленными контратаками продвижение гитлеровцев было остановлено.

В течение всего этого и предыдущего дня 53-я дивизия также подверглась сильным налетам авиации, артиллерийскому и минометному обстрелу. Под прикрытием авиации, артиллерийского и минометного огня противник пытался навести переправы через Днепр, но пока успеха не добился. Он нес большие потери в живой силе и технике. Стало явно, что неприятель хочет сломить нашу оборону в районе Могилева и организовать переправы через Днепр южнее Орши, Копыси, Шклова.

12 июля в полосе обороны 172-й дивизии продолжались неоднократные попытки продвинуться вперед под прикрытием сильных налетов авиации, артиллерийского и минометного огня, но они по-прежнему терпели провал.

С 13 по 21 июля 172-я дивизия ежедневно по несколько раз в день отражала атаки танков и пехоты противника на переднем крае, но только на некоторых направлениях противнику удалось вклиниться в нашу оборону, однако организованным огнем и решительными контратаками положение на переднем крае обороны всякий раз восстанавливалось.

Начиная с 20 июля, гитлеровцы сбрасывали массу листовок, в которых разглагольствовали о том, что Красная Армия разбита, дальнейшее сопротивление, дескать, бесполезно. В листовках требовали уничтожить комиссаров и сдаваться в плен. Советских воинов уверяли, что им будет гарантирована жизнь, хорошее питание и т.д. Далее геббельсовские пропагандисты перечисляли, какие советские города уже были заняты гитлеровскими войсками.

Когда Геббельс, захлебываясь, врал об успехах, Гальдер, начальник Генерального штаба немецких войск, сетует на тяжелое положение и говорит вот что: «Обстановка в районе Пропойска обостряется. В районе Могилева противник продолжает оказывать ожесточенное сопротивление».

Геббельсовская агитация, однако, не производила на наших солдат ни малейшего впечатления. Они уничтожали листовки и соревновались в обстреле низко летящих вражеских самолетов.

С 21 по 25 июля танки и пехота противника, поддержанная еще более мощными ударами авиации, артиллерии и минометов, на ряде участков пробила оборону 172-й дивизии. Продолжая сопротивление, вновь в вновь переходя в контратаки, полки дивизии вынуждены были отойти на близкие подступы к Могилеву.

Нельзя не отметить, — пишет далее генерал Бакунин, — командиров частей и подразделений этой дивизии, сражавшихся самоотверженно и храбро, не щадивших своей жизни, таких, как командир 388-го полка полковник Кутепов, начальник штаба этого полка капитан Плотников. Когда танки противника прорвались через передний край обороны и устремились на КП 388-го полка, личный состав штаба во главе с Кутеповым и Плотниковым, пропустив танки противника, контратаковал пехоту, забросав гитлеровцев гранатами. Командир и начальник штаба бросились вперед на врага, воодушевляя бойцов и командиров примером личной до-

блести и самоотверженности. Благодаря этой дерзкой контратаке было восстановлено положение батальона, находившегося во втором эшелоне полка.

Подобным же образом неоднократно действовал и командир 514-го полка полковник Бонич.

Командир легкого арtpолка полковник Мазалов, когда танки подошли к его КП, принял командование батареей, которая вела огонь по танкам противника. Таких примеров было очень много. 172-я дивизия проявила массовый героизм в сражении против превосходящих сил врага.

Командир дивизии генерал Романов показал себя хорошим организатором боя, умело и твердо руководил частями, мужественно и храбро ведя себя в бою.

В период с 21 по 26 июля противник довел до высшего предела нажим на северном участке 110-й дивизии 20-го механизированного корпуса, стремясь сломить сопротивление частей корпуса на правом фланге. Под прикрытием авиации, артиллерии и минометов танки и пехота ежедневно по нескольку раз переходили в атаку, но, неся большие потери, решительного успеха добиться не смогли.

Наши войска, в частности 110-я дивизия, продолжали прочно удерживать свои позиции, отвечая контратаками на каждый удар противника. Командир 110-й дивизии Хлебцев проявил себя также как зрелый, волевой и мужественный военачальник».

По-иному командир корпуса оценивает поведение исполнявшего обязанности командира 1-й Московской мотострелковой дивизии полковника Глуздовского. Его дивизия несколько дней находилась в обороне южнее и юго-восточнее Луполова, а затем без разрешения командира корпуса полковник Глуздовский снял части с занимаемого ими участка обороны и увел в восточном направлении.

По словам Бакунина, все это время, особенно в 20-х числах, командиры соединений все настойчивее докладывали ему о том, что боеприпасы на исходе.

«Проанализировав обстановку, — рассказывает в заключение генерал Бакунин, — сложившуюся на участке корпуса, которая ха-

рактировалась тем, что войска корпуса оказались в полном окружении, в глубоком тылу врага, а связь с высшим командованием была прервана, я пришел к выводу, что дальнейшее сопротивление без надежного боепитания приведет к еще большим потерям среди личного состава, и принял решение выходить из окружения.

Утром 26 июля я пригласил к себе на КП командиров соединений и отдельных частей с тем, чтобы объявить предварительное решение о выходе войск из окружения. На этом совещании присутствовали командиры 20-го механизированного корпуса генерал-майор Н.Д. Веденеев, 26-й танковой дивизии — генерал-майор В.Т. Обухов, командир 210-й мотострелковой дивизии генерал-майор Ф.А. Пархоменко, командир 110-й стрелковой дивизии полковник В.А. Хлебцов и др. Командир 172-й стрелковой дивизии Романов не присутствовал на совещании, так как его дивизия была отрезана от других соединений корпуса. На совещании генералы Веденеев, Пархоменко и полковник Хлебцов сочли мое предварительное решение своевременным и не высказали возражений против него».

Командир корпуса ознакомил собравшихся с обстановкой, сложившейся перед фронтом наших войск, и изложил в общих чертах план выхода из окружения; детальную разработку плана на основе принятого решения было приказано провести начальникам штабов соединений под руководством начальника штаба 61-го корпуса подполковника А.Н. Корякова.

Время выхода было назначено на исходе дня 27 июля. Планом предусматривалось движение войск тремя маршрутами в общем направлении Мстиславль, Рославль. В авангарде следовал 20-й механизированный корпус, в арьергарде — наиболее боеспособные части 110-й стрелковой дивизии.

Командир 172-й стрелковой дивизии, не имея надежной связи с корпусом, принял самостоятельное решение о выходе из окружения.

В течение этих 23-дневных боев на берегах Днепра и в районе Могилева все войска корпуса в упорных боях с превосходящими силами противника проявили стойкость в обороне, организованность, храбрость, мужество и массовый героизм. Особого внима-

ния и благодарности заслуживает 172-я дивизия, с честью выполнившая задачу обороны города Могилева.

Важную роль в стойкости обороны сыграла артиллерия, и особенно противотанковая.

В итоге 23-дневных боев, по подсчетам наших штабов, было уничтожено: самолетов — 24, танков — почти 200, мотоциклов — около 400, автомашин — 500, уничтожено 15 тыс. и взято в плен около 2 тыс. солдат и офицеров противника.

Наши войска понесли также большие потери, особенно от массированных налетов авиации противника. Иногда гитлеровские стервятники действовали нагло, летя на небольшой высоте. Например, 20 июля зенитно-пулеметная рота 110-й дивизии, прикрывавшая КП корпуса, сбила четыре самолета противника.

Все наши войска сражались в этих боях с высоким упорством, стойкостью и самоотверженностью.

Таким образом, войска, которыми командовал Бакунин в операции на днепровском рубеже и в районе Могилева, сдерживали в течение 20—28 дней крупные танковые и механизированные войска противника и этим самым способствовали стабилизации фронта на рубеже Ярцево, Ельня, Дятьково.

В ходе длительных жестоких боев на подступах в Могилеву защитники города — воины 172-й стрелковой дивизии, 425-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии и бойцы отрядов народного ополчения — нанесли врагу большой урон. По подсчетам участника обороны бывшего политрука стрелковой роты 747-го стрелкового полка Ивана Михайловича Брюханова, которые он сделал на основании писем и бесед с участниками обороны, под Могилевом было убито и ранено до 8 тыс. солдат и офицеров противника, взято в плен более 600 человек, подбито и сожжено до полутора сотен вражеских танков и бронемашин, сбито несколько десятков фашистских стервятников. Эти данные не претендуют на абсолютную точность, но, по-видимому, недалеко от истины.

К 26 июля, однако, материальные возможности обороны города были полностью исчерпаны, хотя моральный дух в значительно поредевших рядах доблестных защитников города по-прежнему оставался высоким. Несмотря на огромные потери, те, кто остался

в строю, были преисполнены мужества в готовности продолжать неравную борьбу. Однако командир дивизии понял, что в ходе сражения наступил такой момент, когда дальнейшая оборона днепровского рубежа на ограниченном участке не могла уже более иметь оперативного значения. Попытка оставаться далее на занимаемых позициях угрожала истреблением подчиненных ему войск. Боеспособные и продовольствие были израсходованы, пополнить их не было никакой возможности. Линия фронта откатилась далеко на восток.

В ночь на 26 июля Михаил Тимофеевич собрал совещание в штабе дивизии в помещении городской школы № 11 по ул. Менжинского. Сюда были вызваны командиры, комиссары и начальники штабов стрелковых полков и других частей, подчиненных дивизии. Совещание это носило не совсем обычный характер. Командир дивизии в этот тяжелый час хотел посоветоваться с людьми, выслушать их мнения, выяснить настроения и прийти к согласованному решению.

Из свидетельств участников этого совещания удалось достаточно точно восстановить его ход. Генерал Романов открыл совещание следующим сообщением.

Утром 24 июля в штаб дивизии из 747-го стрелкового полка были доставлены два парламентаря — офицер и солдат из полка «Великая Германия» с белым флагом и белыми повязками на рукавах, без оружия. Они вручили мне документ, адресованный начальнику Могилевского гарнизона и подписанный командиром 7-го армейского корпуса. В документе в ультимативной форме высказывалось требование о немедленном прекращении сопротивления и сдаче города, в этом случае враг обещал снисхождение к пленным.

Ознакомившись через нашего переводчика с содержанием документа, командир дивизии т. Романов сказал парламентарям, что их командование заблуждается, полагая, что защитники Могилева добровольно сложат оружие. В истории Красной Армии еще не было случая, чтобы гарнизон сдавался на милость врага, не исчерпав всех возможностей обороны, а советские части, обороняющие днепровский рубеж у Могилева, являются верными наследниками традиций своих отцов.

После этого ультиматум был возвращен парламентарам, и они отправлены восвояси.

Рассказав об этом, Михаил Тимофеевич спросил присутствующих, одобряют ли они это решение командования дивизии.

— Полностью одобряем, — в один голос ответили участники совещания.

— Спасибо за доверие, — сказал М.Т. Романов и продолжал: — Мы, конечно, сдаваться фашистам не намерены. Как патриоты советской Отчизны, никогда не покроем себя позором. Я хотел посоветоваться с вами, как нам поступить в дальнейшем. Положение ваших войск, обороняющих город, трагическое. Части истекли кровью, пополнить их нечем. В городе накопилось до 4 тыс. раненых, боеприпасы фактически кончились, продовольствие на исходе. Несмотря на большое численное превосходство в живой силе и технике со стороны противника, окруженные части нашей дивизии, 425-й полк 110-й стрелковой дивизии, народные ополченцы и милиция дрались мужественно, проявили большое упорство в обороне, дерзко в организовано контратаковали врага. Мы понесли большие потери, много командиров и солдат пали в бою смертью храбрых, отдав свою жизнь за Родину. Прошу почтить их память вставанием.

После минуты молчания Михаил Тимофеевич попросил присутствующих откровенно высказать свои соображения.

Первым взял слово командир 388-го стрелкового полка Кутепов. Он сказал:

— Противник не мог сломить нашей воли, мы выполнили приказ командующего войсками Западного фронта по обороне Могилева. Нелегкий участок обороны достался нашему 388-му полку. Мы дрались у знаменитого села Салтановка, где в 1812 году французским войскам было нанесено поражение. Мне кажется, что воины полка оказались достойными своих предков. Бои здесь носили ожесточенный характер. На каждый удар противника мы отвечали контратакой и нанесли ему немалый урон, но и сами истекли кровью. Беда заключалась в том, что у нас не было танков, чтобы подавить огневые точки противника, которые косили нашу пехоту. Сейчас подразделения поредели настолько, что не из всякого бата-

льона наберешь и взвод. Главное, нет боеприпасов. Я предлагаю собрать все оставшиеся силы и пробиться из окружения.

Взявший после него слово исполняющий обязанности начальника штаба дивизии майор Василий Александрович Катюшин доложил, что противник сжимает кольцо окружения вокруг Могилева тремя свежими пехотными дивизиями. Оставаться далее на занимаемых рубежах — значит подвергнуть фактически безоружных людей истреблению. Необходимо начать выход из окружения в двух направлениях — на север и на юг.

Так как это мнение было общим, никто больше выступать не стал.

М. Т. Романов, подытоживая совещание, сказал:

— Спасибо вам, товарищи. Вы укрепили меня в мыслях, с которыми я шел на совещание. Я предварительно уже принял решение на выход из окружения, но хотел посоветоваться с вами, теперь я твердо убежден, что предварительное решение было правильным.

Михаил Тимофеевич, как непосредственный руководитель оборона Могилева, и другие участники совещания хорошо знали обстановку. Их решение в тех условиях было единственно возможным.

В заключение совещания командир дивизии огласил следующий приказ:

«1. Противник окружает нас с запада, с севера и юга пехотными частями 7-го армейского корпуса, с востока действует дивизия СС “Рейх”.

2. 27 июля с наступлением темноты всем частям и штабам оставить гор. Могилев и начать пробиваться из окружения:

а) частям, действующим на левом берегу р. Днепр, под общим командованием командира 747-го стрелкового полка Щеглова, прорываться в северном направлении, пункты прорыва на местности назначить командиру полка. По прорыву кольца окружения повернуть на восток в направлении лесов, что восточнее Могилева, и двигаться до соединения со своими частями;

б) частям, обороняющимся на правом берегу р. Днепр, под общим командованием командира 388-го стрелкового полка Кутепова прорываться из окружения в юго-западном направлении вдоль

Гобруйского шоссе на кирпичный завод и далее в лес в районе д. Дашковка, в тыл врага. В дальнейшем, следуя в южном направлении, вдоль р. Днепр, переправиться на его левый берег и после этого двигаться в восточном направлении до соединения со своими частями;

в) группе управления дивизии, штабу дивизии, дивизионным частям (батальон связи, саперный батальон и др.) двигаться за 188-м стрелковым полком во втором эшелоне».

Отдав боевой приказ, генерал Романов дал еще ряд указаний: всем частям, штабам и подразделениям все имущество и вооружение, которое невозможно увезти с собой, привести в негодность и уничтожить; все деньги, которые в большой сумме хранились в финансовой части, сжечь; все боевые документы (коды, шифры и т.д.) сжечь; всех раненых, не способных следовать самостоятельно, оставить в Могилеве в дивизионном госпитале вместе с медицинским персоналом. Старшим врачом назначить начальника дивизионного госпиталя военврача 2-го ранга Владимира Петровича Кузнецова¹.

Так закончилось это очень короткое историческое для обороны Могилева совещание. Его участники спешно отправились в свои части, чтобы немедленно приступить к выполнению приказа командира дивизии.

В глубоком тылу врага, когда наш фронт откатился уже на добрую сотню километров, 172-я дивизия продолжала оставаться неотъемлемой частью Красной Армии. Ее личный состав жил и действовал в соответствии с законами нашей Родины и воинским уставом. Сверхив, казалось бы, невозможное, защитники Могилева удержали город, огражденный лишь полевыми укреплениями легкого типа от бешеного натиска бронированной армады основных сил танковой группы Гудериана. И это при условии, что чуть ли не главным средством борьбы с танками были бутылка с горючей жидкостью и связки ручных гранат.

Во исполнение приказа командира дивизии все командиры частей отдали свои распоряжения о подготовке к ночной контратаке,

¹ Личный архив А.И. Ерёмченко.

тем временем бои на всем фронте дивизии не затихали ни на минуту, все более усиливалась артиллерийско-минометная канонада.

В 388-м полку был создан ударный отряд, которому предстояло двигаться в авангарде и пробить кольцо окружения. Предполагалось, что авангард будет действовать на направлении Рогачева, затем форсирует Днепр и будет искать соединения с нашими войсками в районе Гомеля. Руководство авангардным отрядом было возложено на полковника Кутепова и капитана Плотникова.

Арьергардный отряд, которому надлежало прикрыть отход частей дивизии, находившихся на западном берегу Днепра, представлял собой сводный полк, в котором были собраны воины подразделений, обслуживавших штаб, милиция и народные ополченцы; его возглавлял исполнявший обязанности начальника штаба дивизии майор Василий Александрович Катюшин.

В 24 часа авангард завязал ожесточенные бои, начав движение по указанному маршруту. Одновременно выступил штаб дивизии, с ним находились командир и комиссар дивизии. Весь город в это время находился под обстрелом всех видов оружия. Стараясь соблюдать маскировку, не зажигая огней, личный состав управления дивизии сосредоточился во дворе школы № 11. Под обстрелом заканчивались последние приготовления. Впереди, возглавляя колонну, двинулся на броневике командир дивизии, за ним следовали остальные; выехав на одну из улиц, которая выводила из города, штабная машина натолкнулась на поток вражеских машин, прорвавшихся с наступлением темноты в город. Не обнаруживая себя, колонна штаба пристроилась в хвост гитлеровцам и без единого выстрела продолжала движение. Ночь была темная, лил проливной дождь, и враг ничего не заметил. Так штабная колонна выехала на Бобруйское шоссе в район шелковой фабрики. Гитлеровцы к этому времени, видимо, разгадав намерения защитников города, осветили все пространство ракетами и прожекторами и открыли бешеный огонь по шоссе. Наши залегли в кюветы и начали отстреливаться, экономя боеприпасы. Генерал Романов руководил боем. В этих ожесточенных схватках он был тяжело ранен в левое плечо, но оставался в боевых порядках.

Лесного массива штабной отряд главными силами достиг уже поздним утром, часов около 10. Тем временем гитлеровцы выдвинули свежую часть из Бобруйска навстречу отходящим.

Арьергардный отряд завязал ожесточенные бои на улицах города, пытаясь отвлечь внимание врага от основных сил. Люди майора Катюшина героически дрались до последнего патрона, большинство из них пало на одной из площадей города, где завязался особенно кровопролитный бой. Судьба большинства из них неизвестна. Отдельные бойцы арьергарда затем вышли также в Тишовские леса в районе Дашковки. Здесь, в Тишовских лесах, был сформирован сводный отряд из остатков частей дивизии, находившихся на западном берегу Днепра. Он был вооружен лишь легким оружием и по численности равнялся примерно стрелковому батальону. Отряд двинулся по ранее разработанному маршруту на Рогачев.

Путь был нелегким, с боями пересекали войны шоссейные дороги, по которым непрерывным потоком шли гитлеровские войска, подтягивались их тылы. Рогачев занимал довольно многочисленной вражеский гарнизон. Форсировать Днепр в этом районе оказалось невозможным. Отряд отошел к Новому Быхову и здесь переправился через реку. Дальше на восток он двигался через глубинные деревни Обидовичи, Большая Зимница, Червяковка, Хлевно и достиг р. Сож. Проводниками служили местные жители, охотно помогавшие воинам.

18 августа отряд вышел на территорию Смоленской области и остановился у маленькой деревушки на р. Беседь.

По магистралям Хотимск — Рославль и Кричев — Рославль, проходившим недалеко, двигались немецкие войска. Расположившись в лесочке, отряд вел усиленную разведку, готовясь перейти линию фронта. Отчетливо доносились звуки не только артиллерийской канонады, но и пулеметной стрельбы. В воздухе появлялись советские самолеты. Линия фронта была рядом. Но разведчики отряда, в ночное время обследовавшие район, установили, что всюду линия фронта бдительно охранялась врагом.

К фронту двигались все новые колонны гитлеровских войск.

В 747-м полку положение при выходе из окружения сложилось следующим образом. К 27 июля, когда по приказу должен был на-

чатся выход из окружения, как мы уже отмечали выше, подразделения полка частично восстановили положение на ст. Луполово. Атаки гитлеровцев прекратились, наступило затишье.

В ночь с 27 на 28 июля остатки полка под руководством командира полка подполковника Щеглова и комиссара полка батальонного комиссара Кузнецова двинулись в направлении д. Сухари, где в окружении бился 425-й полк 110-й дивизии и остатки 20-го механизированного корпуса. 30 июля отряд 747-го полка соединился с ними, дальше двинулись все вместе, пробиваясь с боями на рубеж Ярцево, Ельня, Рославль, действуя партизанскими методами. Эти отряды соединились со своими частями в августе 1941 года.

Судьбы командиров, политработников и солдат 172-й дивизии в дальнейшем сложились по-разному. Прежде всего следует сказать о командире дивизии.

М.Т. Романов в дни обороны Могилева проявил высокие организаторские способности, большую силу воли, незаурядное мужество и храбрость. Командиры и политработники, знавшие его, отзываются о нем наилучшим образом.

В 1939 г. М.Т. Романов был назначен командиром 185-й дивизии. В 1940 г. получил звание генерал-майора, а после окончания шестимесячных курсов усовершенствования командного состава при Академии Генерального штаба его назначили командиром 172-й стрелковой дивизии, командуя которой в обороне на днепровском рубеже, он заслужил вечную признательность советского народа.

К сожалению, о судьбе генерала Романова мы имеем пока неполные данные.

Одним из первых о героических делах наших воинов на днепровском рубеже у белорусского города Могилева рассказал советской общественности писатель Константин Симонов. О начальном этапе обороны Могилева он писал еще в своем очерке, помещенном в «Правде» 20 июля 1941 г. А затем, спустя почти два десятилетия, вернулся к этой теме в романе «Живые и мертвые», за что хочется выказать ему свою признательность. Не имея намерения анализировать эту книгу в целом, я вынужден все же сказать о ней несколько слов.

Роман К. Симонова является художественным произведением, и было бы ошибкой требовать от автора сохранения всех деталей

подлинных событий, которые легли в основу повествования: имен, дат, наименований населенных пунктов и т.д. Но читатель вправе требовать, чтобы верным было изложение сущности событий, характеров, линии поведения их основных участников. К. Симонов сохранил подлинное название места действия, когда писал о Могилеве, но изменил фамилии участников обороны и наименование частей и соединений. Это вполне правомерно, потому с помощью художественного домысла он мог таким образом восполнить недостаток фактического материала, имевшегося у него, и ярче воспроизвести сами события и деяния их участников. Но, к сожалению, автор романа «Живые и мертвые», изменив фамилии некоторых действующих лиц, по своему произволу изменил и их характеры, всю линию их поведения. Оборона Могилева — немаловажный эпизод Великой Отечественной войны, и Константин Симонов не мог не понимать, что рано или поздно мир узнает о подлинных героях этих событий. В самом Могилеве оборонялась одна дивизия — 172-я, ею командовал на всем протяжении один и тот же командир — генерал-майор Михаил Тимофеевич Романов. Поэтому любая замена фамилий у основных героев в данном случае не может скрыть от читателя их прототипов.

Кто, например, не знает, что прототипом героя «Железного потока» Серафимовича явился командир таманцев Елифан Иович Ковтюх. Образ Кожуха не является копией Ковтюха, но тем не менее в главном они сходны.

Симонов же, дав руководителю могилевской обороны двусмысленную фамилию Зайчиков, сделал этот персонаж героем своего произведения, но героем Зайчикова можно назвать лишь в чисто литературоведческом смысле, двусмысленным и по характеру, и по всей линии поведения. Этот бестолковый и грубый крикун, мечущийся без видимого смысла из одной части в другую, стремится за грубостью к подчиненным скрыть собственные малодушие и растерянность. Встречались ли подобные командиры и имеет ли писатель право изображать их? Да, встречались, хотя и не часто, и писатель не только может, но и обязан показать их. Но автор исторического романа должен обладать не только художественным, но и историческим тактом.

Я далек от мысли, что К. Симонов «по злему умыслу» опорочил руководителя могилевской обороны. Он отразил в Зайчикове, как видно, черты какого-то или, быть может, каких-то других командиров, встречавшихся ему на дорогах войны. Сожаление вызывает то, что писатель наделил этими чертами образ руководителя могилевской обороны, чей подвиг не может не заслужить благодарности миллионов советских людей и наших друзей за рубежом.

Скажем несколько слов о судьбе других участников обороны Могилева.

Василию Федоровичу Кузнецову, выходявшему из окружения в составе отряда 747-го полка, выпало счастье в октябре 1943 г., действуя в составе 50-й армии 2-го Белорусского фронта, освободить г. Могилев.

В городе после выхода из него штаба дивизии и подразделений, обслуживающих его, осталось лишь одно советское воинское учреждение — дивизионный госпиталь.

Командование дивизии сделало все зависевшее от него, чтобы раненые не подверглись, хотя бы на первых порах, репрессиям со стороны оккупантов. В помощь начальнику госпиталя Кузнецову были выделены еще два военных врача — командир 224-го отдельного медико-санитарного батальона 172-й дивизии Алексей Иванович Паршин и младший врач этого батальона Федор Иовович Пашанин. Они и начальник госпиталя были соответствующим образом проинструктированы. Госпиталю были переданы почти все сохранившиеся еще запасы продовольствия, вещевого имущества, медикаментов, перевязочного материала, разработана система связи с оставшимися в подполье партийными работниками.

Владимир Петрович Кузнецов, удаляя осколки кости из раздробленной руки младшего сержанта-минометчика, не помнил уже, какую во счету операцию он делает. В это время в операционную вошел начальник политотдела дивизии, батальонный комиссар Самуил Иванович Приходько. Поздоровавшись с хирургом; он попросил его после операции прийти в свой кабинет.

Здесь с глаз на глаз состоялась беседа двух коммунистов.

— Владимир Петрович! — взволнованно сказал батальонный комиссар врачу. — Вы были на совещаниях у генерала Романова и

знаете, что вам приказано остаться с ранеными в городе Могилеве, после того как дивизия оставит город. Это нелегкая и ответственная задача. От вашего мужества, предприимчивости, находчивости будет зависеть жизнь 4 тысяч советских воинов. Командование дивизии, партийная организация верят вам и надеются, что вы сделаете все, что от вас будет зависеть, для облегчения участи ваших подопечных.

Кузнецов взглянул в глаза комиссару и тихо ответил:

— Сделаю все возможное и невозможное.

— А теперь, — заканчивая разговор, сказал Приходько, — одна очень важная формальность — сдайте мне все документы, подтверждающие вашу партийность, в том числе и партийный билет. Выйдем из окружения, передам его в ГлавПУРККА, там и получите его снова.

— Это время покажет, — отдавая билет, сказал Кузнецов, — получу или не получу, но буду жить и умру коммунистом.

Сразу же после ухода Приходько Владимир Петрович вызвал к себе врачей — Паршина и Пашанина. Прикрыв плотно дверь, Кузнецов сказал:

— Сегодня вечером, примерно через час, части дивизии оставляют город, мы с вами по решению командования остаемся в Могилеве с ранеными воинами.

Оба врача приняли это сообщение спокойно, а начальник госпиталя продолжал:

— В нашем распоряжении одна короткая ночь, а дел предстоит много. Фашисты истребляют советских людей, и в первую очередь коммунистов, командиров и политработников. Надо, во-первых, принять все возможные меры, чтобы спасти раненых коммунистов и командиров, наших замечательных солдат, а во-вторых, обеспечить лечение в более или менее нормальных условиях всем, кто находится в госпитале, нужно, конечно, позаботиться и о том, чтобы сохранить себя на этой работе, поэтому придется проявить большую изворотливость и осторожность по отношению к врагам.

Продовольствие и медикаменты, которые у нас имеются, хотя и в небольшом количестве, припрячем подальше, чтобы они не попали в руки врагу, а сейчас, как только вернетесь в свои отделения,

немедленно уничтожьте все документы, которые подтверждают партийную принадлежность, воинское звание и служебное положение коммунистов, командиров и политработников, и заведите на них новые истории болезни. Сделайте их беспартийными рядовыми солдатами или сержантами, а часть гражданскими лицами, которые получили ранения якобы при бомбардировке города. Всех, на кого переделаете документы, проинструктируйте соответствующим образом.

В то время, когда наши части вели напряженные бои с противником, стремясь выйти из окружения, в госпитале началась напряженнейшая работа по превращению коммунистов в беспартийных, командиров и политработников — в рядовых. Она была проделана в течение одной ночи. Этим Кузнецов и его коллеги спасли от зверской расправы сотни командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев. Основную работу сделал сам Владимир Петрович.

На следующий день гитлеровцы явились в госпиталь. Это была тяжелая минута. Врачи старались показать, будто ничего особенного не случилось, но нервы их были напряжены до предела.

— Кто старший? — спросил дежурного военфельдшера немецкий врач в чине обер-лейтенанта. Тот указал на Кузнецова. Гитлеровец осведомился, сколько раненых в госпитале.

— Примерно 3800 человек, — ответил Кузнецов.

Приказав провести его в канцелярию, гитлеровец и сопровождавшие его переводчики принялись просматривать документы. Их удивление нарастало по мере того, как росли груды просмотренных медкарточек.

— А где же командиры, политработники, коммунисты? — не терпеливо обратился к Кузнецову обер-лейтенант.

Кузнецов спокойно ответил:

— Я слышал разговор в нашем штабе, что имеется приказ Верховного германского командования о репрессировании всех коммунистов, политсостава, комсостава и военнослужащих еврейской национальности, поэтому, видимо, все раненые этих категорий систематически эвакуировались в глубь страны.

— А когда ваши войска находились в окружении, куда направляли раненых коммунистов? — неожиданно, пристально глядя на Кузнецова, спросил гитлеровский врач.

Кузнецов так же четко и быстро ответил:

— В полном окружении мы находились сравнительно недолго, раненые за это время коммунисты и командиры взяты частями с собой и, по-видимому, уже попали к вам в плен или были убиты, ведь, по вашим сообщениям, никто из окружения не вышел.

Так кончился первый допрос Кузнецова. Создалось впечатление, что его ответы не вызвали подозрения.

Группа советских медицинских работников во главе с Кузнецовым продолжала свою работу в госпитале. Немцы оставили их на прежних должностях, поставив своих «комиссаров» и охрану.

Но кроме исполнения своих основных обязанностей по лечению раненых Владимир Петрович и его ближайшие помощники вели и другую работу — подпольную. Они, во-первых, с большой энергией и изобретательностью сумели добиться того, что излечившиеся воины попадали не в лагеря для военнопленных, а в партизанские отряды.

Методов было немало. Нередко, например, выздоровевшего воина выносили в мертвецкую, а оттуда устраивали ему побег к партизанам. В документах он оформлялся как умерший.

Многих красноармейцев, командиров и политработников Кузнецов и его товарищи выписывали из госпиталя как гражданских лиц (согласно документам, сделанным заблаговременно). Такие пациенты шли в партизаны или работали в могилевских подпольных организациях по указанию обкома КП(б) Б.

Героическая самоотверженная работа врачей-патриотов была прервана подлым предательством резидента германской разведки в Могилеве Н.Л. Степанова, работавшего при гитлеровцах начальником отдела здравоохранения городской управы Могилева и подославшего в госпиталь своего агента Каснаки. Этим подонкам, продавшимся врагу, удалось пронюхать о патриотической деятельности врачей Кузнецова, Паршина и Пашанина. Степанов донес об этом в гестапо, и все три врача были арестованы.

Зверские пытки в гитлеровских застенках не сломили волю коммунистов, они до конца остались патриотами, преданными своей Родине. 17 ноября 1941 г. на главной площади Могилева фашистские палачи публично казнили их. Перед тем как взойти на помост, Кузнецов во весь голос, чтобы слышали толпы могилевчан, согнанных фашистами на площадь, воскликнул: «Слава нашей Родине, позор кровавому фашизму!»

Мужественно встретили смерть герои-врачи, не склонив головы перед палачами.

Вместе с врачами был повешен капитан Юров, о деятельности которого рассказывают чудеса. Так, однажды он зашел в кабинет бургомистра, представился ему как руководитель партизанского отряда и потребовал оказать помощь, в противном случае угрожал расстрелом. Бургомистр был настолько перепуган таким визитом, что даже не попытался задержать Юрова. Подобный же визит он нанес начальнику полиции и отнял у него документы, касающиеся Юрова (т.е. его самого).

Позже в кинотеатре «Родина» Юров был опознан провокатором и арестован. Он до этого неоднократно арестовывался, но всякий раз бежал. На этот раз гестаповцы цепко держали его, и он был повешен вместе с врачами.

17 ноября 1941 г. было черным днем в Могилеве. Гитлеровцы публичной казнью советских патриотов хотели запугать жителей города и его окрестностей, притупить их волю к сопротивлению, но добились обратного. Еще на площади, куда они были насильно согнаны, многие могилевчане поклялись отомстить фашистским извергам за смерть своих братьев-единомышленников. Когда был оглашен приговор, вся площадь глухо и грозно загудела. Плотнее сомкнулись ошестинившиеся штыками ряды эсэсовцев и полицейев, охранявшие эшафот. Но вот раздался звонкий голос Кузнецова, бросившего в толпу пламенный призыв к борьбе и сопротивлению. Вновь загудела площадь, но это был гул одобрения.

После казни врачей и Юрова новые десятки и сотни жителей героического Могилева ушли в партизанские отряды, шире развернулась подпольная работа в самом городе.

Мы преклоняемся перед подвигом героев-врачей Кузнецова, Паршина и Пашанина, которые мужественно и самоотверженно, до последнего дыхания боролись за свою Родину, отдали жизнь во имя народа и светлых идей коммунизма.

Подпольная работа патриотов в Могилеве и области ждет еще своих исследователей. Но уже сейчас можно сказать, что она не прекращалась ни на минуту, несмотря не зверский террор гитлеровцев. Трудно перечесть все злодеяния, совершенные гестаповцами в этом городе. Многие преступления они совершали тайно от населения, но иногда ярость палачей прорывалась наружу, и они устраивали публичные расправы над патриотами. Так, 25 апреля 1942 г. вновь на главной площади был сооружен эшафот и согнаны жители города. На этот раз были повешены подпольщики и партизаны товарищи Михаил Метелкин, Анатолий Рыжков, Павел Пехотин (Хохлов) — офицеры Красной Армии. На улицах Могилева перед казнью были расклеены объявления, в которых гитлеровцы пытались выдать советских патриотов за уголовных преступников, но почти все эти объявления были сорваны членами подпольных групп и другими гражданами города.

Эта группа патриотов вела себя перед лицом смерти так же мужественно, как и врачи. Впоследствии было установлено, что под именем Хохлова скрывался бывший помощник начальника штаба 649-го мотострелкового полка 210-й мотострелковой дивизии 20-го механизированного корпуса капитан Павел Арсентьевич Пехотин. Ему было в то время 36 лет. По национальности он был украинцем, родом из Подольской области. Коммунист Пехотин с 1928 г. служил в Красной Армии. Он попал в плен во время боев в районе Могилева, но осенью при содействии своей сестры Евгении Васильевой, передавшей ему в лагерь гражданскую одежду, бежал и создал из бывших военнослужащих и граждан города подпольную группу, которая развила активную антифашистскую деятельность. Ее члены составляли и распространяли листовки, организовывали побег военнопленных из лагерей, собирали разведанные, оружие и боеприпасы для партизан.

О работе этой группы свидетельствуют и документы гитлеровцев. Так, в донесении в Берлин полиции безопасности и СД на

оккупированной территории СССР за № 193 от 17 апреля 1942 г. сообщается:

«В городе Могилеве в последнее время снова были распространены и расклеены в общественных местах листовки, изготовленные организацией “Гимн”. Листовки призывают к активной борьбе против германских властей. Установлено, что изготовлением листовок занимался бывший капитан Красной Армии Метелкин Георгий (так в тексте. — *А.Е.*), уроженец города Красноярска, проживающий в гор. Могилеве под вымышленной фамилией. Метелкин и его жена арестованы»¹.

Подпольная работа в Могилеве все более нарастала, приобретает массовый характер и четкую организационную структуру. В начале 1942 г. разрозненные группы сопротивления, созданные в разных районах города, был объединены в единую патриотическую организацию «Комитет содействия Красной Армии. Организаторами и руководителями комитета были коммунисты К.Ю. Мэттэ, И.С. Малашкевич, В.П. Шелюто, М.М. Лустенков, А.И. Шубодеров, О.В. Герошко, М.П. Кувшинов, В.И. Пудинов, А.И. Рослов, И.Т. Гуриев, В.И. Варчук, В.Д. Швагринов, П.А. Пехотин (Хохлов) и др. Всей боевой и агитационной деятельностью «Комитета содействия Красной Армии» руководил Могилевский подпольный обком КП(б) Б, Бельничевский и Могилевский райкомы партии. Организация выполняла задания партизанских отрядов, действовавших в Могилевской и прилегающих областях.

После казни трех активистов комитет еще настойчивее развернул борьбу. Расскажем кратко о некоторых эпизодах этой борьбы.

Поистине легендарный подвиг совершил Василий Иванович Варчук, уроженец деревни Михайлово-Александровка, Березовского района Одесской области. Ему было тогда 29 лет. Находясь на действительной службе в Красной Армии с 1940 г., В.И. Варчук в первые дни войны в составе 467-го стрелкового полка участвовал в боях с гитлеровцами на территории Белоруссии. Попав в плен в районе местечка Довск Гомельской области, он был помещен затем

¹ Текст донесения взят из уголовного дела предателей белорусского народа, хранящегося в следственных органах г. Могилева.

в лагерь военнопленных, находившийся на аэродроме в пригороде Могилева — Туполеве. Вскоре в числе группы военнопленных его направили работать в госпиталь, который находился в здании одного из учебных заведений города. Осенью 1941 г. его как специалиста назначили слесарем-водопроводчиком в тюрьму, которая находилось недалеко от госпиталя. К этому времени Варчук установил связь с одной из подпольных групп, входивших в состав «Комитета содействия Красной Армии». Руководил ею К.Ю. Мэттэ.

Работая в тюрьме, Варчук оказывал помощь арестованным советским гражданам, через него они поддерживали связь с партизанами и подпольными организациями.

Осенью 1942 г. по доносу провокатора Генвмана, штатного агента немецкого органа «Команда СД-8», втершегося в доверие патриотов, были арестованы подпольщики шелковой фабрики Исаков, Соболевский и др., всего 15 человек.

Когда арестованные во главе с Гусаковым и Соболевским были заключены в тюрьму, Варчук решил освободить их и уйти с ними к партизанам. Это намерение одобрил Мэттэ. Освобождение арестованных из тюрьмы было приурочено к празднику рождества — 25 декабря 1942 г., в расчете на то, что гитлеровцы будут в этот день веселиться и ослабят охрану тюрьмы. Под вечер 25 декабря, вооружившись двумя пистолетами и своим неизменным слесарным молотком, Варчук пришел на работу. Поднявшись на второй этаж, он застал там двух полицейских, сетовавших на судьбу по поводу дежурства в праздник. Слесарь, поздоровавшись, сказал, что может помочь их горю, так как в его мастерской есть добрый самогон. Полицейки изъявили желание отведать его и прошли вместе с Варчуком в мастерскую. Здесь он спойл охранникам изрядную порцию крепчайшего самогона и, дождаввшись, когда они охмелели, уложил их без шума ударами своего молотка. Завладев ключами, Варчук освободил товарищей Соболевского, Гусакова и Маркова, передал им ключи и распорядился, чтобы они открыли другие камеры, а сам спустился на первый этаж и убил двух гитлеровцев, дремавших в дежурной комнате.

Тем временем заключенные, человек 120, были освобождены. Забрав оружие у убитых гитлеровцев, они во главе с Барчуком,

Соболевским, Гусаковым, Галушкиным и Марковым вышли из тюрьмы и стали спускаться в овраг, находившийся на ее задах. Непредвиденный случай, однако, позволил гитлеровцам обнаружить, что происходит что-то неладное. Марков, спускаясь в овраг по обледенелым скалам, поскользнулся и упал. При этом выстрелил автомат, который он нес. Выстрел был услышан в комендатуре, расположенной рядом с тюрьмой. Поднятые по тревоге охранники перехватили часть арестованных. Однако Варчуку удалось увести к партизанам большую группу освобожденных им патриотов. В партизанском отряде Варчук стал командиром батальона и продолжил борьбу с оккупантами. После войны Василий Иванович Варчук проживал у себя на родине в Березовском районе Одесской области.

Подобный же подвиг совершил бывший комиссар одного из батальонов 388-го полка 172-й дивизии Илья Гаврилович Гуриев — активный участник обороны Могилева в боях под д. Салтыковкой. Он был тяжело ранен и направлен в тот госпиталь, где начальником был В.П. Кузнецов.

Документы Гуриева были переделаны так, что он значился гражданским лицом, случайно попавшим под обстрел и получившим ранение. Кузнецов лично проинструктировал Гуриева, как себя вести при посещении госпиталя немцами.

До Отечественной войны И.Г. Гуриев служил политработником в политотделе 8-й Кубано-Терской кавалерийской дивизии 6-го казачьего корпуса, которым я одно время командовал. Мы находились в одном гарнизоне в Осиповичах, и я лично знал Гуриева.

Находясь в госпитале, Илья Гаврилович установил связь с подпольными организациями Могилева, в частности с Казимиром Юлиановичем Мэттэ.

По излечении Гуриев оказался на свободе как «гражданское лицо» и по заданию подпольного обкома устроился на работу в тот же военный госпиталь в качестве слесаря. Здесь он возглавил подпольную группу из бывших раненых воинов, своих сослуживцев и гражданских лиц. Группа стала называться «Непокоренные». Активными участниками группы были, кроме Гуриева, Генрих Захарьян, Григорий Бойко, лейтенант Ралдугин. Они не только вы-

пускали листовки, но и проводили также диверсионную работу: поджигали эшелоны противника с боеприпасами и горючим.

Агентам гестапо удалось выследить Генриха Захарьяна. Его схватили в момент, когда он распространял листовки на рынке. Захарьян мужественно вел себя в застенках гестапо, был замучен палачами, но никого не выдал.

Над группой Гуриева нависла угроза ареста. Приняв дополнительные меры предосторожности, она решила уйти в партизанский отряд.

На «прощание» было решено провести крупную, с точки зрения подполья, операцию: захватить госпиталь и увезти в партизанам выздоравливающих раненых и медицинский персонал.

К этому времени запасы продовольствия и медикаменты, имевшиеся в госпитале, были израсходованы, гитлеровцы же, естественно, ничего не делали, раненые и медперсонал были обречены на голодную смерть.

В один из мартовских дней 1943 г. в 11 часов вечера по условному сигналу «пора спать» начал осуществляться план операции. Группа, которую возглавляли товарищи Бойко и Гуриев, без выстрела расправилась с охраной госпиталя. Немецкие часовые были уничтожены кинжалами, в это время вторая группа объявила в палатах: всем выходить и строиться. Третья группа проделывала проходы в колючей проволоке, в эту ночь многие медицинские работники и выздоровевшие раненые ушли в леса к партизанам.

Вот что говорится об этой операции в донесении в Берлин полиции безопасности и СД на оккупированной территории СССР за март 1943 г.: «...В городе Могилеве... проводится большая пропаганда среди полицейских и служащих национальных легионов. В результате этой пропаганды в госпитале для военнопленных в Могилеве вспыхнуло восстание, в результате которого четвертая часть немецкой охраны была убита, 41 человек из числа русского обслуживающего персонала госпиталя (врачи, фельдшера, сестры, рабочие, сторожа и т.д.) бежали к партизанам».

В этом донесении далеко не все сказано, но даже сказанного достаточно, чтобы понять, как смело и успешно действовали могилевские подпольщики.

Тех, кому не удалось бежать из госпиталя, гитлеровцы перевели в лагерь смерти Майданек.

И.Г. Гуриев до лета 1944 г. сражался в партизанских отрядах, в настоящее время он пенсионер, проживает в г. Гомель. О судьбе других участников этой группы у нас нет, к сожалению, данных.

Скажем несколько слов еще об одной подпольной группе. В ее основное ядро входили капитан Красной Армии коммунист Виктор Денисович Швагринов, младший лейтенант Василий Александрович Смирнов, бывший начальник полковых оружейных мастерских майор Николай Александрович Жуков, начальник штаба разведбатальона лейтенант Георгий Востриков и Петр Костелев. Они широко развернули подрывную деятельность в оккупированном Могилеве, причинив много неприятностей врагу.

Подпольщики установили связи с военнопленным Валентином Готвальдом, работавшим в немецкой школе офицеров оружейником. Совместно с ним они разработали план диверсии с целью взрыва здания этой школы. Готвальду была передана раздобытая группой большой силы мина. Он установил ее в складе с боеприпасами, расположенном на первом этаже школы. Мина сработала, и здание взлетело на воздух. Под его обломками нашли себе могилу гитлеровцы, которых здесь учили убивать советских людей. Готвальд после этого ушел в партизанский отряд, где боролся с фашистами до освобождения Могилевской области Красной Армией.

Это лишь эпизоды героической борьбы наших патриотов в Могилеве. Придет время, и будет воссоздана полная картина самоотверженной борьбы советских людей против ненавистного врага.

Хотелось бы горячо поблагодарить всех тех товарищей, которые помогли мне собрать материал об этом выдающемся событии.

Чем глубже и шире познается история Великой Отечественной войны, тем ярче вырисовываются непреклонная воля нашего народа в борьбе против захватчиков и преданность идеям коммунизма. Поистине нельзя победить народ, который познал радость освобождения от оков эксплуатации. Оборона Могилева — это немеркнущая страница героической борьбы советского народа и его армии с фашистскими захватчиками.

Оборона Могилева, представлявшаяся до последнего времени историкам минувшей войны лишь как один из многочисленных эпизодов героизма наших войск, причем и на эту сторону дела не всегда обращалось должное внимание, в действительности имеет гораздо более широкое значение. Во-первых, она показала, как могли бы развернуться события на фронтах войны в начальный период, если бы нам удалось своевременно создать полевую оборону на таком важном рубеже, как Днепр, занять его войсками, насытить артиллерией, разработать систему огня и контрмероприятий против танковых клиньев вермахта. В таком случае Гудериан и его сосед на севере Гот не смогли бы осуществить свой авантюристический замысел выйти на дальние подступы к Москве до подхода общевойсковых соединений. Ударная сила этих танковых группировок была бы истощена в попытках преодолеть наши оборонительные рубежи.

Успех врага при форсировании Днепра на участке 13-й армии объясняется тем, что наша оборона имела много слабых мест. Оборонительные работы не были завершены, а войска в ряде случаев прибывали тогда, когда враг уже достиг этого рубежа. Поэтому танковые тараны гитлеровцев находили слабые участки, где без особых усилий разрывали линию фронта и выходили на фланги и в тылы тех соединений, которые удерживали оборону.

Важным достоинством организации нашей обороны в районе Могилева было то, что она сразу же была создана в расчете на возможный обход противника.

Тыловой рубеж 172-й дивизии был столь же прочен, как и ее передний край.

Имела ли, однако, смысл длительная оборона города после того, как войска оказались в полном окружении, не целесообразней ли было вывести их, пока имелись для этого более благоприятные условия? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Дело в том, что благодаря хорошей организации обороны сравнительно малочисленные силы советских войск сдержали напор во много раз превосходивших сил противника. В итоге врагу был нанесен большой урон. Могилевский очаг обороны содействовал задержке сначала танковых, а затем и пехотных соединений гитлеровцев и затруднил им взаимодействие с передовыми танковыми группами.

Длительная оборона могилевского и других рубежей не позволила гитлеровцам произвести фактическую оккупацию занятой ими территории, что дало возможность большому количеству наших войск в составе соединений, частей, подразделений мелкими группами и в одиночку выйти из окружения, соединиться со своими частями. Она содействовала также широкому развитию партизанского движения в Белоруссии и укрепила массовое движение сопротивления оккупантам в городах и селах республики.

Удерживая Могилев в своих руках, советские войска в немалой мере нарушали систему снабжения гитлеровских войск. Могилев являлся крупным узлом железных и шоссейных дорог и должен был служить перевалочным пунктом для следовавших с запада людских резервов и воинских грузов. Поэтому гитлеровское командование бросило в 20-х числах июля крупные силы трех дивизий своих войск на подавление сопротивления одной, лишенной всякой связи с тылами и обескровленной советской дивизии, хотя было ясно, что ее сопротивление не может продлиться долго.

Вместе с тем героическая 23-дневная оборона Могилева явила собой пример доблести и самоотверженности советских воинов и гражданского населения, их неразрывного единства. Подвиг могилевчан был неоднократно повторен в дальнейшем, он явился прообразом героической обороны Волгограда, где подвиг защитников белорусского города был повторен в ином, гораздо более крупном масштабе и с иным исходом, ибо к этому времени коренным образом изменилась вся обстановка на советско-германском фронте и во всей нашей стране.

И сейчас, по прошествии 27 лет с того времени, как прогремел последний выстрел на берегах Днепра, невозможно без волнения перелистывать страницы воспоминаний участников Могилевской эпопеи, вспоминать боевые действия частей и соединений 13-й армии. Советский народ низко склоняет голову перед этими легендарными героями, без страха и упрека глядевшими в глаза смерти и думавшими о светлом будущем своего народа. В веках не померкнет слава доблестных защитников Могилева. В веках будет жить слава о большом подвиге войск 13-й армии, проявленном в Смоленском сражении.

Глава пятая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 21-Й АРМИИ

Левым соседом 13-й армии, как уже упоминалось, была 21-я армия, которой в конце июня — начале июля командовал генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко, затем последовательно Маршал Советского Союза С.М. Буденный, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Это все в период июля—августа 1941 г.¹ Такая «текучесть» командармов, конечно, сказалась на управлении войсками. Фактически командиры корпусов нередко были предоставлены сами себе.

Первоначально соединения, вошедшие в состав 13-й армии, в частности 45 и 61-й стрелковые корпуса, объединились командованием 21-й армии. Однако к началу боевых действий на днепровском рубеже, 7 июля, состоялось решение о подчинении войск, находившихся и сосредоточивавшихся на линии Днепра от Шклова до Лоева, командованию 13-й армии. В силу этого в составе 21-й армии остались 63-й стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Леонида Григорьевича Петровского (61, 117, 167-я стрелковые дивизии корпуса занимали участок Радилевичи, Рогачев, Цупер), 66-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Федора Дмитриевича Рубцова (232-я, 154-я стрелковые дивизии корпуса занимали участок Жлобин, Стрешин), 67-й стрелковый корпус под командованием комбрига Филиппа Феодосиевича Жмаченко (151-я, 132-я стрелковые дивизии корпуса занимали рубеж Речица, Гомель, Добруш, Лоев), 25-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск Семена Моисеевича Кривошеина (219-я мотострелковая, 50-я и 55-я танковые дивизии корпуса сосредоточивались во втором эшелоне в районе Новозыбкова).

В состав 21-й армии включался также отряд бронепоездов (два бронепоезда № 51 и 52 и до 2 тыс. пштыков пехоты). Отряд находился, однако, в тылу противника в районе ст. Мошны; связи с ним

¹ Членом Военного совета армии в описываемый период был дивизионный комиссар С.Е. Колонин, начальником штаба — В.Н. Гордов.

штаб армии не имел, и участия в ее дальнейших действиях бронепоезда фактически принять не могли.

Таким образом, к 10 июля в составе армии на довольно широком фронте от Нового Быхова до Лоева было всего восемь стрелковых дивизий, считая 75-ю, переданную в состав 66-го стрелкового корпуса из 4-й армии. Эта дивизия с боями отходила вдоль р. Припять и к этому времени достигла рубежа Ленин, Давид-Городок. На участке армии к Днепру вышли три дивизии противника — одна танковая, одна кавалерийская 24-го танкового корпуса 2-й танковой группы и одна пехотная 2-й полевой армии. 75-ю дивизию длительное время преследовали две пехотные дивизии гитлеровцев из 2-й армии. К этому времени немецко-фашистское командование уже установило присутствие в районе Гомеля группировки войск 21-й армии, однако пока не придавало ей значения и не планировало против нее каких-либо решительных действий.

С 1 по 12 июля 1941 г. 21-я армия производила сосредоточение и перегруппировку, создавала оборонительную линию, готовясь к предстоящим боям. Развертывание 21-й армии происходило в сложных и неблагоприятных для наших войск условиях, как, впрочем, и всех других соединений, стягивавшихся в этот период на западное направление. Сроки прибытия эшелонов нарушались в связи с перегруженностью железных дорог, поскольку одновременно с потоком воинских транспортов на запад, на восток шел поток грузов эвакуируемых промышленных предприятий. Железнодорожные коммуникации непрерывно подвергались воздействию вражеской авиации. Часть воинских эшелонов направлялись окружными путями. Иногда обстоятельства складывались так, что выгрузка частей производилась далеко от станций назначения, и они следовали дальше пешим порядком.

Соединения армии, в частности, 63-й стрелковый корпус, свои ми 61-й и 167-й стрелковыми дивизиями завязали бой уже в первых числах июля. Так, 61-я дивизия при поддержке 167-й решительной контратакой отбросила противника, форсировавшего Днепр.

Действовавшая в полосе корпуса, а затем вошедшая в его состав 117-я стрелковая дивизия в первых числах июля двумя полками, 240-м и 275-м, с поддерживающей их артиллерией была окру-

жена продвигавшимися к Днепру частями 24-го танкового корпуса в 7—8 км западнее Жлобина. До исхода 7 июля эти полки героически дрались с врагом, будучи в полном окружении. Но силы были неравные, и в ночь на 8 июля оба полка начали отход. В итоге этих боев 240-й полк потерял всю артиллерию. Велики были потери и 275-го полка, пропал без вести его командир. К исходу 12 июля 117-я дивизия, выйдя двумя полками из окружения, сосредоточилась в районе Буда Кошелевская, Кошелев, Питьковка.

8 июля армия отразила несколько попыток врага форсировать Днепр в районе Вещина и на всем фронте артиллерийско-минометным огнем препятствовала продвижению противника, в свою очередь непрерывно обстреливавшего рубежи соединений армии. В последующие три дня противник заметно снизил активность, и войска армии форсировали подготовку оборонительной полосы, ведя поиски разведотрядами.

Как мы уже указывали, советскому командованию не удалось воспрепятствовать превосходящим силам противника преодолеть крупную водную преграду, какой являлся Днепр. К вечеру 11 июля враг овладел плацдармами южнее Орши и севернее Быхова, а с утра 12 июля перешел с этих плацдармов в наступление в восточном направлении.

В создавшейся обстановке Ставка 12 июля приказала командованию Западного фронта, удерживая днепровский рубеж от Орши до Могилева, нанести контрудары из районов Смоленска, Рудни, Орши, Полоцка и Невеля с целью ликвидировать прорыв в районе Витебска и одновременно перейти в наступление из района Гомеля на Бобруйск с целью выйти на тылы вражеской группировки, наносившей удар в направлении Могилева.

О контрударах северного крыла Западного фронта речь будет идти ниже. Здесь отметим лишь, что в силу ряда причин они не привели к тем результатам, которые планировались, хотя и сковали крупные силы врага.

Перед 21-й армией, таким образом, была поставлена задача нанести контрудар в направлении Бобруйска, выбить оттуда противника и восстановить на этом участке фронт по р. Березина. Начало наступления по плану операции было назначено на утро 13 июля.

В первом эшелоне предстояло наступать шести дивизиям, во втором двигалась 151-я стрелковая. Развить успех должны были 219-я мотострелковая и 50-я танковая дивизия. Однако они фактически не успели сосредоточиться к назначенному времени.

Соединения 67-го корпуса имели задачу наступать строго на запад с занимаемого ими рубежа Новый Быхов, Гадиловичи. 63-му корпусу, наносившему удар непосредственно на Бобруйск, предстояло двигаться вдоль шоссе Жлобин — Бобруйск с рубежа Гадиловичи, Стрешин. 66-й корпус, занявший исходное положение на участке Стрешин, Белый Берег, имел главной задачей охват Бобруйска с юга.

Поскольку армия не имела в своем составе инженерных частей и табельного переправочного имущества, переправа через Днепр производилась с помощью подручных средств и несколько затянулась. Тем не менее наступление началось в назначенный срок. Действия первоначально развивались успешно, к 20 часам 13 июля основные силы армии преодолели водную преграду и продвинулись за Днепр на 8—10 км. Передовые отряды гитлеровских частей, вышедшие ранее в этот район, начали отход, прикрываясь дымами, разрушая мосты. Боевые порядки наступающих войск подвергались непрерывному воздействию артиллерийского и минометного огня. В течение следующих двух дней, преодолевая упорное сопротивление, соединения продвигались вперед, пройдя еще 4—6 км, и к исходу 16 июля достигли рубежа Веричев, Заболотье, Рудня. В этом районе находились авангарды 1-й кавалерийской дивизии из состава 24-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Эта дивизия передовыми частями выходила в район Нового Быхова. Сбив ее заслоны, 63-й корпус форсировал Днепр, освободил города Жлобин и Рогачев. Вскоре, однако, в полосе наступления 63-го корпуса, наносившего главный удар, резко возросло сопротивление неприятеля, развернувшего все силы 53-го армейского корпуса 2-й полевой армии.

Продвижение 66-го корпуса, фактически его 232-й дивизии, действовавшей в первом эшелоне, развивалось успешно. Не встречая серьезного сопротивления, дивизия к исходу 14 июля передовыми подразделениями вышла в район 25—40 км южнее и юго-

западнее Бобруйска. Гитлеровское командование всполошилось, опасаясь за тылы своих войск, наступавших на Могилев, и направило из своего резерва против 66-го корпуса 43-й армейский корпус в полном составе, а затем еще две пехотные дивизии. Гитлеровское командование, как явствует из книги Гудериана, считало, что на бобруйском направлении наступает из района Гомеля до 20 советских дивизий¹.

17 июля выдвинутые гитлеровским командованием соединения предприняли ряд сильных контратак. Особенно активно действовали они в направлении на Пропойск (Славгород), Рогачев и Житковичи. Пехота противника, поддерживаемая танками, начала обходить фланги выдвинувшихся вперед соединений армии. 67-й корпус, прекратив попытки продвинуться вперед, стремился прикрыть правый фланг армии, его 151-я стрелковая дивизия уничтожила до полка пехоты противника, а 132-я под давлением превосходящих сил отходила к Новому Быхову, в районе которого перешла к обороне.

На следующий день передовые соединения 21-й армии продолжали попытки развить первоначальный успех в направлении Бобруйска, однако силы врага перед их фронтом все более наращивались, а контратаки, артиллерийское и авиационное воздействие усиливались. В этот день стало ясно, что главные силы гитлеровцев на этом направлении получили задачу приостановить дальнейшее продвижение 63-го стрелкового корпуса. Однако, отразив все контратаки, его дивизии оставались на прежних рубежах. 66-й корпус 232-й дивизии вел упорные бои на рубеже Боровая, Королев, Свобода. Остальные соединения армии занимали рубеж по восточному берегу Днепра. Сюда подтягивались новые, правда, незначительные, силы из тылов. Отходящая по Березине Пинская речная военная флотилия вела бои с противником в 5 км севернее Паричей.

50-я танковая дивизия, завязав бои с моторизованными частями противника в районе Машевской слободы, уничтожила в эти дни до 10 танков, несколько десятков автомашин и до 500 солдат

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 168.

и офицеров противника. Другие соединения 25-го механизированного корпуса продолжали сосредоточение в районе Новозыбкова.

В течение 20 июля армия продолжала вести исключительно упорные бои с подходившими частями двух армейских корпусов противника на рубежах Ржевка, Куликовка, Прибор, Вьюн, Реста, Рудня и на подступах к Бобруйску с юга на рубеже Стасевка, Боровая, Глеб, Рудня, Черные Броды.

Перед фронтом армии, все более наращивая силы на участке Рогачев, Жлобин, развергнулся 53-й армейский корпус противника, а на участке Стасевка, Глеб, Рудня, Черные Броды — 43-й армейский корпус, в районе Житковичи сосредоточивались части 45-й и 293-й пехотных дивизий.

Противник все сильнее контратаковал на Жлобинско-Рогачевском направлении и в районе Паричей, а на правом фланге армии на участке 67-го корпуса утром 21 июля нанес удар из района Куликовки и овладел районом Реста, Журавичи, Шапочицы, Веричев.

Наши войска, действовавшие западнее Рогачева и Жлобина (61, 167, 154, 117-я дивизии, 110-й стрелковый полк 53-й дивизии), встретив сильное сопротивление частей 53-го армейского корпуса противника, перешедшего к обороне на рубеже Озеряны, Тихиничи, Стреньки и контратаковавшего в разных направлениях. Наши части вынуждены были отказаться от дальнейших попыток наступать на Бобруйск и направили все усилия на удержание занятых рубежей. До 22 июля они в основном удерживали их.

Наша паричская группировка (232-я стрелковая дивизия), атакованная двумя дивизиями 43-го армейского корпуса с одной дивизией во фланг от Слуцка, к исходу 21 июля отошла на рубеж Паричи, Слободка, Оземля и здесь закрепилась.

В последующие дни под угрозой полного окружения сильно поредевшие части 63-го корпуса и действовавших совместно с ним дивизий отошли к реке Днепр на участке от Жлобина до Рогачева.

Правда, 24 июля из-за левого фланга 232-й дивизии в район юго-западнее и западнее Бобруйска прорвалась наша кавалерийская группа (три дивизии), создав угрозу коммуникациям 2-й немецкой армии. С целью ликвидации прорыва гитлеровцы выдвигали

нули сюда три пехотные дивизии из резерва главного командования. Они действовали здесь в течение трех недель по охране тылов и коммуникаций, оказавшихся под угрозой наших конников.

25 июля 21-я армия, как и ее сосед на севере — 13-я армия, были переданы из состава Западного фронта во вновь созданный Ставкой Центральный фронт.

За время действий в составе нашего фронта войска 21-й армии прошли немалый боевой путь, доказав, что Красная Армия и в тех тяжелых условиях была способна на активные наступательные действия.

Подводя итоги действиям армии в течение июля месяца, следует подчеркнуть, что 21-я армия, еще не закончив полностью сосредоточение, получила задачу 13 июля перейти в наступление на Бобруйск, уничтожить переправившегося через Березину противника и захватить г. Бобруйск как важный оперативно-стратегический узел дорог. Корпусам армии предстояло форсировать р. Днепр и встречным ударом разгромить гитлеровские части, находившиеся в этом районе.

По плану операции в первом эшелоне наступало шесть дивизий, во втором — для развития успеха развертывались 151-я стрелковая, 219-я мотострелковая и 50-я танковая дивизии. Таким образом, на главном направлении удара была создана такая группировка, которая была способна разгромить противостоящего ей в то время противника. Но нашему наступлению помешали следующие обстоятельства: а) пехота не получила танковой поддержки и наступала не всегда уверенно; б) господство авиации противника, в силу которого она почти безнаказанно бомбила наши боевые порядки, сильно задерживало продвижение наших частей; в) особенно отрицательно сказалось на наступлении 21-й армии на Бобруйск то, что правая группировка 2-й танковой группы Гудериана — 24-й танковый корпус (3-я и 4-я танковые, 29-я моторизованная и 1-я кавалерийская дивизии) 12 июля 1941 г. прорвала наш фронт на левом фланге 13-й армии в районе Новый Быхов, Быхов и развила успех на восток, что создало серьезную угрозу правому крылу 21-й армии.

Командующий армией вынужден был бросить для прикрытия своего правого фланга свежие 219-ю мотострелковую и 50-ю тан-

ковую дивизию, а затем 151-ю и 132-ю стрелковые, а в дальнейшем в этом же направлении была использована и 117-я стрелковая дивизия. В результате образовался новый боевой участок на рубеже Пропойск, Быхов фронтом на север, появилось новое операционное направление, теперь уже удар армии расплылся по двум направлениям, устремленный на запад, на Бобруйск и на север, на Могилев. Это основная причина, почему армия не могла решить задачи выхода в район Бобруйска.

Оказалось так, что соединения, выполнившие свою первую задачу по форсированию Днепра и занятию исходных рубежей на его западном берегу, не получили необходимого усиления для развития успеха, в то время как противник успел выдвинуть из резерва и развернуть в полосе наступления армии крупные свежие силы пехоты, поддержанной танками и авиацией, и они не только воспретили дальнейшее продвижение наших войск, но и серией сильных контратак нанесли им невосполнимые потери и под угрозой полного окружения и разгрома вынудили отойти назад.

Тем не менее армия ожесточенно дралась с противником, нанесла ему немалый урон, нарушила взаимодействие между его передовыми танковыми группировками и следовавшими за ними общевойсковыми соединениями.

Решающую роль в этих боях сыграл 63-й стрелковый корпус, действиями которого руководил талантливый военачальник генерал-лейтенант Леонид Григорьевич Петровский, сын выдающегося деятеля нашей партии и государства Г.И. Петровского.

Действия корпуса в обороне также отличались особым упорством. В конце июля и первой половине августа 1941 г. его дивизии прочно удерживали свои позиции, остановив наступление пяти пехотных дивизий врага.

С рассветом 14 августа противник перешел в решительное наступление превосходящими силами по всему фронту корпуса, прижав его части к Днепру.

Поступил приказ от командующего армией отвести части корпуса на восточный берег Днепра. Отход происходил в сложных условиях. Один из полков 61-й стрелковой дивизии, а также управление корпуса с корпусными частями, оказались в окруже-

нии в районе населенного пункта Святое. Леонид Григорьевич лично возглавил авангардные подразделения, пробившие брешь в кольце окружения; в результате указанные части вышли в район ст. Сантиновка. Однако к этому времени, кроме малого кольца, о котором шла речь, врагу удалось замкнуть более широкое, в котором оказались обе стрелковые дивизии корпуса, входившие в его состав в этот момент (61-я и 154-я), его артиллерия и штаб. Основные силы корпуса оказались в клещах в районе юго-восточнее Жлобина к 16 августа. Генерал Петровский решил выходить из окружения и поставил всем частям конкретные задачи. Им предстояло ночью атаковать противника и разомкнуть клещи. Нельзя не привести один пункт из этого приказа, который наилучшим образом характеризует комкора 63-го и методы его руководства.

«Всему начсоставу вне зависимости от званий и занимаемой должности — в период ночной атаки и вплоть до соединения частей корпуса с основными силами Красной Армии находиться в передовых цепях, имея при себе эффективное оружие. Задача — объединять вокруг себя красноармейцев и начсостав и вести их на Губичи».

Воодушевляя воинов личным примером, Леонид Григорьевич пал смертью героя во время прорыва вражеского кольца 17 августа 1941 г.

Вот что рассказывает об этом командир 154-й стрелковой дивизии, генерал-майор Я.С. Фоканов.

«16 августа 1941 г. генерал-лейтенант Л.Г. Петровский пришел ко мне, на командный пункт дивизии, в район ст. Хальч, юго-восточнее города Жлобин, где мне и командиру 61-й стрелковой дивизии поставил задачу идти на прорыв вражеского окружения. Время прорыва было назначено на 3.00 утра 17 августа. По решению генерал-лейтенанта Петровского, штаб корпуса и он сам должны были идти на прорыв с 61-й дивизией».

Согласно его приказу 154-я дивизия, впоследствии 47-я гвардейская, начала прорыв ровно в 3.00 17 августа. В это время ко мне прибыл начальник штаба корпуса полковник А.Л. Фейгин и передал приказ Петровского явиться к нему.

Оставив у себя в резерве батальон связи, саперный батальон, батарею противотанкового дивизиона, я пошел искать Петровского. Когда я нашел его, он сообщил мне, что выход 61-й дивизии обеспечен, и он будет теперь находиться с моей дивизией. К этому времени основные части 154-й дивизии, прорвав кольцо окружения, продвинулись километров на шесть. Обеспечивая их выход с тыла с оставшимися в резерве подразделениями, мы шли с Леонидом Григорьевичем от ст. Халыч до д. Рудня-Барановка. В это время кольцо окружения вновь сомкнулось, и нам пришлось прорывать его еще раз.

Прорвав первую линию обороны у д. Скепня, что 20 км юго-восточнее г. Жлобина, мы натолкнулись на вторую линию обороны гитлеровцев. Здесь в бою был убит адъютант командира корпуса, а сам Петровский был ранен в руку.

Поставив мне задачу атаковать д. Скепня, Петровский со своим резервом пошел севернее д. Скепня, чтобы обеспечить фланг атакующих. Это был наш последний разговор с ним.

После прорыва второй линии обороны врага, спустя часа два, я встретил раненного в живот начальника артиллерии 63-го корпуса генерал-майора артиллерии А.Ф. Казакова в 2 км северо-восточнее д. Скепня. Я спросил его, где генерал Петровский и его штаб. Он ответил, что Петровский и его начальник штаба полковник Фейгин были убиты недалеко от него в кустах вражеской засадой, часть которой была переодета в красноармейскую форму, а часть в женское платье.

Я принял меры к розыску Петровского и его начальника штаба и выслал две разведгруппы в направлении, указанном генерал-майором Казаковым. Обе группы вернулись с одними и теми же данными, подтвердив сообщение генерал-майора Казакова о засаде неприятеля, но трупов они не обнаружили.

Генерал-майор Казаков был положен на повозку и следовал со мной. Однако вскоре прямым попаданием мины повозка была разбита, а генерал Казаков убит. Мы его тут же похоронили. Как потом выяснилось, местные жители захоронили Л.Г. Петровского в одном километре южнее д. Руденко. После освобождения этого района 13 июля 1944 г. в присутствии родных его останки были

перенесены и похоронены с воинскими почестями в с. Старая Рудня Жлобинского района Могилевской области»¹.

Леонид Григорьевич Петровский родился в 1897 г. в местечке Щербинский Рудник Донецкой обвести. В период Первой мировой войны он окончил школу прапорщиков. Добровольно вступив в Красную Армию, участвовал в Гражданской войне с 1918 по 1920 г. на Северном, Восточном в Южном фронтах в должностях командира взвода, начальника разведки, начальника интербригады, командира полка, начальника штаба дивизии. После Гражданской войны он командовал дивизией и корпусом.

При личном общении с Леонидом Григорьевичем всегда поражала его громадная убежденность в правоте нашего дела, в конечной победе над фашизмом.

Это был настоящий советский военачальник, пламенный патриот нашей Родины, обладавший широким оперативным кругозором, выдающимися организаторскими способностями, негибамой волей и беззаветной храбростью.

Таким его образ остался в сердцах тех, кто его знал.

Глава шестая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 19-Й АРМИИ

19-я армия, сформированная на базе соединений двух военных округов — Северо-Кавказского и Харьковского — имела в своем составе два стрелковых (25-й и 24-й) и 26-й механизированный корпуса. Штаб армии сформирован из штаба Северо-Кавказского военного округа. С 26 июня входила в группу армий резерва Ставки Главного командования. Ее девять дивизий дислоцировались на Украине в районе Белая Церковь, Смела, Черкассы. Штаб армии находился в Черкассах.

Войсками армии командовал генерал-лейтенант И.С. Конев (июнь—сентябрь 1941 г.), нач. штаба — генерал-майор П.Н. Рубцов.

¹ Личный архив А.И. Ерёмченко.

В первые дни войны 19-я армия получила от командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса приказ, в котором говорилось: «19-й армии сосредоточиться западнее Киева и занять для обороны Киевский укрепленный район...»

Спустя три дня после получения приказа 19-я армия не только не заняла Киевский укрепленный район для обороны, но она даже не успела сосредоточиться в районе УРА, как последовал новый приказ, теперь уже прямо от начальника Генерального штаба, в котором было сказано:

«19-я армия в составе двух стрелковых корпусов передается в состав Западного фронта, поэтому быстро погрузить ее в эшелоны и перебросить по железной дороге в район Смоленска, где и поступить в подчинение командующего Западного фронта; один стрелковый корпус оставить для обороны Киевского укрепленного района...»

Итак, 19-ю армию рокировали с юга на север; нам пришлось сразу же в начале войны совершать межфронтовые железнодорожные маневры, что значительно усложнило работу железнодорожного транспорта, и без этого перегруженного переброской войск из глубины страны по плану стратегического развертывания и большим потоком эшелонов и транспортов с эвакуируемым имуществом и с оборудованием эвакуированных заводов.

Большая часть войск 19-й армии выгружалась восточнее и юго-восточнее Смоленска, а это в немалой мере затрудняло сосредоточение армии, и главное то, что это удлиняло сроки прибытия частей и соединений в районе сосредоточения и развертывания армии.

По плану 19-я армия должна была сосредоточиться в районе Яновичи, Понизовье, а затем развернуться на стыке 22-й и 20-й армии с задачей не допустить захвата противником г. Витебска.

К 9 июля в назначенный для сосредоточения армии район прибыли лишь управление 19-й армия, штаб 34-го стрелкового корпуса, 220-я мотострелковая дивизия, два полка 134-й стрелковой дивизии, один полк 162-й стрелковой дивизии, некоторые части 158-й стрелковой дивизии, артиллерийский полк.

Все эти части и соединения были разбросаны на широкой территории из-за ненормальной выгрузки эшелонов (благодаря пере-

грузке железнодорожного транспорта) — для этого необходимо время, а его-то как раз и не хватало нам.

9 июля на стыке 22-й и 20-й армий нависла реальная угроза — противник захватил Витебск и мог легко выйти в тыл главным силам Западного фронта.

Мы, конечно, не допустили бы прорыва нашего фронта и захвата противником Витебска. Вся беда была в том, что у нас не было резервов (для этого пригодились бы мехкорпуса, но они преждевременно были израсходованы), а 19-я армия, которая могла парировать этот удар противника, запаздывала со своим сосредоточением, и это запоздалое сосредоточение произошло не по вине армии и фронта, а по другим причинам. Дело в том, что первоначально 19-я армия направлялась на Юго-Западный фронт, а теперь рокировалась на Западный фронт, вот эти перевозки привели к потере 19-й армией оперативного времени.

Перед нами стояла дилемма: что делать, как нам быть?

Мы решили собрать все что возможно и бросить в контрудар на витебское направление, хотя, откровенно говоря, и собирать было нечего. Командующий Западным фронтом отдал приказ: «Командующему 19-й армии т. Коневу И.С. собрать все наличные силы армии, которые прибыли к этому часу, и во взаимодействии с правофланговым стрелковым корпусом 20-й армии нанести контрудар на Витебск с задачей уничтожить прорвавшегося в глубину нашей обороны противника, освободить город Витебск и восстановить положение обороны». Во исполнение этого приказа Конев И.С. организовал контрудар, для осуществления которого привлек 220-ю мотострелковую дивизию, часть сил стрелковой дивизии.

Контрудар 19-й армии поддержала 229-я стрелковая дивизия 20-й армии. Контрудар, начатый утром 11 июля, вначале имел небольшой успех, передовые части противника были отброшены назад к Витебску, но с вводом свежих сил противнику удалось потеснить наши части и продолжать развивать успех в двух направлениях: Витебск — Рудня, Витебск — Сурож — Велиж.

12 июля противник силами 7-й и 20-й танковых дивизий и другими частями, при поддержке значительных сил авиации, главным образом пикирующих бомбардировщиков, продолжал оказывать

сильное давление на участке 19-й армии, нанося главный удар на указанных выше двух направлениях.

В это время я и прибыл на командный пункт 19-й армии, который находился в лесу, что в 5—6 км севернее Рудни. Там находились: командующий армией генерал-лейтенант И.С. Конев, член Военного совета армии дивизионный комиссар М.П. Шекланов, начальник штаба армии генерал-майор П.Н. Рубцов и другие офицеры штаба армии. Я прибыл сюда как уже имеющий некоторый опыт войны, с тем чтобы помочь армии более организованно включиться в боевую деятельность, начать бои с коварным, имевшим опыт войны противником, зазнавшимся своими успехами на Западе и у нас в самом начале войны. Враг имел значительное превосходство в силах и почти полное господство в воздухе, об этом я и информировал командование 19-й армии.

Начальник штаба Рубцов доложил об обстановке на фронте (сложной и противоречивой). После совещания мы выехали в войска. И.С. Конев на левый фланг, я на правый. Начальник штаба остался на КП.

Уже по пути, когда наш автомобиль М-1 проследовал Кольшки, я заметил, что влево от дороги стрелковый полк принял боевой порядок, но боя не было слышно. Я нашел командира этого полка, он мне доложил следующее: «...стрелковая дивизия в составе двух полков наносила контрудар в направлении Сурож, Витебск, но успеха не имела, хотя сначала было продвинулась, а сейчас она дерется в окружении и связи с ней нет; мой полк тоже из состава этой дивизии, но он не успел подойти (далеко выгружался), поэтому я и не принял участия в контрударе. Здесь же, в районе Кольшки, сосредоточился... артиллерийский полк, который прибыл в распоряжение стрелкового корпуса, но штаба корпуса здесь не оказалось».

К моему приезду на правый фланг правофланговая дивизия 19-й армии дралась в окружении, стрелковый и артиллерийские полки сосредоточились в районе Кольшки и не знали, что им делать.

По сути дела, оказалось, что правый фланг 19-й армии открыт и для прикрытия его не было войск кроме этих двух полков.

В этой неприятной для вас обстановке я приказал командирам стрелкового и артиллерийского полков прикрыть правый фланг

19-й армии по рубежу: Понизовье, Колышки и не допустить удара противника по флангу 19-й армии. Старшим назначаю командира стрелкового полка. Этот приказ доложить командиру стрелковой дивизии, если установите с ним связь, и начальнику штаба армии.

После этого приказа я сделал еще ряд указаний по улучшению организации взаимодействия между пехотой и артиллерией, по борьбе с танками противника. Частям было запрещено оставлять боевые порядки и уходить в противотанковые районы, в случае появления танков противника оставаться на местах в окопах, в щелях и отражать атаку танков метким артиллерийским огнем, ручными гранатами и стрельбой из пулеметов по щелям и т.д.

После этого мы выехали на КП 19-й армии. Хотелось скорее узнать, как идет сосредоточение войск 19-й армии и какие части уже прибыли, чтобы их можно было поскорее подбросить на правый фланг. Я понимал, что именно здесь таилась угроза не только флангу 19-й армии, но и 20-й армии, которая наиболее упорно обороняется и может быть скомпрометирована фланговым ударом врага справа. Вот эти мысли обуревали меня, когда мы подъехали на КП 19-й армии. К этому времени И.С. Конев еще не вернулся на КП.

Нач. штаба Рубцов доложил мне шифротелеграмму, которую он только что получил из штаба фронта, вот ее главный пункт:

«Командующий Западным фронтом маршал Тимошенко приказал назначить новый рубеж для развертывания 19-й армии на фронте (здесь перечисляются пункты)». Подписал шифрограмму начальник штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин.

Этот новый рубеж по отношению к ранее назначенному рубежу развертывания относился в глубь страны на 50—60 км. Этот приказ вносил большую путаницу в управление войсками армии и ослаблял эту армию, так как к моменту получения этого приказа несколько дивизий уже вступили в бой, а другие соединения и части были на марше в назначенный район сосредоточения. И вот в такой обстановке получен приказ отнести рубеж развертывания на два-три перехода назад. Звучит как анекдот, но факт!

Я был поражен этим решением: мало того что мы оставляли противнику территорию глубиной в 50—60 км, что тоже плохо, но

не в этом главное, а главное в том, что этот приказ не соответствовал сложившейся обстановке, а сила приказа в том-то и состоит, что он отдается с учетом обстановки и для создания выгодного положения, что он является мобилизующим началом, что он ставил свои войска в наиболее выгодное положение по отношению к противнику, что в ней заложено предвидение, только с учетом этого отданный приказ становится боевой организующей силой. Приказ же, который мы сейчас прочли с болью сердца, ослаблял армию и вносил путаницу в управление войсками, я понимал, что это сделано не по злему умыслу, а произошло потому, что перед принятием решения не разобрались как следует в обстановке, в результате напоролли чушь; допущена очень большая оперативная ошибка, как потом выяснилось, но приостановить действие приказа командующего фронтом я не мог, мало ли что там могло произойти, мне еще неизвестно, не мог я связаться со штабом фронта по телефону, чтобы выяснять обстановку, так как связь между армией и фронтом была нарушена.

Я принял решение: немедленно выехать на КП фронта в район Гнездово. Мы двигались аллюром три креста, т.е. шли со скоростью, какую могли выжать из М-1. К 2-м часам ночи я был уже на КП. Обо всем случившемся доложил С.К. Тимошенко. Он внимательно выслушал меня и сказал, что допущена ошибка! Приказ немедленно надо отменить. При этом он сказал: «Андрей Иванович, прошу вас, поезжайте побыстрее обратно в 19-ю армию и восстановите положение, рубеж развертывания оставить прежний».

Когда я вышел от Тимошенко, чтобы отправиться в 19-ю армию, то встретился с Иваном Степановичем Коневым, который прибыл на КП по этому же вопросу. Я на ходу сказал ему, что приказ о переносе рубежа развертывания отменен и я еду в 19-ю армию, чтобы восстановить положение, я предложил ему немедленно возвращаться на КП и восстановить положение.

Конев доложил мне, что пойдет к Тимошенко и сейчас же прибывает на КП армии, который перемещается на новое место. На этом мы и расстались.

Я же со своей группой двинулся на Рудню с задачей помочь 19-й армии восстановить положение, задержать войска на месте,

Андрей Иванович Ерёменко

*Начальник штаба
Западного фронта
Г.К. Маландин*

*Член Военного совета
Д.А. Лестев*

*Командующий 13-й армией
В.Ф. Герасименко*

*Командующий 28-й
армией В.Я. Качалов*

*Командующий 30-й армией
В.А. Хоменко*

*Командующий 20-й армией
П.А. Курочкин*

*Командир
5-го механизированного корпуса
И.П. Алексеенко*

*Командир 152-й стрелковой
дивизии П.Н. Чернышев*

*Командир 388-го стрелкового
полка С.Ф. Кутепов*

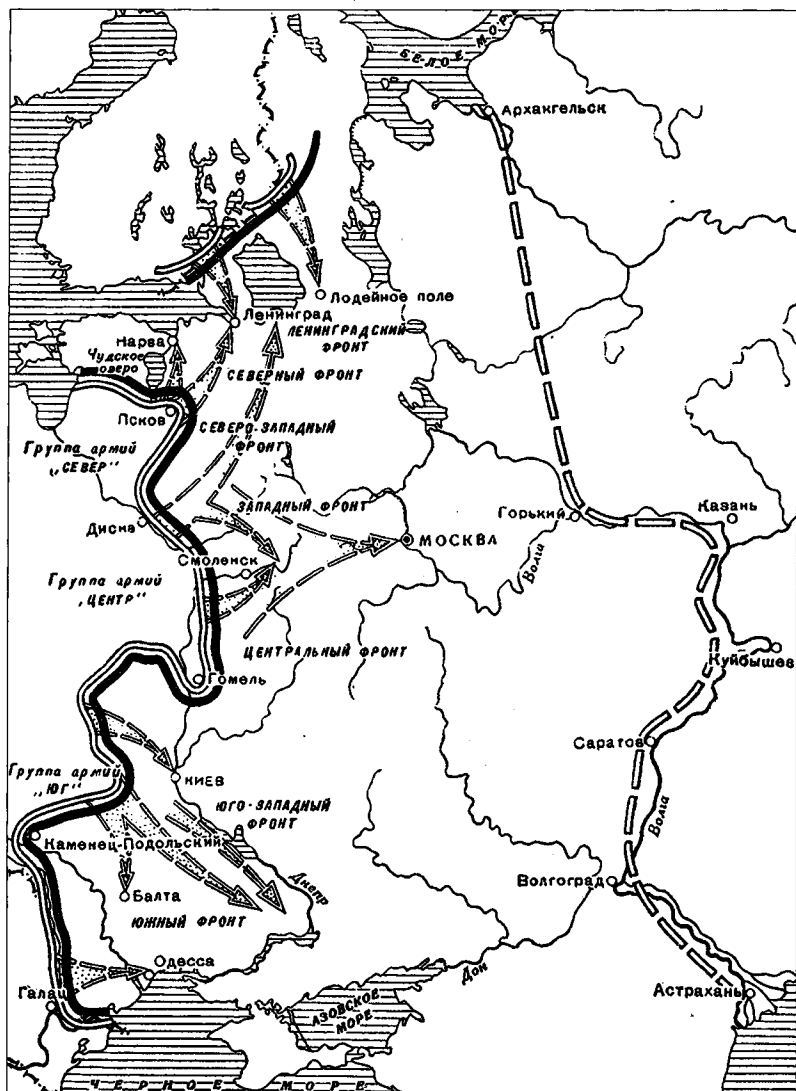
*Командир 17-й танковой
дивизии И.П. Корчагин*

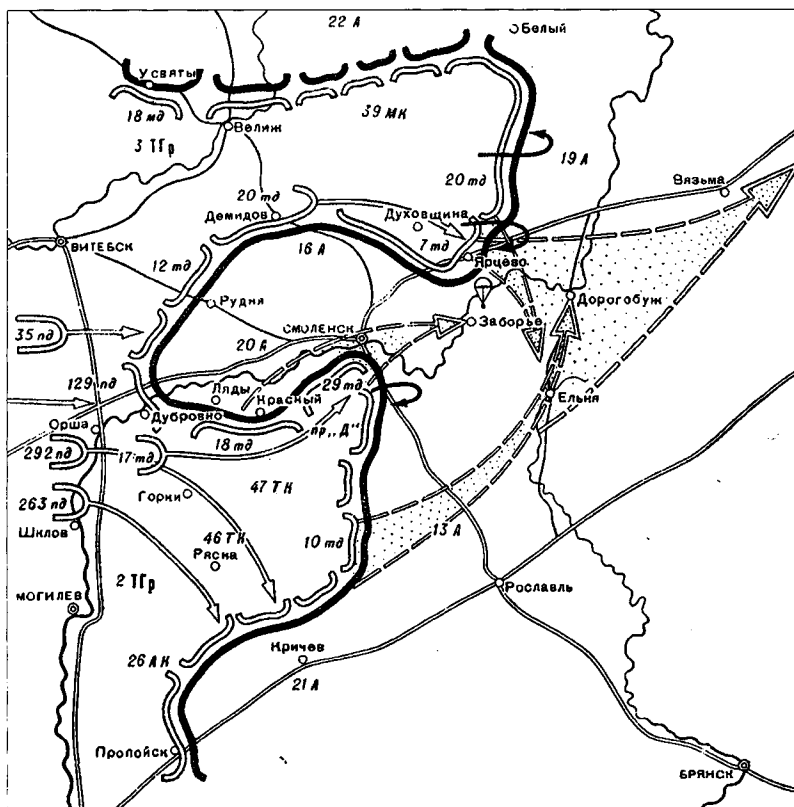
*Командир 340-го
стрелкового полка
П.И. Метальников*

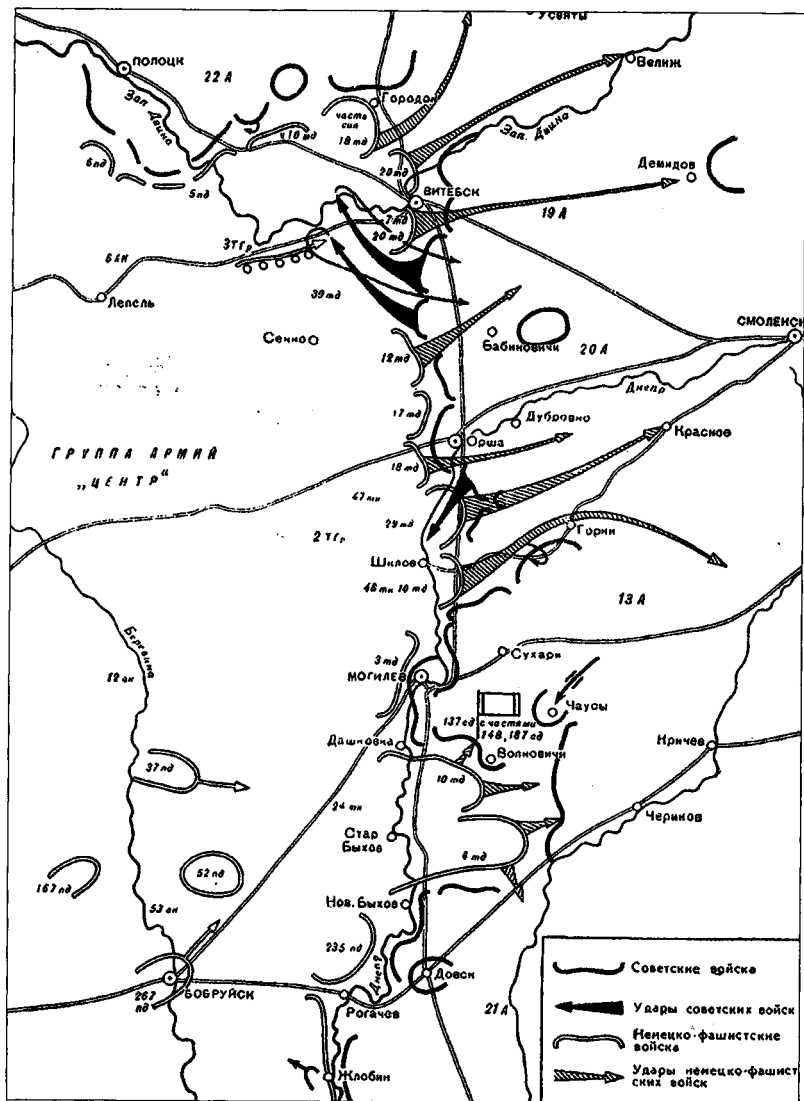
*Начальник штаба
16-й армии М.А. Шалин*

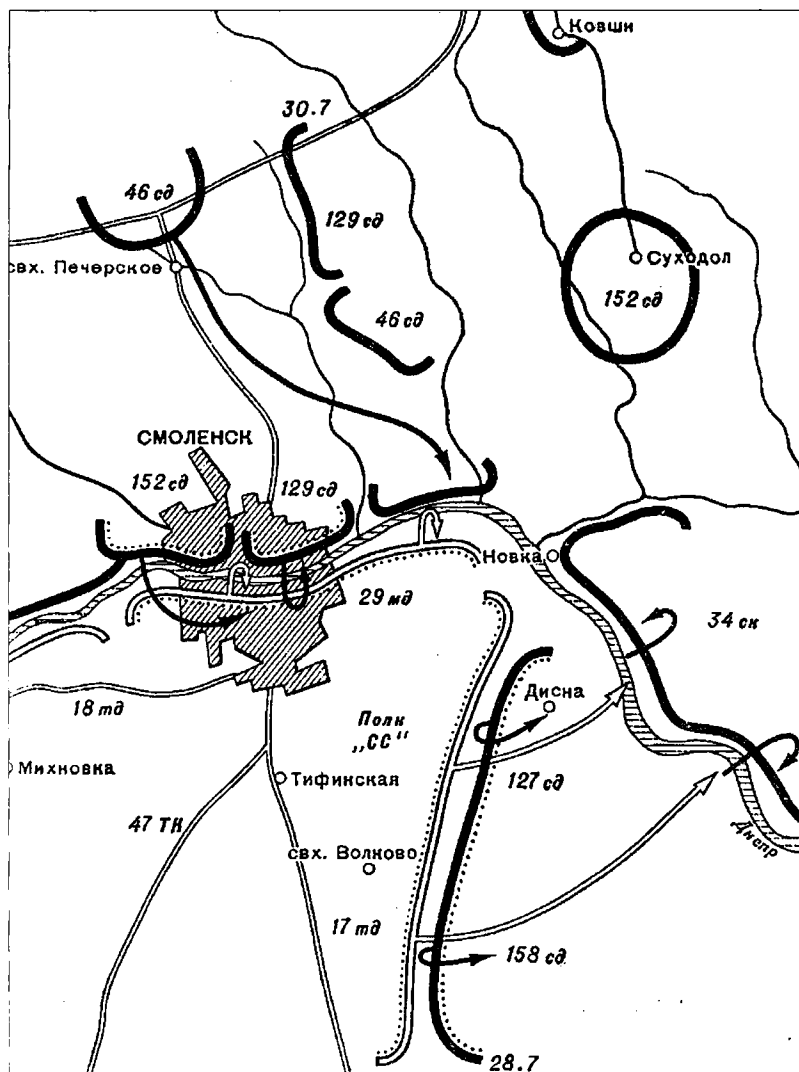
Оперативный план немецкого наступления в июле 1941 г.

Немецкий план захвата Смоленска

Ход боевых действий 13—15 июля 1941 г.

Боевые действия 152-й, 129-й, 46-й стрелковых дивизий и 34-го стрелкового корпуса с 16 по 30 июля 1941 г.

*Командующий группой армий
«Центр» Федор фон Бок*

*Командующий 4-й танковой армией
Гюнтер фон Клуге*

*Командир 2-й танковой группы
Гейнц Гудериан*

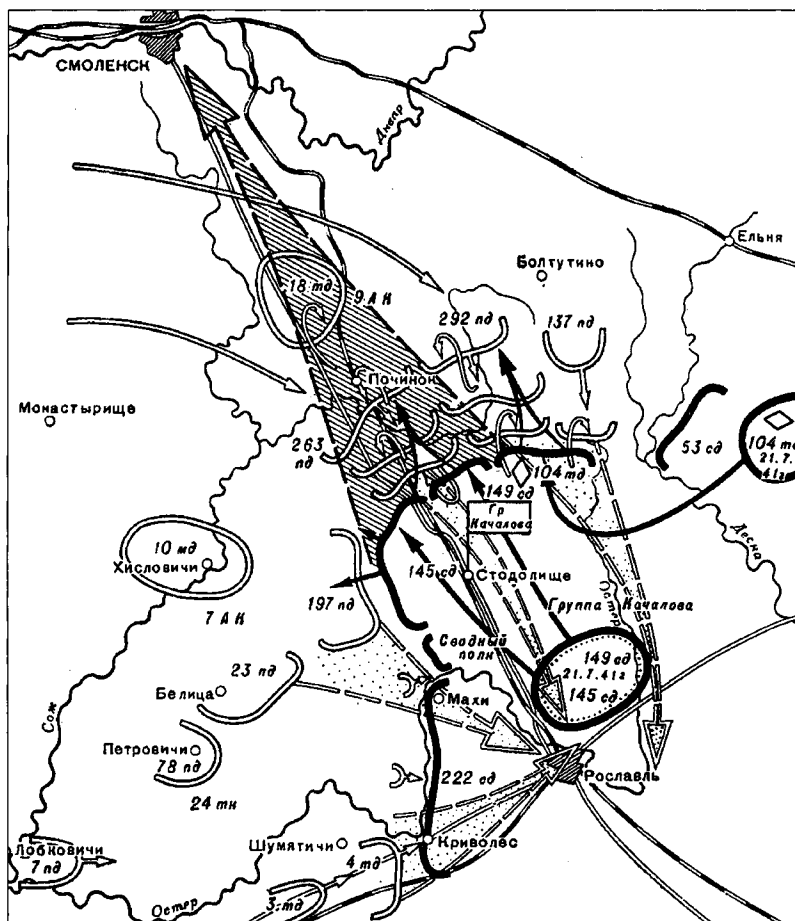
*Командир 9-й армии
Адольф Штраус*

*Командир 57-й танковой
дивизии В.А. Мишулин*

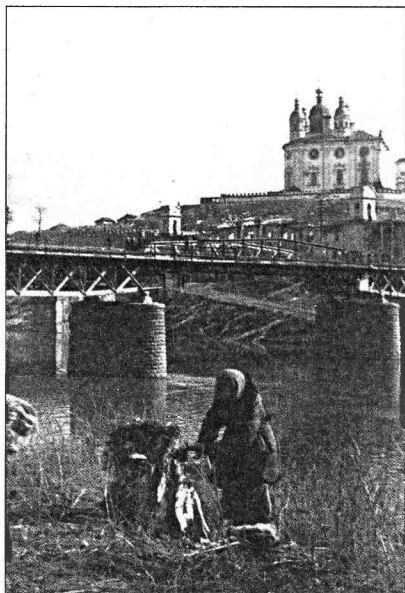
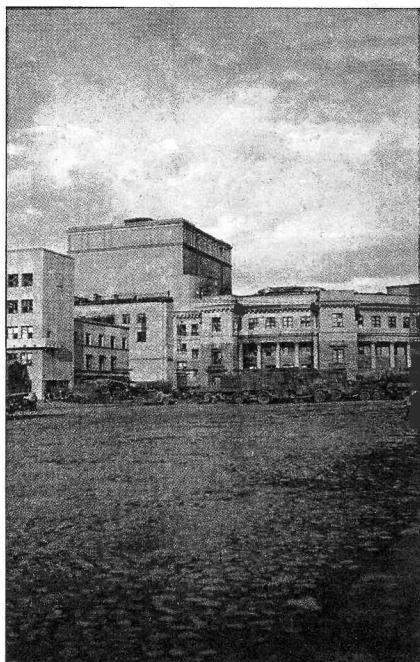

*Смоленск глазами
немецкого солдата
Фрица Браунера*

План контрудара группы генерала Качалова в направлении Смоленска и ход боевых действий с 21 по 25 июля 1941 г.

*Здание смоленского
Драматического театра
в военные годы*

Вид Смоленска

Древний город в руинах

Немецкие солдаты на окраине Смоленска

которые еще не успели отойти, а те, кто начал отход на новый рубеж, вернуть.

В группу входили мой адъютант Хирных, порученец, три офицера: оператор, разведчик и связиста группы связи — шесть мотоциклистов. Рано утром 13 июля прибыла в Рудню. Приказ о переносе рубежа развертывания 19-й армии, хотя и отменен, но это решение еще не доведено до всех войск армии, поэтому некоторые штабы и боевые обозы отходили на новый рубеж, но так как главный поток передвижения шел по магистрали Витебск — Смоленск, то нам легко было перехватывать отходящих и водворять их на место. Правда, некоторые штабы проскочили, когда я был у Тимошенко. Таким штабом был штаб 34-го стрелкового корпуса, который отошел на 70 км.

КП 19-й армии тоже начал переход в новый район, но был задержан и расположился в 13—15 км восточнее Рудни. Я выбрал место для своего КП в одном километре северо-западнее Рудни, в 150—160 метров от магистрали Смоленск — Витебск.

Штаб 19-й армии при помощи моей группы справился с задачей — остановить переход войск на новый рубеж развертывания, но чтобы исправить эту ошибку, мы затратили много энергии, сил и времени, вместо того, чтобы направить их на борьбу с противником.

Враг продолжал наносить удары в двух главных направлениях, о чем я уже говорил: Витебск — Велиж — Рудня, Демидов, Витебск — Рудня — Смоленск.

У противника было много танков. 19-я армия их почти не имела. Наши войска не имели достаточного опыта борьбы с танками, а тяжелая артиллерия совсем не умела вести огонь по танкам, она была неповоротливой. Пехота и кавалерия при появлении танков чаще всего уходили в недосыгаемые для танков районы — в леса и болота.

В мирное время мы учили наши стрелковые войска укрываться от танков в противотанковые районы или в противотанковые цели и окопы, если они открыты, и пропустить танки, чтобы затем с ними расправились противотанковая артиллерия, наши танки и другие средства. Пехота же должна отсекал от танков вражескую

пехоту и уничтожать ее. В результате такой учебы пехота оказалась недостаточно подготовленной к активной борьбе с танками. Получив сигнал о появлении танков врага наши роты, батальоны, полки иногда метались в поисках укрытий, нарушали боевые порядки, скапливались в противотанковых районах. Авиация противника, которая почти непрерывно висела над полем боя, активно взаимодействуя со своими войсками, засекала места скопления нашей пехоты, наносила по ним сильнейшие удары. Все это приводило к тому, что наши части лишались маневренности, боеспособность их падала, нарушались управления, связь и взаимодействие.

Уже в те дни я пришел к выводу о необходимости широко применять активные методы борьбы с танками. Пехота на любом рубеже, как только заняла его, немедленно должна отрыть щель и никуда не отходить. В случае появления танков и авиации противника укрываться в щели и вести самую активную борьбу с танками врага, применяя гранаты, бутылки с горючей жидкостью («КС»), стреляя по смотровым щелям танков. Вся артиллерия и минометы должны вести огонь по танкам. Против танков противника немедленно направляется штурмовавшая авиация.

Правда, незадолго до войны мы начали осваивать подобные методы борьбы с танками противника, но они еще не дошли до войск. Неудивительно, что активная борьба с танками имела успех даже тогда, когда обстановка ей не благоприятствовала.

Солнце уже стояло совсем низко над горизонтом, когда в районе Рудни появились немецкие танки. Шли они по дороге в направлении города, вблизи которого был мой командный пункт. Услышав стрельбу, не похожую на стрельбу полевой артиллерии, я послал офицера связи на легковой машине вперед, чтобы выяснить, что там происходит. В 3 км от моего командного пункта на повороте шоссе он столкнулся в упор с немецкой танковой колонной, впереди которой на легковой машине ехали три фашистских офицера.

Офицер связи, будучи находчивым человеком, выскочил из машины, бросил ручную гранату в машину фашистов и, нырнув в высокую рожь, бегом направился обратно, чтобы предупредить нас об опасности.

Танки противника на некоторое время задержались возле подбитой машины, затем снова двинулись на Рудню.

Когда офицер связи добрался до нас, вражеские танки вошли в район командного пункта. Они обстреливали дорогу и обочины. Над нашими головами то и дело проносились немецкие самолеты, бомбившие и обстреливавшие местность, лежащую на пути движения танков.

Мы находились в густом кустарнике в ложбине, в стороне от дороги. Машины и люди были отлично укрыты густой, как лес, стоявшей рожью и кустарником, а выезд командного пункта на шоссе был сделан далеко в стороне (замаскирован).

Когда прорвались через фронт, вражеские танки оказались в полукилометре от Рудни, из города навстречу танкам, не подозревая об опасности, выехали две военные легковые машины. Сидевшие в них люди, заметив танки, вышли из машины и подбежали к позициям противотанковой батареи, расположенной на подступах к городу. Несколько пушек немедленно открыли огонь по танкам. Головной танк остановился, следовавшие за ним танки стали разворачиваться вправо и влево, открыв огонь по нашей батарее, но она продолжала стрелять, задерживая их продвижение. Люди, организовавшие борьбу артиллерии с танками, сели в машины и, свернув с шоссе, поехали по проселочной дороге.

Позже выяснилось, что в машинах ехали командующий 19-й армией генерал-лейтенант И.С. Конев и начальник политотдела армии бригадный комиссар А.М. Шустин, который полчаса тому назад был ранен. Они направлялись в передовые части с заездом на наш командный пункт, чтобы доложить обстановку и получить указания. Выехав из города Рудня, они неожиданно натолкнулись на вражеские танки. И.С. Конев быстро организовал огонь артиллерией и дал отпор передовым танкам.

На подступах к Рудне головные танки вновь задержались, открыв прицельный огонь по станциям и городу. Остановилась и развернулась следовавшая за танками колонна мотопехоты. Заработали станковые пулеметы. Немецкие автоматчики двигались прямо на нас.

Оставалась единственная возможность: выбраться на север. Впереди было открытое пространство метров в 150—200. Я сказал шоферу Демьянову, чтобы он сделал несколько резких поворотов в сторону, пока мы не въедем в рожь. Со мной сели адъютант Хирных и офицер для поручений, остальные тоже приготовились в отход, кто на машинах, кто на мотоциклах, кто пешком.

Фашисты никак не думали, что у них под носом находится командный пункт заместителя командующего фронтом. Орудия танков и пулеметы не были повернуты в нашу сторону, и наш маневр удался. Вслед нам раздавалось несколько автоматных очередей. Как это ни странно, спаслись все. Что и говорить, минуты были весьма неприятные.

Я не один раз был в сложных условиях обстановки и под огнем врага, но в подобном переплете, в котором сейчас оказался, еще никогда не был, причем все это получилось неожиданно, я бы сказал, случайно. Враг прорвался в районе Лиозно, и его танки внезапно вышли в район Рудни, разведка наша не успела донести.

Конев И.С., не зная, где я находился (куда теперь вышли немецкие танки), считал меня уже погибшим, а мой КП — раздавленным танками, он так и донес в штаб фронта.

В этой обстановке по настоянию Ставки был отдан приказ о наступлении. Войска получили задачу «Отрезать прорвавшегося противника от его тыла на участках: Городок — Витебск и Орша — Шклов с закреплением устойчивого фронта...»

22-й армии приказывалось нанести удар в направлении Городок, Витебск. 19-я армия должна была овладеть к исходу 16 июля городом Витебск. Эта задача для 19-й армии была нереальна, армия (громко сказано) под давлением врага продолжала отходить частью сил в направлении Смоленск, Ярцево, в то время как другие ее соединения продолжали (по созданным условиям выгрузки эшелонов) сосредоточиваться восточнее Смоленска, там разгружались 127-я и 138-я стрелковые дивизии 34-го стрелкового корпуса и другие части. Вся эта разбросанность с выгрузкой накладывала свой отпечаток на боевые действия 19-й армии.

Глава седьмая

РЕЙД КАВАЛЕРИЙСКОЙ ГРУППЫ ПО ТЫЛАМ ПРОТИВНИКА

К середине июля 1941 г. наступление немецких войск самой мощной группы армий «Центр» не увенчалось успехом; план Гитлера на окружение и уничтожение нашей Смоленской группировки войск явно срывался, но обстановка на Западном фронте продолжала быть тяжелой; на правом крыле фронта враг теснил 22-ю армию и вышел севернее Велижа, занял Духовщину и Ярцево. На левом крыле фронта и в центре противник форсировал р. Днепр, окружил в Могилеве 172-ю стрелковую дивизию (о чем говорилось выше), развивая наступление на восток, враг захватил Пропойск, 16 июля подошел к Смоленску и ворвался в город. Враг, нанося главный удар на московском направлении, прикрыл свой правый фланг в районе Полесья отдельными отрядами и одной пехотной дивизией, которые значительно отстали в своем продвижении и не только из-за тяжелой местности, но и благодаря тому, что продвижение врага тормозила своими героическими действиями 75-я стрелковая дивизия, которая, хотя и понесла значительные потери в предыдущих боях, но была еще вполне боеспособной.

Когда 75-я стрелковая дивизия и другие части вели бои в Полесье, в это время в районе к северу от Калинковичей в лесах была сосредоточена кавалерийская группа в составе трех кавалерийских дивизий:

32-я кавалерийская дивизия (кадровая), командир дивизии полковник Бацкалевич Александр Иванович, начальник штаба Глинский Михаил Иосифович. Прибыла она из Крыма и 16 июля сосредоточилась в лесах северо-западнее Озаричи, Любань.

43-я кавалерийская дивизия, вновь сформированная по штатам трехтысячного состава. Командир дивизии — комбриг Кузьмин Иван Кузьмич. Дивизия формировалась в Северо-Кавказском военном округе. Малочисленная по своему составу с весьма ограниченным артвооружением. Конский состав (3—4-летки) взят из степей, не объезженным и не готовым к длительным маршам. Для сколачивания подразделений дивизия времени почти не имела.

К 16 июля, переброшенная по железной дороге, она сосредоточилась в лесах Еловая, Ковали.

47-я кавалерийская дивизия — вновь сформированная. Командир дивизии генерал-майор Сидельников Андрей Никанорович. Дивизия формировалась на Кубани. По своему состоянию была аналогична 43-й дивизии. Переброшенная по железной дороге, она к 16 июля сосредоточилась в лесах западнее совхоза Рудобелка.

32-я и 47-я дивизии резко отличались от 43-й кавалерийской дивизии, как по численности, так и по вооружению и втянутости конского состава в длительные марши.

19 июля 1941 г. в район сосредоточения кавалерийских дивизий прибыл генерал-полковник Городовиков Ока Иванович с группой офицеров штаба кавалерии Красной Армии, имея на руках полуценную через штаб 21-й армии следующую директиву.

«Главному Западного направления.

Копия: Командующему 21-й армии. Только лично.

Генерал-инспектору кавалерии Красной Армии

генерал-полковнику Городовикову (через командарма 21).

Карта 500.000

В связи с быстрым продвижением противника, несомненно, создалось напряженное положение с тылами. В этой обстановке всякие действия по тылу и коммуникациям противника могут оказать решающее влияние на успех его операций.

СВГК предлагает использовать сосредоточившуюся в районе Речица кавгруппу в составе 32, 43 и 47 кавдивизий для рейда по тылам могилевско-смоленской группировки противника, для чего:

1. Исходное положение для действий кавгруппы занять вдоль линии железной дороги Жлобин — Калиновичи в районах: Любань, колх. имени Сталина — 32 кд (с-з Озаричи), Шамлаки — 43 кд (35 км ю.-з. Жлобин), Давыдовка 47 кд (55 км юго-зап. Жлобин).

2. Общее командование конной группой возложить на командира 32 кавдивизии Бацкалевича.

3. Группа двигается двумя эшелонами, имея в первом эшелоне 32 кд, во втором — 43 и 47 кд, по двум направлениям: первое направление: Шацилки, Тицек, Ясень, Любаничи (15 км сев. Бобруйск), Дашковка (ю. Могилева), Дибин (с.-в. Могилев).

Левое направление: Давыдовка, Дуброва (55 км ю. Бобруйск), Н. Дороги, Осиповичи, Улига (55 км сев.-вост. Осиповичи), Калержица (15 км с.-з. Могилев), Горки.

По выполнении задачи конной группе выйти из рейда южнее Смоленска в районе Досугово (45 км ю.-з. Смоленск), Тамарси (ю.-з. Десучево), Хисловичи (с.-з. Рославль), Починок, ст. Тычина 10 км юж. Смоленск).

4. Задачи:

а) Разгром тылов бобруйской, могилевской и смоленской группировок противника.

б) Разгром штабов, узлов и линий связи, разрушение коммуникаций. Налет на аэродромы.

в) Уничтожение тылов, переправ, подрыв железных дорог, железнодорожных сооружений и складов, захват и уничтожение транспортов.

г) Организация партизанских отрядов и диверсий в тылу противника.

5. Главкому Западного направления выделить специальные самолеты для связи с рейдирующей конницей.

Связь авиации с конной группой осуществлять днем с помощью радиосигналов, полотниц; ночью — сигнальными огнями и радиосредствами.

Применить прием донесений кошкой и сбрасыванием вымпелов. Разрешить посадку отдельных самолетов в расположении конной группы на подготовленную и прикрытую средствами ПВО площадку.

6. Шифрсвязь рейдирующим кавдивизиям организовать по шифру с 21-й армией и через нее с Главкомом Западного направления и непосредственно с Москвой.

Штабу 21-й армии установить индивидуальную шифрсвязь, для чего выделить по 1-й паре блокскотов 4-й. Никаких других шифрдокументов в рейд не брать.

Главному интенданту Красной Армии обеспечить конную группу (в составе трех кавдивизий) на период операции из расчета 15 суток концентратами питания людского состава. Концентраты сосредоточить к утру 19.7 в район Режица.

8-й танковый полк 32-й кд со станции выгрузки направить в распоряжение 232-й стрелковой дивизии в район Бобруйск.

9. Подготовка и организация кавгруппы к действиям по тылам в районе сосредоточения возлагается на генерал-инспектора кавалерии Красной Армии генерал-инспектора Городовикова.

По поручению СВГК зам. НКО НГШ КА

Генерал армии Жуков».

19.7.41 № 00420».

В 17 часов 19 июля Городовиков собрал руководящий состав всех трех кавалерийских дивизий и провел с ними инструктивное совещание по организационным вопросам, связанным с предстоящим рейдом.

В начале совещания Городовиков сказал о полученной директиве и зачитал из нее главные выдержки, которые определяли состав группы, командование кавгруппой, цель рейда и задачу конницы, идущей в рейд.

Затем Ока Иванович отдал приказ следующего содержания:

«1. Кавалерийская группа в составе 32, 43 и 47 кавалерийских дивизий под командованием командира 32-й кавдивизии полковника Бацкалевича А.И. и его штаба с рассветом 20 июля с рубежа р. Птичь на участке Холопеничи, Поречье входят в рейд по тылам могилевско-смоленской группировки противника. Группе двигаться двумя эшелонами — в первом 32-я кавалерийская дивизия (без танкового полка и гаубичного дивизиона) и во втором 43 и 47 кавалерийские дивизии по двум направлениям:

— Правое — Шацилки, Глуск, Ясень, Любеничи, Дашковка (южнее Могилев), Дибин (сев.-вост. Могилев); левое — Давыдовка, Дубровка, Нов. Дороги, Осиповичи, Кличев, Княжицы, Горки, имея задачей: разгром тылов Бобруйской, Могилевской, Смоленской группировок противника. — Разгром штабов, узлов и линий связи. Разрушение коммуникаций, налетов на аэродромы. Уничтожение переправ, подрыв железнодорожных сооружений, складов и уничтожение транспортов.

Задача по дням:

Первый день — группа должна овладеть г. Глуск и перерезать шоссе Глуск, Любань.

Второй день — перерезать шоссе Бобруйск, Слуцк и овладеть ст. Ясень, Осиповичи.

Третий день — форсировать р. Березина и овладеть районом Кличев.

Четвертый день — форсировать р. Друть и овладеть Чечевичи, Городище.

Пятый день — выйти на рубеж р. Проня и овладеть Дрибин, Горки.

По выполнении задачи выйти из рейда и сосредоточиться в районе Починок, Монастырщина, Хиславичи.

Исходный рубеж — р. Птичь на участке свх. Холопеничи, Поречье, перейти в 4.00 20 июля. Группа подчиняется Главкому Западного направления и Ставке Верховного Главнокомандования».

После этого Городовиков дал ряд указаний по вопросам, что брать в рейд, как организовать материальное обеспечение и питание.

Штаб кавгруппы создан не был, а функции его были возложены на штаб 32-й кавалерийской дивизии. Все это создавало большие трудности в управлении, так как имеющиеся в штабе дивизии средства были рассчитаны на управление полками внутри дивизии. Из радиосредств штабу были выделены для связи со Ставкой радиостанция РАФ на грузовой машине ЗИС (которая в первый же день выбыла из строя) и радиостанция «Север».

Времени на организацию и подготовку рейда фактически не было.

В просьбе командира 32-й кавдивизии полковника А.И. Бацкалевича (исполняющего обязанности и командира кавгруппы) об отсрочке начала рейда на одни сутки с тем, чтобы подготовиться к нему, было отказано. Конечно, неправильно поступил Городовиков, что не дал кавгруппе и суток на подготовку ее к рейду; после того как кавгруппа получила оперативную задачу и организационные указания, ей нужно было дать время на подготовку минимум сутки, а то и двое. Спешка с выброской кавгруппы в рейд ни к чему хорошему не привела, а наоборот, отрицательно повлияла на проведение рейда.

Здесь была явная недооценка противника. Это подтверждается и тем, что на вопрос Баскилева о том, что кавгруппа может встре-

тить на своем рейдовом пути и какие силы врага могут оказаться в полосе действий кавгруппы, генерал-полковник Городовиков в категорической форме заявил: «Практически кавгруппа будет действовать в оперативной пустоте». Эта ориентировка была неправильная, даже вредная, она настраивала на легкую победу, но упрекать за эту ошибку Оку Ивановича не следует, не он один не знал в то время, что творится в тылах противника, не знал и Генштаб, не знал и штаб Западного фронта, не знал и я.

В рейд дивизии пошли без тылов, имея трехдневный запас продовольствия и один боекомплект боеприпасов.

С рассветом 20 июля соединения кавгруппы форсировали р. Птичь и начали рейд в следующем боевом построении.

Правая колонна — 32-я кавалерийская дивизия — двигалась на Глуск. Левая колонна — 43-я кавалерийская дивизия — двигалась в направлении Нов. Дороги. 47-я кавалерийская дивизия во втором эшелоне.

Первый блин комом, как говорит поговорка. Так и здесь получилось. Несколько запоздавшая с форсированием р. Птичь 43-я кавдивизия подверглась налету и бомбовому удару восьми самолетов противника во время переправы и понесла серьезные потери, особенно в конском составе. Все это спешка наделала делов.

Таким образом, противник засек кавгруппу в самом начале рейда и, естественно, принял соответствующие меры противодействия. Внезапности не получилось, это тоже ошибка.

К 18 часам 20 июля передовой отряд 32-й кавалерийской дивизии (86-й кавполк, командир полковник Шевченко), уничтожив небольшое подразделение немцев, освободил г. Глуск. К 19 часам в Глуск и Хвостовичи подошли остальные полки дивизии.

43-я и 47-я кавалерийские дивизии из-за невянутости конского состава не смогли выполнить задачу дня и к исходу 20 июля вышли только на рубеж Клетное.

С наступлением темноты неожиданно по г. Глуск с востока открыла огонь 75-мм батарея противника, которая вскоре высланным эскадром 65-го кавполка была уничтожена.

Вечером 20 июля командующий кавгруппой полковник Бацкалевич принял решение: главными силами — 32-й кавалерийской

дивизии в 1 час 21 июля выступить с занимаемого района и к рассвету перерезать шоссе Бобруйск — Слуцк на участке Заволочицы, Симоновичи, форсировать р. Птичь и к исходу дня овладеть ст. Ясень.

43-й и 47-й кавалерийским дивизиям поставлена задача к исходу дня перерезать шоссе Бобруйск, Слуцк на участке Симоновичи, Старые Дороги.

Около 10 часов 21 июля три полка (86-й кавполк полковника Шевченко, 65-й кавполк подполковника Козарез и 153-й кавполк полковника Кузьмина) 32-й кавалерийской дивизии после незначительного боя прорвались и, форсировав р. Птичь восточнее Симоновичи, сосредоточились в лесах, ведя разведку станции Ясень и Татарка.

Отставание 43-й и 47-й кавалерийских дивизий заставило командующего кавгруппой задержать штаб дивизии и 121-й кавалерийский полк (командир полка полковник Павлов), сосредоточить их в лесу в 4 км юго-западнее Заволочицы и, подтянув 43-ю и 47-ю кавалерийские дивизии, продолжать с рассветом 22 июля выполнять поставленную задачу. Прорвавшиеся в леса западнее Ясень три кавалерийских полка 32-й кавдивизии оказались оторванными от штаба дивизии и поэтому для лучшего управления и более тесного взаимодействия командир группы приказал командиру 86 кавполка полковнику Шевченко объединить командование трех полков (86-го, 65-го и 153-го) с задачей овладеть железной дорогой на участке ст. Ясень — Татарка и удерживать до подхода главных сил кавгруппы.

Около 16 часов 21 июля разведка донесла о выдвигении со стороны Симоновичи по дороге на Глуск до батальона пехоты противника и по дороге Старые Дороги, Положевичи до двух рот мотоциклистов. На шоссе у Симоновичи курсируют танки и бронемашинны.

Таким образом, противник начал стягивать силы, чтобы уничтожить нашу кавгруппу.

Командир кавгруппы приказал командиру 121-го кавполка полковнику Павлову организовать засаду и уничтожить батальон противника. Засада была организована, и когда батальон противника,

двигаясь колонной, охраняясь только головным и боковыми дозорами, подошел к засаде на ружейный выстрел, 12 станковых пулеметов и полковая батарея прямой наводкой внезапно обрушили огневой удар. Этот удар поддерживал ружейным огнем спешенный эскадрон.

Враг не ожидал этого удара самолетов, растерялся, начал разбегаться, много было убито, еще больше ранено, кто остался в живых, бежали на Симоновичи. Таким образом, батальон врага перестал существовать.

Против мотоциклистов были выдвинуты эскадрон саперов и части эскадрона связи 32-й кавдивизии, которые неожиданно для врага в конном строю атаковали противника. Но хотя враг и был оттеснен, но он успел все же занять деревни Косюга и Сельцы, что в 6 км южнее Симоновичи. Завязался огневой бой. К 19 часам подошли головные полки 47-й кавдивизии и, развернувшись с фланга, атаковали противника в населенных пунктах Косюга и Сельцы и почти полностью истребили роту мотоциклистов, захватив 30 мотоциклов, много автомобильного и другого имущества и несколько человек пленных.

Из захваченных документов и показаний пленных было установлено, что эти части принадлежат ко 2-й полевой армии немцев, которые проходят здесь главными силами.

Около 22 часов 21 июля командир кавгруппы А.И. Бацкалевич собрал командиров дивизий и отдал следующий приказ:

«В 4 часа 22 июля 47-й кавдивизии атаковать на Новые Дороги и в дальнейшем наступать на Замошье. К исходу дня 22.7 овладеть Замошье и разрушить железную дорогу южнее Замошье.

43-й кавдивизии совместно с 47-й кавдивизией атаковать Старые Дороги и в дальнейшем наступать в направлении Осиповичи. К исходу дня овладеть ст. Осиповичи. Разрушить пути на станции и уничтожить склады.

21-му кавполку наступать на Симоновичи и далее на Корытное и ст. Ясень, где соединиться с остальными полками дивизии.

Штаб кавгруппы будет находиться при 47-й кавдивизии. 43-я и 47-я кавдивизии атаковали в заданных им направлениях и овладели южными окраинами Симоновичи, Новые и Старые Дороги,

вышли на шоссе, где встретили сильное огневое сопротивление противника.

121-й кавполк, действуя в спешном порядке, в рукопашном бою овладел шоссе и южной окраиной Симоновичи. В этом бою отличился сержант полковой школы Журавлев, который в штыковой атаке уничтожил 6 человек фашистов. Со стороны немцев в рукопашном бою участвовали юнкера 64-го юнкерского училища. Тов. Журавлев в этом бою пал смертью героя. Около 14 часов 121-й кавполк был атакован со стороны Заволочицы мотопехотой с танками и вынужден был начать отход лесами в направлении Глуск.

43-я и 47-я кавдивизии продолжали вести огневой бой, продвижение затормозилось.

К вечеру 22 июля начальник штаба группы т. Глинский усилиями разведки собрал следующие данные о противнике:

Глуск занят мотопехотой противника силою до пехотного полка. Со стороны Глуска по шоссе движение мотоколонны пехоты противника, в 20 часов головной переправлялись через р. Оресса, с Уречья в направлении Любань в движении колонна пехоты до двух полков.

Таким образом, противник подбрасывал свежие силы для борьбы с нашей кавгруппой.

Все попытки 43-й и 47-й кавдивизий овладеть Нов. и Стар. Дорогами успеха не имели.

В дальнейшем вести здесь бой было нецелесообразно, так как продолжение боя ничего не давало, кроме потерь.

Поэтому командир кавгруппы решил с наступлением темноты прекратить бой и быстро оторваться от противника и выйти в леса в район Положевичи, произвести перегруппировку и с рассветом 23 июля ударом на Уречье прорваться и дальше наступать на Осиповичи и далее выполнять задачу, поставленную Ставкой Верховного Главнокомандования.

Во время перегруппировки один кавполк 47-й кавдивизии ночью ворвался в дер. Пасека и разгромил там штаб полка противника. У убитого офицера было обнаружено донесение, что в тыл немецких войск прорвалось 100 000 казаков.

«У страха велики глаза». С утра 23 июля кавгруппа подверглась налету авиации противника, и около 8 часов противник силами до двух полков пехоты с танками начал наступление на Пасеку и до одного полка на Положевичи.

В течение 23 и 24 июля 43 и 47-я кавдивизии вели тяжелые бои, постепенно отходя лесами в южном направлении. Накопилось много раненых.

Три кавполка (86-й, 65-й и 153-й) 32-й кавдивизии под командованием полковника Шевченко (с которым связь была потеряна) с рассветом 22 июля атаковали и овладели ст. Ясень и ст. Татарка, разрушили станционные пути и склады. Несмотря на неоднократные попытки противника выбить наши части, кавалеристы удерживали этот район до 24 июля. Части кавалерии несли большие потери от авиации противника, и только во второй половине дня 24 июля под давлением превосходных сил противника и подошедшего со стороны Осиповичи бронепоезда вынуждены были отойти в леса южнее Ясень. В этих боях смертью героев погибли командир 86-го кавполка полковник Шевченко, командир 65-го кавполка подполковник Козарез.

В последующем остатки трех полков разбились на две группы, одна осталась в лесах в районе Осиповичи и превратились в конный партизанский отряд под командованием сержанта Тихомирова.

Вот что написано в книге «Партизанская хроника» о действиях этого конного партизанского отряда.

«Тихомиров, младший командир Красной Армии, попал в окружение, долго метался вдоль прифронтовой полосы, но нигде ему не удалось прорваться к своим. Тогда он с группой конников остался в белорусских лесах и начал партизанскую борьбу. Подчас тяжело было кавалеристам воевать в топких лесах, да еще тяжелее было отказаться от коня. Тихомиров вихрем налетал со своими партизанами на небольшие гарнизоны противника. Так, актом 1942 года он напал на гарнизон в местечке Пуховичи. Партизаны выполняли приказ командира: беречь в бою не только свою лошадь, но и лошадь противника. После боя они увели немало коней. Толстых бесхвостых немецких лошадей Тихомиров обменивал в деревнях

на местных, более легких. Его отряд быстро рос, вскоре он уже насчитывал около ста пятидесяти всадников. Отряд уничтожил сотни оккупантов. Конные разведчики сообщали о продвижениях реквизиционных отрядов врага, и Тихомиров с отрядом внезапно нападал на них. Всякий раз, узнав про подготовку оккупантов к проведению карательной экспедиции, его отряд за ночь проделывал по несколько десятков километров, и противник терял следы, а в это время партизаны Тихомирова оставляли лошадей под прикрытием, залегали возле шоссе в засаде, ожидали подхода немцев. По шоссе шли гитлеровцы и везли орудия. Фашистов мы списали, а пушки взяли с собой. Снаряды тоже прихватили...»¹

Много на счету конного партизанского отряда тов. Тихомирова подорванных немецких эшелонов, разгромленных гарнизонов, уничтоженных складов и др. Славен боевой путь этого партизанского отряда, созданного в основном из конников 32-й кавдивизии.

Вторая группа прорвалась на юг, к утру 25 июля кавгруппа в составе 43-й и 47-й кавдивизий и одного кавполка (121-го) 32-й кавдивизии вышла в район Медухов и с 15 часов под сильным минометным и артиллерийским огнем вброд форсировала реку Птичь на участке Нумер, Бубновка.

С боем прорвалась через железную дорогу и сосредоточились в районе Волосовичи, Озаричи и поступила в распоряжение командующего 21-й армии.

После включения кавгруппы в состав 21-й армии командарм В.И. Кузнецов подробно разобрался с действиями и состоянием кавгруппы и 29 июля 1941 г. послал начальнику Генерального штаба Красной Армии обстоятельное донесение о положении дел в кавгруппе. Он писал:

«1. Кавгруппа была своевременно сосредоточена и выдвинута для выполнения задачи, поставленной Ставкой. В первый день продвижения была обнаружена авиацией противника, а в последующие дни в районе действий кавгруппы на шоссе Бобруйск, Слуцк появились крупные моточасти противника, которые во вза-

¹ Ваутиасов С.А.. Партизанская хроника. М., 1961. С. 159—160.

имодействии с авиацией и танками отразили все попытки конницы пробиться вперед через шоссе на Могилев.

2. Бацкалевич, не имея особого штаба кавгруппы, в первые дни боев часто терял управление...

Дивизии было указано действовать в направлении Могилев самостоятельно. В результате боя кавдивизии с рассветом подходили к шоссе, атаковали противника, уничтожили мелкие группы, но в последующем, будучи сами атакованы крупными моточастями, отошли назад.

3. Я помогал группе своей малочисленной авиацией и группами партизан. Других средств не имею.

4. В данное время группа, по донесению Бацкалевича, находится в 20 км южнее и юго-западнее Глуск, причем боеприпасов имеется недостаточное количество, терпит затруднения в снабжении фуражом. Имеется 200 человек раненых. Конский состав переутомлен. Бацкалевич продолжил выполнять прежнюю задачу.

5. Я лично в этой обстановке на успех нашей группы не рассчитываю.

6. Мною отдан приказ командиру 66-го стрелкового корпуса о снабжении конной группы боеприпасами и продовольствием и о вывозе из группы раненых. Кроме того через 68-й стрелковый корпус передано Бацкалевичу приказание в чем он нуждается для усиления. Бацкалевич доносит, что обозы являются обузой и часть из них потеряна. Просит выюки, которые дать ему немедленно не могу.

Прошу разрешить выделить отдельные эскадроны и бросить в прежнем направлении, они мало заметны и прорвутся. Конная группа, раз она обнаружена, будет топтаться. Если же направить всю группу по прежнему направлению, необходимо ее усиление ВВС, которых не имею.

ВВС фронта, помогая группе, понесли крупные потери.

Кузнецов».

Донесение В.И. Кузнецова было, безусловно, объективное, хотя и неполное, а предложение правильное в этих условиях.

В конце июля в командование группой вступил комбриг А.Б. Борисов.

В составе 21-й армии кавгруппа вела бои сначала в Полесье, а с отходом в район Лоева на восточный берег Днепра. На этом закончилось ее участие в Смоленском сражении.

В августе кавгруппа вела бои в окружении и по тылам противника и только 6 октября 1941 г. в районе Зенаков под командованием генерал-майора Сидельникова вышла на 5-й кавалерийский корпус генерала Комкова. Вот таков был путь кавгруппы.

Какой вывод следует сделать по действиям кавгруппы?

С самого начала создания кавгруппы она была поставлена в сложные условия, не была обеспечена достаточными средствами связи и не создана штабная группа для управления. Неправильная была ориентировка группы. О том, что она будет действовать в оперативной пустоте, а фактически рейд начался в тот момент, когда с запада, с Барановичей на Слуцк, Бобруйск выдвигались соединения 2-й полевой немецкой армии. Допущена крупная ошибка в том, что кавгруппа пошла в рейд с утра 20 июля и была сразу же замечена авиацией противника и бомбилась, в то время как нужно было двигаться ночами и к первым объектам действий подойти незаметно.

Несмотря на то, что кавгруппа не смогла прорваться глубоко в тыл 2-й танковой армии Гудериана, ее выход на шоссе Бобруйск, Слуцк, овладение Глуском, удар по станции Ясень и трехдневные бои на участке Симоновичи, Стар. Дороги вызвали большое беспокойство у командующего 2-й танковой группой Гудериана, который в своих воспоминаниях пишет: «На шоссе у Бобруйска появилась кавалерия противника»¹.

Появление кавгруппы на участке Бобруйск, Слуцк вызвало беспокойство и у начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера, он три раза возвращается к этому вопросу; вот что он записал в свой дневник о действиях нашей конницы:

«На фронте группы армий “Центр” русская кавалерия все еще действует в тылу правого крыла группы армий и, видимо, даже

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 173.

разрушила железную дорогу, идущую на Бобруйск. Принять оборонительные меры»¹.

Вторая выдержка из этого дневника:

«На южном фланге группы армий в нашем тылу действует, очевидно, кавалерийский корпус противника в составе трех дивизий»².
И третья выдержка:

«Кавалерийский корпус противника все еще действует в тылу группы армий «Центр»»³.

Очень большое беспокойство появление в тылу «ста тысяч казачков» вызвало у командования группы армий «Центр», которое вынуждено было несколько задержать выдвижение 2-й полевой армии в могилевском направлении и даже развернуть несколько соединений на фронте Слуцк, Бобруйск, чтобы не допустить глубокого проникновения в тыл нашей конницы.

Вот какой переполох наделала наша конница. Хотя кавалерийская группа не выполнила полностью свою задачу по глубине, но своим недлительным рейдом в направлении на Бобруйск, Осиповичи задержала на некоторое время выдвижение 2-й полевой армии, что позволило командующему Западным фронтом выиграть некоторое время для перегруппировки и подтягивания резервов и стабилизации положения на смоленском и могилевском направлениях.

Одновременно кавгруппа, оттянув на себя часть сил из района Рогачева, позволила 21-й армии и, в частности, 63-му стрелковому корпусу под командованием генерала Петровского Л.Г., начать наступление и овладеть г. Рогачев, Жлобин и отбросить немцев под Бобруйск.

Я, как заместитель и как командующий войсками Западного фронта, был заинтересован действиями кавалерийской группы, которая в интересах Западного фронта действовала на тылах врага во время знаменитого Смоленского сражения, поэтому и следует сказать доброе слово о действиях конницы.

¹ Дневник Гальдера. С. 189.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 198.

Я, конечно, не мог тогда быть в районе действий конницы и пишу о ее делах по документам и по рассказам непосредственных участников рейда, причем делал я это с большой перепроверкой с тем, чтобы объективно и более правдиво описать подготовку рейда и боевые действия кавгруппы.

Значительную помощь в сборе материалов и розыске участников боев оказал мне полковник Терещенко Никита Ефимович, за что и приношу ему искреннюю благодарность. Мне также помогли осветить подготовку рейда и динамику боя конницы, действовавшей в рейде, т. Сидельников, командиры дивизий и начальник штаба 32-й кавдивизии — он и исполнял обязанности начальника штаба кавгруппы, впоследствии генерал-лейтенант в отставке Глинский Михаил Иосифович, он наиболее активно помогал мне, за что я ему весьма признателен.

М.И. Глинский родился в 1901 г. в Бобруйском районе Белоруссии. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с 1919 г. В Красную Армию вступил добровольно в 1919 г. и последовательно занимал должности командира взвода, командира эскадрона, командира полка, начальника штаба дивизии, командира дивизии, командира корпуса, помощника командующего округом по боевой подготовке и другие, это способный генерал.

Глава восьмая

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ СМОЛЕНСКА

Прежде чем начать рассказ о боях в районе Смоленска, остановлюсь на трудностях 16-й армии с переброской ее с востока на запад и переброской ее с фронта на фронт. Это показывает сложность того периода и неясности обстановки для Верховного командования.

Армия во время своей переброски из Забайкалья попала в такие условия, когда она, еще будучи в пути, или уже приступала к разгрузке головных частей в указанном ей районе сосредоточения, как получала новый приказ о повороте армии на другое направление. Те войска, которые были еще на колесах, не разгруженные

из эшелонов, перенацеливались на новое направление, а те, которые уже успели разгрузиться, снова погружались в эшелоны и направлялись в новые районы сосредоточения. Теперь уже те войска, которые были головными эшелонами, оставались в хвосте. Такое перенацеливание армии привело в конце концов к тому, что она в последнем пункте своего сосредоточения в районе Смоленска оказалась в неполном составе, к тому же в распоряжение Западного фронта она прибывала частями.

16-я армия прибывала разорванно, т.е. прибывала «хвостом», а не «головой». Поэтому штаб фронта вынужден был соединения 16-й армии, прибывшие в первых эшелонах, переподчинять 20-й армии.

Когда из-под Рудни я перемещал свой КП в район сосредоточения 16-й армии, то на рубеже Куприно, Каспля пересек боевые порядки 152-й стрелковой дивизии, ее части занимали рубеж для обороны.

На КП дивизии меня встретил командир 152-й стрелковой дивизии полковник П.Н. Чернышев. Он четко доложил мне обстановку и показал на карте рубеж обороны, который занимали части дивизии по приказу армии, при этом он подчеркнул, что сейчас ведется интенсивная работа по укреплению рубежа обороны. Я положительно отозвался о выборе рубежа обороны и о тех мероприятиях, которые проводили части по укреплению обороны, и дал указание о том, как нужно вести борьбу с танками противника.

Полковник Чернышев произвел на меня хорошее впечатление. Он грамотно доложил мне обстановку, в нем просматривалась высокая дисциплина и большая воля к победе. После беседы с ним я позвонил по телефону в штаб 16-й армии и переговорил с начальником штаба полковником М.А. Шалиным, который доложил мне, что у него есть срочный пакет на мое имя от маршала Тимошенко, он спрашивал меня, куда направить пакет. Я ответил: «Никуда не отправляйте, я сейчас приеду на КП армии, и там передадите его мне». КП находился севернее Каспля 8—10 км. При отъезде я пожелал т. Чернышеву боевых успехов. Делегат связи штаба 16-й армии при 152-й стрелковой дивизии проводил меня на командный пункт 16-й армии, который размещался в рай-

оне совхоза Жуковка, что в 12 км севернее Смоленска. Место для КП было выбрано очень удачное — небольшой лесок не привлекал внимания авиации противника; возвышенность этого пункта над окружающей местностью позволяла вести далекий обзор в западном направлении и хорошо просматривать магистральную дорогу Минск — Москва.

На КП встретили меня командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин, член Военного совета генерал-майор А.А. Лобачев и начальник штаба полковник М.А. Шалин, который, представляясь мне, вручил пакет от маршала Тимошенко; я тут же вскрыл его и прочел вложенную в него записку. Вот что говорилось в ней:

«Тов. Еременко А.И.! Штаб фронта переходит из Гнездово в район Ярцево. Вам надлежит оставаться в районе Смоленска для руководства и увязки боевых действий 16, 20 и 19-й армий и оказывать им помощь. Тимошенко».

В связи с этими указаниями я принял решение организовать свой КП вблизи командного пункта 16-й армии с тем, чтобы техническими средствами связи пользоваться через штаб армии. На моем КП находились все те же лица (порученец, адъютант, два офицера из оперативного управления, один из разведотдела, один связист и несколько связных мотоциклистов). У нас было всего две машины М-1. На одной ездил я с адъютантом, а на другой — офицеры. Для выездов офицеров армии и дивизии использовались мотоциклы с колясками, и их было у нас три.

После этого организационного момента с моим КП я попросил Лукина доложить мне о состоянии 16-й армии и боевую обстановку на ее участке. (По решению Ставки 16-я армия сосредоточивалась во второй эшелон Западного фронта, в район Смоленска, но обстановка сложилась так к моменту ее прибытия, что она оказалась в первом эшелоне.)

Мы зашли в штаб-автобус, хорошо оборудованный для работы, Лукин развернул оперативную, чисто отработанную карту и в присутствии члена Военного совета, начальника штаба армии доложил мне следующее: «16-я армия была сильной армией, хотя и не была полностью укомплектована по штатам военного времени,

но не в этом беда, а беда в том, что она несколько раз перенацеливалась, назначались ей все новые районы для развертывания; последним районом был район Смоленска, куда мы и прибыли, но прибытие было необычным, войска прибывали, а штаб в это время был на другом направлении. Поэтому по мере сосредоточения войск 16-й армии они передавались в другие армии, в частности, 5-й механизированный корпус и 57-я танковая дивизия были переданы в 20-ю армию. В составе 16-й армии остались только 46-я и 152-я стрелковые дивизии и мотострелковый полк 57-й отдельной танковой дивизии.

152-я стрелковая дивизия заняла рубеж обороны Каспля, Возмище, Буда, Куприно, ст. Катынь, Горохово, 46-я стрелковая дивизия сосредоточилась в районе ст. Корявино, Вейно, Колотовино, северо-восточнее гор. Смоленска. Для противодействия рвавшимся из Витебска на Демидов танкам противника на рубеж Воскресенское, Даманово, Аполье, оседлавшие все дороги, идущие с северо-запада и с севера в направлении на Смоленск, был выдвинут отряд в составе: стрелковый батальон, две саперные роты, дивизион 76-мм пушек, дивизион 107-мм пушек, две батареи противотанкового дивизиона.

13 июля, — продолжал Лукин, — разведывательный батальон этого отряда под командованием капитана Горохова подошел к восточной окраине Демидова, но огнем артиллерии и минометов был остановлен и в город проникнуть не мог. В помощь ему был выдвинут 314-й стрелковый полк, командир полка которого объединил все части 46-й стрелковой дивизии, выдвинутые под Демидов. Но и они не смогли овладеть Демидовом. Тогда в помощь ему на машинах были посланы: 1-й батальон 646-го стрелкового полка, батарея полковых пушек, 1130-й отдельный противотанковый дивизион и рота Т-26. Отряд возглавил командир батальона капитан Мосин.

Отряд к рассвету 14 июля достиг опушки леса, что в двух километрах южнее Демидова. Капитан Мосин организовал разведку боем и вместе с 314-м стрелковым полком 46-й стрелковой дивизии пытался войти в деревню, что в одном километре от Демидова.

Но противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь и пустил в ход авиацию, отбил нашу атаку. После этого ка-

питан Мосин решил атаковать противника с запада, атаку провести в ночь на 15 июля, до рассвета действовать без выстрела, о чем предупредил командира 314-го стрелкового полка, который по сигналу красных ракет должен открыть огонь и наступить с востока, отвлекая противника на себя. Всем в отряде было приказано на левый рукав повязать белую повязку, для опознавания своих. Ночная атака удалась, отряд капитана Мосина и подразделения 314-го стрелкового полка ворвались в деревню и уничтожили 70 солдат противника, 30 чел. взято в плен, три пулемета, много автоматов и штабной автомобиль». На этом и закончил свой доклад Лукин, сказав в заключение:

«Товарищ заместитель Главнокомандующего Западным направлением, нас особенно беспокоит то, что противник вышел на наши тылы и прервал коммуникации, что затрудняет как приток резервов, так и снабжение войск. Просим ликвидировать противника в нашем тылу, так как в армии для этого войск нет».

После этого я пошел на свой пункт управления (в палатку, которую поставили для нас), там я составил и послал главкому Западного направления донесение, в котором коротко изложил обстановку на участках 20-й, 16-й и 19-й армий, просил усилить резервами 16-ю армию. Кроме этого сообщил свое намерение: три дивизии 19-й армии передать 16-й армии, а командование и штаб армии срочно перебросить в район севернее Ярцева для того, чтобы возглавить там отошедшие туда части 16-й и 19-й армий и прибывающие резервы с задачей остановить продвижение противника на этом направлении.

Находясь в районе КП 16-й армии, я получил возможность близко познакомиться с этой замечательной армией, сыгравшей существенную роль в обороне Смоленска, и прежде всего с ее командиром, Михаилом Федоровичем Лукиным. Ему было за пятьдесят. Открытый взгляд, выразительное волевое лицо. Трудолюбивым, тягой к знаниям, а также незаурядной храбростью зарекомендовал он себя еще в первую мировую войну, когда ему было присвоено офицерское звание и доверено командование ротой. В период Гражданской войны он сражался в рядах Красной Армии. В мирные годы занимал должности начальника Управления

кадров РККА, военного коменданта Москвы, начальника штаба Сибирского военного округа.

16-я армия была сформирована в Забайкалье летом 1940 г. Здесь она прошла хорошую закалку, так как дислоцировалась в очень суровых условиях. Ее первым командующим стал М.Ф. Лукин.

В самом конце мая 1941 г. армия получила приказ передислоцироваться в новый район. Первоначальным место назначения было Закавказье близ иракской границы, однако еще в пути следования произошли изменения, и армия повернула на другое направление, а затем она передислоцировалась в Киевский особый военный округ. Пунктами дислокации соединений армии были назначены Житомир, Винница, Бердичев, Проскуров, Шепетовка, Изяслав, Староконстантинов.

Командарм 16-й прибыл в десятых числах июня в Киев к командующему войсками Киевского особого военного округа генерал-полковнику М.П. Кирпоносу. Здесь состоялся обмен мнениями по поводу обстановки на западе. Оба считали, что война неизбежна.

М.П. Кирпонос в телефонном разговоре с Москвой просил разрешения занять укрепленные районы и сосредоточить войска округа согласно плану прикрытия государственной границы, а также вернуть с полигонов соединения, артиллерию, часть связи и саперов. Однако получил решительный отказ и заверения, что никакой войны не будет. Когда же неделей позже поступал приказ о движении войск округа к границе, то им пришлось уходить без достаточного количества боеприпасов, забирая с собой учебное и мелкокалиберное оружие, учебные пособия, сейфы, лагерное имущество и т.п., а боеприпасы остались на местах прежней дислокации. Командиры частей и соединений не были ориентированы в обстановке. Когда же началась война, части и соединения округа вынуждены были направить свои скудные транспортные средства (они были в штатах мирного времени) за патронами и снарядами, за остальным боевым имуществом на зимние квартиры.

К началу войны, когда враг был в непосредственной близости, передовые части и соединения 16-й армии — 5-й механизированный корпус (около 1300 танков), отдельная танковая бригада (300 танков), 32-й стрелковый корпус — начали сосредотачивать-

ся в указанных выше районах. Командарма 16-го войска застала в Виннице. Днем 22 июня командир корпуса принес ему приказ наркома обороны, в котором говорилось: «Немцы провоцируют нас на войну. Сегодня утром бомбили наши города, в ряде мест перешли нашу границу, приказываю: зарвавшегося противника выбить с нашей территории, границу не переходить».

В последних числах июня от прибывшего на Украину начальника Генерального штаба Красной Армии генерала армии Г.К. Жукова был получен приказ (16-я армия находилась в распоряжении Ставки) такого содержания: противник быстро продвигается на Ленинград и Москву. В г. Ровно в окружении сражаются два корпуса — механизированный и стрелковый, состояние их неизвестно. Задача 16-й армии: закончив сосредоточение, двигаться на запад через Шепетовку, Острог, Ровно и далее. Из Владимир-Волынска двинется с той же задачей 9-й механизированный корпус и еще одно соединение южнее 16-й армии...

Генералу Лукину, однако, вскоре стало известно, что части его армии грузятся вновь. Ставка, минуя штаб 16-й армии, дала указания тем частям, которые уже прибыли в район сосредоточения, погрузиться вновь, в эшелоны, которые были в пути, повернуть в другом направлении. В это время погрузка войск шла уже полным ходом. Лукин очень жалел, что Ставка не вовремя вмешалась, и ему не удалось начать выполнение предыдущего приказа. Возможно, что хорошо вооруженная, укомплектованная сибиряками 16-я армия, имея 1600 танков, стрелковый корпус, механизированный корпус, хотя и малочисленный, и еще одно соединение южнее, встречая и собирая на своем пути потрепанные авиацией и танками противника наши части, сумела бы нанести серьезный урон противнику.

Командир 109-й моторизованной дивизии донес, что неприятель сильными мотомехчастями занял г. Острог (20 км западнее Шепетовки) и ведет наступление на Шепетовку. Лукин приказал выбить противника из Остроума и одновременно безуспешно пытался связаться с командующим фронтом И.П. Кирпоносом. Наконец удается установить связь с заместителем командующего генерал-лейтенантом В.Ф. Яковлевым, который находился в Кие-

ве. Командарм доложил обстановку. Яковлев ответил, что захват противником Шепетовки оставит войска фронта без боеприпасов.

109-я мотострелковая дивизия вела упорные бои с превосходящими силами противника, неся огромные потери. Командиры полков и командир дивизии лично водили свои части в контратаки. Командир дивизии был тяжело ранен, в командование вступил его заместитель. Командарм лично выехал в дивизию, в период особенно напряженных боев командовал ею. В это время через Шепетовку походным порядком проходила второочередная только что отобилизованная стрелковая дивизия, которая направлялась в 5-ю армию, но местоположения 5-й армии никто не знал. Командарм подчинил эту дивизию себе, поставив задачу оборонять Шепетовку. Положение на некоторое время стало менее напряженным: налицо были две дивизии, кроме того, командиры импровизированного штаба доложили, что в лесу севернее Шепетовки собираются выходящие из окружения наши части и что уже собрано около двух полков пехоты из разных частей и до трех дивизионов артиллерии.

Лукин организовал их в части и соединения, недостающих командиров назначил из числа офицеров запаса, находящихся на станции Шепетовка. Таким образом, имелась уже армия, правда, несколоченная, но это уже были готовые войсковые части и подразделения со всеми присущими им атрибутами. У командарма не было штаба, средств связи, шифра, кода, его командный пункт располагался в кабинете начальника станции Шепетовка. Связь с войсками осуществлялась по железнодорожным и обычным проводам. Штаб состоял из только что мобилизованных командиров, которые на автомашинах непрерывно бывали в частях. Лукин через них управлял своей «армией».

Командарм 16-й фактически становится уже не командармом, а командующим оперативной группы, которая фигурировала в сводках фронта и Ставки как оперативная группа генерал-лейтенанта Лукина.

Командир оперативной группы держал связь с генерал-лейтенантом Яковлевым и требовал средств связи, шифр, код, людей и офицера, способного возглавить штаб оперативной

группы. После одного особенно ожесточенного боя, когда на неоднократные атаки противника оперативная группа ответила контратаками, враг понес очень большие потери в людях и технике. Наши потери были тоже весьма ощутимы. Так, из двух танковых полков осталось немногим более одного, но особенно велики были потери офицерского состава. За 5—6 дней боев были почти все командиры рот, три четверти командиров батальонов, пять командиров полков и один командир дивизии. Части быстро укомплектовывались мобилизованными офицерами. Хуже обстояло дело с сержантским составом: его укомплектовали из числа рядовых.

Атаки противника приостановились. Надо было собраться с мыслями, оценить обстановку, разобраться, сколько времени войска еще могут продержаться, что будет, если противник усилится.

В последующие два дня противник снова перешел в наступление, введя свежие силы, и несколько оттеснил части опергруппы. Так как фланги оперативной группы были открыты, генерал-лейтенант Лукин создал четыре мотоотряда, силой до батальона пехоты, 2—3 батареи артиллерии, 15—20 танков. Эти отряды сыграли роль подвижных резервов, которые не позволили противнику обойти фланги и зайти в тыл опергруппы. Зная, что западнее Шепетовки есть укрепленный район, генерал-лейтенант Лукин с самого начала обороны Шепетовки пытался связаться с частями укрепленного района, но оказалось, что огневые точки разоружены. Все же, когда обескровленные отходящие части опергруппы заняли огневые точки укрепленного района, они в течение нескольких суток отражали бешеные атаки противника и наносили врагу большой урон в живой силе и технике.

Противник подбрасывал на Шепетовское направление все новые части, а опергруппа таяла с каждым днем, не имея возможности пополнить свои войска. Генерал-лейтенант Лукин доложил командующему фронтом, что ни отвага, ни самопожертвование войск не смогут дольше удерживать шепетовский узел, если не будет дано сильное подкрепление. Наконец было получено сообщение, что прибывает 7-й стрелковый корпус из Днепропетровска под командованием генерал-майора Добросердова, который при-

нял командование этим боевым участком, а Лукину было приказано отправиться в 16-ю армию.

Генерал Лукин прибыл в Смоленск 5 июля и нашел здесь только две стрелковые дивизии своей армии — 46-ю и 152-ю, все остальные соединения армии были переданы в 20-ю армию.

Членом Военного совета 16-й армии был бригадный комиссар А.А. Лобачев, опытный и хорошо подготовленный политработник, прошедший в Красной Армии немалый путь. Начальником штаба — полковник М.А. Шалин, участник Гражданской войны, в мирное время получивший академическое образование и накопивший ценный опыт штабной работы. Под Смоленском Шалин оказался первым из командования армии, а поэтому неплохо знал обстановку.

Когда я прибыл в 16-ю армию, ее дивизии располагались (как уже было сказано выше) следующим образом: 152-я находилась на рубеже перекресток дорог Орша — Витебск, р. Каспля, ст. Гусино. Дивизия в основном состояла из уральцев и была сколоченным и боеспособным соединением. Ее командир полковник Петр Николаевич Чернышев, старый командир-коммунист, участник Гражданской войны, показал себя волевым, умеющим быстро оценить обстановку командиром¹.

Чернышева хорошо характеризовал следующий эпизод. Незадолго до отправки армии из Забайкалья он был назначен на солидную должность в управление округа, но когда узнал, что дивизия едет на новое место, возможно для участия в боях, он добился, чтобы его возвратили на прежнюю должность.

¹ Петр Николаевич Чернышев родился в 1901 г. в г. Могилев. В Красной Армии с 1920 г., тогда же вступил в партию. Участвовал в боях против немецких оккупантов в 1918 г., в подавлении Кронштадтского мятежа в 1921 г., в борьбе с бандитизмом в Витебской губернии, Ставропольской, Терской и Чеченской областях в 1922—1925 гг., в должности командира взвода и роты. Окончил командные курсы в 1923 г., курсы «Выстрел» — в 1929 г. В годы Великой Отечественной войны командовал 152-й, 18-й стрелковыми дивизиями на Западном фронте, 239-й и 382-й стрелковыми дивизиями на Волховском фронте, 17-й гвардейской стрелковой дивизией.

Особое удовлетворение вызывало то, что дивизия за короткие дни пребывания на своем участке сумела хорошо подготовить его в инженерном отношении, обеспечить танкоопасные направления.

46-я стрелковая дивизия обороняла рубеж Холм, Сыр, Липки. Командовал дивизией генерал-майор А.А. Филатов¹.

В беседе с товарищами я поделился своим опытом организации боя и взаимодействия, в частности, порекомендовал создавать подвижные отряды типа действовавшего под Городком на участке 22-й армии. В такие отряды должны были входить стрелковые подразделения, артиллеристы, танки или бронемашины, минометчики. При слабости нашей обороны и отсутствии эшелонирования такой метод укреплял оборону и позволял предпринимать короткие контратаки. В свою очередь, генерал Лукин поделился своим опытом, полученным под Шепетовкой. Он, в частности, считал очень важным подчинение себе тех сил, которые разрозненными группами выходили из окружения.

Перед описанием боевых действий в районе Смоленска считаю нужным, хотя бы коротко, осветить общую обстановку, которая сложилась на Западном фронте во время Смоленского сражения, и сказать о тех зловещих замыслах, которые вынашивал в те дни Гитлер и его подручные.

Об этих коварных планах фашистов выболтал начальник Генерального штаба немецкой армии генерал-полковник Гальдер, который, записывая эти планы в свой дневник, конечно, не думал, что этот документ когда-либо попадает в наши руки и станет достоянием широких масс.

Гальдер записал о том, что в 12 часов 30 минут 3 июля 1941 г. (17-й день войны) началось совещание в Ставке Гитлера, на котором присутствовали главнокомандующий сухопутными войсками, начальник Генерального штаба и другие высшие чины гитлеровского вермахта. Многие выступали на этом совещании. Выступил

¹ Александр Алексеевич Филатов родился в 1895 г. В Красной Армии с 1917 г., член КПСС с 1928 г. Участник Гражданской войны. 46-й стрелковой дивизией командовал до января 1946 г. После войны — начальник штаба объединения. Умер в 1956 г.

и Гальдер. Он в своем выступлении, как он пишет в дневнике, сделал оперативную оценку положения немецких войск, на основании чего предложил в качестве ближайшей задачи, в частности, группе армий «Центр» окружить группировку противника (значит, нашу группировку), обороняющую рубежи р. Западная Двина и Днепр, сильными ударами внешних флангов с целью овладения районом Орша, Смоленск, Витебск.

По итогам этого совещания Гальдер записал следующее:

«1) Фюрер считает наиболее “желательным” “идеальным решением” следующее:

Группа армий “Север” должна выполнять задачи, указанные ей в директиве по стратегическому развертыванию, силами, имеющимися в ее распоряжении.

Группа армий “Центр” должна двухсторонним охватом окружить и ликвидировать действующую перед ее фронтом группировку противника и, сломив таким образом последнее организованное сопротивление противника на его растянутом фронте, открыть себе путь на Москву.

После того как обе танковые группы достигнут районов, указанных им в директивах по стратегическому развертыванию, можно будет временно задержать танковую группу Гота (с целью ее использования для оказания поддержки группе армий “Север” или для дальнейшего наступления на восток, но не для атаки на самый город Москву, а для ее окружения). Танковую группу Гудериана, после достижения ею указанного ей района, следует направить в южном или юго-восточном направлении восточнее р. Днепр для поддержки наступления группы армий “Юг”.

2) Непокколебимым решением фюрера является сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которые в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения городов должна выполнить авиация. Ни в коем случае не использовать для этого танки. Это народное бедствие лишит центров не только большевизм, но москвитов вообще.

3) Детали:

а) Фюрер утвердил предложенный план дальнейших операций. При этом была подчеркнута необходимость отрезать Ленинград с востока и юго-востока сильным правым крылом танковой группы. Эта идея является правильной.

б) После уничтожения русской армии в сражении под Смоленском надлежит перерезать железные дороги, идущие к р. Волга, овладеть всей территорией до этой реки, после чего рейдами подвижных соединений и авиации уничтожить оставшиеся русские промышленные центры.

в) Задача постройки зимних барачных лагерей для войск. Войска должны располагаться вне населенных пунктов, чтобы можно было в любой момент произвести бомбардировку населенных пунктов с воздуха, в случае возникновения в них беспорядков»¹.

Я привел здесь выдержку из дневника начальника Генерального штаба немецкой армии генерал-полковника Гальдера, с тем чтобы показать главную суть фашизма, показать его истинное нутро и подчеркнуть ту цель, которую преследовал Гитлер, организуя поход на Советский Союз.

Эта цель ясна, и она заключалась в том, чтобы истребить советский народ, уничтожить Советское государство, а всю нашу территорию до Урала заселить немцами-колонистами.

Все славянские народы и другие неугодные фашистам народы и национальности должны были быть уничтожены, и только люди арийской расы должны жить на земном шаре.

Какими варварами и гнусными людишками выглядят фашисты перед нашим великим народом, народом мужественным и храбрым, весьма одаренным, горячо любящим свою Родину. Наш народ дал миру таких величайших людей, как Ленин, Толстой, Пушкин, Гоголь, Чехов, Горький, Менделеев, Ломоносов, Чайковский, Глинка, Репин, Серов, Айвазовский и многие другие выдающиеся люди.

И вот наш двухсотмиллионный народ, который способен давать миру таких выдающихся людей, подлежал уничтожению по пла-

¹ Дневник Гальдера. С. 51—52.

нам фашистских разбойников. Это же чудовищно, но факт, такой план истребления был. Я его привел здесь.

Эта выдержка, приведенная здесь, очень пришлась к месту, так как злодейский план, приведенный выше, окончательно был сформулирован в начале Смоленского сражения, и выполнение этого плана также связывалось со Смоленским сражением.

Суть дела в том, что в начале войны фашисты, имея большое превосходство в силах и используя фактор внезапности, имели успех. Это вскружило фашистам голову, и они на основании первых успехов сделали неграмотные выводы. Такой вывод — это удел слабоумных людей, фашисты определили, что вопрос полного поражения Страны Советов, по сути дела, уже решен. В связи с этим встал вопрос о планах дальнейших действий вермахта, и вот 8 июля 1941 г. родился этот план. Его идея и замысел ясны: уничтожить Советское государство и истребить население Советского Союза.

Проведение в жизнь этого злодейского плана Гитлер ставил в зависимость от успешного решения оперативно-стратегической задачи, поставленной группе армий «Центр» по уничтожению группировки наших войск в районе Витебск, Орша, Смоленск и Могилев с тем, чтобы открыть себе путь на Москву и приступить в реализации плана — уничтожения Москвы и ее населения. Но эти бредовые замыслы Гитлера провалились с треском.

Смоленское сражение сорвало планы Гитлера, оно стало поперек горла фашистов. Враг был остановлен в Смоленском сражении, несмотря на большое превосходство в силах. Гитлер одержал здесь пиррову победу.

В канун боев за Смоленск 22-я армия отходила на восток под угрозой глубоких фланговых ударов противника. Дальнейшее продвижение 3-й танковой группы врага на велижском направлении и севернее все более отрывало 22-ю армию от левого соседа — 20-й армии. Овладение Велижем и районом севернее Демидова позволило двум танковым дивизиям 3-й танковой группы выйти в тыл войскам 20-й и 16-й армий. 12-я танковая дивизия вклинилась в оборону 69-го стрелкового корпуса 20-й армии, однако усилиями армии прорыв вскоре был закрыт.

В это же время тяжелая обстановка создалась на стыке 20-й и 13-й армий. Танковая группа Гудериана, нанеся здесь удар, прорвала оборону этих армий. Наши части, по которым пришелся удар, отошли и загнули свои фланги. В результате этого между 13-й и 20-й армиями образовался разрыв.

Противник немедленно использовал его и развил наступление в направлении на Горки — Красное.

Правда, 21-я армия в это время несколько продвинулась вперед в направлении Бобруйска.

В этой обстановке по настоянию Ставки был отдан приказ о наступлении. Войска получили задачу: «Отрезать прорвавшегося противника от его тыла на участках Городок — Витебск и Орша — Шклов с закреплением устойчивого фронта. Активными действиями отбросить велижскую группировку и разгромить группировку мехвойск противника в районе Горки, Мстиславль и Шклов»¹.

22-й армии приказывалось нанести удар в направлении Городок — Витебск. 19-я армия должна была овладеть к исходу 16 июля городом Витебском. 20-й армии к этому же сроку надлежало ликвидировать прорыв на фронте Орша — Шклов, а в ночь на 15 июля нанести удар на Горки и отрезать прорвавшиеся туда танковые части противника. Эти действия с рубежа р. Бася должна была поддерживать 13-я армия. Предусматривался ввод в сражение 4-й и 16-й армий, которым предстояло содействовать разгрому горкинской группировки противника. 16-й армии, кроме того, было приказано двумя дивизиями встретить выход противника на дорогу Смоленск — Ярцево.

С утра 15 июля некоторые наши соединения контратаковали противника, однако не добились реального успеха. Лишь 1-я мотострелковая дивизия 20-й армии несколько потеснила 18-ю танковую дивизию в 20 км восточнее Орши. Действия же 69-го стрелкового и 5-го механизированного корпуса оказались безуспешными.

Войска 4-й и 13-й армий, за исключением 61-го стрелкового корпуса, не только не смогли принять участия в контрударе, но, втянутые в тяжелые оборонительные бои на некоторых участках,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 70438. Д. 1. Л. 54—55.

вынуждены были отойти за реки Бася и Сож, где их объединили под общим командованием командующего 13-й армией генерал-лейтенанта В.Ф. Герасименко.

К исходу дня 15 июля противник силами 2-й и 3-й танковых групп и 9-й полевой армии стремился ударами по сходящимся направлениям завершить окружение 20, 19 в 16-й армий, захватить Смоленск и открыть путь на Москву. Для обеспечения этой операции с юга враг наступал на Ельню, Дорогобуж.

19-я армия частью сил отходила на Смоленск, Ярцево, другие ее соединения сосредоточивались восточнее Смоленска. План гитлеровцев разгромить нашу группировку в районе Смоленска имел целью устроить здесь для наших войск новые «Канны». Для этого противник наносил сильные удары с витебского направления танковыми войсками Гота на Духовщину — Ярцево, с юга, с фронта Красное — Горки, в направлении Смоленск — Заборье танковыми частями Гудериана¹.

Оперативное положение наших войск в районе Смоленска было крайне невыгодным, но, несмотря на это, они проявили много смелости, маневренности, упорства и не дали врагу осуществить его замысел.

20-я армия, наиболее укомплектованная и имевшая в наличии все свои соединения, при развертывании вела упорные бои западнее Смоленска с сильно загнутыми флангами.

16-я армия сосредоточивалась в районе Смоленска. К 14 июля туда из ее состава прибыли и вступили в сражение только две дивизии, о которых я уже говорил выше.

К исходу 15 июля 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы противника при сильной поддержке авиации вышла с севера к Ярцево и перерезала шоссе Смоленск — Москва. В тот же район враг выбросил и воздушный десант. Теперь наши войска в районе Смоленска были глубоко охвачены с востока и отрезаны от основной артерии снабжения.

¹ Это и есть тот план, который был принят 8 июля 1941 г. на совещании у Гитлера.

В руках нашего командования в этом районе не имелось каких-либо резервов, чтобы нанести контрудары и укрепить оборону и таким образом предотвратить развитие наступления противника на Смоленск или Вязьму.

16 июля главнокомандующий Западным направлением донес в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное — нет танков»¹.

Закончив свои дела в районе 16-й армии, я направился в Ярцево, еще не зная, что оно находится под угрозой захвата противником, чтобы доложить маршалу Тимошенко о положении дел. Едва я успел проскочить на рассвете 16 июля автостраду, как ее перерезали вражеские танки, наступавшие со стороны Духовщины. Штаб фронта уже перебазировался из Ярцево в район Вязьмы. Я передал донесение с офицером связи, а сам занялся организацией контратаки. Командиру 44-го стрелкового корпуса генерал-майору В.А. Юшкевичу, находившемуся в районе Ярцево (фактически здесь было до трех полков пехоты и столько же артиллерийских полков), была поставлена задача создать оборону на правом берегу р. Вопь. Одновременно были собраны остатки 38-й стрелковой дивизии и других частей в группу под командованием комбрига А.Б. Горбатова, а в районе Смоленска из двух батальонов в нескольких танков создана группа под командованием начальника охраны тыла 20-й армии комбрига П.И. Киселева. Этим группам удалось отбросить врага от автострады.

Ожидать более существенных результатов от действий этих малочисленных частей, наспех вооруженных и сведенных воедино из разрозненных соединений, не приходилось, я запросил у главнокомандующего направлением подкреплений и поручил разрешение ваять 110-ю мотострелковую дивизию, которая направлялась в состав 16-й армии. Кроме того, Резервный фронт выделил нам по приказанию главкома направления еще 69-ю танковую дивизию, но для подхода этих соединений требовалось время, а враг стремился развить достигнутый успех.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 12928. Д. 2. Л. 15.

К исходу 16 июля вражеские танки, ворвавшись в Смоленск с юга, овладели южной частью города. В тот же день 7-я танковая дивизия противника полностью захватила Ярцево.

Теперь 20-я, 19-я и 16-я армии, боевыми действиями которых мне было поручено руководить, были отрезаны от основных коммуникаций и оказались в полуокружении. Связь с тылом можно было поддерживать лишь по лесисто-болотистой местности южнее Ярцево через Соловьево.

110-я мотострелковая и 69-я танковая дивизии получили задачу с рассветом 18 июля нанести удар на Духовщину, разгромить 7-ю танковую дивизию противника и выйти к Смоленску. Эту задачу дивизии не выполнили, так как их действия сковали бомбардировщики. Само собой разумеется, что враг продолжал развивать свой успех.

Захват южной части Смоленска 16 июля 1941 г. был связан с тем, что мы в то время не научились еще организовывать оборону крупных населенных пунктов малыми силами, в частности расположенными в них гарнизонами. В условиях Второй мировой войны при минимальной подготовке города могли быть превращены в прочные опорные пункты, которые нелегко было бы преодолеть противнику, даже с помощью крупных сил авиации, танков и артиллерии.

Наличие в городах каменных сооружений с подвалами, возможность баррикадирования и противотанкового укрепления улиц, особенно в центральных кварталах, где они представляют собой узкие дефиле, и другие подобные мероприятия позволяют сковывать крупные силы врага.

Здесь будет уместно сказать о той большой помощи, которую оказали люди Смоленщины войскам Западного фронта в начальный период войны, и в особенности в дни Смоленского сражения.

И вот какие данные свидетельствуют об этом. «В первые недели войны область дала фронту столько бойцов и командиров, из которых можно было сформировать две армии. Добровольно ушли на фронт 18 тысяч коммунистов и 32 тысячи комсомольцев¹.

¹ Партийный архив Смоленской области. Д. 588. Л. 21—22.

Поголовно почти все население участвовало в строительстве оборонительных сооружений, каждый день на оборонительных работах трудились более 40 тысяч смолян.

«В течение июля—сентября 1941 года в непосредственной близости фронта было создано четыре оборонительных рубежа протяженностью в 1500 километров, построено 83 взлетно-посадочных площадки». Много было построено дотов и дзотов, открыты сотни километров противотанковых рвов и много возведено других сооружений оборонительного значения. Кроме этого следует сказать доброе слово и о том, что партийная организация области во главе с первым секретарем Смоленского обкома Л.М. Поповым проделала значительную работу по эвакуации промышленного оборудования, ценностей, гражданского населения. Неплохо была налажена ПВО в городе, вопросами которой занимался председатель Смоленского городского совета депутатов трудящихся Вахтеров.

Однако, несмотря на эти колоссальные работы оборонительного порядка, непосредственная подготовка к обороне города Смоленска со стороны городских и областных организаций оказалась недостаточной. Это же можно сказать и относительно мер, предпринятых начальником гарнизона полковником Мальшевым, который формировал в городе дивизию, но успел создать лишь слабую бригаду. Причина нашей неудачи заключалась главным образом в том, что люди не имели опыта в обороне городов. Условия, если бы подготовка началась своевременно, позволяли организовать сопротивление врагу, нужно было привлечь силы милиции, войск НКВД, а также рабочих и служащих.

Основной костяк войск, действовавших в районе Смоленска, составляли, как известно, силы 16-й армии (46-я и 152-я стрелковые дивизии). За несколько дней до захвата Смоленска, поскольку левый фланг 152-й стрелковой дивизии был открыт, Лукин сформировал подвижной мотоотряд, один батальон пехоты, две саперные роты, дивизион 76-мм пушек, дивизион 122-мм гаубиц и выдвинул его юго-западнее Смоленска под Красным. Отрядом командовал подполковник П.И. Буняшин, комиссаром был батальонной комиссар И.И. Панченко. На линию Воскресенск — Ополье с целью занятия обороны была направлена бригада полковника Малышева,

состоящая из батальона милиции и трех батальонов добровольцев из Смоленска.

Для проведения рекогносцировки и организации обороны с отрядом Буняшина и бригадой Малышева выехал начальник артиллерии армии генерал-майор Т.Л. Власов.

Отряд Буняшина 9 июля вступил в бой под Красным с мотоциклетным полком 29-й мотодивизии противника. Мотоциклетный полк попал в засаду на походе и почти весь был уничтожен. Были взяты пленные и около 100 мотоциклов. Пленные показали, что им было приказано занять Смоленск и было сказано, что там советских войск нет. Остальные полки этой дивизии вступили в бой северо-западнее Красного с 57-й танковой дивизией. Если бы под Красное не был выдвинут мотоотряд, то мотоциклисты ворвались бы в Смоленск 9 июля, что создало бы угрожающее положение для 16, 20 и 19-й армий. В бою с мотоциклетным полком был убит начальник артиллерии армии генерал-майор Т.Л. Власов.

На правом фланге армии 13 июля 46-я стрелковая дивизия вступила в бой с 7-й танковой дивизией противника и в течение трех суток сдерживала яростные атаки противника, поддержанного очень сильной артиллерией. Дивизия неоднократно переходила в контратаки, в результате этих боев противник понес тяжелые потери, был также разгромлен штаб артиллерии соединения и захвачены важные документы.

С утра 15 июля противник, введя в бой свежие части и большое количество танков, сумел нанести дивизии значительный урон. Бой в течение всего дня происходил внутри оборонительной полосы. В ночь с 15 на 16 июля 46-я дивизия оставила Демидов.

Бригада Малышева, отряд Буняшина и левофланговые части 152-й стрелковой дивизии до 15 июля вели непрерывные бои с наседающим противником. 15 июля противником было занято Красное. Измученные боями, сильно поредевшие подразделения Малышева и Буняшина отошли к Смоленску.

В ночь с 15 на 16 июля враг быстро смял эти слабые части и на плечах ворвался в южную часть Смоленска. Полковник Малышев взорвал мосты через Днепр в городе. В то время Малышева все ругали за самовольный взрыв мостов. Оценивая обстановку теперь,

20 с лишним лет спустя, я считаю, что Малышев оказал огромную услугу 16-й, 20-й и 19-й армиям, ибо тогда не было в резерве ни одной роты для обороны мостов.

Неприятель, заняв Демидов, двигался на Ярцево и Соловьевскую переправу через Днепр, впоследствии получившую известность на Западном фронте. Из Смоленска на восток, по линии железной дороги Смоленск — Москва, южнее этой дороги и на северо-восток по шоссе Москва — Минск не было никаких частей, которые могли бы помешать противнику переправиться через р. Днепр и двигаться в любом направлении, создавая опасную обстановку для трех армий фронта.

О занятии противником южной части Смоленска Лукин узнал в 1.30 16 июля от заместителя начальника политотдела армии, посланного в Смоленск с группой офицеров штаба для мобилизации населения на постройку противотанковых препятствий.

Лукин с членом Военного совета армии Лобачевым сразу же выехал к мосту на р. Днепр в Смоленске. В городе, по его словам, стояла зловещая тишина, но стоило им подъехать ближе к реке на машинах, как срезу заговорило несколько пулеметов. С трудом разыскали подразделения Малышева и Буянишина, люди которых, измученные до последнего предела, спали мертвым сном. Был отдан приказ срочно занять дома по берегу реки и открыть огонь, чтобы показать противнику, что противоположный берег занят нами.

46-й стрелковой дивизии приказано было срочно перейти на левый фланг, оседлать железную дорогу Смоленск — Москва. На ее участок отходили соединения 19-й армии, о чем имелась договоренность с Коневым. Как мне рассказывал недавно Лукин, организуя из имеющихся подразделений оборону реки, они с Лобачевым сели на бугорок у ответвления дороги на Смоленск от шоссе Москва — Минск и задумались, что делать дальше, где взять хотя бы один стрелковый и один артиллерийский полки. 46-я стрелковая дивизия перебрасывалась на важное направление, у нее взять нельзя, 152-я стрелковая дивизия вела бои с наседающим противником. В резерве не было ничего. Штаб армии и тылы? Но из них уже сформирован отряд и отправлен под Ярцево.

И, как бывает в сказке, в нужное время вдруг появляется спасение. Точно так случилось и на этот раз. Лукин увидел перед собой стройного, выше среднего роста, красивого bruneta в форме генерал-майора, доложившего, что он командир 129-й стрелковой дивизии Городнянский. Его дивизия стягивалась в небольшой лес, в 1 км от развилки дорог в составе двух стрелковых и одного артиллерийского полков. Эта дивизия входила в 19-ю армию, которая, после ожесточенных боев за Витебск, отходила на восток.

Генерал Городнянский, выслушав Лукина, обрисовавшего создавшуюся обстановку, сказал:

— Приказывайте.

Дивизия получила задачу занять оборону города Смоленска по р. Днепр.

В то время, когда проходили эти неприятные для нас события в районе Смоленска, я находился на участке 20-й армии, где подводил итог испытания «эрезсов» и составлял донесение Верховному Главнокомандующему.

Примерно в 8 часов направлонец 16-й армии доложил мне о том, что утром 16 июля враг ворвался в южную часть Смоленска. Я сразу же выехал на свой КП в район совхоза Жуковка. Здесь уже ожидал меня начальник штаба 16-й армии полковник Шалин, чтобы доложить мне обстановку в районе Смоленска. Вот что он доложил мне:

«Рано утром, примерно в 5—6 часов 16 июля моторизованные части врага ворвались в южную часть города Смоленска, дальнейшее продвижение врага задержано тем, что своевременно был взорван мост через р. Днепр в гор. Смоленске с вводом в бой 129-й стрелковой дивизии 19-й армии и которую генерал-лейтенант Лукин по собственной инициативе подчинил себе и поставил ей задачу выбить противника из Смоленска.

Лукин и член Военного совета Лобачев находятся в районе Смоленска».

Обстановка была пренеприятнейшая, но действия 16-й армии были правильные, сказал я Шалину.

После уяснения обстановки я здесь же отдал следующий приказ:

«Командующим 19-й и 16-й армий.

Копия: командарму 20 и НШ фронта.

Противник утром 16 июля ворвался в южную часть гор. Смоленска, он пытается форсировать р. Днепр и захватить весь город Смоленск.

Решил уничтожить врага, ворвавшегося в гор. Смоленск и очистить от противника захваченную им часть города

Приказываю:

1. Командующему 16-й армии 17 июля силами двух стрелковых дивизий, усиленных артиллерией и танками, нанести удар с северо-западной и западной стороны Смоленска и во взаимодействии с 19-й армией уничтожить ворвавшегося в Смоленск противника и очистить город от врага.

Начало атаки в 9.00 17 июля.

2. Командующему 19-й армии с утра 17 июля дивизиями 34-го стрелкового корпуса нанести удар на южную часть Смоленска и во взаимодействии с 19-й армией уничтожить ворвавшегося в Смоленск противника и очистить город от врага.

Начало атаки 9.00 17 июля.

3. 129-ю стрелковую дивизию 19-й армии включить в состав 16-й армии.

Еременко».

После отдачи приказа я отправился на КП 19-й армии. На КП я застал командарма И.С. Конева, в подчинении которого находился один — 34-й — стрелковый корпус в составе двух дивизий (127 и 158 сд). Эти дивизии только что выгрузились восточнее Смоленска и уже подверглись ударам авиации противника. На КП армии почему-то находился и командир 34-го стрелкового корпуса генерал Р.П. Хмельницкий.

Я разъяснил Коневу обстановку в районе Смоленска и поставил задачу на контрудар 34-го корпуса. Я потребовал, чтобы командир корпуса немедленно выехал в свои дивизии, лично поставил задачу и организовал взаимодействие дивизий.

После этого я возвратился на свой КП в район 16-й армии.

Лукин добросовестно подготовил контрудар двух дивизий, в 8 часов 30 минут начал артиллерийскую подготовку, а в 9 часов начали удар 129-я и 152-я стрелковые дивизии.

Противник оказывал упорное сопротивление. Авиация врага бомбила боевые порядки наших войск. Это сковывало наши действия, продвижение было незначительное, но я и командарм-16 питали надежду на удар 34-го стрелкового корпуса.

Мы все глаза проглядели, высматривали, когда же зашумит бой на восточной окраине Смоленска, а боя все не слышно и никакого признака. Уже 12 показывают часы, а контрудара не видно. Я, конечно, изрядно волновался и думал: что же могло случиться? Что могло помешать?

Уже и 14.00, а признаков боя нет и нет. Я немедленно выехал в 19-ю армию, чтобы на месте разобраться, что помешало корпусу нанести контрудар. Оказалось, что командир корпуса в дивизии не поехал, заболел, как он доложил мне, а послал приказание через делегатов связи. Но оказалось, что и они не доехали к дивизиям, кого подбили, кто сбился с пути. Одним словом, дивизии не получили своевременно приказа. Я, конечно, пожурил и командарма и командира корпуса за эту неорганизованность и потребовал, чтобы 18 июля был выполнен этот приказ, и назначил срок атаки в 9 часов утра.

После этого я снова вернулся на свой КП — на участок 16-й армии, где поставил задачу Лукину на 18 июля и информировал его о событиях в 19-й армии и о задаче, которую я поставил.

Наступил день 18 июля. 16-я армия снова хорошо подготовила контратаку, которая началась в назначенный срок в 9 часов утра. К 10 часам дивизии 16-й армии продвинулись и освободили несколько кварталов города.

Я, наблюдая этот бой, радовался за успех и думал, что вот-вот грянет удар 34 ск и мы уничтожим противника и освободим от врага Смоленск. Но надежды эти не оправдались: когда часы показали 11.00, а признаков удара 34 ск не видно, меня охватило волнение, в чем дело, думаю. Я стал прислушиваться к шуму боя. В том направлении, откуда должен был наносить удар 34 ск, была слышна большая канонада, и в воздухе горело много самолетов. Я понял, что корпус ведет тяжелый бой, и сразу же выехал туда.

В боевых порядках 127-й стрелковой дивизия я встретил начальника штаба корпуса Акименко, который доложил мне следующее:

«127-я и 158-я дивизии изготовились для наступления на южную часть Смоленска, но они были упреждены атакой противника. Враг боялся нашего удара с юго-востока, так как наш удар приходился по флангу и тылу тех частей противника, которые ворвались в Смоленск. И поэтому он подтянул из резерва мотопехоту и танки и при поддержке массированного удара пикирующих бомбардировщиков в 8.30 нанес удар по нашим дивизиям (127 и 158 сд). Хорошие, очень хорошие дивизии, но трагедия заключалась в том, что эти дивизии только что выгрузились из эшелонов и это для них был первый бой — они не обстреляны и вдруг попали в такой тяжелый бой, попали под удар танков и авиации.

Командир корпуса Хмельницкий заболел, — продолжал докладывать Акименко, — и уехал в тыл, поручил мне временно командовать корпусом. Обстановка на участке корпуса тяжелая, дивизии отходят под давлением врага к р. Днепр. Я принимаю меры, чтобы остановить отход дивизий».

Картина, которую я наблюдал на участке 34-го стрелкового корпуса, была мне знакома, я видел уже не раз подобные бои, когда противник, имея превосходство в силах и полное господство в воздухе, вел наступление на наши части и соединения, которые героически дрались и оказывали невиданное сопротивление, но когда силы неравны, тяжело вести бой, очень тяжело. Так было и на сей раз.

Разобравшись в обстановке, я утвердил временно командующим корпуса т. Акименко, впредь до выздоровления Хмельницкого, и дал ему ряд указаний по организации боя, по поднятию требовательности и поставил задачу вновь атаковать противника, засевшего в южной части Смоленска, с задачей уничтожить врага и освободить город.

На третий день боя за город Смоленск (не считая боя на подступах) дивизии 39 ск более организованно начали наступление на Смоленск с востока; первоначально дивизия имела успех, но полностью решить задачу — очистить от неприятеля южную часть

Смоленска — так и не удалось. Повторяю, потеряно было время, противник успел подтянуть резервы и закрепиться в южной части Смоленска.

Здесь следует отметить, что полковник Акименко, временно командуя 34-м стрелковым корпусом, навел в нем порядок и проявил себя волевым и требовательным командиром, хорошим организатором, храбрым воином. В этот период 127 и 158 сд были включены в состав 16-й армии. Вскоре все корпусные управления Красной Армии были расформированы и т. Акименко был назначен командиром 127-й стрелковой дивизии (в которую влилась значительно понесшая потери 158 сд).

В Смоленском сражении 127-я стрелковая дивизия показала себя с самой лучшей стороны, за что она и удостоена звания 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

Следует сказать доброе слово еще об одной дивизии, бывшей в составе 19-й армии и переданной в 16-ю армию. Это 129-я стрелковая дивизия, которой командовал прославленный генерал Городнянский.

До 20 июля на долю 129-й стрелковой дивизии выпала основная тяжесть контратак и оборонительных боев. Сейчас трудно себе представить, как эта малочисленная дивизия, к тому же составленная из разных частей, при крайнем недостатке артиллерии, минометов и пулеметов, при слабой обеспеченности боеприпасами неоднократно врывалась на позиции гитлеровцев на северной окраине Смоленска, но закрепить захваченную территорию дивизии было нечем. Сильные контратаки противника, поддержанные мощным артиллерийским и минометным огнем, каждый раз вынуждали отходить дивизии на исходные позиции. Однако подразделения 129-й стрелковой дивизии вновь и вновь, днем и ночью, с упорством, достойным высшей оценки, продолжали настойчиво атаковать позиции врага. В смоленских боях бойцы, командиры, политработники всех степеней проявили массовый героизм. Командир дивизии Городнянский зарекомендовал себя всесторонне зрелым войсковым начальником, исключительно мужественным человеком.

К нашему счастью, ворвавшаяся в Смоленск моторизованная дивизия врага, ожидая подхода основных сил, не предпринимала попыток форсировать Днепр 16 июля, а когда же 17 июля противник попытался переправиться через реку, то левый ее берег довольно прочно оборонялся тремя дивизиями. С 17 на 22 июля каждый день гитлеровцы пытались в разных местах форсировать Днепр, но безуспешно.

129-я и 152-я стрелковые дивизии стремились переправиться на правый берег Днепра и выбить неприятеля из южной части города. Так, 152-й стрелковой дивизии сначала удалось переправиться, но контратакой противника переправившиеся части были отброшены обратно.

В ночь с 22 на 23 июля противнику удалось переправиться на левый берег Днепра в районе кладбища в стыке 129-й и 152-й стрелковых дивизий. Разгорелись ожесточенные уличные бои, дрались за каждый дом, и даже за каждый этаж. Особенно упорные бои происходили за кладбище и аэродром, которые в течение недели переходили из рук в руки.

Противник массировал не только артиллерийский огонь, но вводил большое количество танков и авиации. 16-я армия, к сожалению, ни танками, ни авиацией не располагала. 5-й механизированный корпус, детище 16-й армии 57-я танковая дивизия, прибывшие из Забайкалья, дрались в составе 20-й армии.

В непрерывных боях соединения армии несли огромные потери. С захватом противником переправ у Ярцева армия несколько дней не получала боеприпасов и продовольствия.

Даже в эти тяжелые для армии дни мысль о возвращении Смоленска не покидала нас. С этой целью 34-й корпус наступал южнее Смоленска, о чем говорилось выше, а 152-я стрелковая дивизия — из района Гнездово. Переправа через Днепр прошла очень удачно, и дивизии корпуса подходили к южной окраине Смоленска в район кирпичного завода. 152-я стрелковая дивизия также удачно переправила один батальон, но больших успехов он добиться не смог.

Тем временем западнее Гнездово на 152-ю стрелковую дивизию наступали сильные моторизованные части, также поддержанные авиацией. Разведка заранее установила наличие в этом районе гит-

леровских моточастей. Противник, упоенный успехом, повел себя неосторожно. На виду у дивизии колонны машин сосредоточивались в небольшом редком лесу на очень небольшом удалении от переднего края дивизии. После короткого, но сильного артналета 152-я стрелковая дивизия, упредив противника в развертывании, перешла в наступление и быстро разгромила его. Части дивизии ворвались в Смоленск на своем участке и в тяжелых уличных боях медленно, но уверенно стали освобождать дом за домом, квартал за кварталом, улицу за улицей. Дивизия продвигалась вперед, не смотря на то, что в ее тылу в руках немцев продолжали оставаться отдельные здания, оборудованные под опорные пункты.

Уместно отметить, что в боях за Смоленск командир 152-й стрелковой дивизии полковник П.И. Чернышев проявил себя как командир высокой инициативы, твердый и настойчивый, лично смелый, прекрасный организатор и руководитель боя.

Врывалась в город и 129-я стрелковая дивизия. По всему фронту с новой силой разгорелись ожесточенные уличные бои. Будь у нас немножко более артиллерии и минометов и, прежде всего, если бы дивизии 34-го стрелкового корпуса в этот момент выполнили поставленную им задачу и не начали отход, судьба Смоленска, бесспорно, была бы решена в нашу пользу.

К 23 июля немалая часть Смоленска была очищена от врага, а 25 июля наши войска, продолжая наступление, овладели всей северной частью города, заняли вокзал, вышли к Днепру. Попытки армии переправиться через Днепр для освобождения южной части города Смоленска существенных результатов не дали.

Командир 46-й стрелковой дивизии генерал-майор А.А. Филатов в смоленских боях показал себя также способным командиром, достойно выполнявшим свой долг. Дивизия без артиллерии и почти без пулеметов упорно дралась на северо-восточных подступах Смоленска и внесла свой вклад в героическую эпопею Смоленского сражения.

Почти три недели в тяжелых условиях, в боях с превосходящими силами противника, при наличии у него и отсутствии у нас танков и авиации части 16-й армии дрались за Смоленск. Они не только переходили в контратаки, но и наносили контрудары, стре-

мясь вновь взять Смоленск. В результате намерение командования группы армий «Центр» — окружить 16-ю, 19-ю и 20-ю армии — было сорвано.

Когда 20-я армия отошла на линию 16-й армии, то правый фланг последней оказался прикрытым. Положение как будто несколько стабилизировалось, но стабилизация была кажущейся. Противник производил перегруппировку своих сил. И уже 28 июля после полудня обстановка на фронте 20-й армии резко осложнилась. Враг сильными танковыми частями и авиацией прорвал оборону армии. В результате 152-я стрелковая дивизия и часть 129-й стрелковой дивизии попали в очень тяжелое положение и могли быть окружены в Смоленске. 152-я стрелковая дивизия резко загнула свой правый фланг, а 129-я стрелковая дивизия выставила заслон на шоссе Москва — Минск. Часам к четырем пополудни танки противника появились с северо-востока. Обстановка для 16-й армии обострилась. Чтобы не оказаться окруженной по частям, ей пришлось окончательно оставить Смоленск и отходить, что было сделано в ночь с 28 на 29 июля. Однако еще 30 июля некоторые части армии вели бои у северо-восточной окраины Смоленска, не теряя надежды на переход в общее наступление.

За все время боев с 9 июля 16-я армия получила всего только 2 тыс. человек пополнения. В армии было пять дивизий, но, к сожалению, они были крайне малочисленны. Тылы армии и дивизий очищались до предела. Все, кто мог сражаться, были направлены в строевые части. Штабы корпусов были расформированы для этой цели. Питание армии, ведущей бои в очень тяжелых условиях, боеприпасами удалось наладить по воздуху путем сбрасывания пакетов на парашютах. Артиллерии, минометам и пулеметам было приказано сократить до минимума расход боеприпасов и открывать огонь только по верным целям и в силу крайней необходимости. В этот период особенно ярко проявились стойкость, мужество, хладнокровие и беспредельная преданность Родине рядовых воинов, командиров и политработников армии.

В тяжелые недели Смоленского сражения и при отходе за Днепр генералы и офицеры штаба и политотдела армии, командиры дивизий и полков и весь личный состав управлений и штабов соеди-

нений и частей всегда в трудные моменты боя находились в передовых частях, там, где особенно яростным был нажим врага.

19 июля 1941 г. я вновь был назначен командующим войсками Западного фронта. Членом Военного совета фронта был назначен дивизионный комиссар Д.А. Лестов, начальником штаба фронта — генерал-лейтенант Г.К. Маландин¹.

На 21 июля 1941 г. положение войск было следующим:

Войска правофланговой 22-й армии вели упорные бои в окружении в районе Невель и юго-западнее. Наши войска, находясь в тяжелых условиях, проявили большой героизм и непреклонную волю, прорвали кольцо окружения и вышли из немецкого «котла». Действия выходящих из котла наших войск были направлены на Великие Луки с целью удара врагу в тыл. 19-я танковая дивизия противника, захватившая Великие Луки, вынуждена была в панике оставить этот город.

20-я армия в эти дни производила перегруппировку, сосредоточивая свои войска на новом оборонительном рубеже, и наносила короткие контрудары в направлении Рудни, где противник нависал над ее флангом.

127-я стрелковая дивизия 16-й армии на рассвете 20 июля была атакована мотомехчастями противника с 20 танками при поддержке тяжелой артиллерии, наносившей удар вдоль Рославльского шоссе. Противнику удалось ворваться в расположение дивизии и уничтожить передовую батарею 391-го артиллерийского полка. Однако дальнейшее продвижение врага было остановлено огнем нашей артиллерии и упорной обороной занимавших этот участок подразделений. Враг оставил на поле боя девять подбитых танков и много машин. Мотопехота противника отошла на юго-западную окраину Смоленска. В течение этого дня 127-я дивизия отбила еще несколько атак, удерживая рубеж Дресна, Брылевка.

158-я стрелковая дивизия занимала Штылов и участок южнее этого населенного пункта. 29-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии совместно с подразделениями 129-й стрелковой дивизии прочно удерживал станцию Сортировочная, железнодорожный

¹ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 00436.

мост через Днепр и село Покровская Гора. На северной окраине Смоленска также продолжались напряженные бои.

Остальные соединения — 16-я армия, сдерживая противника со стороны Донец, Холм, отходила своим правым флангом на Ополье, также готова контрудар в направлении Смоленска, — производили перегруппировку. К этому времени дивизии правого крыла армии занимали следующее положение: 46-я стрелковая дивизия — Ополье и лес северо-западнее; 152-я стрелковая дивизия сосредоточилась главными силами в районе Лук. 129-я стрелковая дивизия вела бои на северо-западной окраине Смоленска.

Что происходило в это время на левом крыле Западного фронта?

Части 13-й армии, продолжая удерживать могилевский рубеж, вели бои на восточном берегу р. Сож, стремясь восстановить положение в районе Кричева.

21-я армия вела упорные бои с подошедшими пехотными соединениями гитлеровцев на рубеже Ржовка, Кульковка, Прибор, Вьон, Рехта, Рудня и на южных подступах к Бобруйску на рубеже Апасевка, Боровая, Глее, Рудня, Черные Броды.

Забегая несколько вперед, я хочу остановиться на весьма важном вопросе, который во время войны часто возникал из-за того, что старшие начальники, находясь далеко от войск, не зная действительной обстановки и того напряжения, которое ведут войска, отдавали приказы и директивы, которые не соответствовали сложившейся обстановке, а посему не приносили пользы войскам, а наоборот, только вредили. Так было и на сей раз.

Главком Западного направления С.К. Тимошенко отдал приказ войскам 16-й и 20-й армии Западного фронта перейти в наступление с задачей в течение 30—31 июля овладеть Смоленском. Армии, измотанные и обессиленные непрерывными напряженными боями в течение месяца, конечно, не могли выполнить этой задачи. Это было далеко не лучшее решение в сложившейся обстановке, оно было принято под нажимом Ставки. Получив этот приказ, я доложил Семену Константиновичу свои соображения о нереальности поставленной задачи. Он согласился с моими доводами и предоставил мне право самому решать этот вопрос. Принимая на

себя тяжелую ответственность, я отказался от попыток организовать это наступление.

К этому времени Смоленская битва сыграла свою роль: противник остановлен, понес большие потери, мы уже выиграли месяц ценного для страны времени, я теперь, когда армии находились в мешке, ввязываться в затяжные бои за Смоленск не имело смысла, ибо мы ослабили бы свои силы на внешнем кольце окружения, где противник все время усиливал свои войска. Это могло привести к сжиманию кольца окружения и в конечном счете к гибели двух армий.

Армии в районе Смоленска совершили великий подвиг, который не забудет народ. Здесь наши войска нанесли первый удар по гитлеровской стратегии «молниеносной» войны и подорвали ее основу, остановили врага и заставили Гитлера изменить планы наступления. Наша задача состояла в том, чтобы вывести армии из окружения, отвести на новые рубежи и уберечь от разгрома противником.

Ведя тяжелые бои под с. Красное, 57-я танковая дивизия Мишулина оказалась в окружении, но под руководством своего командира, несмотря на серьезные осложнения из-за ранения и контузии, не оставлявшего своего поста, с боями вышла на новые рубежи в район развилки дорог на Смоленск, Оршу и Витебск, откуда нанесла удар в направлении Рудни и разгромила разведотряд немецкой дивизии.

Я хорошо был осведомлен о боевых подвигах танкистов, о них мне много говорили также командармы Лукин и Курочкин. За боевые подвиги полковник Мишулин был представлен к званию Героя Советского Союза.

При этом имел место такой небезынтересный случай. Моя реляция о Мишулине заканчивалась следующими словами: «...Представляю полковника Мишулина к званию Героя Советского Союза. Генерал-лейтенант Еременко». При передаче этого текста шифром по телеграфу он «трансформировался» и стал выглядеть так: «Представляю полковника Мишулина к званию Героя Советского Союза и к воинскому званию генерал-лейтенанта. Еременко».

Читая через несколько дней газету, я узнал, что В.А. Мишулину присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск и звание Героя Советского Союза.

Офицерский состав Красной Армии в то время в своем подавляющем большинстве уже обладал теми качествами, которые необходимы для ведения упорной борьбы с сильным врагом: преданность Родине, воля к победе, самоотверженность, умение вести за собой подчиненных в трудные дни вражеского наступления. Наш командный состав учился воевать с подвижным и сильным противником. Наука тяжелая, но необходимая.

Задача состояла в том, чтобы научить офицеров маневрировать своими соединениями, частями и подразделениями, смело контраковать; кроме этого, мы стремились воспитать в наших офицерах еще два качества, которые я лично считал и считаю чрезвычайно важными.

Первое качество — забота начальника о подчиненных войсках. Оно должно проявляться прежде всего в том, чтобы ставить свои войска в выгодное положение по отношению к противнику, создавать этим преимущество над противником, лично организовывать бой, постоянно учить войска умению воевать, воодушевляя их своим присутствием, заботиться о непрерывном материальном обеспечении и снабжении боеприпасами.

Второе качество — непрерывная правдивая информация вышестоящего начальника о своих войсках и о противнике. Зная истинное положение дел, начальник примет наиболее выгодное решение и не поставит подчиненные войска под напрасный удар.

Роль командира очень важна; командир — это организатор боя, операции, он принимает решение, отдает приказы, организует управление войсками, как правило, это делает через штаб. Командир проводит обучение и воспитание солдат, сержантов, офицеров и генералов. Командир личным примером в строю, вне строя, в бою показывает пример, мужество, храбрость, отвагу и героизм, показывает, как нужно преданно служить Родине, не щадя своей жизни.

Самая сильная сторона нашего командира в том, что он выходец из того же класса, что и солдат, и защищает с ним вместе свои

общие интересы, интересы социалистического государства, его государства; одно из больших качеств нашего командира состоит в том, что он крепко, я бы сказал, кровно связан с подчиненными ему лицами, всегда с ними общается и живет с ними одними интересами.

Фактор общения с войсками, учебы у них является очень важным. Наши советские воины — это граждане социалистической державы, люди, волей и разумом которых творится история. Общение с ними дает новые силы и уверенность в успехе, учит многому и зачастую прямо подсказывает, как именно нужно действовать, как лучше организовать бой, осуществить операцию.

Вместе с тем сами воины воспринимают появление старшего начальника прежде всего как указание на возросшую важность их участка, рубежа, направления для решения всей боевой задачи. Появление командира говорит воинам о том, что их усилия высоко оценены, что их действиям придается особое значение и что если их призывают к новым подвигам, к новому напряжению сил, то это совершенно необходимо для Родины.

Общаться с войсками, быть в гуще боевых событий важно еще и потому, что никакие донесения, сводки, информации и доклады не могут заменить живого ощущения событий, прощупывания их пульса. Конечно, все охватить нельзя, командир не вездесущ, но в том и заключается искусство руководства, чтобы определить, где именно надлежит быть, чтобы обеспечить успех. Это зависит от сложившихся обстоятельств и от того, какую именно задачу предстоит решить войскам и командованию. Нужно учесть также и то, что каждый военачальник имеет свой присущий стиль работы, характер, темперамент, поэтому не подыщешь одинаковых для всех методов и приемов руководства войсками. Это искусство, и в нем нетерпим шаблон.

Остановимся на обстановке, сложившейся на Западном фронте в конце июля.

В течение всех дней борьбы за Смоленск упорные бои не прекращались почти на всем протяжении Западного фронта. Особого ожесточения они достигли в районе Ярцево 19—20 июля. Город несколько раз переходил из рук в руки. Однако решительного успе-

ха сражавшаяся здесь наша 101-я мотострелковая дивизия добиться не смогла. В районе Ярцево противник превосходил нас в силах, особенно в авиации и минометах, и все атаки наших войск разбивались о его яростное сопротивление.

Тем не менее враг был здесь остановлен и скован. Это не позволило ему завершить окружение Смоленской группировки советских войск восточнее Смоленска и развернуть наступление на Дорогобуж, Вязьму.

В период 19—21 июля значительно усложнилась обстановка в районе юго-восточнее Смоленска. 10-я танковая дивизия противника, наступавшая в направлении Вязьмы, 19 июля своим передовым отрядом вышла к Ельне. 19-я стрелковая дивизия 24-й армии Резервного фронта, оборонявшая Ельню, не сумела обеспечить оборону города, и Ельня была сдана. Таким образом, противнику удалось создать здесь плацдарм, довольно далеко выдвинутый на восток.

Выход гитлеровцев на линию Великие Луки, Ярцево, Ельня сделал еще более тяжелым положение Западного фронта, у которого почти не осталось резервов. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования 20 июля издала директиву о вводе на Западном направлении войск Резервного фронта¹. Это изменяло на некоторых участках состояние сил в нашу пользу.

Было бы несправедливо, говоря о событиях печального периода войны и, в частности, о главном из них, имеющем военно-стратегическое значение — Смоленском сражении, не остановиться, хотя бы кратко, на обстановке, которая складывалась в тылу немецких войск, там, где в окружении оставались советские части.

Теперь в западной историографии и мемуарах битых гитлеровцев нередко сквозит мысль, что вплоть до Смоленска группа армий фон Бока почти не встретила на своем пути «организованного сопротивления» советских войск. Как будто естественной смертью умерли, или покончили жизнь самоубийством, те четверть миллиона солдат и офицеров фюрера, о которых очень сдержанно поговаривает генерал Гот.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 36549. Д. 5. Л. 18.

Фактор внезапности, вероломное нападение и громадное превосходство в людях и технике буржуазные фальсификаторы истории хотели бы теперь выдать за превосходство немецкого солдата и стратегических замыслов вермахта. Это, конечно, чепуха. Ребенку известно, что бандит, нападающий исподтишка, во сто крат опаснее бандита, нападающего открыто. Как уже было сказано выше, действительно, с первых часов вторжения мы не имели сплошной линии фронта. Слишком неравно было соотношение сил. Но в период Смоленского сражения, когда только образовалась сплошная линия фронта, хотя еще и жидкая, началось невиданное до сих пор сопротивление наших войск, часто находившихся в окружении или под фланговыми ударами врага.

Оставшиеся в тылу врага поредевшие дивизии, отдельные части и подразделения Красной Армии стояли насмерть. Об этом свидетельствуют описанные мной выше действия соединений 20-й и 19-й армий в обороне города Могилев, действия группы Качалова и др. Так могут сопротивляться только организованные и преданные Родине войска. Стойкость войск в каждой армии, в каждой части складывалась из сотен и тысяч подвигов отдельных бойцов, командиров и политработников, из героических действий подразделений и частей.

До сих пор мы не имеем полной картины борьбы наших войск на занятой врагом территории. Но можно с глубокой уверенностью сказать, что помимо названных очагов сопротивления, ставших известными в полном значении после войны, были сотни островков сопротивления или активных подвижных маневров частей, дравшихся с врагом до последнего патрона. Известны факты, когда оставшиеся в глубоком тылу врага части, обескровленные и исчерпавшие всякую возможность держать круговую оборону, прорывались из «котлов», меняли тактику, принимали методы партизанской войны и наносили врагу громадный урон. Примером этого могут служить действия небольшого отряда войск юго-западнее Минска под командованием командира 155-й стрелковой дивизии полковника В.И. Ничипоровича. Этот сравнительно небольшой отряд, собранный из различных частей, попавших в окружение, наводил страх и ужас на фашистских захватчиков уже тогда, когда их передовые дивизии рвались через

Смоленск к Москве. Этот отряд положил начало основания и стал костяком прославленного в Белоруссии 208-го партизанского полка.

В первые дни Смоленского сражения, где-то западнее Витебска, одной из наших частей, прорывавшейся из окружения, был разгромлен отряд 121-й пехотной дивизии немцев. При этом был убит командир дивизии генерал фон Лендель. Мы до сих пор не знаем, кто из наших воинов совершил сей подвиг. В каком именно месте произошел этот бой? Поиски пока не привели к успеху. Да и сам случай стал нам известен после войны из немецких документов. Еще в ходе войны об этом сообщило немецкое агентство Трон... Затем мы находим подтверждение этому сообщению у генерала Гальдера. Умалчивая о разгроме штаба, Гальдер в своем дневнике за 4 июля записал: «...Группировка противника сейчас не представляет опасности и, очевидно, будет скоро отгеснена в помощь вновь прибывших частей. В этих боях убит командир 121-й пехотной дивизии фон Ланцелль».

В следующей — девятой главе будет освещен вопрос хода испытания «эресов» и коротко будет затронут вопрос о боевой деятельности прославленных «катюш» в годы Великой Отечественной войны.

Правда, испытания «эресов» по времени относится к настоящей — восьмой главе, и в ней должно было бы быть освещенным. Но, придавая особое значение новому и весьма эффективному оружию, которым являются гвардейские минометы и которые сыграли очень большую роль в нашей победе над гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны, считаю нужным выделить рассмотрение этого вопроса в отдельную главу, посвященную только «эресам».

Глава девятая

ИСПЫТАНИЕ «ЭРЕСОВ» («КАТЮШ»)

Буквально в канун начала войны (как мне после стало известно), 21 июня 1941 г. Совет народных комиссаров принял решение о передаче образцов реактивных установок, будущих «катюш», на

вооружение Красной Армии. Это было очень своевременное решение.

28 июня 1941 г. (день моего прибытия на Западный фронт с Дальнего Востока) была сформирована 1-я экспериментальная батарея (дивизион) РС (реактивных снарядов). Ее командиром был назначен слушатель Военной артиллерийской академии капитан И.А. Флёрв, личный состав был подобран из числа коммунистов и комсомольцев. К батарее были прикреплены два инженера, чтобы обучать артиллеристов обращению с новым оружием. А это действительно было новое оружие, такое, которое в своем дальнейшем развитии вызвало революцию не только в артиллерии, но и во всем военном деле.

Батарейцы были предупреждены о сохранении в тайне всего, что относилось к их оружию, а в случае угрозы захвата его противником, уничтожить при любых обстоятельствах, даже ценою жизни личного состава.

В ночь на 3 июля группа в составе трех огневых взводов, взвода управления и четырех вспомогательных подразделений вышла из Москвы на Западный фронт в составе 8 боевых установок и около 50 грузовых машин с боеприпасами. Среди воинов первой батареи были москвичи, горьковчане, жители Чувашии. Командиры в основном были слушатели Академии им. Дзержинского.

В дороге, — а двигалась ночами, устраивая дневки в лесах, — изучали материальную часть, тренировались каждый по своей специальности. Обучение вели инженеры реактивного института.

Не помню точно, числа 10 или 12 июля, позвонил мне Верховный Главнокомандующий Сталин и сообщил, что в мое распоряжение послана группа «эресов» для испытания ее в бою.

Сталин сказал: «Тов. Еременко, мы предполагаем широко применить в борьбе против фашистов новое оружие — “эресы” и в связи с этим испытайте его в бою, как оно себя поведет, и донесите немедленно результат этого испытания».

— Слушаюсь, — ответил я, — все сделаю как приказано.

Долго я размышлял после этого разговора, что это за «эресы», но в разговоре со Сталиным не посмел его спросить, подумал при

том, что Сталин скажет: «Командующий, а не знает, что такое «эресы»».

14 июля группа «эресов» под командованием Флёрова и представителя центра подполковника Кривошапкина прибыла в мое распоряжение, я сразу же осмотрел ее и, по правде скажу, был несколько удивлен тем, что на рельсах (направляющих) висели длинные мины, а стволов не было. Я подумал, как же они лететь будут, коль нет стволов. Потом все выяснилось.

Прежде чем поставить «эресам» задачу, я подробно выяснил возможности этого оружия, силу его удара, дальность и скорость ее стрельбы и т.д.

Поговорил с командующим артиллерией фронта т. Кариофилли и принял решение провести испытание ударом по железнодорожному узлу, по переправам, по пехоте и танкам.

В тот период гитлеровцы, захватив какой-либо железнодорожный узел, сейчас же направляли туда большое количество эшелонов. Так было и в Орше: станция была забита десятками эшелонов с войсками, боеприпасами, боевой техникой. Через р. Днепр и Оршицу наводились переправы, здесь также скопилось большое количество войск и техники.

Вот по этим-то объектам и было приказано нанести первые два удара группе «эресов».

В 14 часов 15 минут прогремел первый в истории боевой ракетный залп. На железнодорожный узел обрушился шквал огня. Взрываясь среди сотен вагонов, ракеты сокрушали все. Уже через 10—20 минут станция и пристанционный район превратились в сплошной очаг пожаров и взрывов. Ракеты были снаряжены не только взрывчаткой, но и термитной смесью. Гитлеровцы в ужасе метались по станции и городу, кругом рвались вагоны с боеприпасами, цистерны с горючим. Мало кто из немецких солдат и офицеров, застигнутых залпом, вырвался из этого ада.

Над огневыми позициями батареи поднялось облако пыли и дыма. Вражеская артиллерия сейчас же открыла огонь по этому району. Сюда же была перенацелена большая группа бомбардировочной авиации, шедшая бомбить наши тылы. Но «эресы» уже были далеко от своей первой огневой позиции в лесу.

Через некоторое время, когда вражеские войска заполнили все подступы к переправе через р. Оршицу, а часть уже переправилась, захватив небольшой плацдарм на восточном берегу, прозвучал второй залп. Он угодил в самую гущу вражеских войск. Ракеты рвались на обоих берегах реки. Переправа обрушилась, на дне реки оказались танки и автомашины с гитлеровцами. Враг был охвачен паникой, и наша пехота завершила разгром немцев, переправившихся через реку.

В плен была взята большая группа фашистов. На допросе они показали:

— Это был настоящий ад. Не только те, кто был в зоне обстрела, но и находившиеся далеко в стороне поддались панике и устремились в разные стороны; казалось, что стреляют сразу сотни орудий.

На другой день, 16 июля, группа была переброшена нами под Рудню, пройдя небольшой для нее путь в 60—70 км. Залпы под Рудней я наблюдал лично. Это было незабываемое зрелище. Помню, как непривычный рев реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сильным грохотом и ослепительным блеском.

Эффект одновременного разрыва около 320 мин в течение одной минуты превзошел все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупрежден об испытаниях).

Всего здесь было произведено три залпа. Наша разведка доносила, что гитлеровцы вывезли из-под Рудни много убитых и раненых.

Под Рудней было произведено официальное боевое испытание «катюш». Оно было наиболее эффективным и испытывалось по тем целям, которые явились главным объектом для их действий. После пяти залпов я сразу же доложил Верховному Главнокомандующему о результатах боевых испытаний устно и письменно с выводом о необходимости немедленно начать массовое производство этого нового грозного оружия. Сталин остался очень доволен

испытанием, фронтовики, генералы, офицеры, солдаты и я дали самую высокую оценку эрэсам.

После успешного испытания представитель Генерального штаба подполковник Кривошапов и инженеры Попов и Шитов выехали в Москву: они хорошо выполнили свои задачи.

Вскоре после первых залпов реактивных установок гитлеровское Верховное командование направило в войска директиву:

«Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку... Выстрел производится электричеством. Во время выстрела возникает дым... При захвате указанных орудий немедленно сообщить в вышестоящие инстанции».

В начале сентября 1941 г. в войска поступила новая директива Верховного командования фашистской армии. Она называлась «Русские ракетные орудия». Войскам снова предписывалось:

«...о найденных русских снарядах с ракетным составом сообщать непосредственно главному инспектору артиллерии с указанием места находки... и одновременно — главному инспектору химических войск».

В директиве было дано примерное описание боевых установок и ракет, составленное по показаниям очевидцев и после изучения частей взорвавшихся ракет. Описание очень неточное. Почти в каждой фразе были слова «приблизительно», «примерно», «вероятно» и т.д. И только в описании действий «катюш» фашисты не ошиблись: «...выстрел — глухой раскат, взрыв — высокий столб пламени. Возможно, в снаряде есть горючая жидкость, фосфор, термит и т.д.».

Директива еще раз потребовала от войск «докладывать о каждом залпе, тщательно сохранять неразорвавшиеся ракеты, пересылать их главному инспектору химических войск, в случае захвата тщательно сохранять приспособления для стрельбы, запальный состав, прицельные приборы и т.д., немедленно доставлять все в высшие инстанции».

Уже начальный период боевого применения реактивной артиллерии дал убедительные результаты. 2 августа 1941 г. командование Западного фронта доносило Генеральному штабу Красной Армии: «незапный огонь батареи Р.С. («М-13») наносит большие потери

противнику, обращает его в паническое бегство; после залпов... наши части обычно не встречают сопротивления врага, пленные показывают, что пехота панически бежит не только с участков, по которым дается залп, но и с соседних, на расстоянии в один-полтора км от места залпа».

Боевые установки обладали высокими боевыми качествами.

Развертывание батареи занимало 3—10 минут, переход из походного в боевое положение — 1—2 минуты, на зарядание установки расчету требовалось 5 минут, залп длился 15—20 секунд. Батарея могла дать 10—12 залпов в час. Она обладала высокой маневренностью, одной заправки горючего машине хватало на 200 км. Залп батареи был равен одновременному залпу артиллерийской дивизии трехполкового состава.

С августа 1941 г. производство боевых установок и ракет было налажено уже настолько широко, что позволило начать формирование отдельных дивизионов и полков реактивной артиллерии, а затем — бригад и дивизий. Всем им с 18 сентября 1941 г. присваивалось наименование гвардейских минометных частей. Этим Верховное Главнокомандование подчеркивало особое значение частей реактивной артиллерии и особую ответственность ее личного состава. Чтобы предотвратить захват нового оружия противником, на командующих фронтами и армиями была возложена персональная ответственность за охрану поступавших в их распоряжение частей реактивной артиллерии.

К концу Великой Отечественной войны на фронтах сражались 7 дивизий, 40 бригад, 105 полков и 40 отдельных дивизионов реактивной артиллерии, гвардейских минометов, как их условно называли в то время. По огневой мощи они заменяли собой больше пяти тысяч артиллерийских полков. И родоначальницей этой огневой армады была экспериментальная группа (батарея) капитана И. А. Флёрова.

Ни одна крупная наступательная операция советских войск не обходилась без участия «катюш». Обычно их могучий завершающий залп являлся сигналом к атаке нашей пехоты.

В оборонительных операциях «катюши» были одним из наиболее надежных средств в ликвидации атак вражеских танков и пехоты и поддержки наших контратак.

Я хорошо помню, когда в битве на Волге фронтовая группа гвардейских минометов под командованием майора Зубавина своим минометным огнем потрясла противника, нанося ему большие потери.

В оборонительный период Сталинградской битвы, как всем теперь известно, мы отбили 700 атак противника и нанесли ему такое же количество контратак и контрударов. Враг потерял за это время более 700 тысяч солдат и офицеров и большое количество техники и вооружения.

Большая заслуга в этой победе принадлежит наряду со всеми родами войск и прославленным гвардейцам-эресовцам.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны с легкой руки испытания эрэсов под Оршей и Рудней гвардейские минометы превратились в грозное оружие. Это мощная огневая сила, способная дать в самый короткий срок — в секунду — наиболее массивный огонь (а это главное в нашей наступательной доктрине). Концентрация большой массы огня в короткий срок в оперативном искусстве имеет большое значение: во-первых, это производит большое моральное подавление врага, а это очень важный фактор в вооруженной борьбе, а во-вторых, массивный огонь в короткий срок наносит врагу такие физические и материальные потери (на участке удара), что противник уже не способен к сопротивлению.

Я не буду приводить здесь примеров с тех фронтов, которыми мне пришлось командовать в годы Великой Отечественной войны. Таких примеров много. А приведу только одну выдержку из книги, которая говорит о массовом применении «эрэсов» в крупных операциях и как нарастала их плотность в каждой последующей операции.

«В контрнаступлении под Сталинградом войска Юго-Западного фронта, Донского и Сталинградского фронтов имели 398 пусковых установок БМ-8 и БМ-13 и 826 пусковых рам М-30. В сражении под Курском участвовало уже 496 пусковых установок БМ-8 и БМ-13 и 2826 пусковых рам М-30 и М-31, а в Берлинской операции войска 1-го и 2-го Белорусского фронтов имели 1519 пусковых установок БМ-8, БМ-13 и БМ-12, а также 1785 пусковых рам М-31»¹.

¹ Реактивная артиллерия на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1964.

Только один залп эрсовских полков трех фронтов, участвовавших в Берлинской операции, составлял 80 тысяч ракет (реактивных мин). Если эту мощь огня перевести в ствольную артиллерию, то потребовалось бы более 800 артиллерийских полков ствольной артиллерии, чтобы выпустить такой залп.

Вот в какую могучую силу превратилась наша реактивная артиллерия за годы Великой Отечественной войны.

Ныне ракеты приняты на вооружение всех родов войск и видов Вооруженных Сил и стали главным средством доставки обычных и ядерных боеприпасов на любые расстояния. Они в любой момент готовы к нанесению уничтожающего удара по врагу, где бы он ни находился. И когда мы воздаем должное нынешнему поколению воинов-ракетчиков, не забываем и тех, кто в неимоверно трудных условиях начального периода Великой Отечественной войны первыми дали реактивные залпы, проложили путь, завершили многолетний творческий труд большого коллектива ученых и инженеров — творцов этого оружия.

Такого мощного и маневренного огневого средства наша армия еще никогда не имела. Его появление на поле боя было одной из крупнейших творческих побед советской науки и техники.

Во многих боях довелось участвовать батарее капитана Флёрова: под Оршей, Рудней, Смоленском, в районе переправы наших войск через Днепр, в контрударе на Ельнинской высоте. Она произвела много десятков залпов по гитлеровским войскам, неизменно нанося им огромные потери, сеявшие в стане врага панику.

Гитлеровское командование предпринимало отчаянные попытки захватить или уничтожить батарею: бомбардировки ее огневых позиций после каждого залпа, выброска групп диверсантов, разбрасывание листовок в районах боевых действий батареей с обещанием тому, кто передаст это новое советское вооружение гитлеровскому командованию, высших наград фашистской армии, крупных сумм денег и отправки в тыл Германии для «наслаждения всеми прелестями жизни». Но все эти попытки оказались бесплодными. Батарея всегда успевала уйти из-под бомбежки, вражеские диверсанты истреблялись, а листовки с презрением сжигались воинами батареей.

В октябре 1941 г. батарея погибла. До недавнего времени об этом почти никто ничего не знал. Было известно, что в ночь на 2 октября батарея вышла в полосу боевых действий 43-й армии Резервного фронта в сторону города Рославль, через день связь с ней была потеряна, восстановить ее не удалось. Что случилось с батареей и ее личным составом — неизвестно, капитан Флёрв, почти все офицеры, солдаты и сержанты батареи больше 20 лет числились без вести пропавшими. Документов о боевой деятельности батареи сохранилось очень мало.

Как удалось восстановить боевой путь, подвиг и судьбу лично го состава первой советской ракетной воинской части?

В феврале 1960 г. «Военные знания» опубликовал короткую заметку «Первые залпы “катюш”». В конце 1961 г. она случайно попала в руки одного из бывших сержантов этой части. Через месяц после этого редакция получила письмо от этого человека — бывшего командира боевой установки. Редактору отдела журнала Н.М. Афанасьеву было поручено выяснять все, что возможно. И потребовалось около трех лет напряженных поисков, чтобы восстановить все то, что произошло четверть века назад. Тов. Афанасьев Н.М. проделал большую работу, чтобы восстановить историческую правду о первой батарее (дивизионе) «эрсев», восстановить имена ее героев и правдиво изложить в своей книге «Первые залпы». Спасибо ему за это.

Удалось разыскать 25 бывших воинов батареи, десятки очевидцев боев и героической гибели батареи, жену и сына капитана Флёрва, семьи других воинов, больше двадцати лет ничего не знавших о судьбе близких им людей.

Что произошло в те дни с батареей И.А. Флёрва?

2 октября 1941 г. фашистские войска перешли в наступление со стороны Рославля и Духовщины (Смоленская область) в общем направлении на Вязьму (операция «Тайфун», которую Гитлер в обращении к войскам назвал решающим сражением 1941 г., имевшим конечной целью захват Москвы). Прорвав оборону наших войск, 5 октября фашистские войска сомкнулись западнее Вязьмы. В кольце окружения оказалось большое количество наших войск, находившихся в районе Смоленска, Ельни и Рославля.

К Рославлю батарея подошла в тот момент, когда гитлеровцы готовились форсировать реку Стометь. Наших войск в этом районе уже не было. Батарея дала залп по переправе, нанеся гитлеровцам большие потери, и повернула назад.

Незадолго до этого батарея была включена в состав 42 ОГМД (особого гвардейского минометного дивизиона). По приказу командира дивизиона капитана Смирнова батарея пошла по бездорожью примерно параллельно старому Варшавскому шоссе (в 5—6 км от него), по которому сплошной массой двигались фашистские войска — на Спас-Деменск и Юхнов. Фашистские войска шли туда же и все время опережали батарею.

Заболоченный лес задерживал движение батареи. В район Спас-Деменска она вышла к вечеру 4 октября. Город уже был занят фашистскими войсками. В связи с нехваткой горючего 6 октября Флёров принял решение: уничтожить почти весь грузовой транспорт, все горючее слить в боевые установки, тщательно проверить надежность их подготовки к взрыву в случае непосредственной угрозы захвата врагом (все боевые установки были минированы заранее). Это и было сделано с утра 6 октября северо-восточнее Спас-Деменска.

К этому времени батарея прошла заболоченными лесами около 20 км по тылам врага. От новой линии фронта ее отделяло еще около 120 км. Капитан Флёров рассчитывал пройти лесами к новой линии фронта, последним залпом решил нанести удар по фашистской обороне с тыла и прорваться к своим войскам. В то же время он приказал всем офицерам и сержантам, командирам боевых установок: если батарея окажется в безвыходном положении, дать последний залп по врагу, взорвать боевые установки, попытаться оторваться от врага и организованно лесами пробиться к своим войскам. Сам он все время находился в головной боевой установке, комиссар батареи политрук Розанов — на замыкающей машине. Непрерывно действовала разведка.

У деревни Богатырь Знаменского района Смоленской области требовалось пройти открытым полем 5—6 км, после чего снова начинался лес, тянувшийся на десятки километров в направлении на Можайск. Около 22 часов высланная вперед разведка доложила,

что в деревне Богатырь и вблизи ее фашистских войск нет. Батарея вышла из леса в открытое поле, в 400—500 метрах впереди снова шла машина разведки.

Когда колонна батареи сравнялась с окраиной деревни Богатырь, находившейся примерно в сотне метров слева от полевой дороги, ее в упор встретил шквальный огонь артиллерии, минометов и пулеметов, мощная засада вражеских войск. Машину разведки засада пропустила вперед, не обнаружив себя. Справа в слева батареи стали обходить танки и САУ, чтобы взять ее в клещи.

Создалось безвыходное положение. Капитан Флёрв приказал дать залп в сторону засады (непосредственно по засаде дать залп было невозможно — она находилась в 30—40 метрах) и, воспользовавшись замешательством фашистов, взорвать боевые установки, после чего попытаться оторваться от гитлеровцев и скрыться в лесу. Сам он, тяжело раненный, дал залп с головной боевой установкой и, взрывая ее, погиб. Расчеты остальных машин тоже успели дать залп и взорвать их.

Отбиваясь от гитлеровцев огнем личного оружия и гранатами, воины батареи прорвались в лес. Но из 170 человек в живых осталось только 46. Командир огневого взвода лейтенант А.В. Кузьмин принял на себя командование. Через 10 дней воины батареи, преодолев неисчислимые опасности и лишения, пробившись к своим войскам в районе Можайска. Вышли из окружения как воинское подразделение: сохраняли личное оружие, воинское обмундирование и знаки различия, партийные и комсомольские документы.

Сразу вновь поступили в ряды различных частей действующей армии. К концу войны многие из них погибли, оставшиеся в живых потеряли связь друг с другом, поэтому сделать что-либо для восстановления правды о боевых действиях и героической гибели первой ракетной части не смогли. Позднее, после окончания войны, некоторые из них, каждый самостоятельно, обращались в МО СССР и в военную печать с письмами, в которых просили восстановить эту правду. Но получали один и тот же ответ: времени прошло слишком много, восстановить ничего невозможно.

Когда работа по восстановлению боевого пути батареи была завершена, И.А. Флёрва исключили из списков без вести пропав-

ших. Редакция журнала «Военные знания» возбудила ходатайство о посмертном награждении командира первых советских ракетчиков.

14 ноября 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Иван Андреевич Флёров награжден орденом Отечественной войны I степени. Родина, за свободу и независимость которой он сражался до последней капли крови, достойно оценила его боевые заслуги, верность солдатскому долгу и беспредельную преданность. Теперь имя первого командира грозных «катюш» навсегда вошло в историю советской ракетной боевой техники. Орден вручен жене и сыну капитана. Они передали его на вечное хранение Центральному музею Советских Вооруженных Сил в Москве, где открыта постоянная экспозиция, воспроизводящая боевой путь и подвиги первых советских ракетчиков.

Первая в Советской Армии батарея реактивной артиллерии своими подвигами на фронте заслужила, чтобы навсегда войти в историю советского ракетного оружия, которому в текущем году исполняется 25 лет. Командир, солдаты, сержанты и офицеры этой батареи, до конца выполнившие свой воинский долг перед Родиной, сделавших для нашей всемирно-исторической победы над немецко-фашистскими захватчиками все, что они могли, достойны глубокой признательности и вечной памяти.

В 1966 г. отмечалась двадцатипятилетняя годовщина Смоленского сражения. В связи с этой датой ЦК ВЛКСМ провел очень большое мероприятие среди населения Смоленщины и Оршанского района Белоруссии. ЦК Комсомола совместно с представителями Советской Армии организовали поход реактивной батареи («катюши») по тому маршруту, по которому такая же батарея следовала на фронт в 1941 г. В этом походе чествовали, кроме молодых бойцов, и всех оставшихся в живых от легендарной батареи, которая своим залпом в дни Смоленского сражения возвестила мир о рождении нового оружия. Таких старых бойцов в живых осталось 26 человек, офицеры — воентехник 2-го ранга Бобров И.П. (пом. командира батареи по тех. части); лейтенант Костюков И.Ф. (командир огневого взвода, военфельдшер 2-го ранга Автономова (по мужу Осокина) Ю.В. (начальник медсанчасти); сержанты и ря-

довые — сержант Гаврилов И.Е. (командир пусковой установки); сержант Овсов В.И. (командир пусковой установки); старшина Нестеров И.Я. (парторг батареи, водитель пусковой установки); сержант Захаров А.А. (комсорг батареи, радист); сержант Коннов И.Н. (командир пусковой установки); сержант Матвеев Д.М. (электрик батареи); сержант Майоров Н.С. (пом. командира огневого взвода); рядовые Аргунов В.Г., Платов Г.А. (водители пусковых установок); Ромашин А.С. (наводчик пусковой установки) и другие.

По всему маршруту в городах и селах население исключительно тепло встречало молодых батарейцев и ветеранов; эти встречи выливались в волнующие события в гор. Вязьма, Ярцево, Смоленск, Рудня, Орша. Я помню как в городе Смоленске батарейцы приходили ко мне, как они явились в 1941 г. (повторили весь ритуал того времени).

В Смоленске состоялся многолюдный митинг, посвященный этому событию. После этого личный состав батареи и ветераны были приглашены по предприятиям. После всех мероприятий, которые были проведены в гор. Смоленск, по плану обкома КПСС батарейцы проследовали сначала в район Рудня, где также были встречены очень тепло и радушно, а затем отправились в район Орши. В Рудне и в районе Орши батарейцы повторили занятие огневых позиций, откуда 14 и 15 июля 1941 г. были даны первые залпы «катюш».

В конце похода в городе Орша состоялась встреча батарейцев с горожанами Орши, состоялся многолюдный митинг. Здесь же, в Орше, на берегу седого Днепра был сооружен и открыт в этот день памятник прославленным «катюшам».

На торжественное открытие памятника съехалось очень много людей (120—130 тысяч чел.). Открытие памятника было очень торжественно и величественно, был дан салют и состоялся парад войск.

Несколько позже такой же памятник, как и в Орше, был сооружен и открыт в городе Рудня в честь первых трех залпов, которые были произведены 15 июля 1941 г. и которые явилась основными в испытании «эресов», по их результатам и было составлено донесение Верховному Главнокомандующему, в котором была дана высокая оценка «эресам».

Глава десятая

КОНТРУДАР НА СМОЛЕНСК С РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Бои достигли высшей точки напряжения. Создалась весьма сложная обстановка в 16-й и 20-й армиях. Эти армии ведут тяжелые бои в районе Смоленска в полном окружении.

Ставка Верховного Главнокомандования, проявляя большую заботу о войсках Западного фронта, которые ведут грандиознейшее Смоленское сражение на главном Московском стратегическом направлении, приняла мудрое решение.

Войскам 29-й, 30-й, 24-й и 28-й армий, которые заканчивали сосредоточение и развертывание на рубеже Осташков, Ржев, Ельня, Брянск, приказывалось частью сил перейти в наступление с задачей во взаимодействии с войсками 20 и 16-й армий разгромить противника севернее и южнее Смоленска.

29-я армия получила задачу наступать из района южнее Торопца силами трех стрелковых дивизий в юго-западном направлении и во взаимодействии с 30-й армией уничтожать смоленско-ярцевскую группировку противника.

30-я армия получила такую же задачу и должна была наступать силами трех стрелковых дивизий (группа генерал-майора В.А. Хоменко) из района юго-западнее Белый.

24-й армии силами трех стрелковых дивизий (группа генерал-лейтенанта С.А. Калинина) и группе генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского (три стрелковые дивизии) предстояло наступать из района Ярцево на Смоленск, тесно взаимодействуя с 30-й армией.

И, наконец, 28-я армия силами двух стрелковых дивизий и одной танковой дивизии (группа генерал-лейтенанта В.Я. Качалова) получила приказ наступать на Смоленск с юго-востока из района Рославля.

Вместе с членом Военного совета фронта Лестевым я поехал в 30-ю армию, чтобы оказать ее командованию практическую помощь в организации наступления. Армией командовал, как уже го-

ворилось, генерал-майор В.А. Хоменко¹. Он и многие его офицеры ранее служили в пограничных войсках. Это были храбрые, дисциплинированные и глубоко преданные нашей Родине командиры.

Кроме трех дивизий 30-й армии в группу Хоменко для наступления привлекалась одна дивизия из состава 19-й армии и 107-я мотострелковая дивизия под командованием полковника Добручева, имевшая около 200 танков (более половины из них были устаревшие Т-26).

На подступах к исходным позициям вражеская авиация сильно потрепала дивизии 30-й армии, но сорвать их переход в наступление не смогла.

В тяжелых условиях непрерывного воздействия с воздуха и труднопроходимой местности наши части сосредоточились на исходных рубежах и начали наступление. Я побывал один-два раза в каждой дивизии и видел, что наши воины все больше приобретают

¹ Василий Афанасьевич Хоменко родился в 1899 г. в с. Петровском Воронежской губернии в семье крестьянина, окончил сельскую школу. С 1914 по 1918 г. работал на Сормовских заводах в качестве ученика токаря и одновременно учился на вечерних технических курсах. В августе 1918 г. вступил добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях с белогвардейцами и различными бандами на Южном фронте, на Тамбовщине и в Средней Азии. За отличия в боях был награжден орденом Красной Звезды Союза ССР и орденом Красной Звезды Бухарской ССР.

После ликвидации банд В.А. Хоменко в течение 10 лет занимал различные должности, вплоть до командира отдельных бригад. В 1935 г. он перевел в пограничные войска Ленинградского округа.

В 1940 г. Хоменко был назначен начальником пограничных войск Молдавской ССР, где в сложных условиях в короткие сроки им была организована охрана новой границы. В том же году переведен начальником пограничных войск крупнейшего пограничного округа — Украины; здесь он работал до начала войны.

В дни нападения на Советский Союз гитлеровских захватчиков В.А. Хоменко, руководя боями пограничных частей этого округа, одновременно организовал вывод большого количества войск из окружения, в этих боях он проявил личное мужество и бесстрашие.

С конца 1941 г. по август 1942 г. Хоменко был заместителем командующего войсками московской зоны обороны, а затем командовал последовательно 30-й, 24-й, 44-й армией, 9 ноября 1943 г. погиб в бою с гитлеровцами в районе с. Большая Лепетиха, в 55 км юго-восточнее г. Никополя.

боевой опыт. С радостью я думал о том, что скоро, очень скоро, врагу не поздоровится.

Во время этой операции противник понес серьезные потери. На участке одной лишь 107-й мотострелковой дивизии, продвинувшейся за четыре дня боев на 20—25 км, осталось 700 вражеских трупов и более 200 подбитых танков и бронемашин. Командир дивизии полковник Добручев по моим указаниям применил следующую тактику наступления: вначале развернутым фронтом двигались танки. Они проходили исходное положение пехоты и сближались с врагом. Противник, конечно, начинал их обстреливать.

В это время наша артиллерия засекала вражеские огневые точки и открыла по ним огонь, чтобы прикрыть танки и обеспечить их продвижение. Затем вступала в бой наша пехота, стараясь двигаться непосредственно за танками.

Схематично получалось так. Вперед «движется» артиллерийский и танковый огонь, за ним следуют танки, за ними пехота, за пехотой артиллерия. Таким образом, артиллерия обеспечивала танки, танки обеспечивали пехоту, а та, в свою очередь, обеспечивала артиллерию. После скачка на 2—3 км делалась тактическая пауза, которая, однако, не представляла собой перерыва в бою. Пехота, закрепившись на достигнутом рубеже, вела прицельный огонь, артиллерия подтягивалась, организовывала новые наблюдательные пункты и огневые позиции, танки пополняли боекомплект и вели огонь как огневые точки. Теперь все это так понятно, а тогда боевого опыта было мало, многие командиры никогда еще не командовали частями в бою. Важно было научить их организации взаимодействия различных родов войск и целеустремленному ведению наступательного боя.

Описанные выше построения боевых порядков и организация взаимодействия пехоты, танков и артиллерии вполне себя оправдали, так как глубокие боевые порядки вражеской обороны требовали организованного их преодоления, «с разбегу», одним ударом, их нельзя было взять.

Вот так на поле боя начали практически вырабатываться приемы и методы взаимодействия родов войск в наступательном бою.

В этих боях многие части показали исключительно высокие боевые качества. У меня сохранился черновик одного документа, который я писал там же, на поле боя, командиру 237-го стрелкового полка:

«Командиру 237-го стрелкового полка
Майору Добровольскому
военкому ст. политруку Горбачеву
начальнику штаба полка капитану Кузьмину

За героические действия в течение 28—29 июля с.г. по разгрому фашистов вы, комиссар и начштаба полка представлены к правительственной награде — ордену Красное знамя.

Действуйте и впредь с большевистской настойчивостью.
Командующий Зап. фронтом генерал-лейтенант Еременко
Член Военного совета див. комиссар Лестев
29.VII.41 г.»¹.

Во время боя 107-й мотострелковой дивизии произошел очень характерный случай, о котором я донес 30 июля главнокомандующему Западного направления. «Танки КВ в руках храбрых людей делают чудеса. На фронте 107-й мсд пускали один танк КВ подавить противотанковую батарею противника и он, выполняя эту задачу, подавил артиллерию, ходил по огненным точкам противника, получил более 200 попаданий и ни одного сквозного поражения, несмотря на то, что по КВ стреляла артиллерия всех систем»². У нас часто танки выходили из строя не в силу поражения их противником, а главным образом из-за неуверенных действий экипажа. Поэтому мы в дальнейшем при комплектовании экипажей отбирали на КВ лучших танкистов. В период 20—28 июля продолжались упорные, напряженные бои. Сил для окружения смоленской группировки у нас, конечно, было недостаточно, мы ввели в бой двенадцать свежих дивизий, но они действовали на широком фронте, разбросаны на фронте 200 км, не хватало времени, чтобы собрать группировки на более узком участке.

¹ Личный архив А.И. Ерёменко.

² Там же.

Наряду с действиями группы Хоменко, о которых я уже кратко рассказал, наступательные действия вели и группы 29-й, 24-й армий и группа Рокоссовского. Их общей задачей было уничтожить смоленскую группировку противника.

В попытках нанести поражение группировке врага, вышедшей в район Смоленска и Ельни, приняла активное участие группа Качалова, состоявшая из двух стрелковых дивизий и одной танковой.

28-я армия начала прибывать в начале июля 1941 г. и развертывалась на широком фронте, как бы образуя пунктирную линию второго эшелона Западного фронта. Правый фланг армии был севернее Ельни, а левый — южнее Брянска. Каждой дивизии отводился участок для оборудования рубежа обороны более 45 км по фронту.

В качестве штаба армии был использован штаб Архангельского военного округа, прибывший в г. Киров Брянской области в конце июля 1941 г. Все воинские соединения армии формировались в различных частях Советского Союза и прибывали к месту дислокации в первой половине июля. Поэтому штабу армии и его работникам личный состав воинских соединений армии был совершенно незнаком. Изучение личного состава происходило уже в процессе приема штабом соединений. В составе командования соединений, а также среди офицерского состава частей значительный процент составляли командиры, призванные из запаса. Как показали боевые действия, в которых принимала участие 28-я армия, личный состав армии продемонстрировал преданность Родине, стойкость, мужество и героизм.

К 10 июля войска 28-й армии еще не закончили выдвижение на назначенные им рубежи. Из 19-й стрелковой дивизии, направлявшейся в район Ельни, прибыло только два стрелковых полка. Их личный состав занимался сооружением оборонительной полосы для прикрытия Ельни, к этим работам широко привлекалось и местное население. К указанному сроку западнее Ельни был отрыт противотанковый ров протяженностью до 2 км, окопные работы были выполнены лишь на 25—30 %.

149-я стрелковая дивизия занимала оборону в районе Михайловки и также проводила оборонительные работы с привлечением местного населения.

217-я стрелковая дивизия была разрознена в пути следования по железной дороге, два ее первые эшелона выгрузились на станции Бетлица (80 км восточнее Рославля), т.е. в назначенном районе, а остальные эшелоны разгружались в Брянске и следовали к Бетлице походным порядком. Это задержало оборонительные работы и развертывание соединений на рубеже обороны на несколько дней, так как в пешем строю предстояло преодолеть около 100 км.

145-я стрелковая дивизия прибыла в район Жуковки (50 км северо-западнее Брянска) и приступила к созданию полосы обороны.

120-я стрелковая дивизия 10 июля выгрузилась в районе Новоселки, все части дивизии прибыли в назначенный район, за исключением двух эшелонов, и приступили к созданию обороны и отрывке окопов. Они построили около километра противотанкового рва, сделав 2300 м эскарпов.

222-я стрелковая дивизия прибыла в район Красного (40 км юго-западнее Брянска), выполнив к 10 июля до 50 % окопных работ.

89-я стрелковая дивизия выгружалась на станциях Жиздра, Брянск, Карачев и сосредоточилась походным порядком в районе станции Стяжное (15 км южнее Брянска). Эта дивизия также с 10 июля начала оборонительные работы¹.

Всюду в строительстве оборонительных сооружений принимало активное участие и местное население. Как воины, так и жители окрестных городов и сел работали с большим энтузиазмом. Так, воин 277-го артиллерийского полка 145-й стрелковой дивизии Гордеев заявил:

«Нужно работать в настоящее время день и ночь, чтобы быстрее закончить оборудование наблюдательных пунктов и огневых позиций»². Свои слова он оправдал делом.

Хорошо работали в этом полку также и воины огневого расчета младшего сержанта Балаболина, который в это время был принят кандидатом в члены ВКП(б)³.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 8. Л. 1—14.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 5. Л. 4—5.

³ Там же.

О действиях группы В.Я. Качалова я хочу разобрать более подробно, чтобы подчеркнуть ее значение в Смоленском сражении.

16 июля 1941 года по указанию Генштаба начала создаваться из войск 28-й армии небольшая ударная группа в районе Рославля, в то время как главные силы армии продолжали оставаться на прежних рубежах. Рославльскую группу было приказано возглавить командующему 28-й армией генерал-лейтенанту В.Я. Качалову, в оперативных документах она стала называться группой Качалова, причем ей была поставлена активная наступательная задача. 21 июля войска группы, продолжая сосредоточение, начали подготовку к проведению наступательной операции.

Не дремал на этом направлении и противник, усиленно ведший разведку, бомбивший и обстреливавший с воздуха сосредоточившиеся части. Особенную активность враг проявлял вдоль Варшавского шоссе.

В группу Качалова вошли 149-я, 145-я стрелковая и 104-я танковая дивизии.

149-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Ф.Д. Захаров¹), имея главою группировку на левом фланге, к 22 июля сосредоточила авангарды на рубеже Крутцовка, Самодидино, Старинка. 568-й стрелковый полк с 314-м гаубичным артиллерийским полком без двух батарей — в районе Давыдовка, Чистик, Хатеевка. 479-й стрелковый полк со 2-м и 3-м дивизионами 426-го гаубичного артиллерийского полка и одной батареей 814-го артиллерийского полка — на участке Бутки, Барсуки, северная окраина Красного Холма. 744-й стрелковый полк с дивизионом 488-го корпусного ар-

¹ Федор Дмитриевич Захаров родился в 1891 г. в семье крестьянина-бедняка в д. Логачево Медынского уезда Калужской губернии. В 1914 г. был призван в царскую армию. В марте 1917 г. вступил в Коммунистическую партию. В Красную гвардию вступил добровольно в 1917 г., до 1918 г. командовал красногвардейским отрядом. С 1918 по 1923 г. — командир отдельного кавалерийского дивизиона и командир полка 21-й пермской стрелковой дивизии. С 1923 по 1938 г. — командир кавалерийского полка. С 1937 по 1942 г. — командир 149-й стрелковой дивизии.

В дальнейшем — заместитель командующего войсками 16, 49, 50-й армии. С 1944 г. до конца войны — командир корпуса. В 1948 г. уволен в отставку по состоянию здоровья.

тиллерийского полка, дивизионом 426-го гаубичного артиллерийского полка, батареей 314-го артиллерийского полка — на участке Раковка Западная, южная окраина Красного Холма.

145-я стрелковая дивизия, прибывшая из Орла (командир генерал-майор А.А. Вольхин¹), к этому же времени занимала оборону общей протяженностью до 40 км по р. Десна. 403-м стрелковым полком с двумя дивизионами 516-го гаубичного артиллерийского полка и двумя дивизионами 364-го корпусного артиллерийского полка — на участке Верхняя Осиновка, Ботвиновка. Один батальон 403-го стрелкового полка получил задачу обеспечить переправу на р. Остер. 599-й стрелковый полк 145-й дивизии одним батальоном с дивизионом 349-го корпусного артиллерийского полка и батареей 255-го отдельного артиллерийского дивизиона оборонял участок Рогово, Малаховка, Лесники. 3-й батальон этого полка сосредоточивался в районе Халиповки, 2-й батальон нес службу регулирования в г. Рославле. Командир этой дивизии генерал-майор Вольхин был назначен начальником гарнизона г. Рославль с задачей навести в нем соответствующий порядок. Город был перевалочным пунктом для войск, идущих на запад, и встречного потока, остатков различных частей и соединений, выводимых из боя на переформирование и выходящих из окружения. Нередко его магистрали закупоривались и, по словам командира дивизии, стоило немалых трудов, чтобы наладить движение. С этой целью восточнее города был организован сборный пункт, где войска, выходявшие из окружения, приводились в порядок, а затем они вливались в дивизию. Основные материальные ценности из города были эвакуированы, а военные объекты подготовлены к уничтожению. 340-й стрелковый полк 145-й дивизии с утра 20 июля был выдвинут в район Починка с целью овладеть аэродромом, к исходу этого дня вышел на рубеж севернее и

¹ Сам Александр Алексеевич Вольхин рассказывал о себе следующее: «Рос и воспитывался в большой рабочей семье. С 10 лет вынужден был работать по найму. Полтора года служил в царской армии, последний чин — младший унтер-офицер. В Красную армию вступил добровольно в 1919 г. Во время Великой Отечественной войны командовал рядом дивизий; начинал войну командиром 145-й стрелковой дивизии, член КПСС с 1919 г., сейчас в отставке».

восточнее Стодолища по южному берегу р. Стометь, где воспретил разведгруппам противника проникнуть через наш передний край. Этот полк под командованием полковника П.И. Метальникова¹ входил первоначально в 46-ю стрелковую дивизию, дислоцировавшуюся перед войной в Иркутске, другие ее полки были уже брошены в бой в то время, когда этот полк прибыл в район Рославля и был включен в состав 145-й дивизии. П.И. Метальников получил задачу непосредственно в штабе группы Качалова совершить марш в район Починка, для чего ему выделялось из 145-й дивизии 200 автомашин. В ночь на 20 июля полк достиг указанного рубежа. Но при развертывании в боевой порядок подвергся сильному артиллерийскому и минометному обстрелу. Видимо, его передвижение было замечено разведкой гитлеровцев. Вместе с полком был командир дивизии А.А. Вольхин, помогавший П.И. Метальникову организовать управление в тяжелый момент, когда необстрелянный полк попал под ураганный огонь противника. Затем по приказанию командарма А.А. Вольхин вернулся в штаб дивизии, чтобы подготовить всю дивизию к бою.

104-я танковая дивизия (до войны 9-я танковая) была сформирована в Туркестанском военном округе в г. Мары, командир полковник В.Г. Бурков². На Западный фронт в район станции Ки-

¹ Петр Иванович Метальников рассказывал о себе следующее: «Родился в 1900 г. в с. Малая Алабуха Воронежской губернии. До 12 лет учился, затем работал в г. Борисоглебске на маслобойном заводе. 8 января 1918 г. с большей частью рабочих завода вступил добровольцем в красногвардейский полк. Весь 1918 год провоявал на Дону, защищал Царицын. Дрался за Кременчуг, Винницу, был под Львовом, затем учеба в военном училище, служба на должностях командира роты, помощника начальника отдела штаба Округа, начальника штаба полка и, наконец, командира 138-го (переименован в 340-й полк) полка 46-й стрелковой дивизии. В Отечественной войне последовательно командовал полком, бригадой, дивизией. С августа 1943 г. командир 9-й Краснодарской пластунской дивизии, с которой и закончил войну, Член КПСС. Уволен в отставку в июле 1946 г. по состоянию здоровья — тяжелое ранение обеих ног и головы, но до сего времени ведет большую общественную работу».

(Личный архив А.И. Ерёмко.)

² Василий Герасимович Бурков, 1901 г. рождения, член КПСС с 1920 г., в Красной Армии с 1919 по 1945 г. Умер в 1957 г. в звании генерал-лейтенанта

ровская (Фаянсовая), недалеко от Брянска, эшелон дивизии начал прибывать 11 июля, а затем походным порядком двинулись в район Ельни. 21—22 июля дивизия принимала участие в боях за Ельню, обеспечивая удар 19-й стрелковой дивизии, затем вышла из боя по приказу Западного фронта, чтобы войти в состав группы Качалова. При выходе из района Ельни дивизия понесла потери от авианалетов врага, особенно в 104-м мотострелковом полку. В это же время был убит и командир одного из танковых полков. Дивизия основными силами с боями выходила к исходу 22 июля в район Борисовочка, Ковали.

Таким образом, группа Качалова в составе 145-й, 149-й стрелковых и 104-й танковой дивизий сосредоточивалась севернее Рославля и должна была начать наступление с рубежа ст. Стодолище, Дербуж в общем направлении на Смоленск, развивая удар вдоль шоссе Рославль — Смоленск, охватывая Смоленск с запада. Выход в район Смоленска намечался к 25 июля. Ставка поставила группе Качалова задачу: во взаимодействии с группой Хоменко, наступавшей в направлении Белого, группой Рокоссовского, наносившей удар в направлении Ярцево, и 20-й армией, действовавшей с северо-запада, уничтожить противника в районе Ярцево, Смоленск, Духовщина, Демидов.

23 июля группа Качалова перешла в наступление и отбросила передовые части противника за реки Беличек и Стометь во второй

танковых войск запаса, награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени и медалями.

Комиссар дивизии Д. С. Давиденко так характеризовал своего командира: «Полковник Бурков умело организовал несколько смелых ударов по превосходящим силам врага. Только в одном столкновении с гитлеровцами был полностью уничтожен батальон пехоты со всеми противотанковыми средствами. Василий Герасимович со знанием дела руководил дивизией. Каждый бой организовывал продуманно, во всех серьезных сражениях принимал личное участие. Его командирский танк можно было видеть на самых ответственных и решающих участках. Он появлялся именно там, где требовался его совет, бодрое слово или суровый приказ. Большим мужеством, заботой о людях, знанием техники и ее возможностей заслужил Василий Герасимович авторитет и любовь у своих подчиненных».

(Личный архив А. И. Ерёмко.)

половине дня. 149-я стрелковая дивизия 568-м стрелковым полком вышла на рубеж Гута, северный берег р. Беличек, Ворошилова, 479-й стрелковый полк правым флангом вышел на северный берег г. Стометь юго-западнее Ворошилова.

145-я стрелковая дивизия 340-м полком перешла на северный берег р. Стометь южнее Ленинской Слободы. 729-й полк одним батальоном занял Полуево на северном берегу р. Стометь, остальные батальоны остались на южном берегу этой реки. 403-й стрелковый полк находился в районе Новый Деребуж.

В ночь с 23 на 24 июля разведывательный батальон и отдельный отряд 145-й стрелковой дивизии выдвинулись вперед с задачей овладеть Малыми Хисловичами.

24 июля 104-я танковая дивизия к 9 часам утра сосредоточилась в районе Борисовочка, Ковали. Ее мотострелковый полк к этому времени вышел в район леса юго-восточнее Красноселья.

149-я стрелковая дивизия в это же время вышла на северный берег р. Беличек и заняла Ворошилово. Противник оказывал упорное сопротивление, но под давлением наших атакующих подразделений начал отход в разных направлениях. Перед фронтом 568-го стрелкового полка, в частности, враг отходил на северо-восток, а перед фронтом 479-го стрелкового полка — на север. Отходившие подразделения противника входили, видимо, в состав авангарда, так как основная группировка неприятеля, по данным нашей разведки, находилась северо-восточнее Починка, в районе Лещиной Слободы было обнаружено до роты пехоты с пулеметами и минометами.

К исходу этого дня (24 июля) войска группы Качалова развили успех на своем левом фланге в направлении Гореликова. К этому же времени на правом фланге сосредоточилась 104-я танковая дивизия в районе Пустошь, Пасское 1-е, Заборье, имея один полк на рубеже Ивановка, Герасимовка.

149-я стрелковая дивизия в результате контратак нескольких групп противника, вклинившихся в промежутки и стыки между нашими частями, отошла на рубеж по южному берегу реки Беличек и Стометь, достигнутый накануне. 569-й стрелковый полк отошел к Червявке и лесу юго-западнее этого населенного пун-

кта. 479-й стрелковый полк окопался в районе Рудня, Бережок. 744-й стрелковый полк — на рубеже Захаровки. После отхода части приводили себя в порядок. Перед фронтом дивизии было до 20 танков и пехоты врага.

145-я стрелковая дивизия к исходу 24 июля своим 340-м стрелковым полком овладела Петровкой, отбросив на Васьково до двух пехотных рот противника 599-й стрелковый полк, наступавший на Жиганово, Голееву, вышел на рубеж высоты 188,0, Романовка, оттеснив и частично уничтожив разведывательные подразделения врага. 729-й стрелковый полк овладел деревней Белый Ручей и высотой севернее Полуева. 403-й стрелковый полк развернулся из-за левого фланга дивизии и к утру 25 июля вышел на рубеж Михайловка, Погары, Митюли, отрезая пути отхода противнику и развивая удар на Горелики.

25 и 26 июля, преодолевая упорное сопротивление противника, войска группы достигли линии Пустошь, Фадеева Буда, Тихоновка, Калиновка — 104-я танковая дивизия; Чернявка, Ворошилово, Лындовка — 149-я стрелковая дивизия; Осиновка, Пещево, Сарытовка, Барсуковские — 145-я стрелковая дивизия.

Продолжали наступление войска группы и 27 июля. При этом 104-я танковая дивизия получила задачу овладеть переправой на р. Хмара на участке Погуляевка, Егоровка; 149-я стрелковая дивизия — овладеть переправами через р. Хмара на участке Понизовка — железная дорога; 145-я стрелковая дивизия частью сил должна была оборонять район Осиновки, Стометки, р. Хмара, а остальными частями также выполнять задачу по овладению переправами через р. Хмара.

Разведка группы установила, что противник подводит резервы из районов Орши и Смоленска, сосредоточивая механизированные части в районе Шумаево, Докудово, Иванино.

29 июля неприятель еще более усилил сопротивление, обстреливая наши боевые порядки артиллерийским и минометным огнем. Его авиация небольшими группами непрерывно бомбила и штурмовала штабы, огневые позиции артиллерии, места сосредоточения пехоты. В этот день 104-я танковая дивизия передовыми частями вела бои южнее Дударовки в районе Марчековки, преодо-

левая сильный огонь противотанковой артиллерии. 149-я стрелковая дивизия 568-м стрелковым полком вышла на рубеж Зимницы, отметка 213,2; 479-й стрелковый полк овладел Лындовкой. 744-й стрелковый полк правым флангом занимал Никулино, а левым — высоту с отметкой 192,1. Продвижению дивизии упорно противодействовали пехота, танки и артиллерия гитлеровцев.

145-я стрелковая дивизия 340-м стрелковым полком наступала на Васьково, также встречая сильное огневое противодействие. 729-й стрелковый полк вел бой на рубеже южнее Жигалова. 403-й стрелковый полк, наступая на Михайловку, вышел на рубеж высоты 196,7. 599-й стрелковый полк находился во втором эшелоне в районе Шаталово, Дундуковка, Старинка¹.

Рано утром 1 августа после артиллерийской подготовки враг нанес сильный удар на участке Рудня-Новая, Жарковка, Шипенко, Печорск, Бурянка, Печорская Буда, Выдрица в направлении на Рославль. По свидетельству Гудериана, для захвата города были брошены 24-й танковый, 7-й и 9-й армейские корпуса². Около 100 танков с мотопехотой в 5 часов дня прорвались в Звенчатку по шоссе на Рославль.

Еще более активизировалась и авиация противника во всей полосе действий группы, особенно свирепствовали гитлеровские стервятники в районе Рославля, который теперь оборонялся 222-й стрелковой дивизией, также подчиненной генералу Качалову.

На следующий день, 2 августа, обстановка продолжала ухудшаться. Мотомехчасти противника вышли на рубеж Новины, Старинка, Рогожинские, Новый Дербуж, Печкурово. Левый фланг группы обходили более полка мотопехоты и полк танков врага.

Однако к исходу этого дня наступление противника на левом фланге было приостановлено, на правом же фланге отдельные группы мотоциклистов и мотопехоты с танками проникли в район Заболотовки.

104-я танковая дивизия в полдень 2 августа отошла под натиском превосходящих сил противника, завязав напряженный бой с танками и мотопехотой в районе Борисовочки.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8439. Д. 8. Л. 39—41.

² Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 174.

Проанализировав сложившуюся обстановку, генерал Качалов 2 августа отдал приказ, в котором констатировал, что противник пытается вклиниться между укрепленным рубежом на р. Десне и правым флангом группы, с особым упорством развивая наступление на направлении Новый Дербуж, Печкурово, Рославль с рубежа Хисловичи, Кричев. Войскам группы приказывалось сдерживать наступление противника на рубеже Ивановка, Осиновка, Ефремовка, Новый Дербуж, Печкурово, Рославль. Считая основной задачей удержать рубеж по р. Стометь и район Рославля, В.Я. Качалов одновременно планировал нанести удар в общем направлении на Егоровку, Починок в тыл ельнинской группировке противника.

Так, 104-й танковой дивизии в ночь со 2 на 3 августа под прикрытием мотострелкового полка, удерживающего рубеж Новоселье, Борисовочка, предстояло сосредоточиться в районе Селинка, Чернявка, Недобрая и быть готовой вместе со 149-й стрелковой дивизией нанести удар в северном направлении¹.

Этот приказ отвечал обстановке, правильно нацеливал войска группы и был увязан с действиями соседей, в частности с 13-й армией Центрального фронта.

Дело в том, что командование Центрального фронта 3 августа в связи с прорывом вражеских танков в район Рославля и подхода сюда значительных сил пехоты поставило 13-й армии задачу, не допуская выхода неприятеля восточнее р. Остер в направлении Брянска, основными силами ударить с тыла (с запада и юго-запада, удар группы Качалова — с севера) и нанести поражение прорвавшейся к Рославлю группировке противника.

Удары 13-й армии готовились из лесов севернее Шумячей (кавалерийская дивизия) и с рубежа Милославичи, Васильевка, Гульки (137-я, 121-я стрелковые и 21-я кавалерийская дивизия).

Одновременно 4-й воздушно-десантный корпус должен был контратаками сдерживать части 7-го армейского корпуса гитлеровцев на линии Хотимск, Первомайск, Михеевичи².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 45. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

Эти задачи войска 13-й армии получили лишь к вечеру 3 августа и начали осуществлять на следующий день.

В то же время враг успел закрепиться на достигнутых рубежах и фактически осуществил оперативное окружение группы Качалова. Я не располагаю точными данными о причинах запоздания командования Центрального фронта с отдачей приказа об ударе по группировке гитлеровцев, окружившей наши войска в районе Рославля. Но если бы эти действия были осуществлены хотя бы на сутки раньше, обстановка на этом участке сложилась бы более благоприятно для нас, а группа Качалова в полном составе вырвалась бы из кольца.

В продолжение ночи со 2 на 3 августа противник пытался справа и слева прорваться в тыл группы Качалова и окружить ее и фактически добиться этой цели. Генерал Качалов перегруппировал части так, чтобы два стрелковых полка могли контратаковать из Стодолища в направлении Рославля и уничтожить противостоящие силы совместно с 228-й стрелковой дивизией и очистить город от проникших туда гитлеровцев.

Однако события приобретали все более драматический характер. Угроза полного окружения и уничтожения нависла и над штабом группы. Генерал Качалов, находящийся в это время на своем КП в лесу, у Стодолища, решил выходить из окружения в направлении Лысовка, Старинка и отдал приказ командиру 149-й стрелковой дивизии подтянуть к д. Лысовка один стрелковый полк, который должен был двигаться в авангарде, прорвать кольцо окружения и обеспечить выход штаба группы. Время подхода этого полка в Лысовку было установлено в 23.00. Одновременно туда должна была прибыть и колонна штаба группы. Полк, однако, запоздал с выходом в Лысовку и прибыл туда только к утру 4 августа. Деревня Старинка к этому времени была уже занята противником. Развернувшись в боевой порядок, полк атаковал гитлеровцев, засевших в деревне. За полком двинулась и колонна штаба. При подходе к Старинке завязался ожесточенный бой. Он длился с переменным успехом до 17 часов 4 августа. Штабные машины были замаскированы в лесу, а личный состав штаба во главе с членом Военного совета В.И. Колесниковым пошел в боевые порядки, чтобы поднять дух

войск. В.Я. Качалов сел в танк, который находился на КП, и тоже поехал в боевые порядки, чтобы лично руководить боем.

О действиях героической 149-й стрелковой дивизии и ее храброго командира стоит привести рассказ начальника политотдела 28-й армии дивизионного комиссара В.П. Терешкина¹.

«При выходе армии из окружения генерал Захаров с группой бойцов и командиров численностью в 700—800 человек прикрывал до последнего момента переправу армии через р. Остер. Рано утром, когда части армии и боевая техника уже закончили переправу, гитлеровцы отрезали группу Захарова от р. Остер. С этой группой остался в окружении у противника и я, а также генерал Фоменко и начальник санитарной службы армии. Я все время был в тесной связи с Захаровым и видел в нем мужественного, преданного Родине офицера Красной Армии.

Особенно тяжелым был первый день нашего пребывания в окружении. Группа Захарова выдержала тяжелый бой, имея крайне ограниченное пространство для своих действий площадью в 3 км. Противник, во много раз превосходящий нас силами, неоднократно пытался уничтожить группу Захарова, обстреливая ее из всех видов оружия, производя неоднократные атаки и воздействуя на нее массированными налетами авиации. Фашисты пытались также и морально воздействовать на окруженных бойцов и офицеров, разбрасывая листовки, призывающие к сдаче в плен, пуская в ход агитацию с помощью громкоговорителей, и т.п. Однако все бойцы и офицеры продолжали мужественное сопротивление под умелым руководством генерала Захарова.

С наступлением темноты генерал Захаров собрал бойцов и офицеров (осталось 400—500 человек) и смелым маневром вывел

¹ Владимир Петрович Терешкин родился в 1903 г., в партию вступил в 1918 г. Участвовал в Гражданской войне в 1919 г. под г. Петрозаводском и в 1921—1922 гг. — на севере Карелии при ликвидации белофинской авантюры. С 1918 по 1925 г. на советской, комсомольской и партийной работе. С 1925 по 1947 г. снова в Красной Армии. С 1947 г. на ответственной работе в ЦК КПСС. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и тремя орденами Трудового Красного Знамени.

их в тыл противника. Здесь группа Захарова действовала в течение нескольких дней, выдерживая неоднократные и тяжелые столкновения с превосходящими силами врага. В дальнейшем генерал Захаров разделил воинов на более мелкие группы, поставив перед ними самостоятельные задачи на выход из окружения. Я с группой бойцов и офицеров вырвался из окружения раньше, чем генерал Захаров. Через несколько дней и он вышел из окружения во главе небольшой группы бойцов и офицеров. Я знал его всегда как преданного Родине, замечательного боевого генерала»¹.

Трудно сейчас полностью восстановить картину действий В.Я. Качалова в этот ответственный момент. Но в целом она ясна для меня. Находясь на КП 149-й дивизии вместе с ее командиром, командарм внимательно наблюдал за боем. По-видимому, в какой-то момент, когда события достигли кульминации, опытный военачальник понял, что необходим еще один импульс, чтобы добиться перелома в нашу пользу. Меньше всего думая о себе, он ринулся в бой, стремясь личным примером и огнем своего танка повлиять на ход сражения, а вместе с тем и увидеть его изнутри, чтобы понять, что необходимо делать дальше. При появлении ведущего меткий огонь танка, в котором находился командующий, враг, как видно, дрогнул. Наверное, в этот момент Владимир Яковлевич и послал адъютанта с приказом о подброске мотопехоты. Но и с вражеской стороны, вероятно, уловили, куда клонится дело, открыли ураганный артиллерийский огонь, жертвой которого пал доблестный командарм, находясь в боевых порядках пехоты на подступах к д. Старинка. Погиб и весь экипаж танка. Местные жители похоронили павших в общей могиле. Это подтверждено показаниями жителей д. Старинка Н.В. Кузьмина, В.К. Мучкина, А.В. Андреева, Ф.В. Зайцева. Они рассказывают: «Около деревни Старинка в одном из подбитых танков находился генерал Качалов, которого после боя уже мертвым вынесли из машины. На поле боя было подобрано еще до пяти десятков трупов наших воинов, все они были похоронены на краю деревни Старинка в двух братских могилах.

¹ Личный архив А.И. Ерёменко.

Гибель В.Я. Качалова подтверждается и данными противника. В обзоре 9-го армейского корпуса, захваченном нашими войсками, указано: «К этому моменту пал командующий 28-й армией Качалов со своим штабом. Вместе с танковой группой он пытался прорваться через деревню Старинка, но в конце концов был задержан и не прошел».

Генералы и офицеры, знавшие В.Я. Качалова на протяжении многих лет службы в Красной Армии, сохранили о нем самые лучшие воспоминания.

Я лично хорошо знал Владимира Яковлевича Качалова. Он одно время командовал 14-й кавалерийской дивизией им. Пархоменко, а я командовал 55-я кавалерийским полком этой дивизии, находился в его подчинении, знал его как хорошего командира дивизии. Родился он в с. Городище в 1890 г. на территории нынешней Волгоградской области. Родители его сначала занимались сельским хозяйством, а перед революцией имели кожевенную лавку в Царицыне, но вскоре «прогорели» и опять ушли в село, где по-прежнему занимались сельским хозяйством. Владимир Яковлевич в 1910 г. окончил Харьковское коммерческое училище и был призван в армию как вольноопределяющийся. В 1912 г. был демобилизован, а в 1914 г. вновь призван в армию и служил в чине прапорщика в 712-й пехотной дружине. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию и участвовал в Гражданской войне. Он занимал должности начальника отряда, начальника штаба бригады, начальника штаба 1-го конного корпуса, начальника штаба дивизии, а после окончания Гражданской войны — командира дивизии, командующего военным округом.

Очень высоко отзывались о нем и те, кто был свидетелем его командной деятельности на фронте. О нем рассказывали, что он храбро держался в бою, не допускал и признака растерянности, всегда твердо руководил войсками. В этом отношении особенно показательны и интересны воспоминания о В.Я. Качалове начальника политотдела 28-й армии В.П. Терешкина: «Как в Архангельске, так и на фронте я видел в В.Я. Качалове преданного Родине и нашей партии командира. Он был спокойным, выдержанным, внимательным к своим подчиненным человеком. Я не

помню ни одного случая ни в мирное время, ни во время войны, когда бы Качалов терял самообладание, допускал бы грубость по отношению к подчиненным. Он был строгим и требовательным, но всегда спокойно и убедительно разъяснял задачи, которые ставил подчиненным, и так же спокойно и убедительно отвечал на все вопросы, которые у подчиненных возникали в связи с полученными ими от Качалова приказами. Он никогда не проявлял поспешности. В боях он был примером личного мужества и презрения к опасностям. Иногда он даже, как мне кажется, излишне подвергал себя опасности в бою. Мне несколько раз самому приходилось просить его уйти в укрытие, когда он в непосредственной близости к противнику, стоя во весь рост, наблюдал за ходом боя и отдавал приказания. Но он обычно шутливо отвечал: «Еще не добыт свинец для моей пули»».

Доброе имя храброго командарма останется в памяти нашего народа наряду с именами других героев, павших в борьбе за свободу и счастье нашей Родины.

После гибели Качалова положение частей 28-й армии (группы Качалова) еще более ухудшилось. Вот что доносил начальник штаба армии к концу дня 4 августа в штаб Западного направления:

«28-я армия ведет бой с превосходящими силами в окружении в районе Ермолино, Садодидино, Лысловка, Шкуратовка, Озерявино. Войска пробиваются в юго-восточном направлении, одна группа через Рославль и одна к востоку. Задача — пробиться за реку Остер. Войска имеют потери массового характера, боеспособны. Прошу помочь авиацией, главным образом истребителями.

Егоров, Прилонко»¹.

В дальнейшем группа Качалова вышла из состава Западного фронта и перешла в подчинение Резервного. Многим ее частям удалось вырваться из окружения, но с большими потерями.

Вот что пишет о выходе из окружения части сил группы Качалова комиссар 104-й танковой дивизии А.С. Давиденко: «С наступлением темноты мы с начальником оперативного отдела дивизии отвели свои танки в глубь леса, где был сборный пункт шта-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219, оп. 679. Д. 45. Л. 6.

ба 28-й армии. Здесь были член Военного совета, командующий авиацией (генерал), командующий БТ и МВ (полковник), раненый командир нашей дивизии полковник В.Г. Бурков и другие. На совещании было намечено направление движения нашей колонны и ее построение. Колонна двинулась лесом, но разорвалась по причине неисправности одного из танков. Пока ремонтировали танк, передняя часть колонны ушла далеко вперед. С этой колонной был член Военного совета 28-й армии и командир нашей дивизии полковник Бурков. Вторая часть колонны после устранения неисправности в танке продолжала движение, но на пути движения была развилка. Мы посоветовались и решили вести колонну влево. Утром же узнали, что передняя часть колонны у развилки ушла вправо. Со второй частью колонны были командующий авиацией, командующий БТ и МВ, я и начальник особого отдела дивизии.

Утром наша колонна подошла к месту боя, где части 28-й армии под управлением начальника штаба 28-й армии прорывались из окружения. По приказанию начальника штаба армии я послал одну роту танков в бой, а затем пришлось послать и вторую роту, но успеха достигнуть не удалось. Поэтому во второй половине дня нам пришлось прекратить бой и повести все оставшиеся войска и технику в другом направлении. Почти двое суток шла наша колонна и не встречала фашистов. Рано утром, когда было совсем светло, вся наша длинная колонна остановилась на открытой дороге у реки Десны. Танки и бронемашины начали переправлять вброд, а для колесных машин и артсистем решено было построить переправу. Танки и бронемашины быстро переправились и заняли боевые позиции.

Командующий авиацией, командующий БТ и МВ и я собирали бойцов и командиров для организации обороны переправы. Начальник штаба армии руководил переправой. Когда навели мост и по нему пошли колесные машины, противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по переправе. Несколько машин от прямых попаданий загорелось. Через некоторое время справа и слева от нас на предмостный участок повели наступление гитлеровские автоматчики. Бойцы и командиры, сведенные в роту и поддерживаемые танками, отразили одну за другой несколько

атак автоматчиков. Часам к 16 прекратился артиллерийский обстрел и автоматчики отошли, но переправа была разрушена.

Начальник штаба армии собрал совещание. Его решение было таким: всем немедленно продвигаться вперед, т.е. выходить из окружения, а он остается здесь, чтобы переправить всю технику. Мы все уговаривали его, чтобы он не оставался. Всем было ясно, что спасти всю технику противник не даст. И все же начальник штаба остался. О его судьбе мне ничего не было известно. Потом мы узнали, что передняя колонна прошла справа от нашей переправы через мост. Они сбили охрану моста и без потерь переправились. Как мы, так и передняя колонна дальше уже не встречала серьезного сопротивления противника при выходе из окружения. Сборным пунктом частей 104-й отдельной танковой дивизии был район д. Амур. Все части 104-й отдельной танковой дивизии вышл из окружения организовано»¹.

О начальнике штаба 28-й армии генерал-майоре П.Г. Егорове В.П. Терешкин вспоминает: «Я помню Егорова как знающего дело командира, работоспособного, неутомимого, авторитетного у подчиненных человека. В боевой обстановке Егоров проявлял всегда большую выдержку, спокойствие и мужество. Я считал и считаю его преданным Родине человеком. Он не мог сдаться в плен ни из-за трусости, ни по каким-либо другим причинам»².

После того как начальник штаба 28-й армии генерал-майор Егоров прислал в штаб фронта и главкому Западного направления вышеприведенное донесение, никаких сведений о Егорове не поступало, поэтому штаб фронта и главное управление кадров считали его без вести пропавшим. Теперь, спустя 22 года, в процессе изучения боевых действий группы Качалова и участия ее в Смоленском сражении я установил некоторые факты, проливающие свет на его дальнейшую судьбу. Подполковник запаса Василий Андреевич Чумак, ныне работающий в Москве, во время описываемых событий был политруком роты крупнокалиберных пулеметов, Он прислал мне следующее письмо:

¹ Личный архив А.И. Ерёмченко.

² Там же.

«Я, подполковник запаса Чумак Василий Андреевич, в начале Великой Отечественной войны служил в 602-м полку 109-й мотострелковой дивизии 3-го механизированного корпуса. В июле месяце 1941 г. нам полк влили в Московскую пролетарскую дивизию. В конце июля 1941 г. при выходе из окружения ряд подразделений был оставлен для прикрытия отхода частей. Точно не помню, но кажется, это было 27 июля. Отход начался рано утром. В середине дня гитлеровцы атаковали наши позиции. Мы, отбив атаку небольших сил врага, получили приказ от майора Глухова — начальника штаба 602-го полка — об отходе в леса, что южнее деревни Петровской. Когда мы вошли в лес, там были еще солдаты других подразделений и частей, они сообщили, что с востока и севера лес окружают немцы. Всего в это время в группе майора Глухова было 120 человек. У меня из роты крупнокалиберных пулеметов было 17 человек. По приказу майора Глухова мы пошли на юг, чтобы обойти гитлеровцев и выйти к Дорогобужу, где должна была находиться наша дивизия. Шли мы дней 8 или 10, точно не помню.

В один из дней на опушке молодого и густого леса кто-то увидел три больших палатки. Мы подошли к ним и увидели жуткую картину. Вокруг палатки валялись трупы солдат, офицеров, генералов и девушек. Всего, кажется, было 17 или 16 человек, из них 7 или 9 девушек. Все трупы истерзаны. У генерала на лбу вырезана звезда. На груди тоже звезда. Грудь проткнута штыком. О том, что это был генерал, можно было определить по обрезанным лампасам и по саржевой рубашке, которые носил высший комсостав до войны. Все были полураздеты, у всех были раны на теле. У некоторых вырезаны полосы кожи на спине. У некоторых звезды. Девушки были распяты. Кругом были видны следы насилия. Трагедия разыгралась незадолго до нашего прихода на это место. Майор Глухов осмотрел все и приказал похоронить трупы. Генерала было приказано похоронить мне. Все трупы были завернуты в куски палатки и зарыты в щели, которые находились вблизи палаток.

После захоронения трупов через сутки или двое, ночью, мы, находясь вблизи Днепра, по приказу Глухова разбились на три группы и пошли к Днепру. Я со своей группой ночью перешел Днепр и

8 или 9 августа недалеко от Дорогобужа нашел московскую дивизию, в которой и был до октября месяца. Выбыл по ранению.

Во время похорон трупов Глухов сказал, что убитый — генерал Егоров и что он когда-то служил у Егорова. Вот отсюда я и помню эту фамилию. Лицо генерала мне запомнилось на всю жизнь. Если дадите мне фотокарточку этого генерала, то я узнаю его и сейчас».

Получив это сообщение, я беседовал с В.А. Чумаком и убедился, что его свидетельство вполне правдоподобно. В.А. Чумак не смог указать место, где фашисты истязали наших людей. Он сказал: «Сейчас не могу припомнить этого места, мы так много маневрировали, находясь в тылу противника, что я окончательно запутался в ориентировке, а название села забыл. Все это должен хорошо помнить командир нашего отряда начальник штаба полка Глухов. Однако жив он или нет, я не знаю»¹.

Опубликование книги, возможно, поможет найти других свидетелей последних дней генерала Егорова, которые дадут более определенные сведения о его судьбе.

В.П. Терешкин характеризует и еще одного генерала — начальника тыла 28-й армии генерал-майора Фоменко. Начальник политотдела армии пишет: «Фоменко был распорядительным, энергичным и знающим свое дело человеком. В боевой обстановке он не отсиживался в тылу, а был в передовых частях, находясь с войсками, которые прикрывали выход армии из окружения; он считал своим долгом заботиться о питании бойцов и офицеров, о наличии боеприпасов. Фоменко был ранен в руку и ногу, но мужественно переносил боль, шутил и шел все время без посторонней помощи. Я знаю, что он вышел из окружения, но жив ли он сейчас и где находится, не знаю»². Нельзя не отметить высокий морально-политический уровень войск группы Качалова, проявленный ими героизм и самоотверженность в неравных боях с превосходящими силами противника. Из массы героических дел зафиксированными документально оказались лишь немногие эпизоды.

¹ Личный архив А.И. Ерёмченко.

² Там же.

Так, 1 августа 1941 г. танк механика-водителя 208-го танкового полка Павлюк был обстрелян артиллерией противника и получил шесть пробоин. Командир танка и башенный стрелок были тяжело ранены. Двигатель получил повреждение. Под сильным огнем противника Павлюк выскочил из танка, устраняя неисправность, вернулся в танк и, мстя за членов своего экипажа, раздавил два пулемета и противотанковое оружие противника, а затем вывел танк из боя и вернулся в расположение своей части.

Командир батальона 109-го мотострелкового полка коммунист капитан Шакиров был ранен в бою, но остался в строю. Батальон Шакирова опрокинул врага, разгромил вражеский штаб, подорвал две бронемашины с боеприпасами и две легковые машины и обеспечил общее продвижение полка вперед.

Вышедших из строя офицеров успешно заменяли рядовые воины или младшие командиры. Например, рядовой 314-го артиллерийского полка комсомолец Макеев заменил командира огневого взвода и хорошо справился с задачей. Воин этого же полка Горлов принял командование взводом управления.

В тылу и в действующих частях, особенно в окружении, воины проявляли высокую бдительность.

Бойцы 104-го мотострелкового полка, неся караульную службу в д. Асташково, задержали шпиона, у которого оказались важные схемы и оружие.

В этом же полку секретарь комсомольской организации Джураев во время боя заметил, что среди бойцов роты находится незнакомый «капитан», который прицелился в спину командира. Джураев тут же уничтожил его. Это был переодетый в нашу форму фашист.

Политработники, партийные и комсомольские организации часто проводили большую работу среди бойцов и командиров, поднимали боевой дух воинов. Ответственный секретарь партбюро 479-го стрелкового полка политрук Глинер в самые серьезные моменты боя всегда находился в гуще воинов, которые считали его самым близким человеком. В этом полку не было случая растерян-

ности и трусости. Глинер личным примером показывал образцы мужества и отваги в бою¹.

Член Военного совета армии бригадный комиссар В.И. Колесников и начальник политотдела армии дивизионный комиссар В.П. Терешкин большую часть времени находились в войсках, помогали на местах организовать партийно-политическую работу среди личного состава.

Характерно, что в эти тяжелые дни усилился поток заявлений о приеме в партию и комсомол. До данным политорганов 28-й армии, в ходе боевых действий было подано 874 заявления с просьбой о приеме в ряды ВКП(б) и 1287 заявлений — в ВЛКСМ².

Наступательные действия группы Качалова в направлении Смоленска не смогли в тех условиях принести территориального успеха, но сковали значительные силы врага на рославльском направлении, танковая группа Гудериана и поддерживавшие ее общевойсковые соединения понесли здесь серьезные потери.

Гудериан недвусмысленно подтверждает тот факт, что действия наших войск из района Рославля представляли серьезную опасность для осуществления замыслов гитлеровского командования. Он указывает: «Какое бы решение ни было принято Гитлером, для 2-й танковой группы было необходимо прежде всего окончательно ликвидировать опасность, которая угрожала ее правому флангу. Исходя из этого, я доложил командующему группой армий о своем решении наступать на Рославль с тем, чтобы, захватив этот узел дорог, иметь возможность овладеть дорогами, идущими на восток, юг и юго-запад, и просил его выделить мне необходимые для проведения этой операции силы. Мое предложение было одобрено, и для его осуществления 2-й танковой группе были подчинены следующие соединения: а) для наступления на Рославль — 7-й армейский корпус в составе 7, 23, 73 и 197-й пехотных дивизий и 9-й армейский корпус в составе 263, 292 и 137-й пехотных дивизий; б) для смены нуждающихся в отдыхе и приведении в порядок

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Л. 45. Д. 1, 2, 3.

² Там же. Л. 3.

танковых дивизий в районе ельнинской дуги — 20-й армейский корпус в составе 15 и 268-й пехотных дивизий»¹.

Таким образом, три советские дивизии, входившие в состав группы Качалова, отвлекли силы трех гитлеровских корпусов (двух армейских и одного танкового из основного состава группы Гудериана).

Гудериан тщательно разработал план контрудара на Рославль, по которому 24-й танковый корпус силами двух дивизий — 10-й моторизованной и 7-й пехотной, приданной ему из состава 7-го армейского корпуса, — обеспечивал правый фланг от действия наших войск из района Климовичи, Милославичи. Взаимодействуя с этими соединениями, 3-я и 4-я танковые дивизии должны были нанести удар на Рославль и соединиться с 9-м армейским корпусом, наступавшим севернее между реками Десна и Остер. Одновременно 7-й армейский корпус своими 23-й и 197-й пехотными дивизиями наносил удар на Рославль из района Петровичи, Хиславичи с задачей соединиться с 3-й танковой дивизией и развивать удар вдоль шоссе Рославль — Стодолище — Смоленск. В резерве при этом оставалась еще одна 78-я пехотная дивизия.

9-й армейский корпус силами 263-й пехотной дивизии получил задачу наступать с севера на юг между упомянутыми шоссе и р. Остер, а силами 292-й пехотной дивизии — между реками Десна и Остер, нанося главный удар своим левым флангом в направлении шоссе Рославль — Климовичи — Москва. Левый фланг этого корпуса обеспечивала 137-я пехотная дивизия, переброшенная из Смоленска.

Начало действий для 24-го танкового и 7-го армейского корпусов было назначено на 1 августа, а для 9-го армейского корпуса — на 2 августа.

Из этого явно видно, что фашистское командование сосредоточило громадные силы на участке, где действовала группа Качалова. Характерно, что, несмотря на все это и личное руководство Гудерианом действиями указанных частей, успехи их первоначально были мизерными. Сам Гудериан свидетельствует, что в течение 2 августа 9-й армейский корпус «не добился каких-либо значительных успехов»².

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 175.

² Там же.

Глава одиннадцатая

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ 16-Й И 20-Й АРМИЙ И ГРУППЫ ГЕНЕРАЛА И. В. БОЛДИНА

Вражеское командование, как явствует из предыдущего, стремилось замкнуть с востока кольцо окружения вокруг наших войск, оборонявшихся в районе Смоленска и северо-западнее его. С этой целью противник 26—27 июля нанес также удар силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района северо-западнее Ярцево на юг, в направлении Соловьева, где находилась чрезвычайно важная для войск 20-й и 16-й армий переправа через Днепр. Одновременно с юга из района западнее Ельни в том же направлении нанесла удар частью сил 17-я танковая дивизия. Противник оттеснил за реку батальон, оборонявшей переправу, и овладел ею. Командир одного из полков 109-й мотострелковой дивизии майор Сахно подчинил себе всех располагавшихся в этом районе вооруженных солдат из тылов 5-го механизированного корпуса, а также отошедший от переправы батальон с семью танками и орудиями зенитной артиллерии и организовал оборону восточного берега Днепра в районе этой переправы.

После того как мы с группой офицеров побывали в районе Соловьевской переправы и выяснили обстановку на этом участке, командованием фронта был отдан приказ генералу Рокоссовскому нанести своей группой контрудар по противнику в районе Ярцево и Соловьевской переправы, уничтожить его, а затем наступать в направлении Духовщины. Для поддержки наступления группы привлекалась вся фронтовая авиация. В донесении, посланном нами в штаб Западного направления, сообщалось:

«Противник, встречая наше упорное сопротивление, в ярости бросается во все стороны и последним движением ярцевской группировки на юг преследует цель отрезать пути питания 16 и 20-й армий»¹.

К вечеру 27 июля гитлеровцы начали окапываться на западном берегу Днепра южнее Ярцева. Это было первым признаком их отказа от наступления в восточном направлении.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 12928. Д. 2. Л. 122.

28 июля группа Рокоссовского нанесла контрудар. В районе Сольево завязались ожесточенные бои, но возможность отхода войск через переправу восстановилась.

В то время как часть войск Западного фронта наносила контрудар по духовщино-ярцевской группировке противника, войска 20-й и часть сил 16-й армий продолжали вести упорные бои в полуокружении, а с 27 июля — в окружении в районах севернее и западнее Смоленска. Смоленская группировка, возглавляемая генерал-лейтенантом П.А. Курочкиным, приковывала к себе значительные силы противника. Так, к 23 июля эта группировка, состоявшая из понесших тяжелые потери 12 дивизией, сковывала до 10 дивизий противника (из них три танковые в две моторизованные). Кроме того, свыше шести вражеских дивизий было направлено на внешний фронт для обеспечения группировки, выполнявшей задачи окружения, от ударов извне. По мере развертывания боев в районах Духовщина, Ярцево, Ельня вражеское командование вынуждено было усиливать свой внешний фронт и довести к 26 июля его состав до восьми дивизий¹.

Сковывание 20-й армией и частью сил 16-й армии столь значительных сил группы армий «Центр» на позволило последней развить успех из района Смоленска в направлении Дорогобуж, Вязьма и в конечном счете оказало решающее влияние на воссоздание сплошного фронта советских войск восточнее Смоленска, который на два с лишним месяца остановил противника на западном направлении. Действия войск 20-й в 16-й армий характеризовались сочетанием упорной обороны с решительными контратаками, проводившимися как днем, так и ночью.

В ходе ожесточенных боев войска 20-й и 16-й армий несли тяжелые потери, главным образом от ударов авиации и артиллерийско-минометного огня. В последних числах июля в дивизиях этих армий осталось не более одной-двух тысяч человек². В 20-й армии имелось всего 65 танков, 177 орудий полевой артиллерии и

¹ По трофейным картам германского Генерального штаба за период 23—26 июля 1941 г.

² ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 12928. Д. 2. Л. 132.

120 орудий ПВО. Боеприпасы и горючее были на исходе, а снабжение войск осуществлялось только по воздуху, причем для этой цели командование фронта могло выделить из своей немногочисленной авиации лишь 10 самолетов ТБ-3¹. В данных условиях транспортировка грузов исключалась вследствие господства в воздухе вражеской авиации. Тем не менее войска обеих армий продолжали упорно сражаться, нанося врагу тяжелые потери и медленно отходя к востоку.

В результате принятых мер выход из окружения прошел организованно. Соединениям были указаны направления ударов для выхода к переправам, назначены войска для прикрытия отхода главных сил, а также указан порядок сосредоточения и занятия обороны по выходе за реки Днепр и Воль.

Отход и переправа через Днепр начались в ночь на 4 августа. 5-й механизированный корпус не смог пробиться к Соловьевской переправе и был направлен в район Ратчино, где с боями переправился через Днепр. Другие войска 20-й армии прорвали окружение и вышли к Днепру в районе Заборье, на фронте в 20 км, где к 3 часам 3 августа были подготовлены четыре переправы. К утру 5 августа передовые части 20-й армии, опрокинув заслоны противника, переправились через Днепр и заняли оборону для прикрытия переправ. Главные силы 20-й армии, отходя с напряженными боями, по мере подхода к Днепру переправлялись на восточный берег и занимали оборону.

Переправа, продолжавшаяся несколько дней, проходила под воздействием артиллерийского огня и авиации противника.

Переправа войск 16-й армии через Днепр планировалась на 5 августа, но обстановка на фронте заставила ускорить ход событий, и уже 2 августа мною был отдан приказ о выходе армии на восточный берег Днепра 3 августа.

Разведка мест возможной переправы через Днепр была начата армией еще 29 июля и тогда же было установлено, что противоположный берег реки в полосе действий армии уже был занят противником — населенные пункты Сопшино, Малиновка, Добромин.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 246. Оп. 12928. Д. 2. Л. 132.

В связи с этим было решено, в случае необходимости, ориентироваться на переправы севернее полосы армии. В конечном счете район переправы был избран южнее Головина. Переправа была построена силами армии и была готова к пропуску войск с 4-х часов утра 3 августа. Комендантом переправы был назначен армейский инженер полковник Ясинский.

С утра 3 августа в первую очередь начали переправлять больных и раненых, затем пехоту, автотранспорт, переправлялись легкие грузы. Раненых и больных 16-й и 20-й армий переправлено было за Днепр около 3 тысяч. Тяжелая артиллерия и тяжелые грузы переправлялись на Соловьевской переправе. После того как в 14 часов переправа была разрушена авиацией противника, людей стали переправлять вброд, так как глубина реки была 70—80 см. Там же прошла за Днепр почти вся артиллерия 129-й стрелковой дивизии и частично 152-й дивизии. После того как переправа 16-й армии была вторично разрушена, все грузы пошли на Соловьевскую переправу, где удалось переправить 50 орудий, части артиллерии 152-й стрелковой дивизии.

Переправа армии у Головино производилась под артиллерийско-минометным огнем врага с восточного берега Днепра и при непрерывном воздействии фашистской авиации. В результате было потеряно много автомашин и разного рода имущества, но целиком был выведен из-за Днепра вооруженный личный состав, артиллерия и другое вооружение, сохранившееся после смоленских боев.

К середине дня 4 августа переправа войск и имущества в основном была закончена, хотя отдельные артиллерийские подразделения еще продолжали вытягивать орудия из-за Днепра. К исходу дня 4 августа дивизии армии сосредоточились в районе Кучерово, Березня, Сельцо, Милеево, Самойлово (все пункты 8—18 км восточнее р. Днепр).

Вечером 4 августа по моему приказанию в район переправы у Головино и южнее по восточному берегу Днепра от 46-й стрелковой дивизии было выдвинуто боевое обеспечение для прикрытия сосредоточения армии.

5 августа 46-я и 129-я дивизии в своих районах (Кучерово, Сельцо) вели бои с мелкими группами противника, 152-я стрел-

ковая дивизия в ночь на 6 августа, а 46-я и 129-я дивизии в ночь с 6 на 7 августа начали перегруппировку в новые районы сосредоточения.

Так проходил последний период Смоленского сражения, продолжавшийся до 10 сентября, когда был завершен разгром ельнинской группировки противника. В ходе этой напряженной борьбы личный состав наших войск проявил самоотверженность и героизм. Нам в то время не удалось вернуть Смоленск и восстановить фронт обороны на Днепре. Однако войска врага понесли в районе Смоленска значительные потери, и гитлеровскому командованию пришлось отказаться от первоначальных планов дальнейшего развития операции. Выигрыш времени позволял советскому Верховному Главнокомандованию развернуть восточнее Духовщины, Смоленска и Ельни новый оперативный эшелон. В результате дальнейшее наступление противника было сорвано на продолжительное время.

У нас еще иногда считают, что если мы уступили поле сражения противнику, то, значит, налицо поражение. Это не всегда соответствует действительности. Возьмем, к примеру, Смоленское сражение. Враг рассчитывал к 7 августа 1941 г. быть в Москве. Но боями в районе Смоленска и восточнее Смоленска были измотаны и расстроены лучшие дивизии группы армий «Центр». Понеся большие потери, враг на длительный срок потерял наступательные возможности. Для того чтобы вести дальнейшее наступление на Москву, гитлеровскому командованию пришлось вновь подтягивать резервы и пополнять танковые и механизированные дивизии новой техникой. Мы тем временем смогли подтянуть свежие силы.

Здесь уместно сказать несколько слов о генерал-лейтенанте П.А. Курочкине — командующем 20-й армией, как о волевом генерале, хорошем организаторе, умело и твердо управлявшем войсками армии в чрезвычайно сложных условиях. Следует отметить также плодотворную деятельность члена Военного совета армии корпусного комиссара Ф.А. Семеновского.

Среди соединений 20-й армии особенно отличились 5-й механизированный корпус под командованием генерал-майора танковых войск И.П. Алексеенко, 17-я танковая дивизия под командо-

ванием полковника И.П. Корчагина и 14-я танковая дивизия под командованием полковника Н.Д. Васильева.

В дни переправы, а также во всех действиях 16-й армии большую роль сыграл начальник штаба армии полковник М.А. Шалин¹.

На переправах в последний раз в период войны встретился с генералом М.Ф. Лукиным. Вскоре он был назначен командующим 19-й армии нового состава. Армия, и до этого крайне ослабленная, была окончательно измотана в боях и попала в окружение в районе Вязьмы. В Сычевских лесах несколько раз раненный командарм 19-й был взят в плен в бессознательном состоянии. В плену ему ампутировали ногу раньше, чем он пришел в себя. В дальнейшем гитлеровцы переводили его из одного лагеря для военнопленных в другой, упорно лечили, пытаясь добиться от него измены Родине. В 1945 г. он был освобожден из плена. После продолжительного лечения и отдыха генерал-лейтенант Лукин работал в Военно-научном управлении, затем был уволен в отставку.

30 июля вражеское командование признало, что «ранее намеченная задача — к 1 октября выйти на линию Онежское озеро, река Волга — уже считается невыполнимой». Однако оно все же надеялось, что «к этому времени войска достигнут линии Ленинград, Москва и районов южнее Москвы»².

Как свидетельствует Гудериан, германское главное командование сухопутных войск и начальник Генерального штаба находились в «исключительно трудном положении», так как руководство всеми операциями осуществлялось свыше и на 31 июля оконча-

¹ Михаил Алексеевич Шалин родился в 1897 г. в Оренбургской губернии. В 1916 г. окончил учительскую гимназию. Тогда же был мобилизован в армию, а по окончании школы прапорщиков находился в Сибири. В Красную Армию вступил добровольно в мае 1918 г. Участвовал в войне с белополяками. Член партии с 1918 г. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и занимал ряд ответственных штабных должностей. После работы в 16-й армии Михаил Алексеевич был начальником штаба 22-й армии, а затем в 1-й гвардейской танковой армии. В мирные годы был на руководящей военной работе, последнее звание генерал-полковник.

² Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 177.

тельное решение о дальнейшем ходе операций принято еще не было»¹.

В первых числах августа противник вынужден был прекратить наступление на Московском направлении и перейти к обороне на рубеже Ярцево, Соловьево, Ельня. Боевые действия продолжались лишь в районе Ельни, где войска 4-й армии по-прежнему упорно контратаковали 10-ю танковую дивизию противника, закрепившуюся на ельнинском плацдарме. Этот плацдарм рассматривался как удобный исходный район для наступления неприятеля на московском направлении.

Срыв планов врага на Московском направлении в ходе Смоленского сражения был достигнут благодаря упорной и стойкой обороне войск нашей смоленской группировки, а также ряду контрударов, нанесенных соединениями Резервного фронта, введенными в сражение в критический момент.

Учитывая возможность в ближайшем будущем дальнейшего наступления противника на Московском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования продолжала развертывать на этом направлении новые резервные формирования.

Таким образом, на главном операционном направлении (Смоленск, Ярцево, Вязьма) в начале августа фронт стабилизировался на рубеже р. Вопь, р. Днепр. Войска 28-й армии (группа Качалова) отошли в состав Резервного фронта; левая граница Западного фронта была отнесена на север. Противник, выйдя на р. Вопь и р. Днепр и будучи вымотан предыдущими боями с 20-й и 16-й армиями, истощил свой наступательный порыв в перешел к обороне.

Теперь несколько слов хочу сказать о группе генерал-лейтенанта Болдина Ивана Васильевича.

Когда 16-я и 20-я армии под общим командованием П.А. Курочкина в начале августа в тяжелых условиях с боями выходили из окружения и под огнем форсировали реку Днепр, в это самое время группа генерала Болдина Ивана Васильевича выходила тоже из окружения, проделав рейд по тылам противника на сотни кило-

¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 177.

метров, и теперь подошла к линии фронта, где днем и ночью шли ни на минуту не затухающие бои Смоленского сражения.

Группа Болдина готовилась прорваться через линию фронта врага на участке между Духовщиной и Ярцево. С нашей стороны на этом фронте действовала 19-я армия И.С. Конева, которая, передав в 16-ю армию свои дивизии в районе Смоленска, 22 июля прибыла в этот район, заняв боевой участок фронта от Духовщино до Ярцево.

КП армии расположился в районе ст. Вадино (в совхозе Власиха).

Армия вела подготовку к наступлению и не знала о том, что против ее фронта, в тылу противника на глубине 7—8 километров от линии фронта, сосредоточена и замаскировалась в лесах группа И.В. Болдина численностью более 1500 человек. Группа готовилась к прорыву через линию фронта и стремилась осуществить этот маневр поскорее, пока не обнаружена противником.

Разведчикам Болдина, выбирая места для выхода из окружения и установления связи с нашими войсками, с трудом удалось проникнуть через позиции врага и добраться до наших войск. Они сразу же были доставлены на КП одной дивизии, а оттуда и на КП армии к Коневу. Разведчики передали командарму записку от Болдина и рассказали своими словами о положении группы.

К этому времени я как командующий Западным фронтом в течение нескольких дней находился на духовщинском направлении, организовал контрудар 30-й армии и других частей. Но когда группа Болдина подошла к фронту, я уже убыл с этого направления в район, где выходили из окружения 16-я и 20-я армии, с тем чтобы помочь им.

Независимо от того, где находился я, начальник штаба Маландин всегда своевременно мне докладывал обо всех событиях на фронте и всех распоряжениях Ставки. Сразу же доложил он мне и данные, полученные от разведчиков, посланных Болдиным, и о просьбах, изложенных в записке Болдина.

Вопрос для меня был ясный — группа около 1500 человек будет пробиваться через фронт противника, и ей нужно помочь. Поэтому я сразу же отдал распоряжение тов. Маландину, чтобы от

моего имени отдал приказание командующему 19-й армии, чтобы он обеспечил прорыв группы Болдина артиллерийским огнем и другими средствами. Командующему ВВС фронта приказал группой самолетов нанести бомбовый удар по противнику на участке намеченного прорыва через фронт. Время удара назначает командарм 19-й.

Как развивались события, говорит Болдин:

«11 августа точно в назначенное время части генерала Конева, находившиеся по ту сторону фронта, обрушились на врага. Восемнадцать бомбардировщиков совершили налет на позиции противника. Артиллерия открыла интенсивный огонь. Прорыв я решил осуществить в двух пунктах на расстоянии двух километров один от другого. В правой колонне, с которой находился я сам, впереди двигался третий отряд, за ним второй, потом обоз. Колонну замыкал пятый отряд. Он прикрывал обоз и одновременно являлся моим резервом. Левая колонна состояла из первого и четвертого отрядов.

Отряды скрытно, без выстрелов приближались к врагу. В полосе нашего наступления располагалось пять немецких батарей, в том числе две зенитные. Поэтому первый удар мы произвели по неприятельской артиллерии. От неожиданности фашисты растерялись и даже не успели открыть огонь. Лишь одна батарея сделала несколько выстрелов, но тотчас прислуга ее была уничтожена.

Немецкую пехоту мы также застigli врасплох. Тысячеголосое “ура” прокатилось, точно морская волна, по всему фронту.

И тут гитлеровцы бросили против нас авиацию. В наших цепях стали рваться бомбы. Одна упала совсем рядом, ее осколок сразил генерала Степанова.

Все же мы смяли гитлеровцев во всех траншеях. Фронт был прорван! Из вражеского окружения вместе со мной вышло 1654 вооруженных бойцов и командиров.

За сорок пять дней рейда по тылам противника мы уничтожили несколько вражеских штабов, 26 танков, 1049 грузовых, легковых и штабных машин, 147 мотоциклов, пять батарей артиллерии, четыре миномета, 15 станковых и 8 ручных пулеметов, один самолет и несколько вражеских складов, среди которых один с авиабом-

бами. При этом истреблено свыше тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Когда мы вышли из окружения, Ставка Верховного Главнокомандования Советской Армии издала приказ № 270. В нем отмечалось высокое мужество личного состава нашей дивизии»¹.

Когда тов. Болдин вышел из окружения, я не мог встретиться с ним, хотя и имел такое желание, мы с ним старые друзья, вместе учились в Военной академии им. Фрунзе, вместе участвовали в освободительном походе в Западной Белоруссии. Не мог я встретиться с ним и на второй день, так как был вызван в Москву в Ставку Верховного Главнокомандования.

Мы с Иваном Васильевичем встретились гораздо позже в госпитале, на койках, будучи ранеными, и он мне подробно рассказал о своем походе в тылу противника. Он замечательный товарищ и очень хороший командир. Память о нем я бережно храню в своем сердце.

Глава двенадцатая

ВКЛАД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ

Мы, бывшие командующие фронтами, армиями, корпусами, дивизиями, да и другие начальники, часто говорили, что железнодорожный транспорт — это родной брат Красной Армии.

Это действительно так, но в своих трудах по истории и в особенности в мемуарной литературе мало говорим о железнодорожном транспорте, или совсем не говорим. Это неправильно, его нельзя забывать. Без железнодорожного транспорта не было бы победы.

Железнодорожный транспорт Советского Союза во время всей войны, и в особенности в начальный ее период, сыграл исключительно большую роль по доставке на фронт войск, материально-го обеспечения и по эвакуации в глубь страны промышленных предприятий. Только для переброски войск на Западный фронт в

¹ Болдин. Страница жизни. С. 136.

течение 10—15 дней было доставлено более 1000 эшелонов, это не считая снабженческих транспортов и других поездов. В этот период железнодорожный транспорт в прифронтовой полосе работал в условиях авиационных ударов противника. Несмотря на это, транспорт выполнил свою миссию, как он и выполнял ее на протяжении всей Великой Отечественной войны. Великий подвиг совершили железнодорожники в эту войну.

К началу войны наш железнодорожный транспорт, благодаря индустриализации страны, располагал достаточно мощной базой и большими возможностями.

Большая работа была проделана по новому строительству железных дорог, в том числе и по стратегическим целям, укладке вторых путей, по развитию и переустройству железнодорожных узлов, постройке соединительных путей (развязок), по удлинению станционных путей и т.д.

Вместе с этим осуществлялась техническая реконструкция железных дорог. Паровозный парк за годы выполнения пятилетних планов был на две трети заменен более мощным парком отечественного производства. Вагонный парк был значительно обновлен, увеличилась грузоподъемность подвижного состава. Увеличилось количество железнодорожных линий, на которых были уложены рельсы более тяжелого типа и др.

В результате был достигнут общий подъем работы железнодорожного транспорта. Пропускная способность многих железных дорог к 1941 г., в том числе и западнее Москвы, была увеличена по сравнению с 1914 г. в 2—2,5 раза, а на ряде направлений в 3 раза, что давало большие возможности при выполнении воинских и народно-хозяйственных перевозок. Объем перевозок из года в год увеличивался. Решающая роль в общетранспортной системе принадлежала железным дорогам, на долю которых выпала основная масса перевозок.

В результате реконструкции железных дорог были значительно повышены скорости движения поездов и увеличены весовые нормы, а также созданы условия для безопасности движения.

Большую работу до войны и с началом войны выполняли партийные организации на железнодорожном транспорте во всех об-

ластях и звеньях работы. Они мобилизовали железнодорожников на успешное выполнение тех больших задач, которые перед ними ставили партия и правительство. Возглавляли массовое новаторское движение, обобщая и распространяя его среди железнодорожников.

Партийные организации активно участвовали в подготовке и воспитании кадров, в частности по замене тех железнодорожников, которые были призваны в Вооруженные Силы. Эти мероприятия полностью относились к фронтовым железным дорогам.

Таким образом, всесторонне подготовленные железные дороги нашей страны дали возможность успешно выполнить с первых дней войны огромные воинские перевозки по сосредоточению войск на театры военных действий, обеспечить оперативные перевозки, связанные с перегруппировкой войск на большие расстояния и одновременно с этим выполнить большие эвакуационные перевозки на восток.

До начала Смоленского сражения распоряжением Главного командования на Западный фронт были переброшены по железным дорогам 22-я, 20-я и 21-я армии. В дальнейшем, в связи с создавшейся угрожающей обстановкой на Московском направлении, распоряжением Ставки в район Смоленска срочно перебрасывались также по железным дорогам две армии с Украины — 16-я и 19-я. По первоначальному плану эти армии были предназначены на Юго-Западный фронт, но затем они были перенацелены и назначены в район Смоленска на Западный фронт. Таким образом, в самом начале войны с немецкими фашистами нам пришлось совершить межфронтной железнодорожный маневр и повернуть весь поток эшелонов с войсками 16 и 13 А по новому назначению, при этом следует учесть, что 115 эшелонов 16-й армии были уже выгружены в районе Юго-Западного фронта, а 19-я армия была полностью выгружена, поэтому их надо было вновь погрузить и направить по новому назначению.

В общей сложности перевозка указанных армий составляла около 500 эшелонов.

Одновременно с перевозкой 16 и 19-й армий на западное направление совершились большие перевозки из глубины страны:

так, например, для 28-й армии перебрасывались по железной дороге семь стрелковых дивизий и одна танковая дивизия.

На Западный фронт перебрасывались несколько артполков РКК и много других частей усиления.

В дальнейшем для создания фронта резервных армий направлялись войска для армий, которые развертывались восточнее Западного фронта. Некоторые из этих армий, а именно 29-я и 30-я, были переданы в состав Западного фронта в ходе Смоленского сражения.

Темп перевозки войск в район Смоленска был достаточно высоким. Стрелковые и танковые дивизии отправлялись только темпом 10—12 и 18 эшелонов в сутки, т.е. каждая дивизия грузилась в эшелоны в течение 2—3 суток.

Штабы корпусов корпусными частями перевозились темпом 8—10 эшелонов в сутки.

Скорость продвижения эшелонов в целом была хорошей, но по мере поступления их на фронтовые участки скорость значительно снижалась, вследствие того что многие станции были забиты поездами. Из-за этого время нахождения эшелонов в пути увеличивалось, а в связи с этим увеличивалось время оборота перевозок, стал ощущаться их недостаток по таким основным депо: Вязьма, Брянск, Рославль и др.

Для увеличения паровозного парка и ликвидации задержки в продвижении эшелонов в Брянский узел в 1-й декаде июля, распоряжением НКПС срочно перебрасывались 20 паровозов с соседних железных дорог.

На железных дорогах Западного фронта находились в движении на запад и на восток сотни поездов. Для примера можно привести положение на подходах к Смоленску на утро 11 июля 1941 г., которое было примерно следующим (здесь указаны воинские поезда): на участке Вязьма — Смоленск находилось 20 поездов, на участке Жуковка — Смоленск — 15 поездов, Брянск — Унеча — 14 поездов, Унеча — Кричев — 10 поездов, Рославль — Кричев — 9 поездов. Насыщенность участков только воинскими поездами была достаточно высокой.

Выгрузка войск, прибывающих в район Смоленска, производилась в основном на полевых станциях, мало приспособленных для этой цели. Большое количество эшелонов 19-й армии разгружалось в Смоленском железнодорожном узле и на ближайших подходах к нему. Так, например, было выгружено (по неполным данным) за 7 июля 1941 г. — 15 эшелонов, за 8 июля — 23 эшелонов, за 9 июля — 29 эшелонов и за 10 июля — 13 эшелонов. Всего за 4 суток — 80 эшелонов, т.е. по 20 эшелонов в сутки. Такая непрерывная выгрузка производилась, несмотря на налеты вражеской авиации; темп выгрузки следует считать достаточно высоким, войска, как правило, выгружались быстро и умело.

В период выполнения массовых оперативных перевозок на железные дороги, которые становились фронтовыми, продолжали поступать «по инерции», по планам Центра, воинские транспорты с грузом, а также грузы народного хозяйства, назначением на те железные дороги, которые уже были заняты противником. Поезда с такими грузами вынуждены были ставить на простой до выяснения, забивали станции и узлы и создавали значительные трудности в работе фронтовых железных дорог.

Лишь 17 июля 1941 г. из НКПС поступило распоряжение, что те грузовые поезда, которые имеют назначение западнее Вязьмы, вперед не отправлять.

Для того чтобы разгрузить фронтовые железные дороги от простаивающих поездов и вагонов была проведена огромная работа по выяснению рода грузов находящегося в поездах, и все то, что фронту и железным дорогам было не нужно, отправлялось обратно, в восточном направлении, а воинские грузы, нужные фронту, направлялись на фронтовые склады. К выполнению этой работы были привлечены, кроме железнодорожников и офицеров военных сообщений, представители всех довольствующихся управлений фронта (артснабжения, снабжения ГСМ, продовольствия и др.).

Следует подчеркнуть, что эта работа была сопряжена с большими трудностями, т.к. в это же время кроме больших оперативных перевозок выполнялись значительные эвакуационные перевозки на восток из Витебска, Орши, Смоленска, Красного Бора, Могилева, Кричева, Жлобина, Рославля и др. пунктов.

Необходимо отметить, что в работе по выгрузке грузов снабжения большим тормозом являлся недостаток рабочей силы и средств механизации на фронтовых складах, в результате чего ежедневно имелись большие остатки невыгруженных вагонов, в т.ч. с боеприпасами, горючим и т.д.

Таким образом, воинские грузы, доставленные на фронт, находились на станциях в ожидании выгрузки, под угрозой уничтожения их авиацией противника.

Между тем обстановка на железных дорогах нашей страны требовала срочного возвращения порожнего подвижного состава на тыловые ж.д. для обеспечения новой погрузки войск и грузов. Порожние вагоны также нужны были на фронтовых дорогах для обеспечения эвакуационных перевозок.

Эвакуационные перевозки выполнялись интенсивно. Погрузка велась на многих станциях и узлах. Всю работу по эвакуации осуществляли эвакуационные комиссии. В первую очередь отгружались наиболее ценные материалы, заводское оборудование, станки, личный состав заводов и фабрик, запасы госрезерва, продовольствия и пр.

В организации и выполнении эвакуационных перевозок активную работу проводили органы военных сообщений. Вот некоторые характерные примеры по эвакуационным перевозкам. Поезда с эвакуируемым грузом из Витебска на Смоленск отправлялись, в некоторые дни июля, с интервалом в 10 минут. Количество поездов в 1-й декаде июля на участке Витебск — Смоленск (в отдельные дни) находилось в количестве 20—25 поездов. На участке Орша — Смоленск количество поездов с эвакуируемым грузом также достигало 25 поездов в сутки. На участке Могилев — Кричев — 10 поездов, на участке Кричев — Унеча — 14 поездов, и на участке Смоленск — Дорогобуж — 24 поездов и т.д.

Со ст. Смоленск ежедневно отправлялось на восток большое количество поездов. Так, например, 13 июля 1941 г. (в ходе боев за Смоленск) было отправлено с эвакуируемым грузом 17 поездов, имелось готовыми к отправлению 18 поездов. По состоянию на 14.00 14 июля было отправлено на Вязьму 15 поездов, на Рославль — 7 поездов и

несколько поездов на Сухиничи. Отправление поездов со станций, в т.ч. ст. Смоленск, осуществлялось до последней возможности.

В связи с захватом противником ст. Ярцево положение сильно осложнилось и продвижение поездов на вяземском направлении было нарушено, и, начиная с вечера 15 июля 1941 г. противник не давал возможности выводить поезда на Вязьму, поэтому большое количество поездов осталось отрезанными западнее Ярцево.

Железнодорожникам, офицерам военных сообщений и железнодорожным войскам в начальный период войны, в частности, в ходе Смоленского сражения, приходилось работать в весьма сложных условиях. Быстро меняющаяся оперативная обстановка не могла не отражаться на работе железных дорог. Противник пытался дезорганизовать работу железных дорог с воздуха, производя налеты на военные объекты — железнодорожные узлы, станции выгрузки войск и др. объекты. Но железнодорожные пути после налетов быстро восстанавливались. Это имело место на ст. Смоленск, Рудня, Рославль, Брянск и др.

Железные дороги фронта, выполняя работу в тяжелых условиях, показали высокую организованность и живучесть, задачи, стоящие перед ними, выполнили. Ярый наш враг Гудериан в своей книге «Воспоминания солдата» вынужден был признать, что «...русские показали свое умение быстро восстанавливать разрушенные железные дороги» (М.: Воениздат, 1951. С. 209).

Служба военных сообщений Западного фронта располагала достаточно развитой системой. В штабах армий имелись отделы военных сообщений. На железных дорогах имелись управления начальников передвижения войск, а в низовом звене были управления военных комендантов железнодорожных участков, распорядительных станций, станций снабжения и станций выгрузки войск, т.е. на всех наиболее важных железнодорожных объектах имелись военные представители.

Необходимо подчеркнуть, что органы военных сообщений и железнодорожные войска были укомплектованы подготовленными кадрами.

В качестве одного из примеров можно привести работу управления военного коменданта железнодорожного участка и ст. Смо-

ленск, т.к. на личный состав этой военной комендатуры в ходе Смоленского сражения выпала исключительно большая работа. Комендатуру с 29 июня 1941 г. возглавил майор Ахтырский Г.Е. (до войны был начальником передвижения войск на Белостокской железной дороге). Опытный, энергичный, волевой офицер, обладающий хорошими организаторскими способностями и подготовкой. Окончил Военно-транспортную академию. Член Коммунистической партии Советского Союза. Военная комендатура была значительно усилена офицерским составом за счет линейных органов боевых сообщений, прибывающих с территории, временно захваченной фашистскими оккупантами. В распоряжении военного коменданта находилось 40 офицеров. Это давало возможность взять под контроль все важнейшие участки работы (выгрузка войск, эвакуационные перевозки, планирование погрузки, ликвидация последствий налетов, этапозаградительная служба и пр.).

Весь личный состав комендатуры работал исключительно добросовестно, слаженно, инициативно, с полной отдачей сил и пониманием тех задач, которые на него были возложены командованием. Военная комендатура работала на ст. Смоленск до последней возможности и по выполнении задачи организованно (в ночь на 15.7.41 г.) передислоцировалась на ст. Вязьма.

Начальник военных сообщений 20-й армии полковник Куриной С.И., отлично подготовленный офицер службы военных сообщений, хороший руководитель, инициативный, не терявшийся в сложной обстановке, и на деле полностью оправдал оказанное ему доверие. Следует отметить хорошую работу начальника военных сообщений 16-й армии полковника Палина Петра Даниловича, который, работая в условиях разброшенности армии, справился с работой.

Вяземское отделение Западной железной дороги с начала войны работало с большим напряжением, а в дни, когда противник подошел на рубеж Витебск, Орша, Могилев и эти узлы вышли из строя, начались массовые налеты вражеской авиации на все узлы и станции всей Западной дороги. Враг тщетно пытался ударами авиации сорвать наши оперативные перевозки, парализовать работу железных дорог. Удары авиации усилились еще больше по-

сле того, как вышла из строя станция Смоленск, а Вяземский узел приобрел еще большее значение, теперь уже здесь разместились управление Западной дороги, никакие усилия врага не могли сорвать работу транспорта. Все специализированные подразделения по восстановлению разрушенных путей, узлов и станций работали бесстрашно, мужественно, невзирая ни на какие бомбежки, железнодорожникам помогали войска и местное население.

Работа по восстановлению велась непрерывно днем и ночью. Восьмитысячный коллектив железнодорожников Вяземского отделения и приданные ему в конце июня 1941 г. свыше двух тысяч рабочих и командно-политических работников, эвакуированных из Минского, Оршанского, Полоцкого, Витебского и Смоленского отделений Западной ж.д., мужественно обеспечивали войска Западного фронта по подвозу войск, видов снабжения и все нужды страны и большие перевозки по эвакуации.

Противник, конечно, знал, какую большую роль играет для Западного фронта железнодорожный участок Ярцево—Дорогобуж—Дурово—Издешково—Вязьма—Гжатск, Уваровка, Можайск и особенно Вяземский узел. Эти участки дороги бомбились ежедневно и по несколько раз.

Вот один из примеров.

31 июля 1941 г. рано утром противник нанес по Вяземскому узлу большой силы массированный воздушный налет и разрушил бомбовыми ударами весь узел. Много часов пылал в огне Вяземский узел, горели цистерны с горючим, рвались несколько часов подряд снаряды в вагонах и на складах. Было много убито храбрых наших людей, транспортников. В этот день сгорело более 1000 вагонов, несколько паровозов в полностью II и IV парк узлов.

Бывший начальник политотдела Вяземского отделения Западной ж.д. тов. Грушанов вспоминал: в эти тяжелейшие часы массовых налетов авиации противника наши железнодорожники проявляли мужество и героизм, проявляли русскую смекалку, находчивость и инициативу. Примером этому служит такой случай. Презирая угрозу смерти, проявил мужество главный кондуктор Агафонов Г.А, который с паровозной бригадой вывез из огня два состава цистерн с горючим. Другая бригада выводила из огня два

санитарных поезда с тяжелоранеными солдатами и офицерами. Командиры товарного двора Воробьев В.П., Трусов Ф.Н., Андреев С.Т. при помощи рабочих выкатили из горевшего товарного двора цистерны со спиртом и другими важными продуктами.

Такие героические примеры были не единичные, а массовые. На Вяземском узле разрушения были колоссальные, но они были и на железнодорожных линиях, и, несмотря ни на что, путейцы проявляли большой героизм, исправляли разрушенные противником дороги, прокладывали новые и вели эшелоны за эшелонами на фронт.

Враг 17 августа 1941 г. повторил массовый налет на Вяземский узел. Он был примерно такой же силы, как и первый, и, конечно, нанес материальный ущерб и были жертвы.

По неполным данным, на Вяземский железнодорожный узел и на 41-ю линейную станцию Вяземского отделения за время с 26 июня до начала октября 1941 г. противник произвел свыше 700 налетов, чем нанес нам материальные потери, разрушения и много человеческих жертв.

Большую заслуженную благодарность получили от командования Западного фронта командный состав и все работники Дорогобужской и Дуровской ветвей железной дороги за свой героический нелегкий труд железнодорожников.

Враг проявлял исключительную агрессивность к линейным станциям: Колочь, Гжатск, Туманово, Комягино, Дровнино. Противник неоднократно прерывал их работу и связь, скопилось на них большое количество подвижного состава с грузами для фронта.

Руководители дороги для ликвидации срыва работы на этих станциях и на линиях принимали решительные меры, посылали группы командиров, выезжали сами, несмотря на жертвы, восстанавливали снова и снова разрушенные врагом линии, работали все дружно — и рабочие паровозного депо и вагонного участка, и путейцы, и связисты, и движенцы. Ведь нужно было, кроме восстановления, очищать узлы и станции от металлолома, сгоревших вагонов, цистерн, паровозов, к 25 сентября 1941 года вывезено было более 1500 платформ разного металлолома от сгоревших разного

вида транспортов. Этот титанический труд более всего лег на плечи местного населения.

Тысячи людей, замечательных тружеников железнодорожного транспорта, погибли за нашу прекрасную Родину. Мы склоняем перед ними свои головы и говорим: «Вечная память вам, славные сыны нашей Отчизны».

Мне тогда докладывали, что среди павших героической смертью погибли начальник станции Дровнино т. Николаев, начальник службы связи дороги т. Обухов Н.И., инженер связи Мелков В.И. и многие другие.

За большой подвиг, который проявили железнодорожники, Военный совет Западного фронта наградил правительственными наградами большую группу железнодорожников — машинистов, движенцев, путейцев, связистов. Среди них есть и такие, которые работают и ныне машинистами: Болотин Б.А., Лашук П.И., Кручинин М.С. и другие.

Несмотря на варварские бомбардировки, враг не смог прервать работу железнодорожного транспорта Западной дороги и не смог парализовать Вяземского отделения дороги и главной станции Вязьма. Нужно отметить, что администрация Западной дороги и Вяземского отделения проделали колоссальную работу по организации бесперебойной работы транспорта, по поднятию людей на героические подвиги во имя победы над врагом, за это они заслуживают большой похвалы.

Несколько теплых слов следует сказать о железнодорожных войсках.

Железнодорожные войска. В начальный период в составе Западного фронта имелось три железнодорожные бригады (6-я, 17-я и 26-я). 6-я железнодорожная бригада (командир генерал-майор технических войск Терюхов Д.А.), отходившая из района Барановичи, перед Смоленским сражением находилась в районе Рославль, где и была включена в систему обороны города, и после того, как сменили другие части, по распоряжению начальника ВОСО фронта была направлена (по железной дороге) в район Великие Луки, в состав 22-й армии (на том направлении не было железнодорожных частей).

26-я железнодорожная бригада (командир, полковник Бойко) в период Смоленского сражения занимала железнодорожные участки на направлении Вязьма, Смоленск, Орша, в последующем западнее Смоленска находились 33-й восстановительный батальон и 17-я эксплуатационная железнодорожная рота, все остальные части этой бригады дислоцировались на направлении Вязьма — Ярцево.

17-я железнодорожная бригада действовала на левом крыле фронта в районе 21-й армии и после формирования Центрального фронта была передана в состав этого фронта.

Железнодорожные войска фронта провели большую работу и оказывали значительную помощь железнодорожникам по восстановлению разрушенных авиацией противника железнодорожных объектов, разрабатывали планы заграждений железнодорожных участков и производили разрушения в связи с отходом наших войск. К выполнению возложенных на них задач железнодорожные войска были хорошо подготовлены и с работой справлялись, работа энергично, с большим патриотизмом.

Эксплуатацию железных дорог фронта осуществляли три управления железных дорог — Калининская (управление — Ржев), Западная — Смоленск, затем Вязьма) и Московско-Киевская (управление — Калуга).

В ходе Смоленского сражения наибольшую работу выполнила Западная железная дорога и ее начальник тов. Гарный В.А. Начальник передвижения войск на Западной ж.д. — полковник Пристром М.С., а также начальник службы движения дороги т. Котьяк Г.И., ныне начальник Белорусской железной дороги. Герой Социалистического труда, начальник службы пути т. Быдзин В.А. и многие другие.

Следует отметить хорошее, тесное взаимодействие железнодорожников и офицеров службы военных сообщений во всех звеньях фронтовых железных дорог. В той обстановке подобное взаимодействие имело большое значение и способствовало общему успеху работы.

Говоря о работе железных дорог и военных сообщений Западного фронта в ходе Смоленского сражения, я должен отметить, что

несмотря на тяжелые и сложные условия, в которых совершались железнодорожные перевозки — большой поток эшелонов из глубины страны, встречный поток эшелонов с эвакуированным имуществом, фланговый поток эшелонов и переброска 16-й и 19-й армий с Юго-Западного фронта на Западный фронт и, несмотря на эту колоссальную нагрузку на железнодорожный транспорт и непрерывные удары авиации противника по железным дорогам и в особенности по узлам дорог, железные дороги с честью справились со своими задачами и обязанностями.

В этом большая заслуга начальника военных сообщений Западного фронта генерал-лейтенанта технических войск А.В. Добрякова и всего личного состава ВОСО фронта, которые работали организованно, напряженно и обеспечили как оперативные перевозки войск, так и эвакуационные, снабженческие и другие перевозки, вызванные нападением Гитлера на нашу страну.

Тов. Добряков А.В. родился в 1897 г. в Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. С начала Великой Отечественной войны и до ее окончания был начальником военных сообщений Западного фронта (3-го Белорусского фронта). В июле 1945 г. был назначен на Дальний Восток, где обеспечивал наши войска в войне против Японии. После войны тов. Добряков 13 лет работал заместителем начальника военных сообщений Министерства обороны СССР. Член КПСС с 1919 г. Окончил Академию им. М.В. Фрунзе. Сейчас находится в отставке.

В самом начале Смоленского сражения управление военных сообщений фронта дислоцировалось в районе Смоленска (Гнездово), т.е. там, где и штаб фронта. Это давало возможность осуществлять управление и контроль за выгрузкой войск в районе Смоленска и в других пунктах и руководить фронтовыми железнодорожными участками, пользуясь железнодорожной связью и войсковыми средствами связи, что давало возможность быть постоянно в курсе как на Смоленском железнодорожном узле, так и на других участках дороги.

14 июля 1941 г. управление военных сообщений передислоцировалось в Касню (20 км севернее Вязьмы), т.е. туда, куда переместился и штаб фронта.

Смоленское сражение, кроме огромного оперативно-стратегического значения, сыграло большую роль в отношении более стабильного устройства фронтового и армейского тыла, организации базирования войск фронта, налаживания работы распорядительных станций и станций снабжения армий, более четкой организации подвоза и эвакуации, освобождения фронтовых железных дорог от простаивающих вагонов, улучшения погрузочно-выгрузочных работ на фронтовых складах и станциях снабжения, организации более надежного управления и улучшения руководства военными сообщениями фронта, в т.ч. и железнодорожными войсками.

Я сердечно благодарю бывшего начальника военных сообщений Западного фронта генерал-лейтенанта технических войск Добрякова А.В. и бывшего начальника политотдела Вяземского отделения Западной железной дороги т. Грушанова Г.А. за то, что они любезно помогли мне осветить вопрос работы железнодорожного транспорта в Смоленском сражении и проделали большую организаторскую работу на транспорте по обеспечению Смоленского сражения, длившегося два месяца, сыгравшего важнейшую роль в достижении победы над врагом.

Глава тринадцатая

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СМОЛЕНЩИНЕ

В тяжелые дни Смоленского сражения произошло много исторического значения событий, о них я довольно подробно говорил на страницах этой книги. Но есть еще очень важное событие, которое произошло в этот же период.

Таким важным и большим событием является партизанское движение на Смоленщине и в смежных областях. Придавая должное значение этому движению, я решил подробнее осветить этот вопрос и поэтому отвел для него специальную главу.

Партизанское движение — это движение народное. Его размах, сила зависят от отношения к нему людей: если воспримет его народ, как свое кровное дело, тогда оно будет жить, развиваться,

крепнуть и превращаться в большую материальную силу, и, наоборот, оно умрет в зародыше, если отвернется от него народ.

Жизнь подтвердила это положение с большой силой.

Еще не стерлись в нашей памяти дела начального периода войны, мы помним, что как только фашисты напали на нашу страну 22 июня 1941 г., то сразу же весь наш народ по зову партии поднялся на священную войну против немецко-фашистских захватчиков.

С целью немедленной и наиболее полной мобилизации всех сил и средств страны на разгром врага 30 июня 1941 г. совместным решением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета и Совета народных комиссаров СССР был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО). Этот чрезвычайный орган сосредоточил в своих руках всю полноту политического, хозяйственного и военного руководства страной.

Программа коммунистической партии по организации отпора немецко-фашистским захватчикам и их разгрому была изложена в директивном письме СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, от 29 июня 1941 г. и обнаружена в речи Председателя ГКО И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 г.

В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) указывалось:

«Создать в занятых врагом районах партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д.

В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия»¹.

В начале этой главы, которая повествует о партизанском движении, нужно дать резкий отпор тем фальсификаторам истории, которые утверждают, что партизанское движение в нашей стране приобрело широкий размах якобы потому, что фашисты своей по-

¹ Советские партизаны. Госполитиздат, 1966. С. 8.

литикой жестоких репрессий, применяемых к местному населению, вызвали и обострили всенародную злобу к фашизму и якобы этим создали предпосылки и условия для широкого партизанского движения. Это утверждение не соответствует действительности (конечно, репрессии фашистов влияли на усиление партизанского движения). Но главное заключается в том, что советский человек не мог смириться с чуждой ему фашистской идеологией, фашистскими порядками, с капиталистическим строем, который фашисты несли на своих штыках нашему народу.

Советским людям было хорошо известно, что наш народ по зову сердца поднялся на борьбу за свои политические права, за лучшую жизнь, и в 1917 г. свергнул власть капиталистов и помещиков и установил демократическую власть, власть рабочих и крестьян. На протяжении последних лет народ строил новое социалистическое государство и добился грандиознейших успехов. Страна превратилась в могучую индустриальную державу с самым крупным коллективным сельским хозяйством. Империалисты пытались помешать нам, прощупывая наши силы. Это провокации на КВЖД, у озера Хасан, у Халхин-Гола, но каждый раз получали отпор. Это и военный конфликт с Финляндией накануне Великой Отечественной войны.

И наш народ хорошо сознавал и понял, что в нашествии фашистской Германии прямая угроза порабощения. Ясно было каждому гражданину Советского Союза, что политика хищников мирового империализма имеет главную свою цель: уничтожить Советское государство, а его народ сделать своими рабами, посадить на шею русских людей и людей других национальностей, населяющих СССР, помещиков, капиталистов и других тунеядцев.

Все эти коварные замыслы наш народ понимал. Призыв партии — подняться всем на борьбу с фашистскими захватчиками — был поддержан всенародно.

В этом проявилась громадная сила нашего социалистического общества, нашего советского строя. В этом и есть главная причина того широкого размаха партизанского движения, которое удивило весь мир. Ведь таких масштабов партизанского движения мир еще не знал.

Многие зарубежные друзья и враги удивлялись широкому размаху этого движения и называли его чудом, да, это было действительно чудо. Это чудо порождено советским строем и великой силой партийного руководства, и той великой правдой, которую несла в народные массы коммунистическая партия.

Когда я вступил в командование войсками Западного фронта, то противник и этому времени уже занял Минск и Бобруйск и стремительно развивал удар на Москву. Он шел через так называемые Смоленские ворота.

Перед нами с большой остротой встал вопрос: задержать продвижение противника во что бы то ни стало, нужно было выиграть время, для того чтобы подвести резервы и образовать, по сути дела, новый фронт.

Мы принимали решительные меры, чтобы предотвратить продвижение противника в глубь страны. Гитлеровцы наступали с тем расчетом, чтобы 7 августа овладеть Москвой. Но этого, как известно, не случилось. И в этом есть немалая заслуга ее все разраставшегося партизанского движения, использовавшего опыт 1812 г.

Я хочу здесь сослаться на Е. Тарле, который сказал:

«...Я говорю подробно о партизанской войне, об участии в ней крестьян. О подвигах Четвертакова, упорно и ожесточенно оборонявшегося со своим крестьянским отрядом против французских кавалеристов, о Герасиме Курине, который со своими односельчанами очистил Богородический уезд от мародеров, я говорю далее также о героическом подвиге старостиhi Василисы и других партизанах, вышедших из рядов крестьянства. Это были позднейшие партизаны. Но следует отметить, что уже в первую половину войны, когда и главный пионер партизанского движения Денис Давыдов не выступал еще со своим предложением, крестьянская масса уже начинала партизанскую борьбу.

Степан Еременко, рядовой Московского пехотного полка, раненый и оставленный в Смоленске, бежал из плена и организовал из крестьян партизанский отряд в 300 человек; крестьянин Ермолай Васильев собрал и вооружил отобранными у французов ружьями и саблями отряд в 600 человек.

Никто не позаботился систематически, внимательно сохранить для истории память об этих народных героях, а сами они не гнались за славой. Крестьянка деревни Соколово Смоленской губернии Прасковья, оборонявшаяся одна от шести французов, убившая вилами троих из них (в том числе полковника), изранившая и обратившая в бегство трех остальных, так и осталась для потомства Прасковьей, без фамилии...»¹

Эти выдержки из Е. Тарле напомнили мне рассказ, который я слышал, еще будучи школьником Марковской земской школы, когда мне шел десятый год.

Мы, ребята, очень любили слушать рассказы моего деда Ивана Еременко. Он много нам говорил о разных случаях, рассказывал и о войнах. Нам больше всего нравились рассказы о боях, о войне. Однажды дед Иван так сказал, я это хорошо запомнил:

«В 1812 году Наполеон напал на Россию. Началась война. Мой дед, Степан Еременко, служил тогда в русской армии и участвовал в битве под Смоленском и под Москвой. Он был храбрым солдатом, отличился в боях, за что был награжден орденом Георгия-победоносца». Далее дед говорил, что «тогда же под Москвой разбили французов и выгнали их из России. Одним словом, дали “прикурить” французам, дали по-русски, чтобы они запомнили, как заходить в Россию». А в заключение дед Иван гордо заявил: «Запомните, ребята, что наш род, Еременко, — давнишний род, наши предки участвовали в войнах и с турками и с другими странами, участвовали они, как я говорил, в 1812 году в боях под Смоленском и под Москвой, участвовали в разгроме французской армии Наполеона. Поэтому, мои дорогие внучата, гордитесь своим родом. А если придется служить в армии и участвовать в войне, то храбро деритесь за свою родину — Россию».

Вспоминая эти слова деда Ивана, сказанные им около семидесяти лет тому назад, я и сейчас горжусь своими предками: дедом Иваном Ивановичем Еременко и прапрадедом Степаном Еременко. Горжусь и тем, что мне пришлось участвовать в боях под Смолен-

¹ Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию. С. 231—232.

ском, Москвой, как и моему дальнему родственнику — Степану Еременко.

Исторический опыт прошлого, в том числе и Гражданской войны, нужно прямо сказать, подтолкнул нас на создание партизанских отрядов с той целью, чтобы тормозить продвижение противника на Москву.

Мы договорились с членом Военного совета фронта — первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии Пантелеем Кондратьевичем Пономаренко о создании партизанских отрядов. При этом разговоре П.К. Пономаренко сказал: «ЦК КПБ уже начал работу по подготовке партизанских отрядов, но в этой работе у нас есть ряд трудностей, и в связи с этим прошу вас, Андрей Иванович, помочь мне».

Я с большим удовольствием откликнулся на эту просьбу и сразу же подключил несколько офицеров из штаба фронта для оказания конкретной помощи в создании партизанских отрядов. В дальнейшем работа протекала так. ЦК КПБ подобрал из партийного и советского актива людей и формировал партизанские отряды; соответствующие отделы и управления штаба фронта по моему указанию вооружали и обмундировывали личный состав партизанских отрядов.

Вопрос о первых формированиях партизанских отрядов мне хорошо запомнился еще и потому, что я по просьбе П.К. Пономаренко проводил инструктаж 38 командиров партизанских отрядов. Это я делал для того, чтобы увязать действия партизан с нашими главными задачами. Ставя задачу партизанам, я сосредоточил их внимание на двух оперативных направлениях: Минск—Борисов—Витебск—Смоленск и Бобруйск—Могилев—Рославль—Ельня с тем, чтобы на этих главных направлениях срывать вражеские планы, на которых они наносят удары крупными бронетанковыми силами.

Партизанам было указано взять под удар конкретные дороги, по которым танки и мотопехота развивают удар, выводить из строя мосты, разрушать дороги, устраивать в узких местах заграждения, завалы, выводить из строя аэродромы, самолеты, истреблять летчиков, жечь горючее и т.д. Я подчеркивал это положение, что сей-

час нельзя указать все объекты для действия партизан. Партизаны должны сами находить эти цели, зная общую задачу, но всегда действовать смело, активно, проявляя при этом большую инициативу.

В результате нашей совместной работы к 30 июля 1941 г. было создано и направлено в тыл врага более 30 партизанских отрядов. Они пополнили ряды партизан, созданных на оккупированной территории.

Так начало зарождаться организованное партизанское движение, которое потом превратилось в большую силу. Белорусские партизаны, оставленные и брошенные в тылы врага еще в канун Смоленского сражения, начали проводить активные боевые действия на широком фронте и с большой глубиной; они наносили удары по тылам и частям противника не только в полосе прифронтового, но и в более глубоком оперативном тылу. Своими боевыми действиями они изматывали силы врага во время проведения Смоленского сражения, чем оказывали помощь войскам Западного фронта — остановить главную группировку немецко-фашистских войск, нацеленных на Москву.

Я хорошо помню тот день, когда были созданы первые партизанские отряды и Пономаренко в моем присутствии по аппарату ВЧ, который висел на сосне, на КП фронта, докладывал Сталину о развертывании партизанского движения. Сталин одобрил тогда эти мероприятия и назвал это хорошим почином, а в заключение сказал, что на днях он выступит по радио и этому вопросу уделит особое внимание. Так и было. Выступление Сталина по радио 3 июля 1941 г. способствовало росту партизанского движения. В партизанские отряды вливались новые силы. В их числе были и воины Красной Армии, попавшие в окружение и по каким-либо причинам не сумевшие выйти из него. Они оказали большое влияние на укрепление партизанских отрядов, они принесли с собой в отряды военные знания, умение использовать оружие, укрепили воинскую дисциплину в отрядах.

Многие бывшие окруженцы из офицерского состава становились во главе партизанских отрядов. Они были замечательными руководителями партизанских частей и хорошими воинами в бою. В подтверждение этому приведу несколько фамилий, которые от-

мечены в письме секретаря Смоленского обкома Н.И. Москвина, присланного мне в связи с моей работой над книгой «Смоленское сражение».

Из-за тяжелых боев советских армий, попавших в окружение под Смоленском, и во время последующего тяжелого выхода за Днепр через Соловьевскую переправу на территории области осталось немало раненых солдат, командиров и политработников. Население спасало их от уничтожения оккупантами, выходило и поставило на ноги. Многие из них активно включились в борьбу с врагом. Большая группа выздоровевших влилась в партизанские отряды, организованные подпольными райкомами партии. Это пополнение придало партизанскому движению на Смоленщине еще большую организованность, внесло в ряды партизан железную дисциплину, сцементировало его. Большинство вставших в строй командиров и политработников впоследствии возглавили партизанские отряды; к этим людям относятся прославленные на Смоленщине командиры партизанских формирований — младший лейтенант С.Б. Гришин, лейтенанты Ф.Я. Аpretов, И.Р. Шлапаков, К.Т. Матяш, политруки Д. Донукалов, А.К. Соколов, капитан И.Н. Ильичев, батальонный комиссар Н.И. Вельмесов, подполковник Г.М. Коротченко, полковой комиссар Д.К. Махальцов и другие.

Может быть, поэтому партизаны Смоленщины в условиях невероятно высокой концентрации войск противника смогли вести войну до полного изгнания Красной Армией врага. Я беру на себя смелость утверждать, что для партизан Смоленщины условия войны были особенно тяжелы. Им нередко приходилось навязывать оккупантам бои не в глубоком тылу врага, а на боевых порядках немецких дивизий. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и исключительное патриотическое смоленское население. Оно было главным положительным фактором, облегчающим борьбу смоленских партизан. Без его помощи трудно было бы продержаться в тылу врага и один месяц, не то что два года. Никакие зверства врагов не заставили смоленских женщин и ребят прекратить помощь народным мстителям.

«Постоянный воинский дух смолян, проявившийся в борьбе с захватчиками на протяжении веков, был еще более укреплен в ходе героического Смоленского сражения. Оно закалило веру смолян в неизбежный разгром врага, и сыграло не последнюю роль в стойкости и мужестве людей, участвующих в сопротивлении на Смоленщине».

Я полностью согласен с этой объективной и правдивой оценкой и выводами, которые сделал Н.И. Москвин в своем письме.

Я постоянно держал связь с секретарем Смоленского обкома партии Д.И. Поповым, который являлся руководителем партийного подполья и партизанского движения в области. Он много раз бывал у нас на КП, информировал о действиях партизан, о работе обкома по организации и привлечению населения к участию в работе оборонительного порядка.

Мне хотелось бы сказать теплые слова в адрес командиров и политработников, которые возглавляли партизанские части и соединения, используя и данные из книги «Советские партизаны», но я приведу здесь только несколько имен: капитан А.Г. Казанцев, лейтенант П.А. Ермилин, батальонный комиссар А.П. Буйнов, майоры А.В. Герман, И.И. Веселов, старший политрук А.С. Туровский, подполковник П.Т. Амеличев, лейтенант Ф.С. Стрелец и многие, многие другие.

Здесь же следует сказать и о том, что были и такие среди попавших в окружение, их звали окруженцами, которые не сразу вступили в партизанские отряды, а заняли выжидательную позицию. Однако наши успехи на фронтах войны и в особенности успех в Сталинградской битве повлияли на сознание многих окруженцев и они начали активно включаться в партизанскую борьбу; а во многих случаях они вступали в партизанские отряды под воздействием подпольных партийных организаций, которые вели боевую работу среди окруженцев по вовлечению их в партизанскую борьбу. Вот что по этому поводу пишет тов. Котов:

«Конечно, не все военнослужащие-окруженцы сразу поняли необходимость перехода к новым, партизанским методам борьбы с врагом. Среди окруженцев были отдельные паникеры и предатели, но абсолютное большинство осталось верным присяге защищать

Роди́ну до последней капли крови. Только нужно было известное время, чтобы произошел психологический перелом в мышлении бойцов и командиров, привыкших действовать в составе регулярных частей и соединений, чувствуя локоть друг друга, ощущая за спиной силу огромного армейского организма и всего Советского государства».

В целом же партизанское движение имело в своем развитии несколько периодов, я, конечно, не занимался глубоким исследованием темы партизанского движения в СССР в период Великой Отечественной войны, а изучал отдельные операции партизан, отдельные бои и боевые эпизоды из богатого арсенала партизанской борьбы. Я хорошо помню начальника штаба партизанского движения при штабе Калининского фронта Рыжикова. Это был опытный в оперативном отношении начальник партизанского движения и внес большой вклад в разгром врага. Все сведения, которые я получил из тех или других источников, позволили мне познать многие вопросы партизанского движения. Поэтому мне хотелось в книге «Смоленское сражение» высказать ряд мыслей по вопросам партизанского движения. Причем я совершенно не претендую на бесспорное их толкование. Если я сказал что-то и не так, то партизаны меня извинят.

Прежде чем изложить свои мысли о партизанском движении, я хочу сказать о том, как оценивал противник наше положение в начале Смоленского сражения, что совпадает и с началом партизанского движения.

Приходится только удивляться, какие все-таки самонадеянные были немецкие генералы, в том числе и начальник Генерального штаба немецких сухопутных войск генерал-полковник Гальдер. Они так и не поднялись до того уровня в своем развитии и подготовке, чтобы правильно оценить состояние нашей армии, ее моральные качества и боевую подготовку. Они еще больше недооценили наш советский народ, они даже сомневались, пойдет ли народ за партией и поднимется ли он на борьбу против фашистов. Главарь вермахта и Гитлер неоднократно заявляли, что Красная Армия уже разбита и не является такой силой, с которой нужно серьезно считаться, теперь-де, мол, нужно огонь перенести на борьбу с пар-

тизанским движением, вот что тогда беспокоило фашистских заправил. Они боялись широкого размаха партизанского движения и на первых порах заняли выжидательную позицию, присматривались, как наш народ откликнется на призыв партии подняться всем на борьбу с фашистскими захватчиками и в зависимости от этого вести борьбу с партизанским движением, но уже наметить планы этой борьбы.

Генерал Гальдер еще в начале Смоленского сражения — 4 июля 1941 г. заявлял:

«В целом нужно считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего оборонительного рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы на р.р. Западная Двина и Днепр и далее на юг... В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы. Необходимо выждать, будет ли иметь успех воззвание Сталина, в котором он призвал всех способных носить оружие к партизанской войне против нас. От этого будет зависеть, какими мерами и силами придется очищать обширные промышленные области, которые нам предстоит занять. Главное же сейчас состоит в том, чтобы возможно скорее отнять их у противника, тем самым лишить его возможности использовать их для поддержания своей силы».

Как я сказал выше, партизанское движение имело в своем развитии несколько периодов.

Первый период — период формирования и становления партизанских групп и отрядов. В это же время параллельно создавались и подпольные партийные организации. Они-то и были главными организаторами партизанского движения. Создавая партийное подполье, они сразу же создавали и партизанские группы и отряды.

По времени первый период партизанского движения занял 7—8 месяцев, то есть от начала войны до весны 1942 г. В этот организационный период действия партизан носили не большой размах. Еще не было накоплено опыта борьбы с врагом.

Второй период партизанского движения характеризуется его большой боевой активностью. Заметно выросли силы партизан, в

значительной мере они пополнились за счет бывших воинов Красной Армии, о чем я уже говорил. Здесь следует подчеркнуть, что на количественный и качественный рост партизанских сил значительно повлияла наша победа под Москвой. Она произвела перелом в сознании многих людей и повлияла на поднятие активности партизанских действий, подтверждением этому служат активные действия партизан Смоленской области. Когда фашисты рвались на Волгу и в Закавказье. На Смоленщине активно действовали партизанские отряды и части, возглавляемые В.И. Воронченко, Н.З. Коляда, В.В. Кузубским, С.В. Гришиным, Ф.Д. Гнездиловым и другими. Борьба партизан достигла своего апогея после Сталинградской битвы.

Третий период партизанского движения начался после Сталинградской битвы и включает несколько этапов, которые знаменовали собой большие и широкие по объему операции, в которых принимали участие почти все партизанские силы. Именно после Сталинградской битвы создалась благоприятная обстановка и для наших войск на фронте, и для развития партизанского движения, и для нашего тыла. Именно тогда партизаны с большим искусством наращивали свои силы. В партизанские отряды активно вливались широкие массы людей. Есть много примеров, подтверждающих это. Вот хотя бы один из них.

«В 3-й бригаде, которой командовал А.В. Герман, в 1942 году было немногим больше 500 бойцов. К лету 1943 года она выросла более чем в двухтысячное соединение»¹.

После Сталинградской битвы появилось много крупных партизанских соединений, в т.ч. бригады и даже дивизии. С ними регулярно поддерживалась связь Центральным штабом партизанского движения. В этот период широко использовалась наша авиация не только для связи с партизанскими частями и соединениями, но и для перевозки людей, вывоза раненых и для снабженческих перебросок: оружия, боеприпасов и других видов снабжения.

В этот же период были образованы крупные партизанские районы, где вся власть находилась в руках партизан и местных советских органов.

¹ Советские партизаны. С. 62.

«Партизанский полк имени Лазо под командованием В.В. Казубского в марте—апреле 1943 года освободил 250 населенных пунктов на территории Ельнинского, Починковского, Екимовичевского, Спасско-Деменского и Стодолиценского районов. Они контролировали территории свыше 1000 квадратных километров».

В этот период Центральный штаб партизанского движения уже осуществлял руководство партизанскими силами по проведению крупных партизанских операций, увязанных с задачами и действиями войск наступающих фронтов. В этих условиях руководство Центрального штаба правильно поступало, сочетая централизованное руководство крупными операциями партизан, и в то же время представлял командующим партизанских соединений и отрядов широкую инициативу, это главное в управлении партизанской войной. Это была верная тактика. Ведь, как правило, объекты боевых операций партизан были подвижные. Это прежде всего передвижение войск и грузов по железным и шоссейным дорогам. Главный объект для ударов: эшелоны с войсками, с танками, с артиллерией, боеприпасами, горючим и т.д. Это самые важные цели для удара партизан; вторые цели по значимости будут удары партизан по узлам дорог, по базам, по пунктам и линиям связи и многим другим объектам. Операции по таким целям и объектам нельзя планировать из Центра, ибо пока будешь планировать, цели для ударов исчезнут, уйдут. Поэтому в деле постановки задач партизанам должны быть только директивные указания: куда и в какой район направить главные усилия партизан, а уж частные задачи по выполнению директивных указаний Центра должны разрабатываться на месте командирами соединений и отрядов, и они же, эти командиры, руководят этими операциями.

В этом и заключается большой смысл руководства партизанскими операциями.

В третьем периоде партизанского движения по плану Центрального штаба партизанского движения уже многие партизанские соединения выполняли такие оперативные задачи, которые были увязаны с действиями наших войск, проводивших наступательные операции с фронта. Причем для более тесного взаимодей-

ствия партизан с войсками при каждом штабе фронта был создан штаб партизанского движения, через который штаб фронта в той или иной мере руководил действиями партизан, направлял их действия для оказания помощи войскам фронта в решении поставленной перед ними задачи.

Начальник штаба партизанского движения при фронте (он же представитель и Центрального штаба) всегда держал в курсе командующего фронтом о действиях партизан, передавал партизанам распоряжения командования фронтом, организовывал с помощью штаба фронта и начальника тыла фронта обеспечение партизан вооружением, боеприпасами и всем тем, в чем нуждались партизаны.

Создание штабов партизанского движения при фронтах играло большую роль. Во-первых, приблизились штабы партизанского движения к партизанским соединениям и отрядам, во-вторых, значительно улучшилось взаимодействие партизан с войсками фронтов; в-третьих, улучшилось обеспечение партизан всем необходимым для их действий.

В этот период большой размах получили операции с участием больших групп партизан, т.н. «рельсовая война».

Таковыми операциями были — одновременный удар с участием большинства партизан по железным дорогам врага и другие подобные операции.

Особым организационным признаком партизанского движения является то, что партизанские формирования носили территориальные характеры, в этом была их сила. Люди, вступавшие в партизанские отряды, знали друг друга, знали каждого человека, на что он способен. Знание людей усиливало доверие друг к другу. Здесь особо остро стоял вопрос о том, чтобы не проник в ряды партизан предатель, когда угрозу гибели отряда возрастает. Территориальное формирование на первых порах было выгодно еще и потому, что партизаны хорошо знают местность, знают все дороги и тропинки леса и болота, села и хутора, местных жителей, все то, что является очень важным для действий партизан, что скрывает их и обеспечивает маневр до тех пор, пока не окрепнут и выйдут на «большую дорогу» боевых действий.

Характерная особенность территориального партизанского формирования состоит еще и в том, что партизаны смотря по обстановке проводят боевые операции, то они работают дома.

Мое желание написать главу о действиях партизан в «Смоленском сражении» объясняется тем, что в период этого сражения и в канун его берет свое начало партизанское движение. Нам известно, что в Великой Отечественной войне, в тылу врага, на всей нашей территории, временно оккупированной фашистами, широко развернулось партизанское движение, которое сыграло немалую роль в нашей победе над гитлеровской Германией. Вот почему нельзя не сказать об этом партизанском движении, которое берет свое начало с дней периода Смоленского сражения и кануна его.

Нужно отметить и еще раз подчеркнуть то, что главной причиной и решающей силой, которая разгромила немецко-фашистскую армию и сокрушила фашистское государство, была наша героическая Советская Армия, это бесспорный факт, это историческая истина, которая не требует доказательства.

Партизанское движение в Великую Отечественную войну приобрело такие масштабы и такое военно-политическое значение, что потрясло тыл фашистской армии. Враг вынужден был бросать крупные силы (отвлекая их от фронта) для того, чтобы охранять свой тыл и вести борьбу с партизанами. Но, несмотря на эти меры, врагу так и не удалось справиться с партизанским движением, он не смог его подавить, получилось наоборот, с каждым днем нарастало партизанское движение, вплоть до изгнания фашистских захватчиков из пределов нашей Родины.

Партизанские действия на железных дорогах, военных базах, удары по боевым порядкам вражеских войск, прифронтовая увязанность с действиями наших войск, наносивших свои удары с фронта, приобретали большую силу и перерастали в фактор большого оперативного значения, а это уже было большим политическим вопросом не только для нашей страны, но и для всего прогрессивного человечества, и тем более это важно было, как пример, для тех сил сопротивления, которые вели активную борьбу против фашистских поработителей.

Советский народ с большим вниманием следил за ходом Смоленского сражения. Воины Западного фронта, поддержанные населением Смоленщины и других прилегающих областей, делали все возможное, чтобы остановить самую крупную группировку врага, рвущуюся к Москве.

Повсеместно, на всей территории Смоленского сражения, для борьбы с воздушными десантами врага, их шпионами, лазутчиками, автоматчиками, забрасываемыми к нам в тыл для того, чтобы создать панику, захватывать важные объекты и узлы дорог, было создано народное ополчение и истребительные батальоны и группы самообороны. Об этой организации хорошо сказано в статье Л.В. Котова «На земле Смоленской», опубликованной в сборнике «Советские партизаны».

В ней говорится: «К середине августа 1941 года в области для борьбы с вражескими десантами и шпионами было создано народное ополчение — 26 истребительных батальонов и около сорока групп самообороны...» В первых числах июля 1941 г. Смоленский обком партии и облисполком развернули работу по подготовке подполья и партизанской борьбы. В основу этой работы была положена директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г.

6 июля обком партии провел специальное совещание, на котором было решено в каждом районе создать подпольный партийный комитет и партизанский отряд в составе 35—40 бойцов. С этой целью в районы области выехали группы ответственных партийных и советских работников, возглавляемых секретарями обкома партии. Вместе с ними на места выехали 16 инструкторов-организаторов, прибывших из ЦК ВКП(б).

С 10 по 25 июля 1941 г. было сформировано 54 партизанских отряда из партийно-советского актива, общей численностью в 1160 бойцов. Несколько сот человек были подобраны для работы в подполье.

Уже в дни Смоленского сражения начались боевые действия партизан. Вот пример этих действий. 18 июля партизанский отряд в 68 человек под командованием секретаря Слободского райкома партии М.Н. Шульца оказал большое сопротивление немецкому батальону, нанес ему большие потери в людях и в технике. Ярцев-

ский партизанский отряд под командованием секретаря горкома партии Ф.В. Кузнецова 15 июля 1941 года отразил нападение парашютистов, которые пытались овладеть в тылу наших войск железнодорожным мостом через р. Вопь в районе ст. Ярцево».

В трудных условиях Смоленского сражения партийные организации развернули большую работу среди населения по вовлечению его в борьбу с немецкими захватчиками. Ее возглавили подпольные обкомы, горкомы и райкомы

Для работы в тылу врага Смоленский обком партии оставил 3060 коммунистов. Осенью 1941 года на территории области действовали уже более 40 партизанских отрядов, насчитывавших до 2-х тысяч бойцов.

Многие партизанские отряды возникли по инициативе командиров Красной Армии. В северо-западных районах Смоленской области организаторами партизанских групп стали — политрук А.Е. Соколов, старший лейтенант И.Р. Шлапаков, старший политрук А.С. Туровский, зам. политрука В.И. Целищевский, старший лейтенант Г.К. Луговой, лейтенанты Ф.Я. Анрепов, Ибрагим Османов и другие. Каждый из этих командиров вскоре стал хорошим вожаком партизан. Количество партизанских отрядов росло стремительно, росла активность их действий, совершенствовалась форма борьбы с оккупантами. И не случайно многие партизанские отряды стали преобразовываться в партизанские полки, бригады, дивизии.

Выше уже упоминался партизанский отряд под командованием В.В. Козубского, преобразованный в партизанский полк имени Лазо. Этот полк быстро вырос до 1500 бойцов, был хорошо вооружен; на вооружении этого полка кроме винтовок и гранат было много пулеметов, полковая артиллерия и танки.

Другой пример: партизанский отряд Ф.Д. Гнездилова был преобразован в партизанский полк имени 24-й годовщины РККА. Полк в своем составе имел более 1200 хорошо вооруженных бойцов. В этом полку имелась полковая артиллерия в составе двух артиллерийских дивизионов и танковой роты. Оба полка в своей организации придерживались принципов и штатов кадрового полка. Полк делился на батальоны, а батальоны на роты и т.д.

Таким образом, партизанское движение поднялось на новую ступень своего развития и приобрело почти общевойсковую организацию, проверенную опытом в мирное и военное время. Теперь такие части, как эти полки, могли вести, и успешно вести, настоящие общевойсковые бои по разгрому немецких гарнизонов и по освобождению большого количества населенных пунктов.

Всего в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине действовало 119 партизанских отрядов, полков и соединений, насчитывавших около 62 тысяч партизан. Они внесли большой вклад в общую победу над врагом.

Партизаны Смоленщины в общей сложности уничтожили около 200 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, подорвали и пустили под откос 1358 вражеских эшелонов, вывели из строя 633 паровоза, уничтожили 537 танков, 53 самолета, 423 орудия, 3225 автомашин, взорвали около 50 тысяч рельсов, сожгли 151 военный склад, взорвали 85 железнодорожных и 498 шоссежных мостов, разгромили 13 железнодорожных станций, 183 вражеских гарнизонов¹.

Родина высоко оценила боевые заслуги партизан Смоленщины. Около 6 тысяч отважных патриотов были награждены орденами и медалями СССР. Из них 70 человек орденом Ленина, 722 орденом Красного Знамени, звания Героя Советского Союза удостоились семь смоленских партизан.

Крупнейшим районом партизанского движения стала Витебская область. Она, как и другие области Белоруссии, уже в первые дни войны подверглась мощному удару гитлеровских войск, а 10 июля 1941 г. немецко-фашистские войска захватили областной центр — город Витебск. Буквально в считанные дни в области развернулось мощное партизанское движение, появилась разветвленная сеть подпольных партийных комитетов и организаций. Назову лишь несколько активных участников создания подпольных партийных организаций и партизанских отрядов.

Список этих людей мне сообщил секретарь Витебского обкома партии А. Аксенов. Среди них А.П. Абраменко, Е.А. Крыцкая, М.Ф. Бирулин, К.П. Власенко, В.А. Хабаров, А.Я. Копышка,

¹ Советские партизаны. С. 172.

Д.И. Томатов, А.К. Стельмах, П.П. Макаренко, Я.М. Прохоренко, И.Ф. Кореневский, П.Я. Рыбаков, С.Г. Воронов, Б.М. Вертошо, М.Ф. Шмырев и многие другие.

Первый партизанский отряд на Витебщине был создан в Суржанском районе из рабочих, служащих и колхозников по решению бюро Суржанского райкома партии 6 июля 1941 года. Командиром отряда был назначен директор Пуботьской картонной фабрики Минак Филиппович Шмырев.

14 июля сформированный отряд уже ушел в леса и начал готовиться к активным боевым действиям.

Первую боевую операцию партизанский отряд в составе 60 человек под командованием Шмырева провел 25 июля 1941 г. И вот как это было:

Около хутора (Тимоха), на правом берегу реки Туровки, партизаны обнаружили на привале отдыхающую конницу, часть солдат купалась в реке (по-видимому, враг допустил беспечность, не выставляв охранения, чем и воспользовались партизаны).

По приказу командира отряда Шмырева один взвод партизан, хорошо маскируясь, подполз к реке, а другая группа с пулеметом во главе с тов. Шмыревым зашла к противнику с фланга на расстояние прямого выстрела (250—300 метров), по сигналу Шмырева (который сам вел огонь из пулемета). Боевые группы внезапно ударили по врагу пулеметным и ружейным огнем. Застигнутые врасплох гитлеровцы начали разбегаться. На берегу реки осталось 30 трупов немецких солдат и офицеров.

Партизанский отряд Шмырева отличался активными боевыми действиями. Только за август и сентябрь 1941 г. он провел около тридцати боев, он держал под ударом все дороги в районах Сураж, Усвяты, Велиж и другие. Фашисты объявили эти районы «опасной партизанской зоной».

За время июль—сентябрь 1941 г. этот партизанский отряд уничтожил около 200 гитлеровских солдат и офицеров, сжег 14 автомашин и 18 цистерн с горючим, захватил большие трофеи.

В первые дни войны в Оршанском районе по инициативе партийных органов города и района на предприятиях, в колхозах, совхозах и МТС были созданы истребительные батальоны.

В их задачу входила не только охрана жизненно важных объектов, но и борьба с мелкими группами вражеских парашютистов.

В городе был создан батальон ополчения, в состав которого вошли около двух тысяч коммунистов, комсомольцев, советских патриотов.

Орша — это важный узел железных и шоссейных дорог, опорный пункт в центре главного рубежа нашей обороны, оперативное значение его очень велико, удержание нашими войсками Оршанского узла сопротивления задерживало продвижение противника на главном направлении и разрезало его главную группировку войск, наносившую удар на Москву.

Вот почему наши войска при активной помощи населения вели большую работу по укреплению Оршанского узла и подполья к нему; там сооружались противотанковые рвы, рылись окопы и траншеи, сооружались дзоты и другие укрепления. Каждый день оршанцы выводили на оборонительные работы до 20 тысяч человек; они трудились с большим напряжением по 16—18 часов в день. Оршанцы провели большую работу по эвакуации.

Ко дню захвата немцами Орши все ценное оборудование предприятий, хлебные запасы, сельскохозяйственная техника, скот сотнями вагонов были отправлены на восток.

По моей просьбе секретарь Оршанского горкома партии Л. Рогонов прислал мне письмо, в котором обстоятельно изложил дело и действия Оршанского подполья и партизанских групп во время Смоленского сражения.

Приведу лишь несколько выдержек из этого письма:

«Подготовка к подпольной работе, — говорит Рогонов, — началась в Орше задолго до оккупации города. Уже к началу июля на случай занятия фашистами города и района были утверждены кандидатуры руководителей подпольной борьбы, составлены списки будущих бойцов невидимого фронта.

По решению Горкома и Райкома партии в районе “Осинторфа”, Белгреса и других местах, в лесу были организованы базы Оршанского подполья. Тут создали запасы оружия, взрывчатки. Со окладов Орши, Дубровно, “Осинторфа” и Белгреса, завезли вещевое имущество, продукты питания, печатные машинки, бумагу и дру-

гое имущество. За каждой базой были закреплены ответственные коммунисты. Город и район были разбиты на зоны и закреплены люди, прошедшие большой жизненный путь. На них возложили обязанность поднимать народ и вовлекать его в подпольно-партизанскую борьбу с врагом.

В ночь с 13 на 14 июля 1941 года вступил в бой Оршанский батальон народного ополчения. Несмотря на превосходящие силы врага, бойцы батальона стойко сдерживали натиск противника до подхода частей Красной Армии, а потом влился в состав регулярных войск.

Удары Оршанских подпольщиков по коммуникациям врага нарастали с каждым днем. Их действия обеспокоили врагов, и группа ГФА (тайная полевая полиция) вынуждена была в августе 1941 года доложить в Берлин:

“В лесах северо-западнее Орши находится большая группа партизан до 100 человек, которыми руководит коммунист и два капитана, на вооружении имеют 20 пулеметов. Русская полиция и бургомистры сбежали, боятся показаться в своих селах. Все силы брошены на борьбу с ними. На днях нами найден склад хранения различных боеприпасов, взрывчатки, бутылок с горючей смесью. Все это говорит о том, что в этих местах готовятся крупные диверсионные акты. У станции Орша Восточная был сброшен под откос почтовый поезд, разбит паровоз, нанесен большой ущерб. Виновные не найдены”.

В начале сентября 1941 года они же докладывали: “Из полученных нами данных можно заключить, что сейчас упорно создаются партизанские группы. Данные колеблются до 1000 человек, но все разбиты на мелкие группы по 20—30 человек. Имеют намерения объединиться в большие отряды. Возглавляют их оставленные коммунисты. Оставленные коммунисты на местах создают партизанские подпольные группы. Поэтому нельзя недооценивать ту опасность, которую могут принести эти формирования. Возглавляет все эти группы какой-то политический комиссар Анкинович и два капитана. Так обстоят дела во всем районе и городе. Они убили нашего представителя на “Осинторфе”, его секретаря, второго тяжело ранили...”

23.8.1941 года нами пойманы и расстреляны супруги Анишкины за убийство немецкого летчика, спустившегося на парашюте. С ними вместе расстреляны Петр и Анна Петровичи за убийство немецкого солдата.

15.8.41 года расстрелян русский солдат Владимир Левенков 1920 года рождения, который подкараулил немецкого солдата и убил в сарае.

8.8.41 г. расстрелян политический комиссар Сименков, который агитировал против немецких порядков, оказывал сопротивление немецким властям в сдаче продуктов, организовывал молодежь и направлял в партизаны.

20.8.41 г. нами пойман и расстрелян Осетров Владимир, 1920 года рождения, Горбылев Евгений, 1906 г. рождения. Эти люди создавали подпольный партизанский отряд.

Сообщаем, что по обе стороны шоссе Орша — Смоленск действуют мелкие партизанские группы, сейчас принимаем срочные меры к установлению гарнизонов в населенных пунктах.

20.9.41 г. нами разоблачен и расстрелян Кононович Яков, с ним вместе расстрелян солдат Российский Александр, 1920 г. рождения, который руководил диверсионной работой подпольщиков.

19.9.41 г. за убийство немецких солдат были расстреляны Боровов Александр, 1910 г. рождения, Шергунов Иван, 1914 г. рождения.

4.9.41 г. нами расстрелян Петр Номеров, который пригласил немецкого солдата в сарай и задушил его”.

В этот же день был пойман около Орши и расстрелян Семен Луговский, 1901 г. рождения, который занимался поджогом хлебных стогов и скирдов, принадлежащих немцам и т.д.

Подпольная группа под руководством Свойняка Василия Романовича в августе 1941 г. на перегоне между Оршей и Осиповка спустила под откос воинский эшелон с танками и живой силой. Движение на линии было прекращено на 8 часов.

В этом же месяце группа подпольщиков под руководством т. Аникиновича уничтожила автобус с 13 немецкими офицерами, следующими на фронт. Захвачены ценные документы.

Подполье Орши внесло немалый вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками во время борьбы за Смоленск и фашистского нашествия на Москву.

Пренебрегая опасностью, которая подстерегала их на каждом шагу, они смело шли на свершение диверсионных актов, вступали в бой с оккупантами и предателями. Многие из них погибли.

Оршанское подполье явилось базой для создания впоследствии партизанских отрядов. Так, уже в марте 1942 года были созданы партизанские отряды “Ворошилов”, “Дениса”, “Истребитель”, “Имени Кирова” и другие».

Приведенные данные из письма Рогонова ярко показывают, какую большую работу провели партийные организации Орши и Оршанского района по созданию подпольных партийных организаций, по созданию партизанских групп и отрядов по оказанию помощи Советской Армии, как в создании оборонительных сооружений, так и в других военных и хозяйственных вопросах.

За время Смоленского сражения выросли и начали активно действовать партизанские группы и отряды на территории и других районов Витебской области, таких как Витебского, Шховского, Городокского, Богуневского и других.

На территории Могилевской области партизанское движение также развернулось с первых дней ее оккупации.

Партизанский отряд Кличевского района Могилевской области (командир Я.И. Заяц). Этот отряд разгромил 55 полицейских гарнизонов, созданных фашистами. Партизанский отряд особо отличился операциями по уничтожению складов.

В районе Кличева фашисты организовали большой склад горючего и строго охраняли его. Но несмотря на это, партизанский отряд И.З. Изоха склад уничтожил. Противник понес огромный урон.

Таких примеров было множество.

Глава четырнадцатая

КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, УЧАСТНИКАМИ КОТОРЫХ БЫЛИ СМОЛЯНЕ

В 1963 г. смоляне широко отвечали 1100-летию города Смоленска. Я был приглашен на эти торжества. Организованы они были прекрасно.

Смоленск — один из древних городов России. Его возникновение, как и других древних городов Руси, связано с водными пу-

тями, которые играли тогда главную роль как в торговле, так и в других сношениях между народами. Поэтому и Смоленск возник в таком географическом районе, куда подходили две водных магистрали: река Днепр, связывавшая Россию, Украину и другие регионы с Черным морем, река Западная Двина, связывающая Россию с Прибалтийскими и Скандинавскими странами. Эти реки в своих верховьях на Смоленщине наиболее близко подходили друг к другу и образовали собой великий водный путь, который связывал Прибалтику с Черным морем.

Сам город Смоленск расположен непосредственно на Днепровской водной магистрали, на обоих берегах Днепра, а что касается реки Западная Двина, то она также своим притоком подходит близко к Смоленску. Небольшое сухопутное пространство между реками преодолевалось старым способом — «волоком».

Таким образом, большой водный путь проходил через Смоленск. Этот большой водный путь, на полпути которого находился Смоленск, давал городу больше выгоды как в торговле, так и в иных связях. Это давало выгоды и тому княжеству, которое владело Смоленщиной и городом.

Выгодное географическое положение Смоленска давало ему возможность вести широкую торговлю с разными городами, что безусловно способствовало быстрому развитию ремесленного производства. В городе появились такие ремесла, как кузнечное, гончарное, деревообрабатывающее, бронзовое и даже ремесла серебряных изделий, причем они отличались тонкой выделкой и большим художеством. Это привлекало не только русских купцов, но и иностранных.

Смоленск привлекал к себе внимание еще и тем, что он стоял на большой дороге, через него проходил большак с запада на Москву. Все нападения на Россию главным образом шли по этой дороге. Здесь двигались поляки, литовцы, наступали шведы, здесь же шел со своей армией вторжения и Наполеон. Этим же путем вторглись в Россию немецко-фашистские войска Гитлера.

Учитывая все это, русские правители XVI века поняли, что Смоленск имеет особое значение как пункт, через который проходят сухопутные и водные пути, как город, имеющий большую

экономическую базу со своими ремеслами, как важный опорный пункт на рубеже обороны государства, и решили в 1596—1602 гг. усилиями всей страны построить в Смоленске каменную крепость. Крепость была возведена, и она уже в начале XVII века первая приняла на себя удары нашествия на Россию польско-шведских феодалов. Русский народ понимал, как велика роль Смоленска для укрепления безопасности страны и, конечно, не мог примириться с его потерей. Началась полоса войн за Смоленск и за Смоленскую землю».

Здесь уместно сказать о битве при Грюнвальде, в которой участвовали смоленские полки.

В 1967 г. по приглашению маршала Польши тов. Спыхальского я со своей семьей отдыхал в Польше, много ездил по стране, побывал на поле боя, где 550 лет тому назад, 15 июля 1410 г., произошла величайшая битва у села Грюнвальд.

Здесь между войсками ордена крестоносцев и объединенными силами польских, литовских, русских и чешских войск под верховным командованием польского короля Ягелло произошла кровопролитная битва. Объединенные силы наголову разбили войска крестоносцев и положили этим начало великой Польше с границей на западе по Одеру. На востоке граница прошла примерно так, как она проходит ныне. В этой победе смоленские полки сыграли большую роль.

Таким образом, смоляне с давних пор проявили себя как храбрые и способные, они не только защищали рубежи своей Родины, но и помогали своим соседям избавиться от захватчиков-крестоносцев.

В истории развития отношений между народами и государствами бывало всякое, были и добрососедские отношения, были и раздоры, которые, как правило, кончались войной. Не избежали этого Россия и Польша.

В мае 1654 г. началась третья война России с Польшей; она закончилась тем, что русские войска в начале июля 1654 г. осадили Смоленск (который к тому времени был занят поляками), а 23 сентября польский гарнизон оставил крепость и город и вышел из него, сложил оружие, передал свои знамена и капитулировал.

С тех пор Смоленск и Смоленщина навсегда были возвращены русскому народу.

После того как закончилась полоса войн с Польшей, появился новый претендент на захват Смоленска и Смоленщины.

В начале XVII века над Смоленском нависла угроза шведского завоевания. В 1706 г. король Швеции Карл XII принудил к миру Речь Посполитую и начал подготовку к походу в Россию. Избранный им путь на Москву шел через Смоленск. Русское правительство приняло меры к укреплению пограничных крепостей, и в первую очередь Смоленской, вовремя сосредоточило на западной границе свои войска.

В боях под Смоленском шведы потерпели поражение, из-за этого потеряли уверенность в осуществлении ранее задуманного плана идти на Москву, повернули на юг, на Украину.

Таким образом, и на сей раз Смоленск и смоляне были таким крепким орешком, который шведы не смогли раскусить.

Чем ближе мы подходим к нашим дням в изучении истории войн, тем яснее становится значение и роль Смоленска и смолян в защите нашего государства.

В истории Смоленска и Смоленщины особо выделяются еще два события. Во-первых, нашествие французских войск под командованием Наполеона в 1812 г. и немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной Войны 1941—1945 гг.

1812 г. Всю ночь с 24 на 25 июня, весь день и ночь 25, 26, 27 июня этого года, четырьмя переправами непрерывными потоками наполеоновская армия по трем новым мостам и четвертому старому — у Ковно, Аметта, Мереча, Юрбурга полк за полком, батарея за батареей переходили через реку Неман и выстраивались на русском берегу. Так, без объявления войны, Наполеон произвел вторжение в пределы русского государства и начал захватническую войну против России с целью завоевания мирового господства.

Против 500-тысячной армии, которую вел Наполеон на Россию, Российское государство могло противопоставить только две армии (1-ю и 2-ю) численностью около 150 тысяч и разбросанные ко дню

вторжения Наполеона на 800 верст вдоль границы. Таким образом, Наполеон имел более чем тройное превосходство в силах.

1-я русская армия в составе двенадцати дивизий под командованием Барклая де Толли действовала на правом фланге. Против нее наступали главные силы французской армии, где и находился сам Наполеон со своей гвардией.

2-я армия в составе шести дивизий под командованием генерала Багратиона действовала на левом фланге, против нее Наполеон направил одиннадцать дивизий, т.е. вдвое больше сил, чем имел Багратион.

В этих невыгодных в оперативном отношении условиях русской армии правильно была оценена обстановка и принято верное решение: собрать армии и соединить их в одну группировку; не вступать в бой с главными силами Наполеона до соединения армий с тем, чтобы избежать поражения армий каждой в отдельности.

И эта тактика действий выдерживалась. Всегда, когда дело доходило до того, что вот-вот Наполеон введет в бой свои главные силы с тем, чтобы разгромить основную группировку русских войск, которой была 1-я армия Барклая, у Наполеона ничего не получилось. Барклай очень умело маневрировал и всегда своевременно уводил войска из-под удара Наполеона. Наполеона это бесило и затягивало его все дальше в глубь России.

1-я армия отходила на Вильно, Дрисса, Полоцк, Витебск, Смоленск. 2-я армия отходила в направлении Новогрудок, Слуцк, Бобруйск, Могилев.

Положение Багратиона было тяжелым, две его дивизии отброшены на юг, а оставшиеся около 40 тыс. человек преследовались маршалом Даву с 70 тысячами, Понятовским с 35 тыс. чел., Жером с 16 тыс., и другими войсками, а всего более 100 тыс. гнались за Багратионом.

Войска Багратиона были уже почти окружены, но он отбивался своим мастерством и упорством, ушел из клещей маршала Даву, обманул его. Даву ожидал Багратиона у Могилева, а он переправился через Днепр в районе Старого и Нового Быхова 3 августа.

Таким образом, план Наполеона разбить русские армии каждую в отдельности потерпел крах.

Когда 15 августа Наполеон подошел к Смоленску, то в его армии, которая должна была разгромить русскую армию под Смоленском, насчитывалось более 200 тысяч, а в русских соединениях армии (1-я и 2-я армии) насчитывалось около 110 тысяч человек — эта сила русских была единственной опорой и оплотом государства, чтобы защищать Россию от нашествия честолюбивого Наполеона.

План Смоленской операции Наполеона заключался в том, чтобы корпуса Даву, Нея, Понятовского штурмовали и взяли Смоленск, а в это время корпус Жюно, обойдя Смоленск, вышел бы на Большую московскую дорогу и воспрепятствовал отступлению русской армии, если бы Барклай захотел снова уклониться от боя и уйти из Смоленска по направлению к Москве.

В 6 часов утра 16 августа Наполеон начал бомбардировку Смоленска, и вскоре произошел первый штурм. Город оборонялся в первой линии войсками Раевского, сражение шло, то утихая, то возгораясь, весь день. Весь день 16 августа усилия Наполеона овладеть Смоленском были напрасны.

Наступила ночь с 16 на 17 августа. Обе стороны готовились к новой стремительной схватке.

Ночью по приказу Барклая корпус Раевского, имевший громадные потери, но героически отбивший несколько атак противника, был сменен корпусом Дохтурова.

Чуть забрезжил рассвет 17 августа, бой под стенами Смоленска возобновился с новой силой. 13 часов подряд непрерывно гремела артиллерийская канонада. Казалось, что у русских жерла пушек покраснели, что артиллеристы уж вспотели, но все силы напрягают, ведут мифический огонь — помогают своей пехоте отбивать атаки французов.

Наполеон лично наблюдал бой, нервничал, переживал неудачи своих атак, но все более требовал продолжать натиск, несмотря на большие жертвы. Уж который раз французская пехота, поддержанная огнем артиллерии, поднималась на штурм Смоленска, ее удары следовали один за другим. Но каждый раз русские отбивали их с большими потерями для врага. Конечно, русские войска тоже несли немалые потери, но стояли как скала.

День клонился к вечеру, но бой не утихает, наоборот, с еще большей силой разгорается. Смоленск стоит весь в пожаре, в пламени, в дыму, но ведет страшной силы бой, он, как грозный богатырь, стоит на днепровском берегу, чтобы спасти Россию, чтобы нанести большое поражение врагу.

Наступала ночь с 17 на 18 августа, но канонада не утихала, а все более нарастала. Русские имели большие запасы снарядов в Смоленске и теперь расходовали их, не жалея этого «добра» для врага. В городе от пожарниц светился весь небосвод над городом заревом багровым, и страшным для врага стал Смоленск в эту ночь.

Вдруг среди глубокой ночи русские орудия умолкли, а вслед за этим наши войска и французы слышали страшной силы взрывы, которые потрясли полуночный воздух: это по приказу Барклая взрывали пороховые склады и склады с боеприпасами, русская армия под прикрытием арьергарда выходила из города Смоленска, оставляя его врагу в разрушенном состоянии. Смоленск жертвовал собой, но спасал Россию.

Русские войска сражались под Смоленском с большой силой воли, с одушевлением, с невиданной храбростью и мужеством и вовсе не считали себя побежденными в тот момент, когда пришел приказ Барклая об оставлении города.

Наполеон стремился принудить русских принять генеральный бой с тем, чтобы устроить им Аустерлиц на берегах Днепра и закончить победой войну с Россией еще в 1812 г. Наполеон думал, что это генеральная битва произойдет вот именно здесь, у Смоленска, 18 августа. Его убеждение базировалось на том, что в течение двух суток русские войска героически отбивали все атаки французских войск под Смоленском, значит, русские не намерены сдавать город. Его уверенность в генеральном сражении подтверждалась тем, что накануне 18 августа, т.е. вечером 17 августа, он лично, наблюдая в подзорную трубу за русскими войсками, установил, что к Смоленску подходят наши силы, тогда Наполеон с радостью воскликнул: «Наконец я их держу в руках». Наполеон сделал такое заключение, не разобравшись как следует в обстановке. Он действительно под вечер 17 августа засек колонны русских войск, которые входили в Смоленск, но цель этого маневра русских он не разгадал. Он при-

нял этот подход русских войск в Смоленск за накопление сил для генерального сражения 18 августа.

А в действительности было так: по распоряжению Барклая войска генерала Коновницына и полковника Толя были посланы в Смоленск с задачей занять в Смоленске позиции и прикрывать отход армии, действуя как арьергард, причем генералу Коновницыну, которому были подчинены все войска арьергарда, было приказано подольше задержать противника в районе Смоленска.

18 августа Наполеон проснулся рано, ему не терпелось, он горел желанием скорее дать генеральное сражение русским войскам, но не успел он еще туалет навести, как ему доложили, что обстановка резко изменилась, и тут же дежурный генерал указал на поля Заднепровья, где густыми колоннами двигались русские войска от Смоленска на восток. Наполеон пристально посмотрел на русские колонны через подзорную трубу и нервно сказал: «Русская армия отступает, Барклай снова ускользнул».

Решение Барклая на отход армии было мудрое. Несмотря на большой нажим на Барклая со стороны Багратиона и других русских генералов дать Наполеону генеральное сражение в районе Смоленска, к чему неудержимо стремился и Наполеон, Барклай не поддался этим эмоциям, оценив правильно создавшуюся обстановку, и принял решение на отвод армии из Смоленска.

Главный вопрос в том, что когда армия Багратиона ушла из района Смоленска на Дорогобуж, чтобы не дать неприятелю захватить этот город и тем перерезать главную дорогу на Москву, силы русских в районе Смоленска оказались значительно слабее, чем силы Наполеона (если до этого общее соотношение сил было 1:2 в пользу Наполеона, то теперь в районе Смоленска оно еще больше возросло в пользу французов и составляло примерно 1:4).

Разве можно было русским давать в районе Смоленска генеральное сражение, имея такое соотношение сил? Конечно, нельзя.

Барклай был прав, уведя русскую армию из наполеоновских клещей. Он сделал в Смоленске свое дело — дал Наполеону двухсуточное сражение, показал, с какой силой и упорством могут драться русские войска, какие жертвы могут приносить русские люди для защиты своего отечества.

Приведем для примера такой эпизод. Так называемое Петербургское предместье Смоленска уже давно пылало ярким пламенем, Смоленск уже был покинут русскими и в горевший город разом через несколько крайних улиц вступали французские войска. Русский арьергард под предводительством генерала Коновничина и полковника Толя отчаянно боролся, продолжая удерживать неприятеля.

Русские стрелки рассыпались по садам, и в одиночку били в наступавшую густую французскую цепь и в прислугу французской артиллерии. Русские не хотели оттуда уходить ни за что, хотя, конечно, знали о близкой смерти. В особенности между этими стрелками выделился своей храбростью и стойкостью один русский егерь, поместившийся как раз против нас, на самом берегу, за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действиями одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, но он все не унимался и замолчал только к ночи, а когда на другой день по переходе на правый берег мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в груди искалеченных и расщепленных деревьев увидали распростертого ниц и убитого ядром нашего противника, унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту, — говорит французский артиллерийский полковник Фобер дю Фор»¹.

Другой пример. Итальянский офицер Чезаре Ложье, вступавший со своей частью в Смоленск, пишет: «Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов и лежащие вперемежку трупы своих и врагов, которые засыпают в общей яме. В особенно мрачном и ужасном виде предстала перед нами внутренняя часть этого несчастного города. Ни разу с самого начала военных действий мы еще не видели таких картин, мы ими глубоко потрясены. Сколько людей сгорело и задохнулось. Я видел повозки, наполненные оторванными частями тел. Их везли зарывать...»

¹ *Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. С. 124.*

До нашествия Наполеона в городе Смоленске было 15 тысяч жителей. Из них осталось в первые дни после занятия города французами около одной тысячи. Остальные или погорели, или, бросив все, бежали из города куда глаза глядят, или вошли добровольно в состав отступавшей из города русской армии¹. После Смоленского сражения отступающую армию русских преследовал маршал Ней.

19 августа на Московской дороге около Валугево́й горы Нея задержал русский арьергард. Произошла битва, длившаяся целый день 19 августа. Русские сопротивлялись очень упорно. Французы потеряли 7 тысяч человек, русские — около 6 тысяч. При наступлении темноты артиллерийская перестрелка смолкла. Ночью Барклай снялся с позиции и ушел на восток, отступление русских продолжалось.

Хотя битва при Валу́тине и кончилась отступлением русских, как это было в Смоленске, но яростное сопротивление русского арьергарда, сдержавшего наступление превосходных сил маршала Нея и понесенные при этом большие потери французами отрезвили Нея, и он не пошел после боя преследовать русские полки, как он всегда это делал в других битвах во всех концах Европы».

«Наполеон был в Смоленске, когда ему доложили о конце битвы под Валу́тином и принесли его любимца Гюдена умирающим. Конечно, это было только арьергардное дело и поле битвы осталось за французами, русские продолжали отступать, но Наполеон, как и маршал Ней, тоже хорошо понял смысл происшедшего. Было почти столько же славы в поражении русских, как и нашей победе, сказал бывший около императора граф Сегюр. Этот-то признак и был самым зловещим, и он уже не в первый раз тревожил императора.

Разве русские бежали хоть один раз с тех пор, как началась война?

Разве еще до Смоленска битву под Красным и отступление Неверовского можно было не для публики и не в бюллетенях, а всерьез назвать победой великой армии? Разве где-нибудь кроме Испании случалось так, чтобы даже в одиночку, укрываясь за ку-

¹ *Тарле*. Нашествие Наполеона на Россию. С. 126.

стами, отстреливались от целой роты и чтобы против одинокого, окруженного врагами солдата нужно было выдвигать пушку и стрелять в него ядрами, как пришлось это сделать с русским егерем после взятия Смоленска?

А сколько таких егерей погибло до Смоленска и в самом Смоленске! Судя по всем показаниям, битва под Смоленском, взятие и гибель Смоленска, сражение под Валутином уже после Смоленска — все это породило крайне сложное настроение в свите великой армии»¹.

Бои на подступах к городу Смоленску, сражение непосредственно за город Смоленск, битва под Валутином, потери, понесенные в этих боях французами, сожжение города Смоленска, превращение этого губернского города в дымящиеся окровавленные развалины, все это потрясло Наполеона и его маршалов, они подобного упорства и сопротивления, которое оказали русские в районе Смоленска, еще никогда не видели.

После смоленских боев первый шаг о мире сделал Наполеон через раненого русского генерала Тучкова, а маршалы уговаривали Наполеона, чтобы он отказался идти на Москву, так как там Великая армия может понести поражение. Вот такой, коротко говоря, был итог боев русской армии с наполеоновскими войсками в районе Смоленска. Это славная страница русского героического народа и его армии, прославленных в веках.

Теперь разберем второй вопрос. Участие Смоленска и смолян в борьбе с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В книге «Смоленское сражение» этому вопросу отводится большое место, поэтому я остановлюсь только на некоторых вопросах и разберу их в сравнении и в аналогиях с нашествием Наполеона в 1812 г. и варварским нападением Гитлера в 1941 г.

Смоленские бои между русской армией и войсками Наполеона, которые произошли в августе 1812 г., не идут ни в какое сравнение с боями, которые составляют Смоленское сражение и произошли

¹ *Тарле*. Нашествие Наполеона на Россию. С.130.

между войсками фашистских захватчиков и войсками Советской страны в июле—августе 1941 г.

Если в августе 1812 г. в боях за Смоленск участвовало со стороны Наполеона около 200 тысяч человек, а со стороны русских около 100 тысяч человек и происходили они на фронте 3—4 километра, а продолжительность их не превышала 2—3 суток, то Смоленское сражение 1941 г. продолжалось более двух месяцев и развернулось на рубежах рек Западная Двина — Днепр и их междуречье и шли на огромной территории, ограниченной с севера линией Себеж, Идрица, Великие Луки и с юга Бобруйск, Рогачев. Этот район имел меридиональную протяженность более 300 километров по прямой линии при глубине от 100 до 200 км.

В Смоленском сражении со стороны фашистов участвовало 55 дивизий, которые были оснащены самой новейшей техникой и вооружением. Все эти войска были сведены в две общевойсковые армии (4-я и 9-я армии) и две танковые армии (2-я и 3-я) и поддерживаны 2-м воздушным флотом. Все они входили в группу армий «Центр», которой командовал генерал-фельдмаршал фон Бок.

К началу Смоленского сражения у нас было всего 40 дивизий, и противник превосходил нас по живой силе в 2,4 раза, по артиллерии примерно так же, по танкам в 7 раз, по самолетам в 6—8 раз.

Как видим, разница между войнами 1812 г. и 1941 г. огромная. Сходство же состояло в том, что Наполеон и Гитлер шли на Россию с захватническими целями, тот и другой стремились к мировому господству.

Наполеон и Гитлер стремились уничтожить в районе Смоленска русские войска и открыть себе путь на Москву. В этом их сходство.

Наполеон и Гитлер потерпели поражение в районе Смоленска, на Наполеона и его маршалов бои в районе Смоленска произвели удручающее впечатление. Наполеон впервые предложил из Смоленска заключить мир, а Гитлер после Смоленского сражения признал, что планы захвата Москвы в августе сорваны, потери фашистов в Смоленском сражении небывалые до сих пор (250 тысяч человек) и враг вынужден был перейти к обороне. В этом тоже сходство.

В соотношениях сил, как известно, Наполеон перед смоленскими боями имел более чем двойное превосходство в силах над русской армией.

Гитлер точно так же имел превосходство в силах над Красной Армией перед началом Смоленского сражения более чем двойное. В этом их сходство. Наполеон ставил перед собой задачу дать генеральное сражение русской армии в районе Смоленска, устроить Аустерлиц на берегах Днепра, то есть уничтожить русскую армию и принудить Россию к выгодному для себя миру.

А Гитлер тоже ставил также задачу окружить и уничтожить наши войска в районе Смоленска и тем самым открыть себе путь на Москву, захватить нашу столицу и кончить в два месяца войну.

Наполеон и Гитлер, имея более чем двойное превосходство в силах, не могли одолеть наших армий, они встретили невиданное до сих пор сопротивление, упорство и храбрость русской армии в 1812 г. и Красной Армии в 1941 г. И было в этом их сходство.

Как Наполеону в 1812 г., так и Гитлеру в 1941 г. жители города Смоленска и Смоленской области оказали большое сопротивление; многие смоляне активно боролись в рядах Красной Армии, другие боролись в партизанских отрядах, все население Смоленской области и других областей, входивших в территорию Смоленского сражения, активно помогали Красной Армии, помогали строить оборонительные сооружения и участвовали в других делах и работах, направленных на борьбу с наполеоновскими и фашистскими захватчиками. И здесь есть определенное сходство.

Краткий исторический анализ военных событий в районе Смоленска, конечно, не дает полной картины всего периода борьбы русского народа с нашествием Наполеона, так же, как и не дает полной картины борьбы советского народа с нашествием фашистов, но он показывает главную суть этой борьбы — это отношение нашего народа к нашествию Наполеона в 1812 г. и отношение нашего советского народа к нашествию фашистов.

Война Наполеона против России в 1812 г. была войной империалистической, захватнической.

Наполеон стремился своим нашествием, своей военной силой покорить Россию и подчинить ее в экономическом отношении

крупной французской буржуазии, лишить Россию политической самостоятельности. Вот такая перспектива грозила государству в случае победы Наполеона. И, конечно, в таких условиях борьба русских против нашествия Наполеона была единственным средством сохранить экономическую и политическую независимость.

Таким образом, война Наполеона против России была войной грабительской, захватнической. Для России же война против Наполеона была оборонительной войной, войной национально-освободительной. Россия боролась, чтобы выгнать Наполеона за пределы своей страны. А отсюда и общенародный характер этой войны.

Как относился к нашествию Наполеона русский народ, основу которого составляли тогда крестьяне? Крестьяне тогда делились на крестьян, закрепленных за помещиками, крестьян государственных и крестьян удельных (все это сути дела не меняет, все они были крепостниками). И можно сказать, что крестьяне жили в тяжелейших условиях, поэтому крестьяне бунтовали, убивали помещиков, жгли их усадьбы и т.д.

И несмотря на то, что русские крестьяне ненавидели своих помещиков, но в то же время эти же крестьяне встречали Наполеона как лютого врага и не щадя своих сил упорно боролись с ним. Для русского крестьянина защита России была в то же время обороной своей жизни, своей семьи, своего имущества.

Национальная гордость, чувство Родины всегда воспламенялись в нашем народе (в тяжелую годину), а он, наш российский крестьянин, и весь народ вел непримиримую борьбу с наполеоновскими захватчиками мужественно, с непреклонной волей и высоким патриотизмом.

Чудовищные преступления в ходе Великой Отечественной войны совершали «отборные» немецкие дивизии. Офицеры дивизии «СС» приказывали закапывать в землю живых матерей с их детьми.

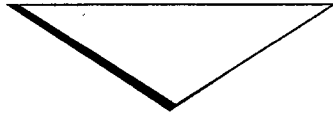
Говоря о характере войн между наполеоновской Францией и Россией в 1812 г. и между фашистской Германией и Советским Союзом 1941—1945 гг., подчеркнем еще раз, что хотя во многом они были схожи, но и отличия были огромными.

Война между Советским Союзом и гитлеровской Германией носила ярко выраженный классовый характер. Гитлеровцы несли на своих черных знаменах звериную идеологию фашизма, стремились уничтожить социалистическое государство СССР, поработить его народы.

Германский фашизм, развязавший войну, представлял собой ударный отряд международного империализма, который стремился огнем и мечом уничтожить первое в мире социалистическое государство, главную опору социального прогресса.

Война против Страны Советов — была войной захватнической, грабительской. Советский Союз вел войну справедливую, освободительную и отстаивал свои суверенитет, свободу и независимость.

Вот почему под руководством коммунистической партии советский народ поднялся на защиту родной Отчизны. Фронт и тыл были едины, вся страна превратилась в один военный лагерь. Воины Вооруженных Сил грудью отстаивали каждую пядь земли, перемалывали отборные дивизии противника. Здесь, в Смоленском сражении, фашистские войска потерпели первое крупное поражение в Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческое значение Смоленского сражения состоит прежде всего в том, что в ходе него была остановлена хваленая немецко-фашистская армия, которая, понеся большие потери, была вынуждена перейти к обороне. Сражение было ожесточенным и кровопролитным. Смоленщина являлась ареной ожесточенных боев. Огнем пожарищ была охвачена огромная территория, более двух месяцев не затихала канонада артиллерийской стрельбы, авиационных бомбежек, стрекот стрельбы: оружейной, автоматной и пулеметной. Бои шли на линии фронта в прорывах, в окружении, на широком пространстве по фронту (300 км) и большой глубине (до 200 км). В полном смысле этого слова, Смоленщина тогда стояла в огне и в дыму.

Противник здесь через Смоленские ворота наносил главный удар на московском направлении. Захватив Смоленщину, оккупанты объявили государственную и колхозно-кооперативную собственность достоянием Германии. Фашистская газета “Фелькшер беобахтер” летом 1941 г. писала: «Германские солдаты после войны получат землю России с ее крестьянскими поселениями, уездами и мелкими городами. Крестьянское хозяйство в размере 20—40 гектаров ляжет в основу будущего земельного устройства в восточных областях. Наряду с этим будут созданы дворы в 40—125 гектаров, а также построены бараки для батраков и пункты натурального снабжения».

В деревнях и селах были установлены огромные налоги. Каждая крестьянская семья должна была платить до 5 тысяч рублей различных налогов. Организованный грабеж в виде денежных и натуральных налогов дополнялся мародерством гитлеровских сол-

дат, своеволием немецких сельхозкомендантов и их приспешников из числа бургомистров, старшин, полицейских, старост и прочей нечисти.

Оккупанты причинили огромный ущерб народному хозяйству области. Ими было разрушено и разграблено 335 промышленных предприятий, 3061 учреждение культуры и здравоохранения, сожжено 247 800 домов колхозников, уничтожено 670 тысяч сельскохозяйственных машин, отобрано у населения и колхозов 1,5 миллиона голов скота, были разрушены древние русские города — Смоленск, Рославль, Вязьма, Дорогобуж и другие. Сотни деревень были стерты с лица земли.

Материальный ущерб, принесенный оккупантами народному хозяйству области, превышает 40 миллиардов рублей. Захватчики угнали на каторгу в Германию 81 682 жителя Смоленщины в возрасте от 17 до 21 лет, методически истребляли советских людей. Кровавые дела средневековых инквизиторов бледнеют перед современными преступлениями гитлеровцев. Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков обнаружила в Смоленске и его окрестностях 87 мест массовых захоронений, где погребено более 135 тысяч человек.

В созданных на территории области лагерях военнопленных были уничтожены сотни тысяч советских бойцов и командиров»¹.

В Смоленской области выявлены братские кладбища и индивидуальные могилы воинов и партизан. Произведены торжественные перезахоронения из отдельных и недоступных мест в районные центры и крупные населенные пункты более 100 тысяч погибших. Благоустроены братские могилы, на них установлено 178 скульптурных памятников. Сооружены памятники военачальникам Советской Армии генералам Ефремову, Качалову и капитану Флерову.

На местах особо памятных событий Великой Отечественной войны установлены в качестве монументов танки, пушки, эрэсы.

¹ Советские партизаны. Госполитиздат, 1966. С. 129—130.

Так, например, на месте одного из первых залпов «катюш» на сооруженном постаменте поставлена реактивная установка БМ-13.

У знаменитой Соловьевой переправы установлена «катюша», в районах Красного, Смоленска, Дорогобужа, Починок, Стодолище, Рославля на постаментах установлены танки Т-34. В деревне Ушанове (Ельня), в Духовщине и Гжатске поставлены на специальных постаментах артиллерийские системы — пушки и гаубицы, в Смоленске установлено два обелиска воинам 16-й, 19-й и 20-й армий, в местах массовых расстрелов гитлеровцами советских граждан (135 тыс. человек) сооружены памятники, в том числе монументальные — «Скорбящая мать», в Рездовке и аналогичный в городе Рудня.

В колхозах и совхозах, на крупных промышленных предприятиях по инициативе колхозников, профсоюзных и комсомольских организаций развернуто строительство памятников и обелисков землякам-односельчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, подпольных группах и замученных гитлеровцами мирных граждан. На этих памятниках и обелисках перечисляются все имена погибших за Родину. Так, например, в совхозе Львовский Ярцевского района таких имен собрано и отлито на светлом металле более 600 человек, в колхозе 8 марта Луховицкого района на мраморе более 200 имен.

Всего таких памятников установлено на 1 января 1968 г. 312. Кроме этого установлено 142 мемориальные доски.

В области созданы и работают 7 музеев (из них только за последние 2 года вновь создано около 50), 389 школьных, клубных и других комнат и уголков боевой славы смолян.

Решен вопрос о сооружении в г. Смоленске монументального памятника Победы с Вечным Огнем и пантеоном славы.

В области разработана определенная система и ведется работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи, большое внимание придается походам молодежи по местам славы советского оружия.

Оборонно-массовая работа направлена на подготовку физически крепкого, идейно-убежденного, стойкого, волевого защитника Советской Родины. Большое место в военно-патриотическом вос-

питании населения, особенно молодежи, занимает пропаганда героической истории нашей Родины и ее доблестных вооруженных сил.

Дорогие читатели, все эти вопросы, которые я здесь изложил, мне хорошо известны. Я поддерживаю постоянную связь со смолянами, часто бываю у них по разным причинам, в том числе и по вопросам Смоленского сражения.

Конечно, я имел возможность и ставил себе задачей собрать нужный мне для написания книги материал, который давал бы мне возможность правдиво и всесторонне осветить Смоленское сражение и связанные с ним события. И это мне удалось. Кроме этого я сделал экскурс в историю с тем, чтобы показать, какую большую роль играл Смоленск в обороне государства Русского в XIX веке и какую роль играл Смоленск в обороне страны в XX веке. Но должен сказать вам, дорогие читатели, что не так-то просто было собрать материал, перепроверить его и удобоваримо преподнести нашему современному, очень грамотному читателю. Как я справился с этой задачей, прошу читателя сказать свое слово.

Смоленское сражение оказало существенное влияние на последующее развитие боевых действий. Здесь, на Смоленщине, впервые во Второй мировой войне, развязанной Гитлером, стратегия фашистов дала трещину.

После того как гитлеровским полчищам, имевшим огромное превосходство в силах и использовавшим фактор внезапного удара, удалось выиграть приграничное сражение и нанести нам значительные потери в живой силе, и технике и в особенности в авиации. Успех вскружил головы гитлеровцам, а самого фюрера охватил угар непобедимости его вермахта, скорого и победоносного окончания войны. На основании этого авантюристического вывода Гитлер 8 июля года уточнил свой стратегический план разгрома Советского Союза (о чем я уже подробно говорил выше), который сводился к тому, чтобы окружить и уничтожить нашу группировку войск в районе Смоленска и тем самым открыть себе дорогу на Москву, а затем ударами авиации и других средств стереть с земли города Москву и Ленинград и уничтожить их население.

Я подробно писал обо всем этом в своей книге «В начале войны» (издательство «Наука», 1964 г.).

Верхушка генералитета вермахта, Генеральный штаб немецко-фашистских войск и Гитлер были едины в том, что нужно напасть на нашу страну в 1941 г., подготовку нападения провести скрытно, маскируя сосредоточение войск под всякими предлогами, удар нападения осуществить внезапно, молниеносно разгромить наши вооруженные силы и в два месяца закончить победой войну.

В этом, повторяю, они были одного мнения, и все они, во главе с фюрером, недооценили наши силы, наш советский строй, наши экономические возможности, боеспособность нашей Красной Армии. Гитлер и его приспешники считали, что наш советский государственный строй не выдержит тяжелого испытания войны и развалится, а Красная Армия, плохо подготовленная для ведения современной войны, под руководством своих, недостаточно подготовленных и не имевших опыта войны командиров, не способна будет оказать должное сопротивление немецко-фашистскому вермахту, она вскоре будет разбита и война закончится молниеносной победой Германии.

В этом и был их главный просчет. Они недооценили монолитности нашего народа и государства, экономического могущества социалистической державы и развитие ее возможностей производства военных материалов и вооружения; в нем была заложена недооценка высокой военной и военно-политической подготовки наших военных кадров всех рангов и хорошей военной выучки войск, воспитанных в духе высокого патриотизма, преданности Родине и коммунистической партии.

В первых числах августа 1941 г. враг неожиданно для себя вынужден был прекратить наступление на Московском стратегическом направлении и перейти к обороне на всем Западном фронте. Об этом уже было сказано.

Но что жето случилось? Какие к этому были причины?

Нам известно, что два месяца тому назад Гитлер с апломбом уточнял свои стратегические планы на разгром Красной Армии и уничтожение наших городов и советских людей, и вдруг осечка. Так в чем же дело?

А дело в том, что в ходе Смоленского сражения фашисты встретили невиданное до того упорное сопротивление со стороны Красной Армии. Бои в районах Себеж, Невель, Городок, Орша, Могилев, Рославль, Смоленск, Духовщина, Ярцево, Ельня и в других пунктах Смоленского сражения ярко показали, что мы не тот противник, который был на Западе против фашистов. Мы с характером русских и волей советской непреклонны, наши войска дрались храбро и упорно в обороне и наносили решительно и смело контратаки и контрудары по противнику. Колоссальные потери врага в Смоленском сражении и вынудили его перейти к обороне.

По данным германского Генштаба, общие потери в боях Смоленского сражения достигли четверти миллиона человек, это, конечно, данные неполные, они значительно занижены, так как Гот и другие немецкие генералы говорят о больших потерях, они называют цифры потерь более полмиллиона человек, а некоторые другие называют еще больше — 750 000. Эта последняя цифра, безусловно, близка к истине. Факты, подтвержденные многими документами, попавшими в наши руки, говорят о больших потерях врага.

Вот рапорт командира 1-го батальона 53-го мотопехотного полка, в котором командир батальона молит о помощи. «Дело дошло до того, что лейтенант Оллзнер Воллер вынужден был назначить на пост командира взвода унтер-офицера (это в германской армии никогда не допускалось. — А.Е.). Батальон за последние дни потерял: офицеров — 5, унтер-офицеров — 15, рядовых — 106. Боеспособность батальона ухудшается. Необходимо пополнение в рядовом и офицерском составе. Мастерские не имеют запасных частей. Много автомашин вышло из строя подбитыми и из-за отсутствия запасных частей. Требуется замена цилиндров. Испытывается острая нужда в горючем. Одежда значительно изношена».

Не дождавшись, как видно, ответа на этот рапорт, командир батальона через несколько дней послал еще более тревожное до-

несение. «За последние четыре дня положение стало очень напряженным. Необходимо пополнение. Сообщаю о потерях за эти дни: убитых офицеров — 3, раненых — 1; убитых унтер-офицеров — 3, тяжелораненых — 2, один пропал без вести. Рядовой состав: убитых — 33, раненых — 56, тяжелораненых — 19, больных — 18, пропавших без вести — 11. Сообщаю о подкреплении: офицеров — 0, унтер-офицеров — 0, рядового состава — 0. Вследствие больших потерь за последние дни батальон не в состоянии регулярно действовать. Боеспособность — трагическая. С личным руководством и со стороны офицерского состава дело обстоит очень опасно. Эта напряженная обстановка привела к тому, что батальон можно заставить идти в наступление только принудительно, силой оружия».

Документ красноречиво говорит о положении дел в гитлеровских частях. Если такое состояние было во всех 495 батальонах немецкой группы армий «Центр», принимавший активное участие в Смоленском сражении (а оно, по-видимому, так и было), то можно судить о том, как выглядели фашистские войска после Смоленского сражения.

Сотни тысяч убитых и раненых, сотни сожженных и разбитых боевых машин, весьма опутительный урон в артиллерии и стрелковом оружии и особенно в минометах, которые выводились из строя целыми батареями, — таковы были для фашистов итоги этих боев. Между прочим, под Смоленском был убит один из крупных немецких военачальников, танкист, командир 17-й танковой дивизии генерал Риттел фон Зебель.

Офицеры и штабы немецких войск были охвачены нервозностью. Иными стали и приказы германского командования: из них стали исчезать слова «внезапность», «молниеносность». В последних приказах все чаще говорилось о потерях, о бережном отношении к материальной части, об экономии горючего и боеприпасов. Командиров предупреждали, чтобы они не рассчитывали на прибитие танков и автомашин, на пополнение живой силой.

«Русские контратакуют и обороняются упорно и храбро и часто гибнут на том месте, куда они были поставлены приказом своего командира. Если уничтожают всю первую волну, продолжают

двигаться вторые и третьи волны русских», — так писал о наших солдатах враг.

Сотни участников боев в Смоленском сражении получили высокую награду. Звание Героя Советского Союза было присвоено семи человекам, а 928 награждены орденами и медалями (причем нужно иметь в виду, что в начале войны награда была явлением редким).

В захваченных нами приказах и донесениях неприятеля часто попадались жалобы на ущерб, причиненный партизанами. Фашисты всюду сталкивались с народной ненавистью, враги боялись останавливаться в лесах, в стороне от дорог, тревожно проводили дни и ночи в захваченных деревнях и городах. На каждом шагу их ожидала опасность, везде их мог настичь выстрел партизан.

Мы нанесли врагу значительные потери, и это не прошло бесследно для немецко-фашистской армии. Июльскими и августовскими боями было выиграно необходимое нам время. Благодаря выигранному времени мы эвакуировали свои заводы, фабрики и другие предприятия в районы, недостижимые для фашистской авиации, и сумели от мобилизовать крупные резервы для отпора врагу, создали многочисленные оборонительные сооружения на дальних и ближних подступах к Москве. Только Псковская область и Москва за время Смоленского сражения эвакуировала более 400 предприятий, а по стране было эвакуировано за это время около 1500 предприятий, причем все эти перевезенные в новые районы заводы и фабрики, были быстро восстановлены и начали выдавать во все нарастающем темпе продукцию для нужд страны: самолеты, танки, пушки, минометы, «эрэсы» («катюши»), пулеметы, автоматы, автомашины, снаряды, патроны и т.д. Это продукция в основном покрывала потребность Вооруженных Сил.

За короткий отрезок времени страна сумела от мобилизовать крупные резервы и создать новые воинские формирования. При этом кроме тех резервов, которые были призваны по всеобщей мобилизации в Вооруженные Силы по призыву Коммунистической партии, влились народные ополченцы как непосредственный резерв действующей армии. На призыв партии о создании ополчения народ откликнулся по всей стране, и в особенности в Москве и в

Подмосковье. Здесь очень высоко поднялась волна этого патриотического движения, в ополчение вступали рабочие заводов и фабрик, служащие учреждений, студенты, ученые, работники культуры и искусства. Более 100 тыс. бойцов Красной Армии дала Смоленщина в первые дни войны. Только за один день, 3 июля 1941 г., во Фрунзенский район столицы было подано 4500 заявлений, в Ленинский — 3800, в Таганский — 2700, в Куйбышевском районе в течение 3 и 4 июля в народное ополчение записалось 8000 человек, а всего в Москве более 168 000 человек заявило о своем желании вступить в народное ополчение.

За четверо суток в Москве было создано из добровольцев двенадцать дивизий народного ополчения, в каждой дивизии было более десяти тысяч человек с большой прослойкой коммунистов (от 10 до 60 %).

В течение июля—августа московские ополченцы строили оборонительные рубежи и проводили военное обучение.

Все эти весьма важные мероприятия оборонного значения были проведены благодаря выигрышу нами времени в боях на дальних подступах к Москве, т.е. в Смоленском сражении, в этом и состоит большое значение действий войск Западного фронта, которые в невероятно тяжелых условиях приняли на себя удар главных сил врага и остановили его.

Упорная борьба наших войск в районе Смоленска сорвала намерения врага ударом на Осташков, Бологое частью сил группы армий «Центр» содействовать группе армий «Север» в ее наступлении на Ленинград, чем была оказана существенная помощь войскам, оборонявшим город Ленина. Более того, ослабление войск противника в Смоленском сражении принудило его впоследствии перебрасывать соединения танковой группы с Ленинградского направления для усиления группировки группы армий «Центр», наступающей на Москву.

За период Смоленского сражения наши солдаты, офицеры и генералы приобрели богатый военный опыт (которого у нас не было), изучили тактику врага, в первую очередь его танковых и моторизованных соединений, систем его огня в наступлении и в обороне, научились уничтожать вражеские танки и самолеты. Большим до-

стижением было то, что наши командиры научились на практике организовать бой частей и соединений, твердо командовать и умело управлять войсками в тяжелых условиях боя и операции.

В связи с этим я хочу несколько слов сказать о роли командира, его значении в бою и воспитании войск.

Роль командира очень велика, командир — это организатор боя, операции, он принимает решение, отдает приказы, организует управление войсками, как правило, это делают через штаб.

Командир проводит обучение и воспитание солдат, сержантов, офицеров и генералов. Командир личным примером в строю, вне строя, в бою показывает пример, мужество, храбрость, отвагу и героизм, показывает, как нужно преданно служить Родине, не щадя своей жизни.

Самая сильная сторона нашего командира состоит в том, что он выходец из того же класса, что и солдат, и защищает с ним вместе свои общие интересы, интересы социалистического государства, его государство: одно из больших качеств нашего командира состоит в том, что он крепко, я бы сказал, кровно связан с подчиненными ему людьми, всегда с ними общается и живет с ними одними интересами.

Фактор общения с войсками, учеба у них является очень важным.

Наши советские воины — это граждане социалистической державы, люди, волей и разумом которых творится история. Общение с ними дает новые силы и уверенность в успехе, учит многому и зачастую прямо подсказывает, как именно нужно действовать, как лучше организовать бой, осуществить операцию.

Вместе с тем сами воины воспринимают появление старшего начальника прежде всего как указание на возросшую важность их участка, рубежа, направления для решения всей боевой задачи. Появление командира говорит воинам о том, что их усиление высоко оценено и что их действиям придается особое значение, и что если их призывают к новым подвигам, к новому напряжению сил, то это совершенно необходимо для Родины.

Общаться с войсками, быть в гуще боевых событий важно еще и потому, что никакие донесения, сводки, информации и докла-

ды не могут заменить живого ощущения событий, изучения их пульса. Конечно, все охватить нельзя, командир не вездесущ, но в том и заключается искусство руководства, чтобы определить, где именно надлежало быть, чтобы обеспечить успех. Это зависит от сложившихся обстоятельств и от того, какую именно задачу предстоит решить войскам и командованию. Нужно учесть также и то, что каждый военачальник имеет свой, лишь ему присущий, стиль работы, характер, темперамент, поэтому не подыщешь одинаковых для всех методов и приемов руководства войсками. Это искусство, и в нем не нужен шаблон.

Смоленское сражение явилось одним из самых крупных сражений начального периода Великой Отечественной войны, проходившим в тяжелых условиях для наших войск.

Армии Западного фронта к началу Смоленского сражения не были полностью сосредоточены, и враг, имея большое превосходство в силах и полное господство авиации в воздухе, используя фактор внезапности, в своеобразном приграничном сражении имел успех и после этого быстрое продвижение крупных бронетанковых сил в глубь нашей страны, не позволяя нам создать надлежавшую оборону на рубеже развертывания наших главных сил Западного фронта, который проходил от Себежа через Дрисса, Полоцк, Витебск, Орша, Могилев до Гомеля.

Таким образом, войска Западного фронта вынуждены были одновременно продолжать проводить сосредоточение и развертывание для создания фронта и вести напряженные бои с крупными подвижными силами противника, которые вышли к рубежу развертывания наших войск раньше, чем туда сосредоточились наши армии.

Враг рвался вперед. Чтобы оправдать свой бредовый замысел молниеносного разгрома Красной Армии, он стремился во что бы то ни стало сорвать нам сосредоточение и развертывание войск, предназначенных для создания устойчивого фронта.

В тяжелых условиях обстановки оказались войска Западного фронта и в приграничном и в Смоленском сражении. А все это произошло из-за того, что фашисты внезапно напали на нашу страну, нанесли очень сильный удар по нашим не подготовленным к

бою войскам. Поэтому я хочу еще раз вернуться к главному вопросу начала войны, к вопросу внезапного нападения Гитлера на нашу страну, фактору внезапности я уделил значительное место в своей книге «В начале войны». Здесь хочу сделать некоторые дополнения и уточнения фактов, относящихся к вопросу внезапного нападения противника. Историки много лет будут доискиваться, чтобы установить истинные причины того, что способствовало Гитлеру нанести нам внезапный удар.

Сталин полагал, что война фашистской Германии с Францией и Англией продлится не менее двух лет. Это время Сталин намеревался использовать на подготовку к нападению фашистов.

А, как известно, сроки изменились, гитлеровцы разделились с Францией очень быстро — в 40 дней. Причем вермахт и Германия в целом вышли из этой борьбы не ослабленными, а усиленными, заполучив французский военно-промышленный потенциал. Война приближалась более быстрым темпом, чем ожидали.

Сталину и Генштабу следовало бы вдумчиво проанализировать сложившуюся после разгрома Франции принципиально новую обстановку и определить новые сроки готовности войск и страны к отражению нападения агрессора, хотя бы начального его периода, наметить ближайшие стратегические цели войны.

Руководство не сделало этих корректив. Оно осталось верным старым расчетам и всеми средствами стремилось оттянуть войну, отсюда и нервная, подчас просто истерическая боязнь спровоцировать войну. Я беседовал с бывшим наркомом Военно-Морского флота контр-адмиралом Николаем Герасимовичем Кузнецовым, ныне находящимся в отставке. Он, как близко причастный в свое время к руководству вооруженными силами страны, многое знает о деятельности Сталина, наркома обороны и начальника Генштаба в дни накануне войны. Он рассказал о том, как болезненно реагировал Сталин на многочисленные сигналы наших различных военно-морских инстанций о приближении войны. И все же в самый канун войны, судя по действиям Сталина, он понял сложившуюся обстановку, понял, что мы стоим на пороге войны, что до начала боевых действий осталось десять—двенадцать часов, тогда Сталин предоставил нашему тогдашнему высшему военному ру-

ководству свободу действий. Это был, конечно, малый срок, но и за это время кое-что можно было исправить, и некоторые командующие сделали это.

По словам К.Г. Кузнецова, 21 июня 1941 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовали С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков. На этом коротком заседании стоял один вопрос — информация о подготовке фашистской Германии к нападению на нашу страну. Здесь Сталин дал правильную оценку о мероприятиях гитлеровской верхушки и дал указание Тимошенко и Жукову о том, чтобы они отдали распоряжение в войска о приведении их к боевой готовности и поднятая бдительности. Во время заседания или непосредственно после него Сталин позвонил по телефону ВЧ командующему войсками Московского военного округа генералу армии И.В. Тюленеву и предупредил его о повышении боевой готовности Московского военного округа.

Вот что Иван Владимирович рассказал мне по этому разговору.

«Около 16 часов 21 июня 1941 года ему позвонил Сталин и сказал:

— Товарищ Тюленев, положение тревожное, мы получали данные о вероятности нападения на нашу страну фашистов завтра или послезавтра, поэтому нужно поднять бдительность, немедленно привести в боевую готовность средства ПВО Москвы».

И.В. Тюленев ответил, что 50 % средств ПВО уже сейчас готовы к бою.

— Мало, — сказал Сталин, — нужно повысить готовность.

Сразу же вечером 21 июня командующий Московским военным округом отдал приказ о переходе войск ПВО Москвы в боевую готовность на 100 %.

Как следует из свидетельств Н.Г. Кузнецова, нарком и начальник Генерального штаба по возвращении к себе, после участия на заседании Политбюро и получения предупреждения Сталина, вызвали ряд ответственных работников военного ведомства.

И.Г. Кузнецов прибыл в Генштаб, в частности, в 18 часов 30 минут. В это время С.К. Тимошенко и Г.К. Жуков разрабатывали директиву о приведении в боевую готовность сухопутных войск и военно-воздушных сил западных пограничных военных округов.

С.К. Тимошенко сказал Кузнецову буквально следующее: «Николай Герасимович, поступили достоверные данные о том, что 22—23 июня 1941 г. немецкая армия нападет на нашу страну, поэтому нужно поднять бдительность и повысить боевую готовность Военно-Морских Сил».

На эти указания Н.Г. Кузнецов ответил, что «военно-морские флоты и военные флотилии еще 19 июля 1941 г. переведены на повышенную готовность, а теперь будет отдан приказ всем флотам и флотилиям о немедленном переходе в готовность № 1».

Прежде чем уйти от наркома, адмирал спросил его, можно ли открывать огонь, если появится противник. Тимошенко ответил утвердительно. Из всего этого следует, сказал в заключение Н.Г. Кузнецов, что 21 июня 1941 г. во второй половине дня военным были развязаны руки в смысле открытая огня и приведения войск в полную боевую готовность.

Вернувшись от наркома в свой главный штаб, Н.Г. Кузнецов сразу же отдал приказ о переходе флотов в флотилий в готовность № 1 (что означает на деле полную готовность морских сил к бою). Он, таким образом, правильно и своевременно отреагировал на указания правительства. К 3 часам 22 июня 1941 г. все флоты уже донесли в Главный морской штаб о том, что они перешли в готовность № 1. и не случайно то, что ни один флот не был захвачен ударом врага внезапно, хотя и были к этому попытки.

Так же могло случиться и с сухопутными войсками, и с военно-воздушными силами западных военных округов. Но так в действительности не получилось. Дело в том, что Генштабом не был использован тот метод приведения в боевую готовность войск, которому в нашей армии всегда так много уделяли внимания. Во время боевой подготовки войск ни одна инспекция не проходила без этого мероприятия. Речь идет о боевой тревоге. Вот этой-то боевой тревоги и не было объявлено войскам, а ведь она как раз и предназначалась для обстановки подобно той, которая сложилась в канун нападения врага.

День 21 июня был именно таким днем, когда объявление боевой тревоги стало совершенно необходимым и единственно верным мероприятием.

Готовность № 1 у моряков соответствует тревоге в сухопутных войсках. По боевой тревоге части переходят в полную боевую готовность, танки полностью заправляются горючим и вооружаются полным комплектом боеприпасов, так же поступает артиллерия. Выходят из района казарм и лагерей в назначенные заранее районы в 2—4 км от места дислокации, маскируются и готовятся к бою. Здесь они получают боевую задачу, если эта тревога связана с началом войны или дается отбой тревоги, если она связана с учебной тревогой. Авиация по боевой тревоге переходит на полную боевую готовность — самолеты расчехлены, залиты горючим и снаряжены боеприпасами, летчики в самолетах ждут команды на вылет или команды отбой, если это учебная тревога.

Таким образом, если бы была объявлена боевая тревога сухопутным войскам и авиации, то совершенно по-иному развивались бы события самого первого момента войны. Объявление боевой тревоги и было бы наиболее верным практически исполнением указаний Политбюро о поднятии боеготовности войск.

Некогда великий Суворов утверждал в отношении выигрыша времени. Он говорил, что минута дает выигрыш боя, час — сражения, день — войны. Выигрыш в 10 часов в условиях того времени дал бы нам возможность избежать многих из тех драматических событий, которые произошли в первые часы войны.

Что стоило поднять трубку телефона ВЧ и сказать командующим военных округов: «Поднять войска по боевой тревоге, директиву о дальнейших действиях получите», вот и вся фраза, которая коренным образом изменила бы начало хода войны. Вероятное развитие событий в случае объявления боевой тревоги нашим сухопутным войскам и авиации, например, представляются мне в виде воздушного сражения. Оно стало бы неизбежным, если бы наша авиация по боевой тревоге была приведена в положение «к бою». Ведь авиация противника в большинстве случаев была нацелена на наши аэродромы.

На подходе к ним фашистские стервятники попали бы под удары нашей авиации, которая к этому времени была бы поднята в воздух. Воздушное сражение разразилось бы на широком фронте с участием с обеих сторон, примерно по 2000—3000 самолетов. Это

была бы небывалая воздушная битва, и стоила бы она противнику очень дорого. В действительности же авиация пограничных округов попала под удар врага на аэродромах в зачехленном состоянии. Следует сказать и о первой директиве наркома обороны и начальника Генерального штаба, которая обязывала войска вести бой в случае нападения противника, и, конечно, должна была быть получена минимум за несколько суток до начала войны, а она была получена рядом штабов уже после начала войны. Первый командующий Западным фронтом Н.Г. Павлов, когда я принимал от него Западный фронт, рассказал мне следующее:

«После того, — говорит он, — как противник уже отбомбил ряд аэродромов и городов, примерно в 7—8 часов 22 июня 1941 г. начальник штаба округа доложил мне директиву наркома и начальника Генерального штаба и изложил задачи, которые поставлены войскам этой директивой.

В заключение, — добавил он, — директива запоздала, а возможность выполнения большинства задач уже сорвана сложившейся обстановкой». Ответственность за это Павлов не без оснований возлагал на Генеральный штаб.

Я задал вопрос Павлову: почему не были подняты по боевой тревоге войска округа, как это положено делать в такой обстановке?

— Приоритет объявления боевой тревоги, — сказал он, — принадлежит Генеральному штабу, а я, как командующий округом, имел право поднять по боевой тревоге только одно соединение.

Здесь следует уточнить один вопрос, чтобы не было неясностей.

Когда командир любого ранга принимает решения на действия войск, то начальник штаба немедленно отдает предварительное распоряжение подчиненным войскам, чтобы они знали о предстоящих действиях и готовились к ним, а когда они получали приказ или директиву, то были уже, по существу, готовы к действиям. Выиграл время. В этом главная суть предварительных распоряжений. Так должно было быть. Надо было немедленно приказать военным округам поднять войска по боевой тревоге и ожидать директивы, в которой будут поставлены боевые задачи.

Вот это-то, самое главное, и не было сделано. В последующем, уже в ходе Великой Отечественной войны Генштаб проявил себя, как говорят, настоящим «мозгом» армии. Он умело осуществлял руководство войсками фронтов и всеми вооруженными силами страны, умело планировал оперативно-стратегические операции на театре военных действий и, как правило, все проводимые операции были обеспечены резервами, вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами. Наш Генеральный штаб, безусловно, достоин похвалы за ту большую и напряженную работу, которую он провел в годы Великой Отечественной войны.

В заключении я хотел бы сказать совсем коротко о том, как был освобожден от фашистов город Смоленск и Смоленская область.

После Сталинградской битвы мне довелось командовать Калининским фронтом и принимать непосредственное участие в боях за города района этой области. Памятен для нас был приезд Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Он рассмотрел составленный штабом фронта план Духовщинско-Смоленской операции и утвердил его. В целом Калининскому фронту предстояло решать сложные оперативные задачи. Ведь он располагался на одном из важнейших стратегических направлений — в междуречье Западной Двины и Днепра, вошедшим в историю под названием Смоленских ворот. Это направление являлось ближайшим путем из центра России в Западную Европу, и тот, кто владел рубежом Велиж — Духовщина — Ярцево, тот владел ключом от древнего Смоленска. Этим кратчайшим путем и стремились прорваться к Москве многие наши враги. Этот же путь на Москву избрал и Гитлер в 1941 г., уверенный, что за полтора-два месяца покончит с Советским Союзом. Казалось, здесь сама природа создала ключевую позицию, одинаково важную для тех, кто стремится на восток, и для тех, кто шел на запад. За этим мощным естественным рубежом, занятым противником и запиравшим Смоленские ворота, открывался оперативный простор в двух направлениях на северо-запад к берегам Балтийского моря и строго на запад к Восточной Пруссии.

Перед войсками Калининского фронта была поставлена задача подготовиться и провести Духовщинско-Смоленскую операцию

в тесном взаимодействии с войсками Западного фронта с задачей освободить от фашистских захватчиков город Смоленск и Смоленскую область.

Когда 5 августа 1943 г. Верховный главнокомандующий И.В. Сталин, будучи на Калининском фронте, после моего подробного доклада утвердил план проведения Смоленской операции, он в заключение с улыбкой сказал:

— Ну, товарищ Еременко, теперь дело за вами. Вы отдавали Смоленск врагу, вы и забирайте его.

— Постараюсь выполнить ваше поручение, товарищ Сталин, — коротко ответил я.

Смоленская операция началась в намеченный срок. Наступление войск развивалось медленно (для этого были свои причины). Но постепенно темпы нарастали, и наконец получился рывок. Сначала, 19 сентября, была освобождена Духовщина, а 25 сентября — и город Смоленск.

Героический подвиг совершили войска Калининского и правого крыла Западного фронта. Противник, учитывая оперативно-стратегическое значение Смоленских ворот, держал здесь сильную группировку своих войск, в составе до 40 полнокровных (десяти-тысячных) дивизий. Поскольку эта территория уже около двух лет находилась в руках гитлеровцев, они создали здесь сильную оперативную оборону с беспрецедентной глубиной, достигавшей 100, а на многих участках 130 и более километров.

Оборона состояла из пяти, а на большинстве участков из шести полос. Особенно прочно были оборудованы вторая и главная полосы. На каждый километр фронта здесь приходилось от пяти до восьми бронированных колпаков и ДЗОТов.

При наступлении на Смоленск с северо-востока основным препятствием являлся г. Духовщина с прилегающим районом, превращенным противником в мощный узел сопротивления. О том, насколько большое значение немецкое командование придавало данному участку фронта, можно судить по тому, что в начале нашего наступления в район Духовщины оно перебросило сюда из Орла 18-ю танковую и 25-ю механизированную дивизии, а из-под Невеля — мотобригаду СС. Сюда же были переброшены части 229-й пехотной и некоторых

других дивизий с тех участков советско-германского фронта, которые вражеское командование считало менее важным. Не скупился враг и в отношении оснащения боевой техникой частей и соединений, оборонявшихся здесь: «тигры», «фердинанды», батареи шестиствольных минометов перестали быть редкостью.

Замысел Духовщинско-Смоленской операции состоял в том, чтобы нанести главный удар левым крылом Калининского фронта в направлении Духовщино, Смоленск и освободить от фашистских захватчиков эти города и Смоленскую область. Операция проводилась во взаимодействии с 31-й армией Западного фронта.

Подробно об этой операции мною рассказано в в книге «Годы возмездия» Здесь же скажу о ней коротко.

В результате хорошей подготовки войск к наступлению и к штурму сильно укрепленных оборонительных полос врага Смоленская операция прошла удачно, хотя и медленно развивалась поначалу. Войска фронта последовательно прорывали одну за другой оборонительные полосы и промежуточные рубежи, ломая упорное сопротивление врага, решительно уничтожая обороняющегося и контратакующего противника. Напор наших войск в наступлении был неудержим, и вот наступил кризис у противника, его оборона, казавшаяся ему непреодолимой, прорвана, а в ночь с 18 на 19 сентября войска фронта штурмом овладели важнейшим опорным пунктом гитлеровцев на путях к Смоленску — городом Духовщина, о чем уже сказано выше. Почти одновременно были разгромлены и другие опорные пункты, такие как Рыбшево, Панкратово, Вердяно и другие, которые составляли хребет оборонительной системы, закрывавшей Смоленские ворота.

19 сентября в 20.30 столица нашей Родины Москва салютовала войскам Калининского фронта, прорвавшим оборону немцев на путях к Смоленску и овладевшим городом Духовщина.

В ознаменование одержанной победы отличившимся в боях при освобождении города соединениям и частям присваивались наименования: «Духовщинских» — 91-й стрелковой дивизии, 17-й стрелковой дивизии, 184-й стрелковой дивизии, 46-й механизированной бригаде, 47-й механизированной бригаде, 21-й артиллерийской дивизии, 4-й истребительно-противотанковой артилле-

рийской бригаде, 4-й штурмовой инженерно-саперной бригаде. «Рябшевской» — 306-й стрелковой дивизии, «Вердинской» — 134-й танковой дивизии, «Ломоносовской» — 234-й стрелковой дивизии, «Кулагинской» — 178-й стрелковой дивизии, «Панкратовской» — 185-й стрелковой дивизии.

За эти успехи Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 сентября 1943 года командование фронта и армии было награждено орденами. Мне был вручен орден Кутузова 1-й степени.

После взятия нашими войсками Духовщины войска 43-й армии (командарм генерал К.Д. Голубов, с мая 1944 г. — А.П. Белобородов) повели наступление на Демидов. Под прикрытием сильного артиллерийского огня, стрелковые войска, тесно взаимодействуя с танками, ворвались в город и в итоге упорных боев выбили оттуда противника. Демидов был взят 21 сентября 1943 г.

В ознаменование достигнутых успехов 262-й, 270-й стрелковым дивизиям, 114-й стрелковой бригаде, 105-му танковому полку, 43-му Краснознаменному артиллерийскому полку, 118-му минометному полку и 2-му инженерному батальону было присвоено наименование «Демидовских».

Там временем войска 39-й армии (командарм генерал А.И. Зыгин и сменивший его генерал Н.Э. Берзарин) Калининского фронта развивали наступление на Смоленск и одновременно с войсками 31-й армии (командарм генерал В.А. Глуздовский) Западного фронта в ночь с 24 на 25 сентября ворвались в город.

32-я стрелковая дивизия 39-й армии после боя за город Смоленск к 9.00 25.9.43 г. вышла на северный берег р. Днепр. В дальнейшем 39-я армия повернула на запад.

26 сентября войска фронта, развивая наступление на витебском направлении, овладели районным центром Смоленской области городом Каспля и заняли свыше 200 других населенных пунктов. На следующий день, продолжая наступление, они продвинулись до 20 км и заняли свыше 300 населенных пунктов, в том числе районный центр Смоленской области гор. Красное. 27 сентября было еще освобождено более 120 населенных пунктов и районный центр г. Понизовье.

29 сентября 1943 г. в результате упорных боев войска 5-го гвардейского стрелкового корпуса и отдельной мехгруппы штурмом овладели городом Рудня — сильным опорным пунктом противника на путях к Витебску.

В боях за город особо отличились 17-я гвардейская Духовщинская стрелковая дивизия и 19-я гвардейская стрелковая дивизия. Обе эти дивизии за взятие г. Рудня были награждены орденами Красного Знамени, а 19-й дивизии еще и присвоено почетное наименование «Рудненской». Дивизиями командовали соответственно генерал А.П. Квашнин и Б.С. Маслов. Обе дивизии отличились и в боях на Дальнем Востоке с японцами, куда они были переброшены в составе 39-й армии. К их почетным наименованиям добавлено еще одно — «Хинганские».

Я горжусь тем, что мне довелось быть одним из активных участников исторического Смоленского сражения в июле—августе 1941 г. и тем, что в такой же роли пришлось быть при прорыве глубоко укрепленной полосы обороны противника с крупным опорным пунктом Духовщиной в центре, запиравшей Смоленские ворота, и освобождать от захватчиков город Смоленск и северо-западную территорию Смоленской области.

Смоленск — город солдат, город многовековой славы русского народа. Этот город совершил подвиг, который чтят народы нашей страны и всего прогрессивного человечества. История уже записала на своих скрижалях, что Смоленск — это действительно город-герой. Не только смоляне, но и все люди нашей страны по праву гордятся городом Смоленском, подвиг которого будет жить в веках. Смоляне всегда помнили, что за ними стоят Россия, белокаменная ее столица — Москва.

Так давайте, мои дорогие читатели, вместе повторим:

*О, древний город Московии,
Ты встал на днепровском берегу
На славу матушке-России,
На смерть коварному врагу.*

СОДЕРЖАНИЕ

О КНИГЕ «СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ» И ЕЕ АВТОРЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	18
Глава первая	
КОНТРУДАРЫ 5-ГО И 7-ГО МЕХКОРПУСОВ.....	39
Глава вторая	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 22-Й АРМИИ.....	51
Глава третья	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 20-Й АРМИИ.....	68
Глава четвертая	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 13-Й АРМИИ.....	82
Глава пятая	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 21-Й АРМИИ.....	145
Глава шестая	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 19-Й АРМИИ.....	155
Глава седьмая	
РЕЙД КАВАЛЕРИЙСКОЙ ГРУППЫ ПО ТЫЛАМ ПРОТИВНИКА.....	165
Глава восьмая	
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ СМОЛЕНСКА.....	179
Глава девятая	
ИСПЫТАНИЕ «ЭРЕСОВ» («КАТЮШ»).....	215
Глава десятая	
КОНТРУДАР НА СМОЛЕНСК С РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ.....	228

Глава одиннадцатая ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ 16-Й И 20-Й АРМИЙ И ГРУППЫ ГЕНЕРАЛА И.В. БОЛДИНА	254
Глава двенадцатая ВКЛАД ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ПОБЕДУ НАД ВРАГОМ	263
Глава тринадцатая ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА СМОЛЕНЦИНЕ	276
Глава четырнадцатая КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ, УЧАСТНИКАМИ КОТОРЫХ БЫЛИ СМОЛЯНЕ.....	298
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	313

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Ерёменко Андрей Иванович

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

109004, г. Москва, ул. Николаямская, дом 43, корпус 4.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.06.2012. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 10,5. Тираж 2500 экз. Заказ № 5212.

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.